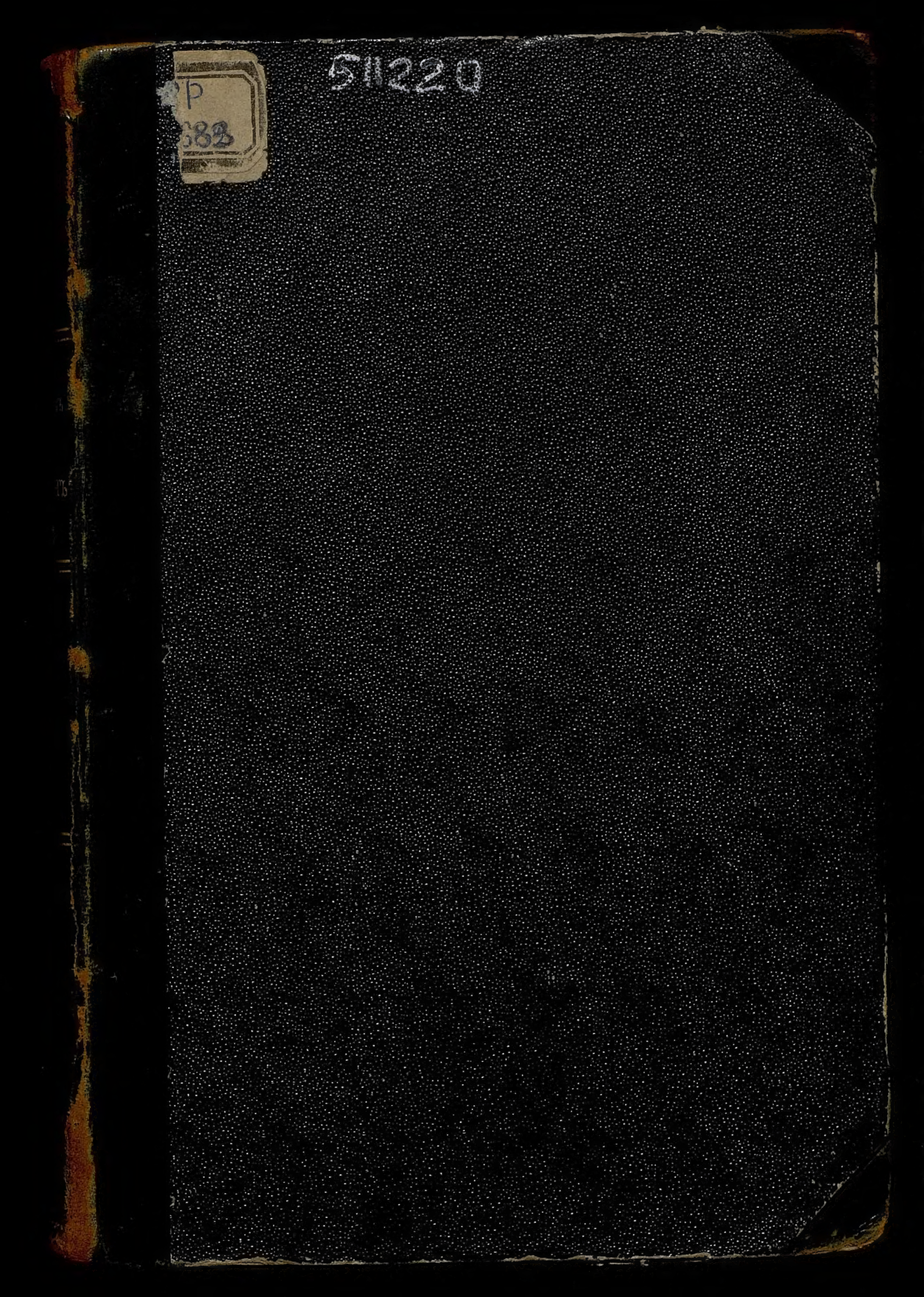
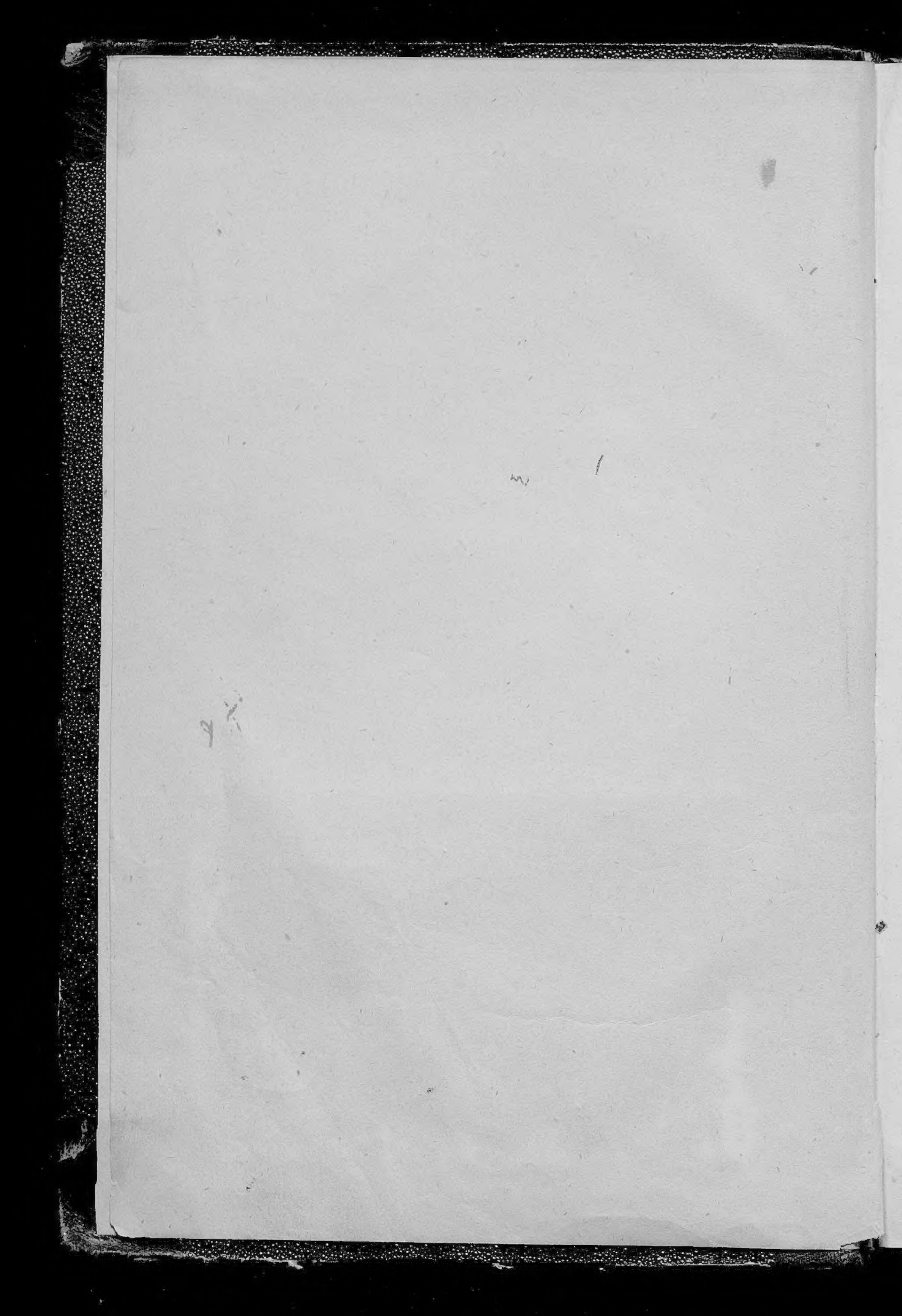
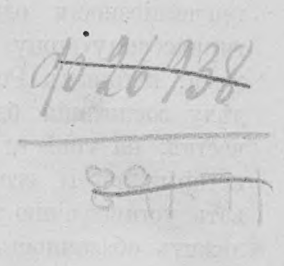

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

По новымъ документамъ.

При составленіи этого очерка первыхъ впечатлѣній и молодыхъ годовъ Пушкина, мы имѣли въ виду дополнить наши «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», опубликованные въ 1855 г., тѣми фактами и соображеніями, которыя тогда не могли войти въ составъ ихъ, а затѣмъ сообщить, по мѣрѣ нашихъ силъ, ключъ къ пониманію характера поэта и нравственныхъ основъ его жизни. Несмотря на все, что́ появилось съ 1855 г. въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ для пополненія біографіи поэта, на множество анекдотовъ о немъ, разсказанныхъ очевидцами и собирателями литературныхъ преданій, на значительное количество писемъ и другихъ документовъ, отъ него исходившихъ или до него касающихся, несмотря даже на попытки монографій, посвященныхъ изображенію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпохъ его развитія, — личность поэта все-таки остается смутной и неопредѣленной, какъ была и до появленія этихъ работъ и коллекцій. Характеристика поэта, какъ человѣка и замѣчательнаго типа своего времени, не только не подвинулась впередъ съ эпохи его неожиданной смерти въ 1837 году, но еще спуталась, благодаря

тенденціозности одних толковъ о немъ и одностороннему панегирическому тону другихъ. Въ виду близкаго открытія памятника, которымъ Россія намѣревается почтить заслуги Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ, на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной физіономіи и тѣмъ способствовать установленію твердыхъ очертаній для будущаго его облика— лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ бы маловажно оно ни было. Исполненію этой обязанности мы и посвятили нашъ очеркъ перваго, Александровскаго періода Пушкинской жизни,—періода, который положилъ основаніе всему дальнѣйшему развитію его идей и направленія. Если намъ удастся одинаково устранить два противуположныхъ воззрѣнія на Пушкина, существующія донынѣ въ большинствѣ нашего общества, изъ которыхъ одно представляетъ его себѣ прототипомъ *демонической* натуры, не признававшей ничего святого на землѣ, кромѣ своихъ личныхъ или авторскихъ интересовъ, а другое, наоборотъ, цѣликомъ переноситъ на него самого всю нѣжность, свѣжесть и задушевность его лирическихъ произведеній, считая человѣка и поэта за одно и то же духовное лицо,—то цѣль очерка будетъ вполнѣ достигнута. Прибавимъ въ заключеніе, что мы положили себѣ правиломъ не повторять въ немъ фактовъ и подробностей, однажды напечатанныхъ, такъ какъ полагаемъ, что русской публикѣ должно быть извѣстно все сообщенное ей объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея соотечественниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, гдѣ мы были приведены ходомъ разсказа къ такому повторенію, мы указываемъ на источники, откуда почерпнули извѣстіе. Такому же воздержанію отъ повтореній мы подчинили себя и при изложеніи литературныхъ мнѣній, явленій и журнальныхъ споровъ той эпохи.

П. А. Анненков П.

I.

Двѣ фамиліи: Ганнибалы и Пушкины.—Легендарная біографія Абрама Ганнибала.—Записки его сына Петра.—Связи, воспитаніе и настроеніе Пушкиныхъ.—Дѣтство поэта.—Проектъ собственныхъ его записокъ о своемъ дѣтствѣ и пребываніи въ лицеѣ.

Не надо быть рьянымъ поклонникомъ ученія о неотразимомъ дѣйствіи физіологическихъ и нравственныхъ свойствъ родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣрить въ возможность фамильной передачи нѣкоторыхъ крупныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли. Нѣкоторое изученіе характера и натуры А. С. Пушкина неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что въ основѣ ихъ лежатъ унаслѣдованныя черты и отличія двухъ родовъ — Ганнибаловыхъ и Пушкиныхъ, только значительно переработанныя и облагороженныя ихъ знаменитымъ потомкомъ. Любопытно поэтому присмотрѣться ближе къ двумъ элементамъ, которые, такъ сказать, вошли въ составъ нравственнаго существованія А. С. Пушкина и частію опредѣлили его.

Нѣтъ никакой надобности для этого повторять здѣсь еще разъ факты и свѣдѣнія о семействѣ будущаго поэта, собранные и опубликованные прежде. Отсылая по этому предмету читателей къ нашимъ «Матеріаламъ» и къ позднѣйшимъ сборникамъ, мы ограничиваемся въ настоящемъ случаѣ только задачей обрисовать нѣсколько полнѣе, чѣмъ было сдѣлано доселѣ, два своеобразныхъ фамильныхъ типа, которые дали жизнь поэту и сообщили ему первый психическій матеріалъ, развившійся потомъ въ замѣчательную личность съ другимъ выраженіемъ и съ новыми, неизмѣримо высшими нравственными стремленіями и задатками: одинъ изъ этихъ типовъ былъ коренной русскій и дворянскій, тотъ самый, который возникъ въ средѣ помѣщиковъ прошлаго столѣтія, еще помнившихъ эпоху Петра I-го (представителями его были Ганнибаловы), а другой—полу-русскій и полу-французскій, который образовался къ концу царствованія Екатерины II-й и хорошими представителями котораго можно считать Пушкиныхъ съ отцомъ поэта, Сергѣемъ Львовичемъ, во главѣ.

Дѣти знаменитаго негра Абрама Петровича, родоначальника фамиліи Ганнибаловыхъ, не отстали, какъ извѣстно, въ чинахъ отъ своего отца: такъ, Иванъ Абрамовичъ, болѣе всѣхъ ихъ дѣльный и отличившійся на службѣ, былъ генералъ-поручикомъ, а

братъ его Петръ носилъ званіе генералъ-аншефа отъ артиллеріи. Совсѣмъ тѣмъ можно полагать, что образованіе ихъ нисколько не превышало уровня общаго домашняго воспитанія, получаемаго тогда всѣми дворянскими недорослями. Они имѣли передъ ними одно только преимущество: отецъ ихъ, прошедшій черезъ руки Петра I-го и побывавшій за-границей, сообщилъ имъ, вѣроятно, ту часть математическихъ познаній, которою самъ обладалъ. Этого одного уже достаточно было для устроенія имъ хорошей карьеры: они жили въ то время, когда, по свидѣтельству записокъ почтеннаго секундъ-майора Данилова, даже простое знаніе русской грамоты, дѣлавшее человѣка способнымъ на занятіе учительскаго мѣста, могло освободить его отъ торговой казни за уголовное преступленіе и перевести съ площади прямо въ школу. Вообще не слѣдуетъ забывать, что многое послѣ Петра I-го творилось у насъ скорѣе черезъ посредство вдохновенія, энтузіазма и рѣшимости, чѣмъ черезъ посредство знанія и опытности. Что-то въ родѣ «благороднаго риска» присутствовало всюду, и, благодаря политическому состоянію Европы, замыслы и планы, подсказываемые этимъ «рискомъ», часто вѣнчались полнымъ успѣхомъ. Если можно было командовать флотомъ и одерживать морскія побѣды, въ родѣ Чесменской, безъ опыта и основательныхъ свѣдѣній въ мореплаваніи, то нѣтъ причины полагать, что строитель Херсона, генералъ-поручикъ Иванъ Ганнибалъ, воспѣтый Пушкинымъ, былъ чудо своего вѣка и отличался солиднымъ образованіемъ и высокимъ государственнымъ умомъ. По крайней мѣрѣ братъ его, упомянутый выше генералъ-аншефъ отъ артиллеріи, Петръ Ганнибалъ, получившій съ нимъ одинакое воспитаніе, оказывается въ сущности очень простымъ, почти безграмотнымъ человѣкомъ, какъ увидимъ ниже изъ собственноручной его записки.

Да и самъ родоначальникъ фамиліи, сдѣлавшійся, благодаря нашему поэту, почти-что историческимъ лицомъ, негръ Абрамъ Ганнибалъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, является совсѣмъ не тѣмъ блестящимъ человѣкомъ, какимъ представилъ его Пушкинъ въ образцовомъ своемъ романѣ «Арапъ Петра Великаго». По этому поэтическому свидѣтельству, арапъ вполнѣ отдался вліянію двора французскаго регента Филиппа Орлеанскаго, къ которому былъ посланъ для окончанія образованія, перенявъ у тогдашней французской аристократіи ея пріемы, внѣшнее достоинство и тонъ самоуваженія въ самой служебной и всякой другой подчиненности. Точныя изслѣдованія академика П. П. Пекарскаго, который въ своемъ капитальномъ трудѣ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» приводитъ письмо Ганнибала изъ Парижа въ Петер-

бургъ, показали, что Абрамъ Петровичъ просто записался во французскую инженерную школу, жилъ въ крайней бѣдности, сдѣлалъ походъ въ Испанію и радъ былъ возвратиться на родину. Это—далеко отъ шумнаго, свѣтскаго и привольнаго существованія военныхъ придворныхъ двора регента, которые поэтому и не могли сообщить ему лоска своей образованности. Конечно, съ типомъ арапа, представленнымъ А. С. Пушкинымъ, весьма мало вяжется слѣдующая черта, имъ же приводимая изъ жизни Абрама Петровича. Укрытый, послѣ самовольнаго бѣгства со службы, близъ Ревеля, арапъ нашъ провелъ десять лѣтъ въ постоянномъ трепетѣ за себя и вздрагивая при всякомъ звукѣ почтоваго колокольчика, напоминавшаго ему роковую курьерскую телѣжку, — что̀ осталось у него на всю жизнь, по замѣчанію того же біографа. Даже сотоварищество его съ незнатной молодежью Франціи не могло измѣнить его абиссинскую мягкую, трусливую, но вмѣстѣ вспыльчивую природу. Она вполнѣ сберегла всѣ свои родовыя особенности, а въ томъ числѣ и наклонность къ невообразимой, необдуманной рѣшимости, къ тому, что́ французы называютъ «un coup de tête». Черта эта замѣчалась потомъ у многихъ ближайшихъ его потомковъ и замѣняла у нихъ настоящее мужество и нравственную выдержку.

Мы сейчасъ упомянули о бѣгствѣ со службы: легенда о жизни негра Абрама Петровича передаетъ это извѣстіе въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ смерти Петра I-го, всесильный Меншиковъ (1727) удалилъ его отъ двора, давъ ему командировку въ Сибирь, которую онъ самовольно покинулъ, но возвращенный съ дороги, три года пробылъ арестантомъ въ гор. Томскѣ. Долгорукіе, которыхъ онъ былъ сторонникомъ, вѣроятно по ненависти къ Меншикову, не спѣшили, однако же, его возстановленіемъ и, какъ кажется, по одной причинѣ со свергнутымъ ими временщикомъ: и они, какъ Меншиковъ, не любили сближать съ Петромъ II-мъ людей, близко знавшихъ его великаго дѣда. Со всѣмъ тѣмъ къ концу своего владычества, Долгорукіе, оставивъ его въ Сибири, назначили майоромъ въ тобольскій гарнизонъ. Ганнибалъ этимъ не удовольствовался, конечно, и прибѣгъ къ обычному своему средству: онъ вторично убѣжалъ со службы, и на этотъ разъ благополучно добравшись до С.-Петербурга (1730) явился прямо къ Миниху. Это уже совпадало со страшной эпохой бироновщины. Пушкинъ замѣчаетъ, что хотя Минихъ былъ и не робкаго десятка человѣкъ, но испугался за своеобычнаго майора. Онъ его скрылъ, какъ сказали, близъ Ревеля, а въ 1733 г. выхлопоталъ ему отставку, въ которой Ганнибалъ и состоялъ до

1740 г., постоянно ожидая преслѣдованій и гибели, какъ замѣтили прежде. Въ этомъ году Минихъ, сдѣлавшись главою государства, въ свою очередь, при правительницѣ, не позабылъ о бѣгломъ майорѣ, которому, вѣроятно, особенно покровительствовалъ за инженерныя познанія, столь имъ цѣнимыя, и принялъ его снова на службу, давъ ему мѣсто подполковника артиллеріи въ ревельскомъ гарнизонѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, знавшей его еще мальчикомъ у отца, судьба Ганнибала достигла высшаго своего апогея, давно желанныхъ почестей и богатства. Не есть ли это карьера простодушнаго, взбалмошнаго, но счастливаго авантюриста? Всѣ эти качества не исключаютъ и замѣчательныхъ способностей къ чистымъ наукамъ, какія должно признать за Абрамомъ Петровичемъ [1]).

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ А. С. Пушкина, есть нѣсколько выписокъ изъ рукописной нѣмецкой біографіи его прадѣда, о которой онъ упоминаетъ въ своихъ замѣткахъ о немъ, разсѣянныхъ по его сочиненіямъ. Самыя замѣтки эти основаны большею частью именно на этихъ выпискахъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ фамильныхъ преданій, но есть между выписками и такія, которыхъ поэтъ не употребилъ въ дѣло, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Какъ ни мало ихъ число, но въ общемъ разсказѣ Пушкина о своемъ предкѣ онѣ заслуживаютъ получить свое мѣсто, какъ и тѣ, которыя имъ уже были приняты и обработаны—достовѣрность ихъ совершенно одинакова. Такимъ образомъ, напримѣръ, Пушкинъ полагаетъ, что имя Ганнибала дано Абраму Петровичу Петромъ I, и тѣмъ противорѣчитъ нѣмецкому біографу, который утверждаетъ, наоборотъ, что сама фамилія абиссинскихъ князьковъ, изъ которой вышелъ Ганнибалъ, возложила на себя это громкое имя въ память карѳагенскаго Аннибала, отъ котораго горделиво вела свое происхожденіе. Трудно теперь объяснить себѣ, почему Пушкинъ предпочелъ первую версію второй. По тому же нѣмецкому свидѣтельству, абиссинскіе князьки составили въ прошломъ столѣтіи союзъ съ цѣлію сопротивленія туркамъ,

---

[1]) Послѣ краткой, но обстоятельной и дѣльной монографіи А. П. Ганнибала, составленной М. Н. Лонгиновымъ и помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 г. № 2-й, всѣ данныя для жизнеописанія знаменитаго арапа, кажется, исчерпаны. М. Н. Лонгиновъ имѣлъ подъ руками и формуляръ Абрама Петровича. Нѣкоторыя догадки и заключенія, вызванныя показаніями этого формуляра, отчасти подтверждаются, отчасти дополняются дальнѣйшимъ нашимъ разсказомъ, но общій характеръ біографіи знаменитаго негра остается, несмотря на эти оффиціальныя данныя, все еще съ оттѣнкомъ легенды и преданія, и признаковъ полной исторической правды врядъ ли когда-либо и получитъ.

были разбиты ими на-голову, и Абрамъ попалъ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, аманатомъ въ Константинополь. Свидѣтельству этому не противорѣчитъ и другой документъ: просьба, поданная самимъ Абрамомъ Петровичемъ въ 1742 г., въ сенатъ, о спабженіи его рода надлежащимъ гербомъ. Она, будучи чисто формальнаго содержанія, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго, кромѣ начала, гдѣ проситель говоритъ о себѣ, не безъ тайной гордости, что родился «во владѣніи отца моего, въ городѣ Лагонѣ, который (sic) и кромѣ того имѣлъ еще подъ собою два города». Онъ прибавляетъ далѣе, словно не желая или стыдясь упоминать о своемъ пребываніи въ константинопольскомъ сералѣ: «выѣхалъ въ Россію при графѣ Савѣ Владиславовичѣ волею своею въ малыхъ лѣтахъ». Кромѣ попытки сберечь честь фамиліи, въ этомъ показаніи есть еще и благонамѣренная служебная ложь, посредствомъ которой истецъ старается обойти непріятныя или щекотливыя воспоминанія для своего начальства, ибо сынъ Абрама Петровича, уже упомянутый Петръ Ганнибалъ, въ другомъ документѣ, который сейчасъ увидимъ, замѣчаетъ просто о своемъ отцѣ: «выкраденъ изъ константинопольскаго двора»,— что́ согласнѣе съ исторіей. Цѣль этого страннаго воровства заключалась, по мнѣнію нѣмецкаго біографа, въ томъ, что великій преобразователь Россіи хотѣлъ показать своимъ русскимъ, что образованность можетъ быть доступна всѣмъ человѣческимъ породамъ и въ новомъ русскомъ государствѣ, имъ устроенномъ, открыть каждому человѣку, безъ различія происхожденій, путь къ отличіямъ. Объясненіе нѣсколько натянутое и фальшиво глубокомысленное, ибо пріобрѣтеніе разными способами арапчиковъ и другихъ иноплеменныхъ экземпляровъ выходило изъ желанія придать новому петербургскому двору видъ пышности, а уже геній Петра I, забывая о первоначальной цѣли такого пріобрѣтенія, принимался за развитіе способностей, какъ только ихъ находилъ въ человѣкѣ и давалъ ему потомъ поприще, соотвѣтственное ихъ силѣ и объему [1]). Кромѣ этихъ подробностей, выпущен-

---

[1]) Замѣчаніе это подтверждается еще и тѣмъ, что множество арапчиковъ было выписываемо и прежде и послѣ Абрама Петровича изъ того же Константинополя, ко двору и частными лицами. Многіе изъ нихъ и назывались Абрамами — именемъ, какъ-будто уже усвоеннымъ этимъ несчастнымъ дѣтямъ. Академикъ Пекарскій упоминаетъ о служителѣ арапѣ Абрамѣ, отданномъ Петромъ I въ обученіе въ шко́лу при Александро-Невскомъ монастырѣ, гдѣ онъ проходилъ букварь. Это было въ 1725 г., когда нашъ Абрамъ Петровичъ уже возвратился въ Россію изъ Франціи и произведенъ въ гвардіи-поручики. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. помѣщено еще извѣстіе о высылкѣ П. А. Толстымъ изъ Константинополя къ вице-канцлеру гр. Головкину трехъ другихъ арапчиковъ въ подарокъ, причемъ одинъ тоже назывался Абрамомъ.

ныхъ Пушкинымъ, много еще и другихъ, касающихся до Ганнибала и сбереженныхъ имъ въ извѣстномъ его собраніи анекдотовъ (Table talks — Росказни за столомъ), не пущены имъ въ дѣло. Всѣ они имѣютъ характеръ семейныхъ преданій. Такъ Пушкинъ разсказываетъ, что Абрамъ Ганнибалъ, состоя при Петрѣ, переписывалъ у него, между прочимъ, то, что́ ночью, въ темнотѣ—приводимъ слова поэта—«вѣчно трудящійся духъ царя чертилъ несвязно на аспидной доскѣ». Онъ самъ училъ его математикѣ и языкамъ [1]). Абрамъ Петровичъ добивался потомъ княжескаго титула и оставилъ свои хлопоты только по совѣту старшаго сына своего Ивана, говорившаго, что для княжескаго титула надо и княжеское имѣніе.

Сводя въ одинъ краткій разсказъ изысканія русскихъ біографовъ, показанія нѣмецкаго біографа и семейныя преданія, какъ они были записаны А. С. Пушкинымъ, судьба Абрама Ганнибала въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго и затѣмъ въ царствованія четырехъ его преемниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Два года (съ 1723) Ганнибалъ прослужилъ въ чинѣ поручика бомбардирской роты л.-гв. преображенскаго полка. куда помѣщенъ былъ, по возвращеніи изъ Франціи, своимъ благодѣтелемъ, а по смерти Петра I-го, завѣщавшаго Абраму Петровичу 2000 дукатовъ и поручившаго его дочери своей—Елисаветѣ, Ганнибалъ былъ опредѣленъ учителемъ математики къ Петру II-му: таково сказаніе нѣмецкаго біографа, принятое и Пушкинымъ. Объ удаленіи арапа изъ Петербурга, о двукратномъ бѣгствѣ его изъ Сибири и о появленіи его у Миниха было уже сказано. Къ послѣдней подробности нѣмецкій біографъ прибавляетъ, что Минихъ скрылъ его на первыхъ порахъ въ перновскомъ гарнизонѣ, давъ ему званіе инженеръ-майора, а какъ никому не приходило въ голову искать его въ Лифляндіи, то пользуясь тишиной, Абрамъ Петровичъ женился (во второй разъ) на нѣмкѣ-лютеранкѣ Христинѣ Матвѣевнѣ Шебергъ, дождался отставки въ 1733 г., купилъ на деньги, сбереженныя отъ петровскаго наслѣдства, имѣніе близъ Ревеля (мызу Корикулла), и тамъ поселился на цѣлыхъ 7 лѣтъ. Къ этимъ даннымъ А. С. Пуш-

[1]) Рѣшаемся привести здѣсь еще анекдотъ изъ «Росказней», касающійся Ганнибала, и убѣждены, что онъ не покажется страннымъ въ печати. Пушкинъ записываетъ: «Однажды маленькій арапъ (въ рукописи зачеркнуто Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I-го въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «Государь, Государь! Изъ меня кишка лѣзетъ». Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: — Врешь; это не кишка, а глиста, — и выдернулъ глисту своими пальцами». Анекдотъ довольно не чистъ, но рисуетъ обычай Петра.

кинъ, на основаніи семейныхъ преданій, прибавляетъ, что эта Христина Матвѣевна обходилась очень нецеремонно со своимъ супругомъ, не хотѣла называть третьяго сына Януарія настоящимъ его именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія, и перекрестила его въ Осипа (это былъ отецъ Надежды Осиповны Ганнибалъ—матери Пушкина), причемъ еще отзывалась о сожителѣ своемъ слѣдующимъ образомъ: «шерне чортъ дѣлаетъ мнѣ шорна репятъ и даетъ имъ шертовскъ имя» («Росказни»). Анекдотъ показываетъ, между прочимъ, и тонъ, господствовавшій въ этомъ семействѣ. Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны звѣзда Ганнибала высоко поднялась на горизонтѣ. Особенно важенъ былъ для него 1742 годъ: онъ произведенъ былъ тогда въ генералъ-майоры, назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ, и впервые при рожденіи сына Петра императрица пожаловала ему 500 душъ въ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, въ Михайловской губѣ, гдѣ расплодившіеся его потомки еще недавно носили въ народѣ собирательное имя «ганнибаловщины». Самъ Абрамъ Петровичъ прикупилъ въ Ингерманландіи, въ 55-ти верстахъ отъ Петербурга, мызу Суйду, впослѣдствіи доставшуюся знаменитому Ивану Абрамовичу, гдѣ и похороненъ. Старикъ умеръ 93 лѣтъ, оставивъ 7 человѣкъ дѣтей и болѣе 1400 душъ имѣнія. Онъ еще засталъ воцареніе Екатерины II. Нужно прибавить, что въ послѣднее время, будучи уже генералъ-аншефомъ и александровскимъ кавалеромъ, Ганнибалъ носилъ званіе «директора каналовъ Петровскаго, Кронштадтскаго и Ладожскаго». Чѣмъ ознаменовалось директорство это, и не было ли оно только почетнымъ титуломъ—неизвѣстно. Вотъ и вся біографія перваго Ганнибала, въ которой миѳическія сказанія далеко еще не отдѣлены отъ историческаго основанія, да врядъ ли и могутъ быть вполнѣ отдѣлены: такъ они срослись другъ съ другомъ.

Изъ дѣтей этого вельможи-арапа, одинъ, именно генералъ-аншефъ отъ артиллеріи, Петръ Ганнибалъ, дожилъ до 1822-го года. Его-то именно и видѣлъ Пушкинъ, когда въ 1817 году пріѣхалъ въ Михайловское съ семействомъ прямо изъ лицея. Забавно, что водка, которой старый арапъ подчивалъ тогда нашего поэта, была собственнаго издѣлія хозяина: оттуда и удовольствіе его при видѣ, какъ молодой родственникъ умѣлъ оцѣнить ее и какъ развязно съ нею справлялся. Генералъ-отъ-артиллеріи, по свидѣтельству слуги его, Михаила Ивановича Калашникова, котораго мы еще знали, занимался на покоѣ перегономъ водокъ и настоекъ и занимался безъ устали, со страстію. Молодой крѣпостной человѣкъ былъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, но кромѣ того имѣлъ

еще и другую должность. Обученный чрезъ посредство какого-то нѣмца искусству разыгрывать русскіе пѣсенные и плясовые мотивы на гусляхъ, онъ погружалъ вечеромъ стараго арапа въ слезы или приводилъ въ азартъ своею музыкой, а днемъ помогалъ ему возводить настойки въ извѣстный градусъ крѣпости, причемъ разъ они сожгли свою дистилляцію, вздумавъ дѣлать въ ней нововведенія, по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой, неудачный опытъ собственной спиной, да и вообще — прибавлялъ почтенный старикъ Михаилъ Ивановичъ — когда бывали сердиты Ганнибалы, всѣ безъ исключенія, то людей у нихъ *выносили на простыняхъ*. Смыслъ этого крѣпостного термина достаточно понятенъ и безъ комментаріевъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что Петръ Абрамовичъ долгое время состоялъ подъ судомъ за растрату какихъ-то артиллерійскихъ снарядовъ и освобожденъ былъ отъ него только вліяніемъ своего брата, Ивана.

Вѣроятно, по просьбѣ своего внучатнаго племянника, А. С. Пушкина, этотъ генералъ-отъ-артиллеріи уступилъ ему листокъ своихъ записокъ, начатыхъ гораздо ранѣе авторомъ — въ чинѣ еще артиллеріи полковника. Этотъ листокъ, сохраненный Пушкинымъ въ своихъ бумагахъ, и служитъ печальнымъ образчикомъ тѣхъ познаній въ русской грамотѣ и той способности къ логическому мышленію вообще, какими обладалъ генералъ-отъ-артиллеріи и родной братъ историческаго лица, Ивана Абрамовича Ганнибала. Вотъ этотъ листокъ, списанный нами, безъ малѣйшаго измѣненія въ слогѣ и орѳографіи: «Отецъ мой служилъ въ россійской службе происходилъ во оной чинами и удостоился Генераломъ аншефскаго чина орденовъ святыи Анны и Александра Невскаго, былъ негеръ, отецъ его былъ знатнаго происхожденія то есть владѣтельнымъ княземъ и взятъ вомонаты отецъ мой константинопольскаго двора изъ онаго выкраденъ и отосланъ къ государю Петру Первому, детей после себя оставилъ Ивана— Генералъ Поручика—Петра артилеріи полковника—Іосифа морской артилеріи втораго ранга капитана—Исаака—морской артилеріи 3 ранга капитана; дочерей Елизавету, которая была за Пушкинымъ вдовою, Анну, коя была за Генералъ Маіоромъ Неѣловымъ, Софья за Роткирхомъ. Братья сестры и зятья волею Божею все вроди и чада помре; остался я одинъ, я и старшій въ роде Ганнибаловъ; теперь начну писать о собственномъ рожденіи, происходящимъ въ чинахъ и приключеніяхъ. Родился я въ 1742 году Іюля 21 число по полуночи въ городе Ревеле гдѣ отецъ мой въ ономъ городе былъ Оберъ-Комендантомъ; воспріемники были за очно вѣчно достойна Императрица Елизаветъ

Петровна достойной памяти съ Петромъ Третьимъ—вто же время пожаловано отцу моему 500 Псковской губерніи». Здѣсь и обрывается, къ сожалѣнію, записка, не исполнивъ обѣщанія повѣствовать о приключеніяхъ.

Что касается до третьяго сына (дѣда Пушкина по матери) Январія или Осипа Ганнибала, то это былъ сорви-голова и ужасъ семьи. Впрочемъ, первыя основы математическаго образованія и ему доставили, разумѣется, при покровительствѣ брата Ивана Абрамовича, званіе «морской артиллеріи капитана второго ранга», но онъ уже, кажется, не признавалъ для себя обязательными никакія гражданскія установленія и порядки. Было уже говорено прежде о томъ, какъ отъ живой жены онъ обвѣнчался съ дѣвушкой, которую обманулъ самымъ наглымъ образомъ, но эта продѣлка обошлась ему весьма дешево: по приказанію императрицы Елисаветы, разведенный съ обѣими своими женами, онъ былъ сосланъ только на жительство въ свое имѣніе, с. Михайловское, гдѣ и могъ предаться вполнѣ обычнымъ сельскимъ наслажденіямъ помѣщиковъ того времени. Первой и законной его женѣ, извѣстной бабкѣ Пушкина, Марьѣ Алексѣевнѣ, выдѣлена была при этомъ часть изъ его другого имѣнія, именно сельцо Кобрино (Петерб. губ.), гдѣ она вмѣстѣ съ дочерью, будущею матерью поэта, и жила сравнительно въ бѣдности, подъ охраненіемъ своего шурина, сосѣда, помѣщика Суйды и опекуна Ивана Абрамовича Ганнибала.

Нужда и горе развили въ Марьѣ Алексѣевнѣ практическій умъ, хозяйственную сноровку и способность понимать предметы въ ихъ отношеніяхъ къ дѣйствительной и вседневной жизни. Простота, ясность и мѣткость ея рѣчи, впослѣдствіи такъ восхищавшія Пушкина и друга его Дельвига, обусловливались отчасти и ограниченнымъ кругомъ понятій, въ которомъ вращалась Марья Алексѣевна и чрезъ который смотрѣла на остальной міръ. Преданіе изображаетъ намъ ее, какъ настоящую домостроительницу, по образцу, существовавшему еще очень недавно. Дѣвичья ея, слышали мы, постоянно была набита дворовыми и крестьянскими малолѣтками, которые, подъ неусыпнымъ ея бдѣніемъ, исполняли разнообразные уроки, всегда хорошо разсчитанные по силамъ и способностямъ каждой дѣвочки и каждаго мальчика. Отсюда восходила она очень просто до управленія взрослыми людьми и до хозяйственныхъ распоряженій по имѣнію, наблюдая точно также, чтобы ни одна сила не пропадала даромъ и т. д. Въ этой сферѣ выростала дочь ея, Надежда Осиповна—балованное дитя, окруженное съ малолѣтства угодливостью, потворствомъ и лестью окру-

жающихъ, что́ сообщило нраву молодой красивой креолки тотъ оттѣнокъ вспыльчивости, упорства и капризнаго властолюбія, который замѣчали въ ней позднѣе и принимали за твердость характера. Женихъ ея—скромный, разсѣянный и застѣнчивый гвардейскій офицеръ, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, умѣлъ плѣнить прежде всего Ивана Абрамовича Ганнибала, который, рѣшаясь выдать за него свою бойкую крестницу, примолвилъ: онъ не очень богатъ, но очень образованъ. Преданія о фамиліи Ганнибаловъ на этомъ и кончаются. Мы покидаемъ ее для того, чтобы заняться ея антиподомъ, полной, совершенной ея противоположностью, именно фамиліей Пушкиныхъ.

Не мудрено, что чесменскій воинъ, герой Наварина и проч. принялъ Сергѣя Львовича Пушкина за очень развитого человѣка. Будущій племянникъ долженъ былъ внушить ему уваженіе, какъ представитель новаго поколѣнія, успѣвшаго развиться на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали еще въ его собственной, патріархальной, полудикой и полуграмотной семьѣ.

Сергѣй Львовичъ и братъ его, столь извѣстный Василій Пушкинъ, получили полное французское воспитаніе, писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы, и сами могли бойко размышлять о серьёзныхъ вещахъ съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдняго прочитаннаго романа или гдѣ-нибудь перехваченнаго сужденія. Никто больше ихъ не ревновалъ и не хлопоталъ о русской образованности, подъ которой они разумѣли много разнообразныхъ предметовъ: сближеніе съ аристократическими кругами нашего общества и поддѣлку подъ ихъ образъ жизни, составленіе важныхъ связей, перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, поддержку литературныхъ знакомствъ и добываніе черезъ ихъ посредство слуховъ и новинокъ для неумолкаемыхъ бесѣдъ, для умноженія шума и говора столицы. Къ числу необходимостей своего положенія причисляли они и ухаживаніе за всякой своей и иностранной знаменитостью и проч. Домъ Сергѣя Львовича въ Москвѣ дѣйствительно посѣщаемъ былъ членами того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина; въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчаются самыя почетныя имена того времени—Жуковскій, А. Тургеневъ, Дмитріевъ и проч., вмѣстѣ съ именами заѣзжихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ. То же было и у другого брата. Разумѣется, внѣшнія формы ихъ жизни при этомъ уже во многомъ разошлись съ старыми, первобытными обычаями дворянскаго существованія. Сергѣй Львовичъ, напримѣръ, тер-

нѣть не могъ деревни, если она не была видоизмѣненіемъ или продолженіемъ городской жизни, и ни разу не посѣтилъ иныхъ наслѣдственныхъ своихъ имѣній, какъ напримѣръ, Болдина (Нижегородской губ.), въ чемъ его упрекали родные и еще упрекаютъ доселѣ біографы; но это отвращеніе отъ сельскаго уединенія помогло отцу нашего поэта, по крайней мѣрѣ, освободиться отъ наклонностей, замашекъ и привычекъ тогдашняго помѣщичьяго быта. Безспорно, это былъ своего рода прогрессъ, но, къ сожалѣнію, по крайней своей ничтожности и ограниченности, онъ мало измѣнялъ всѣ другія нравственныя стороны человѣка и ничего не измѣнялъ въ положеніи людей, зависѣвшихъ отъ нашихъ утонченныхъ землевладѣльцевъ. Когда, гораздо позднѣе, для спасенія Болдина посланъ былъ туда дѣльный управляющій, то онъ просто бѣжалъ изъ имѣнія, при видѣ страшнаго разоренія крестьянъ, въ которое они были погружены безпечностью и *образованными* стремленіями помѣщика. Форма прогресса была не менѣе оригинальна и у Василія Львовича, но здѣсь нѣтъ надобности описывать ее, такъ какъ біографія автора «Опаснаго Сосѣда» до насъ не касается.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что у обоихъ братьевъ не было и времени для своихъ собственныхъ дѣлъ: они занимались только чужими. Люди, страстно искавшіе всю свою жизнь гостиныхъ и эффектныхъ бесѣдъ, переносившіе удачное бомо̀, передъ ними сказанное, изъ дома въ домъ и, съ своей стороны, сами занятые, для потѣхи другихъ, тѣмъ, что̀ французы называютъ дѣланіемъ ума, faire de l'esprit,—такіе люди уже, конечно, не имѣли ни времени, ни возможности устроить свое существованіе на прочныхъ основаніяхъ. Вотъ почему вся ихъ жизнь, проведенная въ бѣготнѣ за высшимъ свѣтомъ и модными формами существованія, въ толкотнѣ между людьми и въ пересудахъ слышаннаго и видѣннаго, оставила ихъ подъ-конецъ матеріально и умственно разбитыми и несостоятельными.

А между тѣмъ, Василій Львовичъ, принятый въ «Арзамасѣ» послѣ шутовской церемоніи, устроенной В. А. Жуковскимъ нарочно для него, какъ замѣчаетъ Ф. Ф. Вигель, считался вліятельнымъ литераторомъ, а послѣ своего «Опаснаго Сосѣда» достигъ даже нѣкотораго рода знаменитости [1]). Онъ заслуживалъ бла-

[1]) Князь Шаховской, противникъ „Арзамаса“, какъ извѣстно, задѣтый въ „Опасномъ Сосѣдѣ“, довольно забавно говорилъ про автора его: „Ну, не несчастіе ли мое? Человѣкъ въ первый разъ, отродясь, сказалъ остроту — и то на мой счетъ“. Впрочемъ, принадлежность „Опаснаго Сосѣда“ исключительно одному Василью Львовичу подвергалась тогда сильному сомнѣнію. Говорили, что поэма исправлена, сообща,

годарности литераторовъ за неослабное свое хлопотаніе около нихъ и около русской литературы вообще, въ теченіи добрыхъ 25-ти лѣтъ. Онъ уже едва двигался отъ подагры въ 1830 г., но, сохраняя свою важную осанку, за которой скрывалось у него такъ много добродушія, легковѣрія и безпечности, продолжалъ толковать о журналахъ, и разъ въ одномъ изъ сильнѣйшихъ пароксизмовъ болѣзни нашелъ минуту сказать окружающимъ: «Какъ скучны статьи Катенина объ испанской литературѣ!» (въ «Литературной Газетѣ», 1830 г.)[1]). Самая смерть его, послѣдовавшая въ тотъ же годъ, имѣла одинаковый характеръ съ его жизнію. Намъ разсказывалъ одинъ изъ близкихъ его знакомыхъ, что разъ, утромъ, больной старикъ поднялся съ постели, добрался до шкаповъ огромной своей библіотеки, гдѣ книги стояли въ три ряда, заслоняя другъ друга, отыскалъ тамъ Беранже, и съ этой ношей перешелъ на диванъ залы. Тутъ принялся онъ перелистывать любимаго своего поэта, вздохнулъ тяжело и умеръ надъ французскимъ пѣсенникомъ. Сергѣй Львовичъ скончался гораздо позднѣе. Закатъ его представлялъ нѣчто въ родѣ правильнаго, логическаго вывода изъ всей предшествовавшей его жизни. Уже въ глубокой старости, овдовѣлый, потерявшій знаменитаго сына и на-половину разоренный, онъ влюбился въ ребенка, дѣвушку лѣтъ 16-ти, сосѣдку свою по Михайловскому (Александру Ивановну Осипову) и предлагалъ ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба всѣ волненія юношеской и безнадежной страсти, начиная съ пламенныхъ посланій на французскомъ языкѣ и робкихъ угожденій предмету поклоненія, до покорныхъ жалобъ на судьбу и горькихъ слезъ отчаянія. Онъ еще мечталъ о бракѣ, второй молодости, медовомъ мѣсяцѣ и проч.

Какъ ни забавно можетъ показаться это чахлое подобіе эпохи Лудовика XV на русской почвѣ, но оно имѣло и свою очень серьёзную сторону. Благодаря праздности, внѣшнему существованію людей и пустому волненію ихъ, оно еще вело неизбѣжно къ разстройству и уничтоженію состоянія. Дѣйствительно, только при относительно громадныхъ средствахъ можно было безпака-

---

кружкомъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ и всегдашній покровитель В. Пушкина В. А. Жуковскій. Ему приписывали и стихъ: „Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ“, направленный противъ кн. Шаховского и такъ много смѣшившій партію анти-шишковскую.

[1]) См. анекдотъ, разсказанный г. Бартеневымъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1853, № 11. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, случившійся при этомъ въ комнатѣ, шепнулъ окружающимъ: „Уйдемъ отсюда, господа, пусть это будетъ послѣднимъ его словомъ“.

занно тѣшиться жизнію на манеръ философствующихъ маркизовъ и дюковъ прошлаго вѣка. Тамъ же, напротивъ, гдѣ крѣпостничья неразсчетливость въ соединеніи съ невообразимымъ отвращеніемъ къ какому-либо занятію, одни могли бы потрясти даже солидное состояніе — тамъ поддѣлка подъ развязную эпоху Лудовика XV-го сопровождалась довольно печальными и вмѣстѣ комическими послѣдствіями. Извѣстно, что Сергѣй Львовичъ, изъ желанія развязать себѣ руки вполнѣ, передалъ все управленіе домомъ супругѣ своей, Надеждѣ Осиповнѣ, которая не менѣе его обожала свѣтъ и веселое общество, а въ управленіе домомъ внесла только свою вспыльчивость, да рѣзкіе, частые переходы отъ гнѣва и кропотливой взыскательности къ полному равнодушію и апатіи относительно всего происходящаго вокругъ. Это уже лежало въ самой ея природѣ. Вотъ почему нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ истинѣ нижеслѣдующихъ строкъ, которыми одинъ весьма умный наблюдатель описываетъ намъ домъ Пушкиныхъ, когда они, въ 1814 году, переѣхали окончательно на жительство въ Петербургъ изъ Москвы: «Домъ ихъ, говоритъ онъ, всегда былъ на-изнанку; въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословной неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана». Вотъ съ чѣмъ могла уживаться претензія на образованность, и это еще при весьма достаточныхъ средствахъ: Пушкины владѣли тогда всѣми своими наслѣдственными и очень не маловажными имѣніями. Надо прибавить, что они никогда уже и не выходили изъ положенія, описаннаго выше. Впрочемъ, и то слѣдуетъ сказать: одинъ ли ихъ домъ представлялъ тогда хаотическое смѣшеніе крайностей и совмѣстное существованіе признаковъ развитія съ крупными чертами доморощенныхъ нравовъ, одинъ ли ихъ внутренній бытъ отличался помѣсью европеизма и терпимости къ нелѣпому деревенскому обычаю?.. Вспомнимъ одно любопытное свидѣтельство по этому предмету, кажется, разъ уже и указанное въ нашей литературѣ. Извѣстный германскій патріотъ и писатель Е. М. Арнтъ, сопровождавшій барона Штейна въ его поѣздкѣ въ Петербургъ (1812), разсказываетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ времени поучительный анекдотъ изъ сношеній прусскаго реформатора съ петербургской знатью. Баронъ Штейнъ очень любилъ одну весьма умную и благородную женщину изъ нашего высшаго круга (графиню О., урожденную

Стр. [1]), которая, съ своей стороны, дорожила каждымъ словомъ знаменитаго министра. Разговорившись однажды о лихоимствѣ тогдашнихъ нашихъ провіантскихъ чиновниковъ, которые даже умѣли сдѣлаться помѣхой русскому оружію и повредить русской политикѣ вообще, баронъ Штейнъ привелъ почти въ слезы свою слушательницу, указавъ съ укоромъ на собственный ея домъ, наполненный воспитанниками и воспитанницами, въ числѣ которыхъ были и калмыченки: «Какого нравственнаго чувства,—замѣтилъ строгій баронъ,—хотите вы отъ собственныхъ дѣтей, когда они живутъ въ обществѣ лицъ съ разнородными привычками, различныхъ сословій, различныхъ половъ и возрастовъ до юношескаго включительно? Гдѣ тутъ можетъ развиться и сохраниться въ надлежащей чистотѣ чувство порядка, обязанностей, долга?» (Выдержка изъ «Meine Wanderungen mit den Freiherr-Stein», Е. М. Арнта, въ приложеніяхъ къ «Allgemeine Zeitung», № 204, 1858 г.).

Возвратимся, однакоже, назадъ къ прерванному біографическому разсказу.

Черезъ годъ послѣ брака съ Надеждой Осиповной, Сергѣй Львовичъ, по заведенному тогда порядку, сталъ помышлять объ отставкѣ и переѣздкѣ въ Москву. Тотчасъ послѣ рожденія дочери Ольги (1798), онъ привелъ къ исполненіе свой планъ: покинулъ семеновскій полкъ и уѣхалъ въ Москву на покой. Здѣсь первымъ дѣломъ семейства было обзавестись подмосковной, какъ необходимымъ условіемъ порядочной столичной жизни. Бабушка поэта, Марья Алексѣевна, промѣняла свое Кобрино, близъ Петербурга, на село Захарово, близъ Москвы, которое тоже, въ свою очередь, было продано, когда Пушкины задумали переселиться снова въ Петербургъ. Вплоть до нашествія французовъ они жили попеременно, то въ Москвѣ, то въ новой деревнѣ и въ теченіе этого именно времени успѣлъ развернуться и обнаружиться характеръ второго ихъ ребенка, сына Александра, рожденнаго въ 1799 г., который такъ мало былъ похожъ на все, чего они могли ожидать отъ своего семейства, что весьма скоро сдѣлался для нихъ загадкой. Изъ соединенія двухъ разнородныхъ фамилій и двухъ противоположныхъ нравственныхъ типовъ возникла натура до того своеобычная, независимая, уступчивая и энергичная въ одно время, что она сперва изумила, а потомъ и ужаснула, какъ увидимъ ниже, своихъ родителей.

[1]) Мужъ графини В. В. Ор., прожившій потомъ много лѣтъ за-границей, имѣетъ въ нашей литературѣ нѣкоторую извѣстность, какъ переводчикъ басенъ Крылова и другихъ русскихъ произведеній на французскій языкъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, кажется, нѣтъ надобности распространяться о томъ, что при воспитаніи подобной натуры и подобнаго характера не только не было употреблено въ дѣло какого-либо опредѣленнаго правила или обдуманной системы, но даже и простого здраваго смысла. Подробности о дѣтскихъ годахъ Александра Пушкина, приведенныя въ нашихъ «Матеріалахъ» 1855 г. со словъ его родныхъ, очень любопытны; но онѣ ничего не говорятъ о началахъ и основаніяхъ, принятыхъ въ семействѣ относительно воспитанія новаго его поколѣнія, и не говорятъ потому, что ихъ, кажется, вовсе и не было. Да откуда и было имъ взяться при постороннихъ и внѣшнихъ интересахъ, поглощавшихъ все вниманіе какъ отца, такъ и матери этого семейства, при гувернерахъ и гувернаткахъ съ различными взглядами и характерами, при вліяніи каждаго, кто захотѣлъ, на дѣтей, растерянныхъ въ этомъ множествѣ руководителей. Въ программѣ автобіографическихъ записокъ, къ сожалѣнію, несостоявшихся или уничтоженныхъ поэтомъ, встрѣчаются лаконическія слова его: «Первыя непріятности—гувернантки. Мои непріятныя воспоминанія.—Кат. П. и Ан. Ив.—Нестерпимое состояніе». Для того, чтобы въ позднѣйшіе годы жизни такъ настойчиво отмѣчать непріятности первыхъ лѣтъ, даже три раза повторять почти одну и ту же мысль и фразу, надо было глубоко испытать въ свое время горечь и оскорбленіе окружающей среды. Біографическій смыслъ этихъ замѣтокъ для насъ теперь потерянъ, да мы и не старались отыскать ключа къ нему. Нѣсколько маловажныхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, фактовъ домашней или учебной жизни, которые онъ могъ бы открыть, не очень нужны намъ для того, чтобы отчетливо представить себѣ теперь обстоятельства, сопровождавшія дѣтство поэта.

Часто случается, что всѣ врожденныя, темныя и свѣтлыя силы характера долго спятъ въ душѣ ребенка и не показываются на свѣтъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не пробудитъ къ жизни какое-либо обстоятельство. Нѣтъ никакой причины полагать, что такое рѣшающее событіе всегда должно быть очень серьёзнаго, потрясающаго свойства; напротивъ, въ большей части случаевъ, оно, по маловажности своей, проскользаетъ едва замѣченное тѣми, которые были его свидѣтелями. Случается такъ, что роль такихъ пробуждающихъ толчковъ играетъ для ребенка легкая, испытанная имъ, напраслина, пустая, но незаслуженная обида, наконецъ, патетическій разсказъ, неожиданно попавшійся ему въ руки и сильно поразившій его воображеніе и т. д. Чѣмъ-то въ родѣ подобнаго толчка ознаменовались и дѣтскіе годы А. Пушкина.

Искрой, внезапно оживившей его природу и раскрывшей разнородные нравственные элементы, таившіеся въ ней, была тутъ, какъ намъ кажется, библіотека С. Л. Пушкина. Молодой Пушкинъ росъ до 9-ти лѣтъ тяжелымъ, флегматическимъ, неповоротливымъ мальчикомъ (какая разница съ энергіей, подвижностью и неутомимостью позднѣйшихъ его годовъ!). Первое искусственное и нездоровое возбужденіе ума и страстей должно отнести на счетъ, такъ-называемыхъ, публичныхъ jeux d'esprit, которыя были въ большомъ ходу у его воспитателей, да и вообще считались тогда хорошимъ педагогическимъ пріемомъ, а второе слѣдуетъ возложить на распорядки почтеннаго Сергѣя Львовича, позволявшаго дѣтямъ присутствовать при пріемѣ гостей и быть постоянными слушателями всѣхъ разговоровъ своего кабинета, только подъ условіемъ молчанія и невмѣшательства въ бесѣду. Молодой Пушкинъ бросился со страстью къ французской фамильной библіотекѣ дома. Библіотека могла быть также и средствомъ для него уйти отъ семейныхъ огорченій, да она же еще и соотвѣтствовала тогда его лѣнивой физической природѣ, требовавшей покоя. Мальчика предоставили вполнѣ его страсти, какъ и слѣдовало ожидать отъ семейства съ сильнымъ «литературнымъ» оттѣнкомъ, и, разумѣется, не замѣтили коренного перелома, который неожиданно совершился, благодаря этому обстоятельству, въ физической и нравственной природѣ его.

Можно догадываться о составѣ библіотеки какъ по характеру Сергѣя Львовича, такъ и вообще по характеру библіотекъ того времени. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что книгохранилище Пушкиныхъ состояло изъ французскихъ эротическихъ писателей XVIII-го вѣка, изъ философскихъ трактатовъ сенсуальной школы, изъ Вольтера, Руссо, Гельвеція и самыхъ крайнихъ ихъ толкователей. Зная это, мы можемъ уже опредѣлить и самую сущность перелома, совершившагося въ молодомъ Пушкинѣ. Прежде всего оказалось, что постоянное умственное, мозговое раздраженіе ускорило обновленіе и измѣненіе его организма, уже подготовленное годами. Затѣмъ, параллельно съ неустаннымъ чтеніемъ развился настоящій отроческій его нравъ, тотъ самый, который нѣсколько позднѣе видѣли лицейскіе товарищи и учителя молодого человѣка, оставившіе и свои замѣтки о немъ [1]). Библіотека отца оплодотворила зародыши раннихъ и пламенныхъ страстей, существовавшіе въ крови и въ природѣ молодого человѣка, раздвинула его понятія

[1]) Поразительные ихъ отзывы о моральной сторонѣ его воспитанія и преждевременномъ развитіи его ума и всѣхъ способностей увидимъ ниже.

и представленія далеко за границу возраста, который онъ переживалъ, снабдила его тайными цѣлями и воззрѣніями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ и, наконецъ, — что всего важнѣе—мало-по-малу воспитало великое самоуваженіе, не допускающее власти надъ собой и не признающее ея законности ни въ какомъ видѣ, ни подъ какимъ предлогомъ. Какъ тогда отнеслись къ этимъ новымъ проявленіямъ его личности домашніе, наемные и ненаемные его пѣстуны, что́ происходило между нимъ и воспитателями его—мы, конечно, не знаемъ. Можно полагать, однако же, безъ особеннаго риска, что они были ниже предстоявшей имъ задачи успокоенія, объясненія и направленія этихъ первыхъ порывовъ освобождающейся мысли. Надо сказать, что все броженіе страстей не исключало у молодого Пушкина нѣкотораго рода застѣнчивости и даже робости при людяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе старые друзья этого дома. Извѣстно, что застѣнчивость и робость часто бываютъ примѣтами высокаго понятія человѣка о самомъ себѣ. Въ первыхъ столкновеніяхъ съ возникающимъ характеромъ и нарождающимся образомъ мыслей, гувернеры и гувернантки, конечно, не могли играть очень благотворной роли для такого сложнаго характера, какимъ уже являлся молодой Пушкинъ. Они свели всю свою задачу на то, чтобы добиться отъ него наружнаго повиновенія, и встрѣтили совсѣмъ неожиданное сопротивленіе, которое устояло и передъ попытками побороть волю мальчика развитіемъ такъ-называемой начальнической строгости. Всѣ настойчивыя или вспыльчивыя требованія самихъ родителей приводили къ одному и тому же результату, — яростному отпору. Молодое сердце, оскорбляемое ими и уже способное къ враждѣ и ненависти, начинало не скрывать своихъ чувствъ. Такъ какъ ближайшая причина этого непонятнаго явленія оставалась все-таки неизвѣстной воспитателямъ, то объясненіе его одной жестокостію чувства и врожденнымъ упорствомъ ребенка само собой напрашивалось на умъ. Отъ этого уже недалеко было придти подъ конецъ къ заключенію о несчастной, извращенной природѣ мальчика, и послѣ сожалѣнія и негодованія достичь наконецъ отвращенія и ужаса. Такъ оно, если не ошибаемся, въ самомъ дѣлѣ и случилось.

Ограничиваемся этимъ краткимъ очеркомъ семейныхъ дѣлъ Пушкина, который мы и предприняли только для того, чтобы дать читателю правдивое понятіе о первоначальномъ воспитаніи поэта. Послѣ всего въ немъ сказаннаго уже становится понятнымъ единогласное свидѣтельство знавшихъ дѣла семьи, что когда, въ 1811 году, пришло время молодому Пушкину ѣхать въ

Петербургъ для поступленія въ лицей, онъ покинулъ отеческій кровъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, если исключимъ дружескую горесть по сестрѣ, которую онъ всегда любилъ. Это подтверждаетъ и другъ поэта—И. И. Пущинъ. Будущій лицеистъ нашъ ничего не оставлялъ дома, и домъ, провожая его въ другую столицу, ничего не ожидалъ отъ него. Любопытно, что разрывъ съ семействомъ у Пушкина продолжался до 1815 года, когда успѣхи его въ литературныхъ упражненіяхъ понудили тщеславнаго родителя его сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

Заканчиваемъ эту главу сообщеніемъ дополненія къ программѣ Пушкина для будущихъ, несостоявшихся записокъ о годахъ своего дѣтства и пребыванія въ лицеѣ. Програма безъ этого дополненія была уже напечатана въ нашихъ «Матеріалахъ» для біографіи А. С. П. (1855 г.). Если бы програма была осуществлена поэтомъ, то, конечно, мы имѣли бы въ литературѣ поучительную картину нравовъ эпохи и изображеніе главныхъ ея личностей, послѣ которой трудъ разъясненія дѣла значительно былъ бы облегченъ для біографа. Вотъ это дополненіе:

1811.

«Философскія мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ Пилецкаго».

1812. 1813. 1814.

«Государыня въ Сар. Селѣ. — Графъ Кочубей. — Смерть Малиновскаго. — Безначаліе».

1815.

«Извѣстіе о взятіи Парижа. — Пріѣздъ матери. — Пріѣздъ отца. — Стихи etc. — Отношеніе къ товарищамъ. — Мое тщеславіе».

Мы скоро будемъ говорить о философскихъ мысляхъ въ лицеѣ и объ исторіи иллюмината Пилецкаго, а теперь сдѣлаемъ поясненіе одного мѣста въ прежде напечатанной «программѣ», оставшагося неразъясненнымъ, какъ и многія другія ея мѣста. Въ немъ Пушкинъ отмѣчаетъ слѣдующее: «Юсуповъ садъ, землетрясеніе. Няня...» О землетрясеніи въ Москвѣ было уже говорено прежде, а Юсуповъ садъ связывается съ анекдотомъ изъ жизни Пушкина, когда онъ былъ еще годовымъ ребенкомъ. Няня его встрѣтилась на прогулкѣ съ государемъ Павломъ Петровичемъ и не успѣла снять шапочку или картузъ съ дитяти. Государь подошелъ къ нянѣ, разбранилъ за нерасторопность и самъ снялъ картузъ съ ребенка, что̀ и заставило говорить Пушкина впослѣдствіи, что сношенія его со дворомъ начались еще при императорѣ Павлѣ.

II.

Лицей.

Воспитатели. — Характеръ преподаванія и воспитанія. — Что такое была свобода въ лицеѣ? — Литература въ его стѣнахъ. — Выпускъ лицеистовъ.

Старому царскосельскому лицею посчастливилось у насъ особенно какъ въ публикѣ, такъ и въ литературѣ. Благодаря помѣщенію лицея въ загородномъ дворцѣ государя, разобщенію съ столицей, которое поставлено было ему даже въ законъ, а также и слухамъ объ исключительныхъ заботахъ правительства, посвященныхъ ему,—въ обществѣ нашемъ возникло весьма высокое понятіе о новомъ учебномъ заведеніи, а первый выпускъ его воспитанниковъ, представившій образцы получаемаго тамъ свѣтскаго и литературнаго образованія, еще укрѣпилъ вѣру въ его значеніи. О литературѣ и публицистикѣ нашей и говорить нечего. Съ самаго возникновенія училища и до послѣдняго времени, они относились къ нему болѣе чѣмъ сочувственно и почти такъ, какъ можно относиться къ событію первой важности для дѣла русскаго образованія. Торжество открытія лицея въ присутствіи всего двора и знаменитѣйшихъ сановниковъ государства описывалось нѣсколько разъ, также точно, какъ и торжество перваго выпуска лицеистовъ, и описывалось съ искреннимъ увлеченіемъ и великой подробностію. Мало того, порядки лицея, а также и жизнь первыхъ учениковъ въ стѣнахъ его удостоились весьма обширнаго, даже кропотливаго описанія въ любопытныхъ статьяхъ В. П. Гаевскаго и въ спеціальномъ сборникѣ «Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея на 1856—57 г.». Вмѣстѣ съ замѣтками бывшихъ его воспитанниковъ — М. А. Корфа, Ив. Ив. Пущина и др., труды эти представляютъ намъ полную исторію привилегированнаго заведенія, исторію, которой только могутъ позавидовать всѣ другія наши школы, менѣе осчастливленныя вниманіемъ своихъ соотечественниковъ. Понятно, что мы не будемъ повторять факты и подробности этой хорошо всѣмъ знакомой исторіи, а только прибавимъ къ ней нѣсколько соображеній, которыя, можетъ статься, помогутъ уяснить нѣкоторыя наиболѣе существенныя черты ея.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ лицеемъ, при основаніи его, связывались надежды создать образцовое заведеніе, которое съ

одной стороны могло бы стоять вровень съ наполеоновскимъ *Lycée* и англійскими *College* той эпохи, а съ другой — дать образецъ дѣятельности чисто русской, національной педагогіи. На это весьма ясно намекаетъ самый уставъ заведенія. Чѣмъ другимъ, какъ не надеждой достиженія подобной цѣли объясняется и мысль подчинить лицей прямому, непосредственному наблюденію министра народнаго просвѣщенія, который получалъ вмѣстѣ съ донесеніями объ общемъ ходѣ образованія въ Россіи подробныя свѣдѣнія о способностяхъ, характерѣ и степени прилежанія каждаго изъ учениковъ лицея. Министръ, графъ А. К. Разумовскій, на первыхъ порахъ былъ, по отношенію къ лицею, въ одно и то же время министромъ, инспекторомъ классовъ заведенія и губернеромъ его: онъ клалъ резолюціи также точно по важнымъ вопросамъ преподаванія, возникавшимъ въ училищѣ, какъ и по шалостямъ и проступкамъ населявшей его молодежи. Группа учителей, выбранная въ руководители ея — Н. А. Кошанскій, А. П. Куницынъ, Л. И. Карцовъ, И. К. Кайдановъ, потомъ А. И. Галичъ и др. — тоже свидѣтельствуетъ объ усиліяхъ снабдить заведеніе лучшими представителями русской науки того времени, изъ сферы которой взятъ былъ и формальный директоръ его, извѣстный А. Ѳ. Малиновскій. Трое изъ вышеупомянутыхъ лицъ были лучшими воспитанниками стараго педагогическаго института [1]), преобразованнаго, какъ извѣстно, въ с.-петербургскій университетъ въ 1819 году, и конечно, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что всѣ эти лица должны были считаться передовыми людьми эпохи на учебномъ поприщѣ. Ни за ними, ни около нихъ мы не видимъ, въ 1811 году, ни одного русскаго имени, которое бы имѣло болѣе правъ на званіе образцоваго преподавателя, чѣмъ эти, тогда еще молодыя имена. Такимъ образомъ, все было, повидимому, предусмотрѣно и намѣчено какъ въ уставѣ, такъ и въ приложеніи устава и осуществленіи его для того, чтобъ дать лицею значеніе соперника лучшихъ учебныхъ заведеній Европы. Уже въ отчетѣ за первый годъ существованія лицея, конференція его гордилась способами обученія, ею усвоенными, «гдѣ каждая истина, говорила она, математическаго, историческаго или нравственнаго содержанія, предлагалась воспитанникамъ такъ, чтобъ возбудить самодѣятельность ихъ ума и жажду дальнѣйшаго познанія, а все пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха».

---

[1]) Проф. Куницынъ, Кайдановъ и Карцовъ были посланы отъ него за границу, для окончательнаго своего образованія.

(Отчетъ конференціи за 1811—12 годъ, у Гаевскаго, въ «Современникѣ» 1853 года). Позволительно, однакоже, думать, на основаніи вѣрныхъ свидѣтельствъ, что конференція въ этомъ случаѣ болѣе изображала собственный идеалъ преподаванія, чѣмъ дѣйствительность. Такъ какъ жизнь вообще никогда не даетъ болѣе того, что въ ней заранѣе подготовлено, и во всѣ самыя пышныя формы помѣщаетъ только то, чѣмъ въ данную минуту можетъ располагать, то и здѣсь жизнь эта повела лицей совсѣмъ не по мысли основателей и не по идеаламъ ихъ, а сообразно своей сущности, по собственному своему образу и подобію. Она-то и обманула всѣ преждевременныя надежды создать примѣрное педагогическое заведеніе въ 1811 году на русской почвѣ.

Было бы излишне говорить здѣсь о личномъ характерѣ этихъ профессоровъ и системахъ преподаванія, усвоенныхъ ими: источники, приведенные выше, говорятъ объ этомъ достаточно и сообщенія ихъ по этому предмету, конечно, нисколько не страдаютъ льстивостію, привлекательностію и эффектомъ своихъ красокъ. Особенно М. А. Корфъ, весьма компетентный судья дѣла, очень строго относится къ ходу образованія, существовавшаго въ лицеѣ. Здѣсь достаточно будетъ вспомнить, что, по крайней мѣрѣ, о трехъ изъ поименованныхъ выше педагоговъ біографу совсѣмъ и не приходится говорить, если онъ имѣетъ въ виду ихъ способы преподаванія. Секретарь конференціи и профессоръ Кошанскій, читавшій древніе языки и словесность русскую, еще поправлялъ сначала упражненія воспитанниковъ въ слогѣ и бесѣдовалъ съ ними о великихъ образцахъ древности съ любовію и увлекательностію, пріобрѣтшими ему вниманіе и расположеніе слушателей, но не выдержалъ до конца: со второго курса онъ покинулъ преподаваніе, заболѣвъ, какъ мы слышали, болѣзнью, отысканною Гоголемъ у всѣхъ умныхъ русскихъ людей вообще. Математикъ Карцовъ, тоже принявшійся сначала очень горячо за дѣло, вскорѣ остылъ къ нему, и такъ какъ онъ былъ отъ природы юмористомъ и весьма остроумнымъ человѣкомъ, то и проводилъ классное время не въ чтеніи математическихъ лекцій, къ которымъ никакого сочувствія въ лицеѣ не оказывалось, а въ разсказахъ и выслушиваніи лицейскихъ анекдотовъ, которые онъ подправлялъ своими замѣчаніями. Добродушный и слабый Галичъ, замѣстившій Кошанскаго въ преподаваніи, пошелъ еще далѣе относительно угожденія вкусамъ своихъ учениковъ, которые совпадали и съ его собственными. Онъ, какъ извѣстно, допускалъ устройство тайныхъ студенческихъ пирушекъ въ той самой комнатѣ, которая ему отводилась въ зданіи лицея на слу-

чай его пріѣзда къ своей каѳедрѣ философіи. Выше всѣхъ ихъ стоялъ, конечно, профессоръ логики и нравственныхъ наукъ А. И. Куницынъ, какъ по достоинству своихъ убѣжденій, такъ и по прямотѣ характера, чуждавшагося служебныхъ исканій и искавшаго жизненной опоры въ самомъ себѣ. Великолѣпныя поэтическія обращенія Пушкина къ нему и благодарное воспоминаніе всѣхъ другихъ его лицейскихъ слушателей достались профессору за то, что при самомъ началѣ курса онъ сообщалъ первыя основанія психологіи собравшимся тогда вокругъ него дѣтямъ, чрезвычайно объективно и образно, посредствомъ разсказовъ, примѣровъ, сближеній и т. д., что̀ всегда подкупаетъ молодые умы и надолго въ нихъ остается. Позднѣе, когда во второмъ курсѣ профессоръ перешелъ къ логикѣ и философіи права, онъ уже просто требовалъ буквальной выучки своихъ тетрадей, даже безъ всякаго измѣненія словъ, вѣроятно, не надѣясь на самодѣятельность мысли у своихъ слушателей или освобождая себя отъ труда способствовать ея развитію. Его упрекали вообще въ наклонности къ лѣнивому, апатическому существованію. По свидѣтельству М. А. Корфа, бесѣды учителя французской словесности, извѣстнаго *де-Будри*, гораздо болѣе способствовали къ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, которыхъ онъ постоянно старался пріучать къ отчетливому представленію и изложенію того, что̀ они слышали, видѣли, или что̀ возникло въ ихъ головѣ. Мы должны прибавить, однакоже, къ этому отзыву, что Будри, родной братъ Марата, повидимому, не всегда выбиралъ для умственнаго развитія лицеистовъ и для бесѣдъ съ ними предметы, соотвѣтствующіе характеру заведенія. Это оказывается, между прочимъ, изъ анекдота, записаннаго Пушкинымъ и сохранившагося въ его бумагахъ, который здѣсь и приводимъ: «Будри, профессоръ французской словесности при царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II-я перемѣнила ему фамилію, по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу *де*, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. *Онъ очень уважалъ память своего брата* и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ имъ какъ ни въ чемъ не бывало: C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et *fit de cette fille un second Ravaillac*. Впрочемъ, Будри, несмотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминающую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный....» Добавимъ отъ себя, что Будри, перекрещенный на Руси, кромѣ того, еще и въ Давыда Ивановича, уже имѣлъ предшественни-

ковъ въ нашемъ отечествѣ, какъ, напримѣръ, воспитателя графовъ С-ыхъ, извѣстнаго Ромма, впослѣдствіи члена конвента, гильотированнаго термидоріанами и проч.

Конечно, при всѣхъ педагогическихъ странностяхъ, перечисляемыхъ нами теперь, нѣкоторое формальное знаніе предметовъ по утвержденной программѣ все-таки требовалось отъ учениковъ; но оно, во-первыхъ, скоро достигалось, а во-вторыхъ, въ случаѣ его недостатка, ловко маскировалось подставными вопросами и отвѣтами, выбранными съ общаго согласія учителей и учениковъ: послѣдніе, успокоенные съ этой стороны, уже свободно употребляли классы лицея для всевозможныхъ произвольныхъ занятій и бесѣдъ, нисколько не касавшихся той или другой науки. Говоря о педагогическихъ странностяхъ, нельзя опустить примѣра, доказывающаго, что и сама администрація лицея способствовала не мало къ ихъ расположенію. Такъ, профессоръ Гауеншильдъ, основатель лицейскаго пансіона и человѣкъ весьма нелюбимый въ училищѣ за нравъ свой, получилъ разрѣшеніе читать свой предметъ, нѣмецкую словесность, *по-французски.* Это было сдѣлано для того, чтобъ ознакомить съ литературой Германіи тѣхъ, которые презирали нѣмецкій языкъ и не хотѣли изучать его, причемъ пожертвованы были всѣ тѣ, которые серьёзно думали заниматься имъ, какъ справедливо замѣчаетъ М. А. Корфъ. Пропускаемъ много другихъ педагогическихъ странностей въ томъ же родѣ, обязанныхъ своимъ существованіемъ вліянію жизни и среды, изъ которыхъ лицей почерпалъ своихъ сотрудниковъ. Основы воспитанія не были еще выработаны тогда ни у кого.

Если въ такомъ видѣ представляется намъ образовательная сторона лицея, то и другая, тѣсно связанная съ ней, воспитательная сторона его, повторила въ иной сферѣ тѣ же самыя явленія. Послѣ смерти перваго своего директора (1814) М. Ѳ. Малиновскаго, лицей безъ малаго два года состоялъ подъ управленіемъ членовъ своей конференціи—профессоровъ, которые поочередно вступали въ директорство, мѣшали другъ другу и безпрестанно ссорились между собой, такъ что къ концу этого срока, для возстановленія порядка въ заведеніи, разстроенномъ его попечителями, оказалось нужнымъ помѣстить въ званіе сперва инспектора классовъ, а потомъ и директора, военнаго человѣка изъ школы графа Аракчеева, отставного подполковника С. С. Фролова; но и этотъ воспитатель, энергически и очень своеобразно принявшійся за исправленіе школы, скоро былъ уволенъ, оставивъ по себѣ только массу шутовскихъ воспоминаній. Весь этотъ періодъ времени, вплоть до назначенія наконецъ постоян-

нымъ директоромъ лицея уважаемаго Е. А. Энгельгардта (начало 1816 года), Пушкинъ обозначаетъ въ приведенной нами программѣ своихъ записокъ эпитетомъ: время анархіи. Другіе воспитанники лицея называли ту же эпоху своего многодиректорства: междуцарствіемъ. Легко себѣ представить, какъ искусно пользовались лицеисты всей этой путаницей, гдѣ, при отсутствіи общей системы воспитанія, каждый очередной директоръ-профессоръ вносилъ съ собой новыя требованія, мало обращая вниманія на исполненіе прежде состоявшихся: отсюда главной заботой молодого населенія лицея дѣлалось уже само собой достиженіе наибольшаго простора для собственныхъ своихъ вкусовъ и наклонностей. Хорошимъ доказательствомъ того, что они успѣли пріобрѣсть въ это время права, нигдѣ не признаваемыя за учащимся поколѣніемъ, можетъ служить одно лицейское событіе, носящее въ программѣ Пушкинскихъ записокъ заглавіе: «Мы прогоняемъ Пилецкаго». Инспекторъ классовъ, Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ, сектаторъ и мистикъ, попавшій, подъ конецъ своей жизни, въ монастырь за принадлежность къ обществу накатчицы и пророчицы Татариновой, вызвалъ поголовное возстаніе лицеистовъ, по словамъ однихъ, своей религіозной навязчивостію, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и іезуитскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиной снисхожденія много жестокости и коварства (баронъ М. А. Корфъ). Другіе изъ тогдашнихъ преслѣдователей Пилецкаго, которыхъ намъ удалось слышать, представляютъ характеристику его и все дѣло отчасти въ другомъ свѣтѣ. Они указываютъ именно на возмущенное *аристократическое* чувство лицеистовъ, какъ на первую, хотя и не единственную причину ихъ самовольной расправы съ инспекторомъ. Пилецкій вздумалъ давать ласковыя, но нѣсколько фамильярныя прозванія родственницамъ, сестрицамъ и кузинамъ, посѣщавшимъ въ лицеѣ воспитанниковъ. Это обстоятельство показалось щекотливому чувству послѣднихъ окончательно превышающимъ мѣру всякаго терпѣнія, и безъ того уже сильно потрясеннаго взыскательнымъ, принижающимъ, ироническимъ обращеніемъ съ ними воспитателя. Они собрались въ конференцъ-залѣ, вызвали къ себѣ инспектора и предложили ему дилемму: или удалиться изъ лицея, или видѣть, какъ они потребуютъ собственнаго своего увольненія. Угроза, конечно, была не очень серьёзнаго свойства, но Пилецкій отвѣчалъ хладнокровно: «оставайтесь въ лицеѣ, господа!» — и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Царскаго Села навсегда (покойный Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ). На чьей бы сторонѣ ни была тутъ истина, достовѣрно одно, что вы-

боръ подобнаго инспектора противорѣчилъ основной мысли, изъ которой возникло само заведеніе. Впрочемъ, близость лицея къ анархіи можно усмотрѣть съ самыхъ раннихъ поръ его существованія, даже при Малиновскомъ. Чѣмъ иначе объяснить себѣ, напримѣръ, разнохарактерность, царствовавшую въ нѣдрахъ ближайшихъ помощниковъ директора, надзирателей или гувернеровъ, гдѣ рядомъ съ почтеннымъ С. Г. Чириковымъ, состарѣвшимся въ своей должности, что́, между прочимъ, могло произойти только при механическомъ ея исполненіи, существовалъ болѣе года гувернеръ А. Н. Иконниковъ, портретъ котораго оставилъ намъ Пушкинъ и который, вслѣдствіе привычекъ неумѣренной жизни, походилъ на сумасшедшаго. Позднѣе еще было хуже: при директорѣ Фроловѣ въ число дядекъ-служителей успѣлъ пробраться даже уголовный преступникъ, имѣвшій на душѣ, кажется, четыре или пять убійствъ.

Многое во внутренней жизни училища было исправлено, когда на важный постъ директора вступилъ Е. А. Энгельгардтъ, при которомъ аристократическому чувству воспитанниковъ уже не предстояло никакихъ испытаній. Наоборотъ, новый директоръ считалъ лучшей школой для молодежи общительность и свѣтскость, развитыя сношенія съ избранными кругами городского общества. Е. А. Энгельгардтъ былъ очень любимъ въ лицеѣ: онъ постоянно занимался сбереженіемъ такъ-называемой *чести* заведенія, горячо сопротивлялся нововведеніямъ, которыя могли бы извратить особенный, исключительный его характеръ питомника *хорошо-рожденныхъ* дѣтей и проч. Для всего этого, конечно, онъ уже принужденъ былъ скрывать и терпѣть многіе существенные его недостатки, начинавшіе открываться отчасти и глазамъ постороннихъ людей. Оберегательство такого рода всегда и неизбѣжно соединено съ потворствомъ тому, что́ укоренилось въ правахъ и чему слѣдовало бы противодѣйствовать. Впрочемъ, на 5-ый годъ существованія лицея и за одинъ годъ съ небольшимъ до выпуска перваго курса, о новой системѣ уже нечего было и думать: школьное воспитаніе лицеистовъ почти-что кончилось.

Результаты этого воспитанія всего болѣе сказались въ усвоенныхъ ими идеяхъ о личной свободѣ и независимости, а потомъ въ сильно развитомъ чувствѣ своего достоинства. Все это далеко, однако же, не походило на то, что́ лучшія педагогическія теоріи Европы совѣтовали воспитывать въ молодыхъ умахъ. Ни одна изъ первоклассныхъ *«коллегій»* Англіи, гдѣ воспитаніе признаетъ относительную свободу учениковъ важнымъ элементомъ для образованія ихъ характера и укрѣпленія воли, не согласилась бы

предоставить имъ такую степень и такой видъ независимости, какими пользовались лицеисты въ чертѣ родного своего города — Царскаго Села. Чтó они въ своихъ мундирахъ съ золотыми и серебряными, смотря по курсу, нашивками на воротничкахъ, были привычными посѣтителями всѣхъ гуляній, парадовъ и вечеринокъ, объ этомъ говорить, конечно, не стóитъ; но существовали и привилегіи другого рода для нихъ: въ послѣднемъ курсѣ и даже ранѣе они также точно посѣщали кутежи и пирушки гусарскихъ офицеровъ, да не хуже ихъ умѣли сплетать сѣти волокитствъ за горничными и нянюшками царскосельскихъ жительницъ, за актрисами домашняго театра, устроеннаго графомъ Варѳ. Вас. Толстымъ, и прибавимъ, на основаніяхъ довольно патріархальныхъ, такъ какъ артисты его нисколько не были избавлены отъ поощреній и наказаній отеческаго характера. «Наташа», которой посвящено одно или два лицейскихъ стихотворенія Пушкина, принадлежала къ первому разряду героинь лицейскихъ, къ нянюшкамъ; пьесы «Къ актрисѣ» — «Ты не наслѣдница Клеронъ», обращены къ представительницѣ второго—бѣдной крѣпостной артисткѣ. Встрѣчи на зимнихъ катаньяхъ съ горъ, а лѣтомъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ царскосельскаго сада, куда воспитанники часто пробирались, устраивались съ надлежащей тайной и великой заботливостью, чтó, какъ извѣстно, хорошо развиваетъ чувственность вообще. Кромѣ того, въ средѣ лицеистовъ по временамъ обнаруживалась и долго жила настоящая любовь: многимъ изъ нихъ были уже совершенно извѣстны всѣ муки любви, обращенной къ далекому, недосягаемому предмету и всѣ обычныя спутницы такой любви—ревность, грусть, нѣмыя страданія и безпричинные восторги,—словомъ, они переживали еще въ стѣнахъ своего заведенія полную исторію молодыхъ проснувшихся страстей. Отсюда тотъ горячій и эротическій характеръ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, который, вѣроятно, еще укрѣпилъ въ директорѣ Энгельгардтѣ то невыгодное мнѣніе о характерѣ и природѣ поэта, которое приведено г. Гаевскимъ въ его статьѣ [1]); но вос-

---

[1]) Энгельгардтъ замѣчалъ, что умъ Пушкина, не имѣя ни проницательности, ни глубины,—совершенно-поверхностный, французскій умъ. Далѣе онъ прибавляетъ: „Это еще самое лучшее, чтò можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто (!!); въ немъ нѣтъ ни *любви*, ни *религіи*; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувства униженны въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“ („Современникъ“ 1863 г., № VIII-й, стр. 376). Послѣдняя часть замѣтки имѣетъ основаніе, но общій приговоръ, ею выражаемый, принадлежитъ къ числу тѣхъ странныхъ рѣшеній, которыя во всѣ времена слышались

питатель сильно ошибался, заподозривая благородство самой души Пушкина и полагая сердце его пустымъ и извращеннымъ съ рожденія. Пушкинъ доказывалъ противное еще въ самомъ лицеѣ, не говоря уже о послѣдующей жизни. Легко было бы распознать свѣтлую, изящную сторону его натуры даже и по чистымъ, платоническимъ элегіямъ его, тогда же написаннымъ имъ подъ вліяніемъ одной лицейской любви. Они ходили по рукамъ и могли

отъ оффиціальныхъ педагоговъ относительно замѣчательныхъ дѣтей, и которыя потомъ удивляли потомство своею неосновательностію. Въ извиненіе замѣтки можно сказать, что не лучшаго мнѣнія о Пушкинѣ были и нѣкоторые его товарищи. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, имя котораго очень высоко стоитъ въ Россіи и не безъизвѣстно Европѣ, М. А. К., выражался очень строго о своемъ лицейскомъ собратѣ: „Какъ въ школѣ, писалъ онъ въ 1852 г. — всякій имѣетъ свой собрикетъ, то мы его прозвали *французомъ*, и хотя это было, конечно, болѣе вслѣдствіе особеннаго знанія имъ французскаго языка; однако, если вспомнить тогдашнюю, въ самую эпоху нашествія французовъ, ненависть ко всему, носившему ихъ имя, то ясно, что это прозваніе не заключало въ себѣ ничего лестнаго. Вспыльчивый до бѣшенства, съ необузданными, африканскими, какъ его происхожденіе (по матери), страстями; вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, избалованный отъ дѣтства похвалою и льстецами, которые есть въ каждомъ кругу — Пушкинъ, ни на школьной скамейкѣ, ни послѣ въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего привлекательнаго въ своемъ обращеніи... Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ, нравственныхъ чувствъ; онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ высшемъ цинизмѣ по этимъ предметамъ... и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова, онъ иногда *говорилъ* даже болѣе и хуже, нежели *думалъ* и *чувствовалъ*..." Иначе смотритъ на Пушкина другой товарищъ его, короче съ нимъ сблизившійся И. И. П.: для него Пушкинъ доброе, даже нѣжное и по преимуществу любящее существо, но требовавшее, чтобы качества его души были отыскиваемы посторонними. Много пояснилъ И. И. П. относительно нерасположенія товарищей къ Пушкину, и въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ объ этомъ обстоятельствѣ мы слѣдуемъ преимущественно его указаніямъ. Вотъ еще какую замѣтку проронилъ онъ, рисуя портретъ своего дѣтскаго друга: „Всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все что читалъ— помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ, и раньше, и легче находятъ случай выучиться... Все научное онъ считалъ ни во-что, и какъ будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ и проч. Въ этомъ даже участвовало его самолюбіе — бывали столкновенія очень неловкія. Какъ послѣ этого понять сочетаніе разныхъ внутреннихъ нашихъ двигателей! Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ, не по лѣтамъ, въ думы и чтеніе — и тутъ же онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли..." (Записки И. И. Пущина. „Атеней" 1859, № 8-й). Понятно, что примиреніе этихъ противорѣчій, а также и разнорѣчивыхъ показаній свидѣтелей можетъ произойти только тогда, когда будетъ найденъ литературой и воссозданъ художнически полный типъ нашего поэта, въ которомъ примирятся и улягутся, психически объясненныя, всѣ черты и данныя, повидимому, исключающія теперь другъ друга.

бы заставить хорошаго воспитателя задуматься о многосодержательномъ, измѣнчивомъ и впечатлительномъ характерѣ своего воспитанника, а также, можетъ быть, и приспособиться къ нему. Но до обдуманныхъ нравственныхъ и педагогическихъ мѣръ лицейское начальство было далеко.

При Энгельгардтѣ, какъ и при всѣхъ другихъ, жизнь школы текла по пробитому руслу, какъ умѣла и могла. Множество анекдотовъ уже разсказано историками лицея о времени послѣдняго пребыванія Пушкина и его товарищей въ школѣ. Къ суммѣ ихъ можно еще присоединить анекдотъ о знатной дамѣ, встрѣченной лицеистами въ переходахъ дворца, принятой ими за горничную и испытавшей всю невыгоду такого *qui pro quo*, что́, какъ говорятъ, ускорило даже выпускъ ихъ изъ лицея; анекдотъ о встрѣчѣ Пушкинымъ въ домѣ барона Веліо, старшая дочь котораго была общей любимицей молодежи, государя Александра Павловича, о путешествіи ихъ къ баболовскому дворцу, памятникомъ котораго осталась неизданная надпись Пушкина и проч. Кстати сказать, что стихотвореніе «къ Кагульскому памятнику» Пушкина (Воспоминаньемъ упоенный), отнесенное изданіемъ его сочиненій 1855 г., а за нимъ и послѣдующимъ къ 1821 году, написано ранѣе (30-го мая 1819 г.) и содержитъ тоже намекъ на одну изъ любовныхъ шашней, которыми былъ такъ богатъ первоначальный лицей.

Совсѣмъ тѣмъ можно было бы смотрѣть на всѣ разсказанныя здѣсь подробности, какъ на мелочи, не имѣвшія въ сущности значительнаго вліянія на общій ходъ воспитанія, если бы мы видѣли въ стѣнахъ заведенія что-либо похожее на нравственное *противовѣсіе* свободѣ и независимости, имъ допущенной. Но именно этого и не было.

Замѣчательно, что одновременно съ лицеемъ процвѣтало въ столицѣ другое учебное заведеніе, институтъ іезуитовъ, которое гордилось обладаніемъ строгой, неизмѣнной и глубоко-обдуманной системы образованія и управленія; но система эта была такова, что закрытіе института въ 1815 г. и окончательная высылка іезуитовъ изъ Россіи въ 1820 году должны считаться лучшими мѣрами администраціи того времени. Институтъ составлялъ, по духу, обычаямъ и направленію, совершенную противоположность съ лицеемъ, хотя также назначался для дѣтей высшаго сословія въ государствѣ и былъ ими наполненъ. Сколько лицей оставлялъ простора молодымъ людямъ для ранней критики всѣхъ школьныхъ установленій и для неисполненія ихъ, столько іезуитскій коллегіумъ требовалъ подчиненности распорядкамъ заведенія и пріучалъ

дѣтей къ уваженію авторитетовъ, надъ ними поставленныхъ. Въ коллегіумѣ, напримѣръ, допускались еще тѣлесныя наказанія, къ которымъ патеры его прибѣгали съ крайней разборчивостію, но и съ твердостію, не оставлявшей ни малѣйшаго сомнѣнія въ умахъ дѣтей о неизбѣжности возмездія за каждую попытку къ излишней самостоятельности. Система аудиторовъ и внутренняго шпіонства каждаго за каждымъ была тоже отлично устроена. Преподаваніе имѣло преимущественно въ виду изученіе математики и классическихъ языковъ; оно шло исключительно на французскомъ діалектѣ. Православной катехизаціи и особенно русской словесности оставлены были только самыя тѣсныя, совершенно неизбѣжныя границы, такъ что о литературныхъ упражненіяхъ или раннихъ авторскихъ попыткахъ на отечественномъ языкѣ, отличавшихъ лицей отъ всѣхъ другихъ школъ, здѣсь не было и помина. Затѣмъ и институтъ предоставлялъ своимъ воспитанникамъ извѣстную долю свободы, но его свобода разнилась съ лицейскою тѣмъ, что увеличивала отвѣтственность лица, ею пользующагося. Каждый изъ питомцевъ, также какъ и всякій лицеистъ, имѣлъ свою отдѣльную комнату, но у іезуитовъ входная дверь комнаты снабжена была небольшимъ отверстіемъ для наблюдательнаго глаза брата-гувернера. Эти комнаты, составляя спальни учениковъ, предназначались и для уединенныхъ ихъ занятій. Одинъ изъ старыхъ учениковъ института, слова котораго мы здѣсь повторяемъ [1]), разсказывалъ намъ, что каждая подобная уединенная комната, со всѣмъ ея просторомъ и свободой, была страшнѣе общей рекреаціонной залы: въ отверстіе двери поминутно свѣтился испытующій глазъ наблюдателя и часто приводилъ въ трепетъ даже самаго скромнаго и прилежнаго ея обитателя своей неожиданностію. Это походило какъ-бы на всегдашнее, невидимое присутствіе обличителя и бѣды. Тотъ же свидѣтель сообщилъ намъ и слѣдующій анекдотъ. Разъ случилось одному воспитаннику очень мѣтко, по русскому обычаю, передразнить какого-то стараго патера, чтó, разумѣется, извѣстными каналами, всегда существующими въ іезуитскихъ обществахъ, дошло тотчасъ же до слуха самого предмета насмѣшки. Оскорбленный патеръ, выбравъ вечернее время, потребовалъ виновнаго въ капеллу и, одѣтый въ бѣлый стихарь, принялъ его тамъ на ступеняхъ алтаря, при двухъ свѣчахъ, молча... Покуда молодой преступникъ въ торжественной тишинѣ и полумракѣ капеллы приближался къ мѣсту увѣщанія, онъ уже былъ подавленъ стыдомъ и раскаяніемъ. Пораженному обстанов-

[1]) Покойный графъ Н. И. Ш—ъ, самъ воспитывавшійся въ коллегіи.

кой сцены, ему самому показалось, что въ лицѣ патера онъ оскорбилъ святыню и самое божество. Такъ умѣли разсчитывать директоры института на силу дѣтскихъ впечатлѣній, имѣя въ виду еще болѣе свое будущее вліяніе, чѣмъ настоящее [1]). Понятно, что упраздненіе такого института было совершенной необходимостью. Гораздо позднѣе явились у насъ опять, повидимому, очень цѣльныя, строгія и до мельчайшихъ подробностей обдуманныя системы воспитанія (кадетскіе корпуса). Въ основаніи устава этихъ училищъ тоже лежало требованіе порядка и подчиненности, но уже они были до такой степени бѣдны внутреннимъ содержаніемъ, что безплодіе ихъ (а безплодіе училища есть и осужденіе его) открылось всѣмъ глазамъ и потребовало коренныхъ учебныхъ реформъ. Все это въ порядкѣ вещей. Чѣмъ проще, грубѣе, а стало быть и доступнѣе большинству идея, которая положена въ основу воспитанія, тѣмъ она легче осуществляется. Русская педагогія шла развязно и самоувѣренно, когда съ помощію карательныхъ мѣръ, роскошно прилагаемыхъ, добивалась порядка и дисциплины; но оказывалась всякій разъ безпомощной и несостоятельной, когда задавалась какими-либо нѣсколько сложными, нравственными требованіями, и уже никуда не годилась, когда поднимала трудные вопросы, въ родѣ вопроса о соединеніи школьной подчиненности и понятія о долгѣ съ развитіемъ самодѣятельности и прямого характера въ ученикахъ. Первоначальный лицей можетъ служить поучительнымъ примѣромъ такой педагогической несостоятельности.

Отъ полной нравственной пустоты лицей спасался, однакоже, своимъ литературнымъ направленіемъ, о которомъ уже упомянули. Литературное направленіе лицея было плодомъ случая или порока въ системѣ, предоставившихъ дѣло образованія самимъ молодымъ людямъ, въ немъ собраннымъ. Мы не говоримъ, чтобы все слышимое лицеистами отъ профессоровъ пропадало втунѣ для всѣхъ ихъ, чтобы не было между ними умовъ, прилежно занятыхъ усвоеніемъ научной программы, существовавшей въ лицеѣ: мы только представляемъ общую картину лицея, оставляя въ сторонѣ исключенія, даже блестящія, которыя тамъ несомнѣнно примѣшивались, какъ и вездѣ, къ основному правилу. А основнымъ правиломъ было самообразованіе почти на всей волѣ учащихся. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ педагоговъ

---

[1]) Извѣстно также, что православныя дѣти исполняли и обязанности „служекъ"— garçons du choeur—при католическихъ обѣдняхъ въ коллегіумѣ, что предрасполагало ихъ къ обрядамъ и уставамъ чужой церкви.

выражали мнѣніе, что подобное самодѣльное образованіе толпы учениковъ и есть единственное условіе ихъ нравственнаго развитія, а всякое вліяніе со стороны есть не болѣе какъ помѣха ему и школьная тираннія; но по крайней мѣрѣ эти педагоги все-таки имѣли въ виду, что у каждаго такого свободно развивающагося мальчика существуетъ уже основной нравственный капиталъ въ народной культурѣ, въ опредѣленныхъ воззрѣніяхъ того сословія, къ которому онъ принадлежитъ [1]). Здѣсь и этого не было. Они принуждены были пріискивать сами отвѣты на каждый вопросъ, возникавшій въ ихъ умѣ, и вотъ почему кинулись на библіотеку лицея, помѣщавшуюся въ аркѣ царскосельскаго дворца. Она сдѣлалась для его воспитанниковъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго каждый почерпалъ свои вдохновенія и мимолетныя созерцанія, смѣнявшіяся одни другими. Пушкинъ и въ лицеѣ сохранилъ страсть къ чтенію: мы уже знаемъ, что товарищи признавали за нимъ нѣкоторое преимущество; онъ и тогда думалъ и говорилъ о такихъ предметахъ, какіе имъ и въ голову не приходили; онъ часто разсказывалъ имъ содержаніе своихъ чтеній и не затруднялся при этомъ передавать имъ цѣлыя исторіи и романы, по большей части имъ вычитанные, которые онъ очень добродушно выдавалъ за плоды собственной фантазіи. Важнѣе этихъ разсказовъ были, однакоже, тѣ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ религіи, нравственности и жизни, до которыхъ лицеисты доходили сообща, съ помощью своего безпорядочнаго чтенія и своего самороднаго философствованія кружками или артелями. Въ программѣ записокъ Пушкина, приведенной нами, стоятъ слова: «философскія мысли», а въ другомъ мѣстѣ — (Матеріалы для біографіи А. С. П. 1855) мы привели даже и проектъ его философской повѣсти: «Фатама или разумъ человѣческій», но сущности господствовавшихъ между лицеистами ученій и созерцаній мы все-таки хорошенько не знаемъ [2]). Мы можемъ только догадываться объ этомъ по тому обстоятельству, что въ лицеѣ существовали на школьныхъ скамейкахъ французскіе сенсуалисты, нѣмецкіе мистики, деисты, атеисты и проч. Достовѣрно также, что вся эта работа молодой мысли на собственный, такъ сказать, коштъ не укрѣпила ни одной головы и не составила никому твердаго жизненнаго основанія; все это было забыто и сброшено съ себя вмѣстѣ съ мундиромъ. Пріобрѣтеніе положительныхъ зна-

---

[1]) Эту мысль особенно выражалъ графъ Л. Н. Толстой, котораго, несмотря на его увлеченія и неудачи, нельзя не причислить къ замѣчательнымъ русскимъ педагогамъ.

[2]) Воспитанникъ лицея А. Илличевскій извѣщалъ одного пріятеля своего тогда же, что „Пушкинъ пишетъ комедію—философъ“ (Р. Арх. 1864, № 10).

пій и даже просто формальное, школьное ученіе, каково бы оно ни было, тѣмъ и важны, что они обладаютъ свойствомъ поддерживать слабыя натуры и давать имъ содержаніе, возвышающее ихъ надъ уровнемъ собственныхъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Бѣдныя натуры лицея и покинули его бѣдными. Что касается до сильныхъ и щедро одаренныхъ личностей, которыхъ тамъ, кромѣ Пушкина, было тоже очень много, отсутствіе правильнаго учебнаго курса и науки вообще показало имъ необходимость начать свое воспитаніе тотчасъ по окончаніи его въ школѣ съизнова. По крайней мѣрѣ, относительно Пушкина этотъ фактъ не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Добрая часть всей послѣдующей его жизни занята была преимущественно передѣлкой и дополненіемъ лицейскаго образованія, и біографія поэта, которая не укажетъ ходъ и моменты этого второго продолжительнаго обученія, всегда останется трудомъ неполнымъ и слабымъ, какіе бы любопытные анекдоты и подробности ни заключала въ себѣ.

Нельзя также пропустить безъ вниманія еще одного нравственнаго агента, который случайно достался на долю лицея и игралъ въ немъ значительную роль. Мы говоримъ объ отечественной войнѣ 1812 года и послѣдующихъ заграничныхъ кампаніяхъ нашихъ. Народное чувство, волновавшее тогда Россію, сообщилось и всему населенію только-что возникшаго училища, отъ мала до велика. Войска, проходившія черезъ Царское Село, должны были слышать воинственные клики лицеистовъ, привѣтствовавшихъ ихъ изъ-за рѣшетки своего сада. Вплоть до 1815 г. библіотека лицея полна была воспитанниками, узнававшими изъ газетъ и реляцій судьбы и подвиги русскихъ армій. Все вычитанное тамъ составляло потомъ предметъ долгихъ толковъ, соображеній и гаданій молодежи, какъ между собой, такъ и съ профессорами. Добрая часть классныхъ часовъ уходила именно на эти толки. Благороднымъ патріотическимъ одушевленіемъ лицей только и связывался съ общей жизнью своего народа, съ которымъ никогда не соприкасался въ другихъ случаяхъ и о которомъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Устройство лицея, о которомъ мы старались дать понятіе здѣсь, и положеніе его въ царскихъ садахъ только и могли развить страсть къ поэзіи и литературѣ въ той степени, какую мы замѣчаемъ у его первыхъ питомцевъ. Можно сказать, что это было единственное серьёзное ихъ дѣло. Убѣгать въ тѣнь густыхъ, непроницаемыхъ аллей и находить невыразимую отраду въ вдохновенномъ *праздномысліи*, какъ выразился впослѣдствіи самъ ге-

ніальный поэтъ нашъ, можно было только при исключительно счастливой обстановкѣ, при невозмущаемомъ досугѣ и свободной головѣ, неотягченной никакими помыслами о долгѣ и обязанностяхъ. Въ этихъ именно условіяхъ находились всѣ поэты и литераторы лицея—Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Илличевскій и проч.; но какъ ни благопріятны были показанныя условія для развитія фантазіи, не видно, чтобы кромѣ Пушкина кто-либо воспользовался ими для пріобрѣтенія надежнаго авторскаго матеріала. Всѣ литературныя занятія лицеистовъ, ихъ журналы, произведенія, опыты и замыслы разобраны теперь подробно, и, конечно, на основаніи ихъ никоимъ образомъ нельзя было питать слишкомъ радужныхъ надеждъ на будущность молодыхъ авторовъ, процвѣтавшихъ въ этомъ разсадникѣ романсеровъ и эпиграмистовъ. Со всѣмъ тѣмъ литературное направленіе, обнаружившееся въ лицеѣ, было привѣтствуемо, при своемъ появленіи, торжественно и радостно весьма дѣльными и солидными умами той эпохи, какъ Карамзинымъ, напримѣръ. Причиной такого общаго одобренія и поощренія было, конечно, не свойство и обиліе талантовъ, воспитанныхъ лицеемъ, а само движеніе. Изъ заведенія, цѣлью котораго было подготовленіе, какъ оно само заявляло, чиновниковъ и дѣятелей на высшіе посты въ государствѣ, выходило поколѣніе не только съ литературнымъ образованіемъ, но и съ намѣреніемъ посвятить себя вопросамъ мысли, поэзіи, искусства. Понятно, что явленіе должно было поразить кругъ знаменитыхъ писателей эпохи, который оно обѣщало подкрѣпить новыми, свѣжими силами. Это отреченіе нѣкоторой части молодежи отъ спеціальнаго призванія, ихъ ожидавшаго, въ пользу личнаго, тяжелаго и притомъ скромнаго и плохо вознаграждаемаго труда, казалось великимъ знаменіемъ эпохи. Легко было заключить, что такое рѣшеніе не могло иначе явиться, какъ въ силу глубокихъ нравственныхъ требованій, пробужденныхъ въ молодыхъ умахъ, и никто не подозрѣвалъ, что авторство лицея было произведеніемъ внутренней болѣзни, его поѣдавшей — именно умственной праздности. Слабые образчики этого творчества были совершенно заслонены первыми стихотворными попытками Пушкина, которыя несомнѣнно обнаруживали присутствіе замѣчательнаго таланта. Чѣмъ далѣе шелъ Пушкинъ, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось мнѣніе, что самыя основы лицейскаго образованія, способныя, между прочимъ и такъ сказать въ промежуткахъ своего настоящаго дѣла, создавать или поддерживать такіе таланты, какимъ оказывался поэтъ нашъ, должны быть очень сильны и плодотворны. Всѣ глаза обратились на этого представителя мощи и многообразности

лицейскаго воспитанія, и надо сказать, что никто и никогда не начиналъ литературнаго поприща у насъ съ такими условіями успѣха, съ такимъ обиліемъ всяческихъ поощреній и похвалъ, какъ Пушкинъ. Съ другой стороны, открытіе поэтическаго таланта въ молодомъ человѣкѣ праздновалось Карамзинымъ, А. Тургеневымъ, Жуковскимъ—старыми знакомыми его дома—какъ семейная радость. Можно предполагать, что если бы Пушкинъ и не обнаружилъ впослѣдствіи всего обилія и содержанія своего генія, знаменитые люди, окружавшіе его съ-молоду, составили бы ему и безъ того препорядочную репутацію, какъ это случилось съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ литераторовъ. Но Пушкинъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія и имѣлъ право увѣковѣчить впослѣдствіи ощущенія, вызванныя въ немъ первыми посѣщеніями музы, которая стала являться къ нему и освѣтила своимъ присутствіемъ маленькую комнатку, отведенную ему въ лицеѣ. Кто не знаетъ этихъ стихотвореній? Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этой самой комнаткѣ.

Покойный И. И. Пущинъ оставилъ любопытное описаніе внутренняго расположенія лицея. Въ нижнемъ ярусѣ четырехъ-этажнаго зданія находилось управленіе, квартиры директора и служащихъ лицъ; во второмъ — столовая, конференцъ-зала, больница; въ третьемъ — классы, рекреаціонная зала, библіотека; четвертый верхній этажъ образовалъ длинный корридоръ, пробитый черезъ капитальныя стѣны: по обѣимъ сторонамъ его находились небольшія комнатки за нумерами. Это были дортуары воспитанниковъ, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщались желѣзная кровать, комодъ, конторка съ чернильницей, стулъ передъ ней и столъ для умыванія. Рѣшетка сверху комнаты позволяла наблюдать за порядкомъ въ спальняхъ; гувернеръ имѣлъ свою комнату въ концѣ корридора; ночью дядька-служитель гулялъ вдоль его и поддерживалъ огонь ночника. Одна изъ такихъ комнатъ за № 14-мъ досталась Пушкину: тутъ онъ провелъ шесть лѣтъ своей жизни и здѣсь произошло то явленіе музы, которое онъ воспѣлъ и которое, по словамъ его, измѣнило внезапно всю духовную жизнь его. Но многое и другое происходило въ этой же комнатѣ: она была свидѣтельницей нравственныхъ страданій своего жильца, ибо нравственныя страданія, какъ и пылкія страсти, посѣтили его очень рано. Пушкинъ проводилъ ночи въ разговорахъ, черезъ стѣнку, съ другомъ своимъ, оставившимъ намъ эти свѣдѣнія и занимавшимъ одинъ изъ сосѣднихъ нумеровъ, а содержаніе этихъ позднихъ бесѣдъ, преимущественно, состояло изъ жалобъ Пушкина на себя и другихъ, скорбныхъ признаній, раскаянья и, нако-

нецъ, изъ обсужденія плановъ, какъ поправить свое положеніе между товарищами или избѣгнуть слѣдствій ложнаго шага и необдуманнаго поступка. Этотъ повѣренный сообщалъ намъ также и о горькихъ слезахъ, часто орошавшихъ, въ тишинѣ безсонной ночи, подушку молодого человѣка изъ № 14. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, по словамъ его, надѣленъ былъ отъ природы весьма воспріимчивымъ и впечатлительнымъ сердцемъ, на зло и наперекоръ которому шелъ весь образъ его дѣйствій заносчивый, рѣзкій, напрашивающійся на вражду и оскорбленія. А между тѣмъ способность къ быстрому отвѣту, немедленному отраженію удара или принятію наиболѣе выгоднаго положенія въ борьбѣ, часто ему измѣняла. Извѣстно, какой огромной долей злого остроумія, желчнаго и ядовитаго юмора обладалъ Пушкинъ, когда, сосредоточась въ себѣ, вступалъ въ обдуманную битву съ своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и даръ мгновеннаго, удачнаго выраженія никогда не составляли отличительнаго его качества. Притомъ же, въ школьной жизни особенно нельзя уберечься отъ неожиданно грубыхъ вызововъ. Пушкинъ не всегда оставался побѣдителемъ въ столкновеніяхъ съ товарищами, имъ же и порожденныхъ, и тогда, съ растерзаннымъ сердцемъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ, сознаніемъ собственной вины и съ негодованіемъ на ближнихъ, возвращался онъ въ свою комнату и, перебирая всѣ жгучія впечатлѣнія дня, выстрадывалъ вторично всѣ его страданія до капли. То же было съ нимъ и впослѣдствіи. Школа уже предвѣщала его жизнь и въ маломъ видѣ представляла ея изображеніе.

Наконецъ, пришло и время выпуска. Несомнѣнные признаки возмужалости лицеистовъ, о чемъ упоминали, вѣроятно, ускорили этотъ послѣдній актъ, который свершился ранѣе тремя мѣсяцами положеннаго, именно 9 іюня 1817 года, послѣ предварительнаго экзамена воспитанниковъ, походившаго вслѣдствіе взаимныхъ соглашеній всѣхъ его участниковъ скорѣе на домашнее представленіе, чѣмъ на экзаменъ. 9 іюня снова явился Государь въ конференцъ-залѣ созданнаго имъ лицея, но уже не въ сопровожденіи всего двора и важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, какъ при его открытіи, а только съ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ А. Н. Голицынымъ, тоже имѣвшимъ, какъ увидимъ послѣ, весьма сильное вліяніе на жизнь Пушкина. Много событій протекло въ теченіи шестилѣтняго промежутка между возникновеніемъ школы и первыми ея плодами. Государь открывалъ лицей при грозныхъ тучахъ, облегавшихъ Россію со всѣхъ сторонъ, и возвращался къ нему побѣдителемъ враговъ, съ

титломъ освободителя Европы. Какъ будто сознавая эту разницу въ своемъ положеніи и въ положеніи отечества, Государь былъ не только веселъ и милостивъ, но нѣженъ съ персоналомъ лицея. Онъ самъ роздалъ призы и аттестаты воспитанникамъ, и объявивъ значительныя награды, какъ имъ, такъ и наставникамъ ихъ, ушелъ, отечески распростившись со всѣми. Это было его послѣднее посѣщеніе лицея. Затѣмъ лицеисты пропѣли прощальный гимнъ Дельвига съ музыкой Тепера и на другой день распущены были по домамъ. Такимъ образомъ кончился для Пушкина курсъ лицея. Онъ выходилъ изъ него, какъ и большая часть его товарищей, съ горячей головой и неустановившейся мыслію: никакого убѣжденія, никакого твердаго и яснаго представленія не было добыто ими ни по одному предмету человѣческаго существованія вообще, ни по одному явленію русской жизни въ особенности. Они выносили изъ него отвлеченное понятіе о свободѣ, щекотливое самолюбіе и весьма живой, чувствительный point d'honneur: это были единственныя орудія, которыми они были снабжены для образованія изъ себя нравственныхъ единицъ, дѣльныхъ труженииковъ и мужественныхъ характеровъ. Замѣчательные люди, принадлежащіе къ этому первому выпуску и сдѣлавшіеся извѣстными именами русской администраціи и гордостію своей страны, свидѣтельствуетъ только о силѣ собственныхъ своихъ нравственныхъ средствъ, далеко раздвинувшихъ границы полученнаго ими отъ лицея образованія. За порогомъ училища начинался для нихъ, какъ уже было сказано, новый курсъ, гдѣ они сами были и судьями и орудіями своего научнаго, политическаго и общественнаго развитія.

Теперь посмотримъ, куда собственно выходилъ Пушкинъ.

III.

Большой свѣтъ.

1817 — 1820.

Политическое состояніе общества. — Различные круги свѣтской молодежи. — Шумная и разсѣянная жизнь Пушкина. — Онъ принимается за эпиграммы и стихотворные памфлеты. — Возникновеніе тайныхъ союзовъ, общій характеръ тогдашней свѣтской культуры. — Что̀ получаетъ въ наслѣдство Пушкинъ отъ первыхъ и отъ второй.

Съ неутомимой жаждой извѣдать міръ и общество, открывавшіеся передъ нимъ, ринулся Пушкинъ въ свѣтъ и конечно, на первыхъ порахъ, не почувствовалъ никакой нужды выбирать свои знакомства или осторожно обращаться съ новой жизнію, куда вступалъ безъ всякой руководящей мысли.

Какъ воспитанникъ лицея, Пушкинъ можетъ считаться самъ произведеніемъ тѣхъ плодотворныхъ началъ, которыя съ воцареніемъ Государя Александра I раздвинули границы народнаго образованія, положили основаніе новымъ университетамъ и училищамъ, а съ знаменитымъ указомъ 6-го августа 1809 года, поставили даже весь служебный міръ въ зависимость отъ школы, благодаря устроенной тогда связи между іерархическимъ повышеніемъ и ученымъ дипломомъ или публичнымъ экзаменомъ. Другой не менѣе знаменитый указъ, 20 января 1819 года, награждавшій прямо извѣстными чинами воспитанниковъ при выпускѣ ихъ изъ государственныхъ учебныхъ заведеній, какъ это было сдѣлано прежде всего съ лицеемъ, привлекъ въ стѣны университетовъ и гимназій много новыхъ посѣтителей и перемѣшалъ всѣ свободныя сословія наши такъ, какъ они не были еще перемѣшаны до тѣхъ поръ. Совсѣмъ тѣмъ, великая преобразовательная мысль, подсказавшая какъ эти, такъ и многія другія реформы въ администраціи, прерванная на время отечественной и заграничной кампаніями, уже никогда не возвращалась къ первоначальной своей энергіи. Пушкинъ вышелъ, напримѣръ, изъ лицея наканунѣ, такъ сказать, ахенскаго конгресса (осень 1818 г.), принявшаго, какъ извѣстно, мѣры для ограниченія вредныхъ послѣдствій излишне-свободной европейской печати, что̀ отразилось

у насъ необычайными строгостями цензуры относительно литературы нашей, ничѣмъ не заявившей наклонности къ политическому бунту. Въ этомъ же году преобразовательная мысль удалилась изъ центра имперіи на окраины ея, въ Польшу и Литву, и тамъ устроивала мѣстные интересы на такихъ широкихъ основаніяхъ, которыя возбуждали зависть русскихъ обдѣленныхъ патріотовъ и казались имъ даже началомъ раздробленія самаго государства. Послѣ недолгаго колебанія внутренней политики въ 1819 г., еще сопротивлявшейся, благодаря усиліямъ Н. А. Каподистріи, внушеніямъ австрійскихъ реакціонеровъ, преобразовательная мысль окончательно потухаетъ и у насъ. Не далѣе какъ въ 1820 году являются на свѣтъ подавляющія и обскурантныя теоріи Магницкаго, по нимъ уже и начинающаго свое разрушеніе казанскаго университета и проч. Конгрессъ въ Тропау (1820 г.), совпадающій съ происшествіемъ въ Семеновскомъ полку, и конгрессы въ Лайбахѣ (1821 г.) и Веронѣ (1822 г.) опредѣляютъ затѣмъ направленіе дѣлъ въ Россіи такъ ясно, что сомнѣваться въ поворотѣ преобразовательной мысли на другую дорогу не предстояло возможности. Появленіе Пушкина на аренѣ свѣта приходится, такимъ образомъ, именно къ началу этой непредвидѣнной остановки въ естественномъ развитіи и ходѣ новыхъ учрежденій, что не одного его сбило съ толку и лишило возможности видѣть настоящій свой путь между двумя порядками жизни, одинаково сильными и требовательными.

Истинное спасеніе людей въ подобныя затруднительныя эпохи исторіи составляетъ, безъ сомнѣнія, общій характеръ накопившихся матеріаловъ образованія въ извѣстной странѣ, тѣ нравственныя и политическія начала, какія она успѣла уже выработать для себя. Они помогаютъ спокойно ожидать прохода мутной струи случайныхъ обстоятельствъ, которая не въ состояніи поглотить самыя основы пріобрѣтенной цивилизаціи. Ни такого общаго характера образованія, ни такихъ началъ не существовало еще у насъ въ то время. Университетское поколѣніе, которое одно могло ихъ представить, еще не нарождалось. Оно показывается у насъ не ранѣе тридцатыхъ годовъ. Пушкинъ его не зналъ добрую половину жизни и встрѣтился съ нимъ только на концѣ своего поприща, привѣтствуемый новыми людьми съ любовью и восторгомъ, какихъ, можетъ быть, и не ожидалъ отъ нихъ. Еще не было тогда людей, связанныхъ общностью научнаго и нравственнаго воспитанія, а существовали только образцы разнокалиберныхъ, разнохарактерныхъ, вольныхъ, такъ сказать, образованій и направленій, которыя ничего общаго между собой

не имѣли, а связывались механически употребленіемъ одного и того же французскаго языка, съ большей или меньшей развязностью. По выходѣ изъ лицея Пушкинъ какъ разъ подоспѣлъ къ тому времени, когда эти образчики различныхъ степеней культуры, собранные въ столицѣ службою, заняты были мыслію и истощались въ усиліяхъ сговориться и сблизиться другъ съ другомъ, на какихъ-либо основаніяхъ, на какомъ-либо дѣлѣ, одинаково понятномъ для всѣхъ.

Новыя постановленія, вызывавшія и устроивавшія публичное образованіе на Руси, не тронули, однакоже, одной исторической тропы, по которой дѣти высшаго и зажиточнаго дворянства восходили ко всѣмъ видамъ и родамъ государственной службы уже болѣе столѣтія, именно военной. Она и теперь осталась вполнѣ открытой для нихъ, избавляя ихъ отъ конкурренціи съ разночинцами и отъ уступки духу новыхъ демократическихъ учрежденій. Въ кругу этой свѣтской и богатой военной молодежи Пушкинъ именно и нашелъ первыя свои знакомства. Многіе изъ литераторовъ сами принадлежали къ нему, да и вообще блестящее сословіе гвардейскихъ офицеровъ давало тогда свой тонъ и окраску всему молодому поколѣнію, не исключая и тѣхъ лицъ, которыя, по роду службы и призванію, къ нему не принадлежали. Это сословіе создало свой особенный типъ изящества и благородства, казавшійся непогрѣшимымъ идеаломъ для цѣлаго поколѣнія, которое старалось понять и перенять его — и это не въ однѣхъ столицахъ, а на всѣхъ концахъ имперіи. И совсѣмъ тѣмъ сословіе не имѣло нисколько цѣлостности и однородности сильной корпораціи, какъ можно было бы предполагать: оно еще дѣлилось по образованію своихъ членовъ, по началамъ, понятіямъ и убѣжденіямъ ихъ на множество несходныхъ и противоположныхъ круговъ, какъ и само общество. Въ средѣ его были люди, едва одолѣвшіе легкій, вступительный экзаменъ, положенный для опредѣляющихся, и были люди съ европейскимъ космополитическимъ образованіемъ, которое нѣкоторыми изъ нихъ пріобрѣталось изъ перваго источника за-границей. Дѣленіе и тутъ не кончалось: въ послѣднемъ разрядѣ высились еще отдѣльно и самостоятельно личности, серьёзно занимавшіяся тѣми вопросами современной политики, исторіи и этнографіи, которые возникли въ Европѣ послѣ паденія ея самовластнаго опекуна, Наполеона I-го. Были различія еще болѣе крупныя.

Оттѣнокъ либерализма, господствовавшій въ передовыхъ людяхъ военнаго сословія и бросавшій на него особенно яркій и эффектный блескъ, не мѣшалъ процвѣтать на той же почвѣ

страстнымъ ревнителямъ тогдашней дисциплины и суровой военной практики. Подъ говоръ разсужденій и ученыхъ толковъ своихъ товарищей, служаки эти спокойно продолжали требовать отъ природы русскаго человѣка сверхъестественныхъ подвиговъ выправки, поставляя за честь приводить въ трепетъ массу взрослыхъ людей однимъ своимъ взглядомъ и не обращая вниманія ни на какіе протесты ближайшихъ начальниковъ своихъ. Въ покровительствѣ, какое они находили свыше, сказывалась основная черта этого періода нашей исторіи, *сознательно* допускавшаго одновременно существованіе зачатковъ новаго развитія съ дикими порядками старой эпохи. Надо прибавить, что именно эта черта и дѣйствовала на горячія натуры особенно болѣзненно и раздражительно.

Если найдется историкъ самого русскаго общества для этой многоцвѣтной и своеобразной эпохи, то ему уже необходимо будетъ къ портретамъ такихъ гвардейскихъ офицеровъ, какъ П. Я. Чаадаевъ, П. А. Катенинъ, Маринъ, Кривцовъ и мн. др., присоединить и біографіи знаменитостей другого рода, тѣхъ казарменныхъ героевъ, приводившихъ въ ужасъ все имъ подчиненное, имена которыхъ были такъ громки и славны въ свое время, что пережили его и стали забываться не очень давно.

Изъ всѣхъ этихъ разрядовъ, кромѣ послѣдняго, слишкомъ глубоко погруженнаго въ свои спеціальныя занятія, выдѣлялся еще тогда одинъ кружокъ, который уже ни о чемъ другомъ не думалъ, кромѣ эпикурейскаго наслажденія жизнію. Правда, что сущность этого эпикурейства онъ полагалъ въ одномъ громадномъ, богатырскомъ разгулѣ, сохранявшемся долго въ воспоминаніяхъ современниковъ. Кругъ этотъ не былъ исключительно военнымъ: онъ числилъ промежъ себя молодыхъ людей всѣхъ званій, и къ нему-то Пушкинъ и пристроился тотчасъ послѣ выхода изъ лицея. Все дѣло состояло тутъ въ задачѣ расточать, какъ можно полнѣе, развязнѣе, безъ оглядки и разсчета, свое состояніе, у кого оно было, свое время, физическія и нравственныя силы свои, сохраняя при этомъ только сословную гордость и презрѣніе къ орудіямъ, которыя употреблялъ для своей потѣхи. Разгулъ получилъ даже видъ доблести, потому что соединялся съ рискованными шалостями, вызывавшими на самопожертвованіе, что́ сообщало ему особую заманчивость въ глазахъ молодежи, которая охотно предается удовольствіямъ, сопряженнымъ съ опасностію. Явилось соревнованіе въ изобрѣтеніи наиболѣе отчаянныхъ, скандальныхъ проказъ, а также хвастовство тѣмъ запасомъ жизни, который сожженъ былъ при томъ или

другомъ случаѣ. Какъ ни велико было богатство физическихъ силъ у Пушкина, но онъ все-таки два раза лежалъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, на краю гроба, въ горячкѣ, именно по милости постоянныхъ возбужденій организма, не выдержавшаго всей удали этого богатырскаго кутежа. Мы никакъ не могли опустить этой біографической черты въ нашемъ разсказѣ, потому что съ нею связываются очень много стихотвореній Пушкина, очень много его воспоминаній, посланій, намековъ, а наконецъ, и то обстоятельство, что она, отмѣтивъ его существованіе въ столицѣ, была причиной общаго мнѣнія о неспособности его къ дѣльному труду, къ серьёзному размышленію и къ самообладанію [1] вообще.

Всѣ эти Щ*, Ю*, Э*, К* (полныя имена ихъ приведены въ собраніи стихотвореній Пушкина) были, дѣйствительно, руководителями его на поприщѣ расточительнаго безпутства, которое было не подъ-силу и въ матеріальномъ смыслѣ ограниченнымъ средствамъ поэта, часто нерасполагавшаго, какъ самъ сознается, и копейками для оплаты извощика. Новые друзья его представляли, такъ сказать, аристократію разгула. Отъ этого, можетъ быть, подвиги ихъ и держались такъ долго въ памяти людей и пересказывались съ такимъ упоеніемъ въ провинціяхъ. Пушкинъ отдаривалъ своихъ руководителей стихами и посланіями, наравнѣ съ модными тогда прелестницами — Штейнгель, Ольга Масонъ (см. пьесы: «Выздоровленіе», «Ольга, крестница Киприды»). Замѣчательно, что люди, такъ охотно убивавшіе свою молодость, были не только веселые и остроумные люди, но и хорошо образованные, по-своему, и очень даровитые: между ними встрѣ-

---

[1]) Какія разнообразныя и затѣйливыя формы принималъ тогдашній кутежъ, можетъ показать намъ общество „Зеленой лампы", основанное Н. В. Все—мъ и у него собиравшееся. Розысканія и разспросы объ этомъ кружкѣ обнаружили, что онъ составлялъ, со своимъ прославленнымъ калмыкомъ, не болѣе, какъ обыкновенное *оргіаческое* общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, погибель Содома и Гомморы и проч., имъ устроиваемыхъ въ своихъ засѣданіяхъ (см. статью г. Бартенева: „Пушкинъ на югѣ"), занималось еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященнаго исключительно обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ проказъ. Когда въ 1825 г. произошла повѣрка направленій, усвоенныхъ различными дозволенными и недозволенными обществами, *невинный*, т.-е. оргіаческій характеръ „Зеленой лампы" обнаружился тотчасъ же и послужилъ ей оправданіемъ. Дѣла, разрѣшавшіяся „Зеленой лампой", были преимущественно дѣла по Театральной школѣ, куда нѣкоторые изъ ея членовъ старались даже пробраться подъ видомъ говѣнія. Школа имѣла свою церковь. Вѣроятно, тутъ же слушались и анекдоты изъ насущной скандальной хроники общества, въ родѣ анекдота съ театральнымъ майоромъ, гдѣ первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Пушкинъ, и тому подобныхъ.

чались дѣльныя личности, успѣвшія потомъ съ остатками уцѣлѣвшей энергіи выказать значительныя способности. Серьёзная подготовка нѣкоторыхъ изъ нихъ составляла довольно пикантную противоположность съ ихъ образомъ жизни и обычными занятіями. Знаменитый Каверинъ, напримѣръ, не знавшій никогда, по увѣренію современниковъ, ни усталости, ни пораженія въ обычныхъ подвигахъ этого кутежнаго братства, былъ еще слушателемъ въ геттингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ оканчивалъ свое образованіе, не болѣе, не менѣе, какъ Н. И. Тургеневъ. Защитники этихъ русскихъ Лукулловъ и Катилинъ (а они находили защитниковъ и въ очень высокихъ сферахъ общества) утверждали, что причину всѣхъ ихъ излишествъ должно искать въ праздности, на которую обречены были ихъ душевныя и умственныя силы; но если причина и существовала, то къ ней примѣшалось уже столько другихъ влеченій, выдуманныхъ потребностей, искусственныхъ возбужденій и, наконецъ, простого баловства жизнію и состояніемъ, что серьёзно останавливаться на ней нѣтъ никакой возможности.

Въ одной изъ тетрадей поэта, принадлежащихъ къ этой эпохѣ, встрѣчается замѣчательный рисунокъ карандашомъ, набросанный имъ вообще не безъ искусства. Рисунокъ изображаетъ мужчину за столомъ, обремененномъ бутылками; вблизи какая-то женщина, имѣющая подобіе фуріи или вакханки въ послѣдней степени виннаго экстаза, сбиваетъ балетнымъ движеніемъ ноги одну изъ бутылокъ стола на полъ; другой мужчина, отягченный винными парами, прислонясь къ стѣнѣ, закуриваетъ трубку; всей группѣ прислуживаетъ *«смерть»* въ образѣ стараго слуги, пробирающагося осторожно между остатками пиршества. Рисунокъ этотъ имѣетъ теперь почти-что символическое значеніе относительно тогдашней жизни Пушкина въ Петербургѣ, да онъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, передаетъ и какое-либо дѣйствительное событіе [1]). Смерть, въ самомъ дѣлѣ, часто прислуживала на пирахъ, кончавшихся дуэлями. Дуэли были тогда въ полномъ ходу. Дуэлей искали. Кто тогда не вызывалъ на поединокъ и кого тогда не вызывали на него?! Напрашиваться на исторію считалось даже признакомъ хорошей породы и *чистокровности* происхожденія, что́ помогало многимъ, употребляя одинъ этотъ пріемъ, скрывать

---

[1]) Покойный Я. И. Сабуровъ, свидѣтель эпохи, узнавалъ въ фигурѣ мужчины за столомъ того же Каверина, о которомъ сейчасъ говорили. Извѣстно, что Каверинъ былъ секундантомъ у гусара Завадовскаго въ дуэли, надѣлавшей тогда много шума и стоившей жизни противнику Завадовскаго — Шереметеву. Дуэль возникла изъ ссоры обоихъ соперниковъ на какой-то оргіи, за танцовщицу Истомину.

долго ничтожество своего ума и характера. Человѣкъ, сдѣлавшій изъ дуэли свою спеціальность, извѣстный Якубовичъ, пользовался необычайной популярностью въ свѣтѣ и пріобрѣлъ въ воображеніи молодыхъ людей размѣры и очертанія почти-что эпическаго героя, хотя его малое пониманіе себя и своего времени, его наклонность къ фразѣ въ словахъ и поступкахъ не давали ему особеннаго на то права. Очарованіе, производимое, однакоже, этимъ героемъ, было такъ велико, что Пушкинъ вопрошалъ А. Бестужева еще въ 1825 г. изъ Михайловскаго, гдѣ тогда жилъ: «Кто писалъ о горцахъ въ «Пчелѣ»? Не Я—ъ ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева. *Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма»*. Такъ подъ романтизмомъ можно было разумѣть тогда еще и иную жизнь, безъ правилъ, но съ дерзкими претензіями и съ подозрительнымъ мужествомъ характера.

Общая наклонность къ вызовамъ и дуэлямъ не прошла безъ слѣда и для Пушкина. Она оставила корни въ его сердцѣ и особенно развилась во время пребыванія на югѣ Россіи, гдѣ породила множество исторій, разсказываемыхъ и доселѣ. Она утихала и ослабѣвала потомъ съ годами, но медленно, всегда готовая возникнуть съ прежней энергіей. Аристократическій способъ разрѣшать дуэлью всѣ противорѣчія въ жизни казался до того естественнымъ, что приходилъ ему на умъ даже по поводу литературныхъ споровъ. Такъ письмо его изъ Одессы къ издателямъ «Сына Отечества» (1824, № XVIII), гдѣ онъ заявлялъ единомысліе свое съ княземъ Вяземскимъ по опредѣленію классиковъ и романтиковъ эпохи, начинается у него словами: «Въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали вниманія; на другія *издали отвѣчать было невозможно»*. Прибавимъ, что онъ никогда, во всю жизнь, такъ и не отвѣчалъ на литературные нападки, какъ намекаетъ въ своей фразѣ: она вылилась безъ вѣдома его мысли, на подобіе закоренѣлой привычки, полученной съ раннихъ лѣтъ.

По наружности казалось, что Пушкинъ принадлежитъ душой и тѣломъ своимъ новымъ товарищамъ по гоньбѣ за сильными нервными потрясеніями и за приключеніями всѣхъ возможныхъ родовъ: многіе и дѣйствительно полагали тогда, что онъ не вырвется изъ среды ихъ ранѣе полнаго физическаго истощенія и полной нравственной усталости. Пророчество ихъ не сбылось.

Въ природѣ этого человѣка уже начинало сказываться то особенное свойство ея, по которому Пушкинъ всего сильнѣе чувствовалъ отвращеніе къ крайностямъ и увлеченіямъ, когда они всего сильнѣе одолѣвали его умъ и сознаніе. Такъ случилось именно и въ эту пору развитія. Товарищи его по веселой, беззаботной растратѣ жизни, ума и способностей еще считали его въ числѣ надежнѣйшихъ своихъ членовъ, а уже Пушкинъ начиналъ обращать отъ нихъ взоры въ другую сторону, именно въ ту, гдѣ можно было полагать существованіе иного круга людей, съ иными цѣлями въ жизни. Оттуда являлись, по временамъ, образчики и представители какого-то новаго ученія, говорившіе о задачахъ въ жизни и началахъ, нисколько не похожихъ на тѣ, которыя были усвоены имъ самимъ. Этотъ еще невидимый кругъ, волновавшій его воображеніе посреди пировъ и развлеченій, былъ антиподомъ того общества, промежъ котораго онъ жилъ. Не одно любопытство было возбуждено въ Пушкинѣ случайными встрѣчами съ загадочными людьми, имѣвшими строгій видъ пуританъ, какъ ихъ и называли тогда, но просыпалось тревожно и нравственное чувство, сбереженное имъ цѣликомъ въ душной атмосферѣ вакхическихъ и всякихъ другихъ сходокъ.

Гораздо позднѣе самъ Пушкинъ обрисовалъ мимоходомъ, но очень мѣтко, однимъ, такъ сказать, штрихомъ нравственную физіономію этого строгаго кружка. Въ одной изъ неконченныхъ повѣстей, начатыхъ поэтомъ незадолго до женитьбы и явившейся въ печать много лѣтъ спустя послѣ его смерти («Отрывки изъ романа въ письмахъ», т. VII сочиненій Пушкина, изд. 1857 г.), онъ влагаетъ въ уста гвардейскаго офицера *1828 года* замѣчательную рѣчь въ отвѣтъ на упрекъ въ отсталости, который былъ сдѣланъ ему пріятелемъ за наклонность къ волокитству и къ любовнымъ интригамъ: «Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отсталъ отъ своего вѣка—*и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ 1818-му году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ.* Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что все это перемѣнилось. *Французская кадриль замѣнила Адама Смита.* Всякій волочится и веселится, какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты *ci-devant un homme—стереотипъ.* Охота тебѣ *сиднемъ* [1]) сидѣть одному на оппозиціонной скамеечкѣ и глазѣть по сторонамъ».

---

[1]) Въ оригиналѣ: Лафайэтомъ.

Трудно выразить лучше и полнѣе въ немногихъ ироническихъ строкахъ различіе созерцаній у двухъ умственныхъ эпохъ послѣдняго нашего времени; сравненіе это, конечно, разрѣшается не совсѣмъ въ пользу той изъ нихъ, которая начиналась съ 1828-го года. Дѣйствительно, прежніе свѣтскіе люди — военные и не-военные, представлявшіе интеллигенцію русскую въ промежутокъ между 1818—25-мъ годами, занимались умозрительными и важными разсужденіями, проповѣдывали строгость правилъ и политическую экономію, говорили на балахъ съ дамами объ Адамѣ Смитѣ и проч., но они дѣлали еще и нѣчто другое, что̀ Пушкинъ только подразумѣваетъ въ своемъ очеркѣ. Они составляли таинственные, интимные кружки, въ которыхъ уже разбирались вопросы политическаго свойства и содержанія. Этими кругами и продолжалась та работа соглашенія различныхъ нашихъ *образованностей* на какой-либо одной общей темѣ, которая началась давно, но пришла къ серьёзнымъ результатамъ только въ 1818 году. Въ этомъ году, послѣ короткаго пребыванія въ Москвѣ, гвардія вѐрнулась въ Петербургъ съ уставомъ «союза благоденствія»—тайнаго политическаго общества, которое окончательно сформировалось въ первопрестольной нашей столицѣ, подъ шумъ праздниковъ и баловъ, ознаменовавшихъ посѣщеніе Москвы дворомъ и союзникомъ нашимъ (1813—15 г.), королемъ прусскимъ.

Самая сильная сторона этого знаменитаго общества заключалась въ пропагандѣ, которой оно занялось въ Петербургѣ, вербуя себѣ новыхъ членовъ и указывая имъ на обязанности передъ собой и передъ отечествомъ, о которыхъ они и не думали прежде. Намъ все равно знать, занесено ли было это движеніе изъ-за-границы, вмѣстѣ съ возвращеніемъ русской арміи на родину, или родилось само собой, какъ слѣдствіе болѣе развитой общественной культуры, чѣмъ прежде, или даже, какъ слѣдствіе первоначальныхъ реформъ самаго царствованія: всѣ три предположенія могутъ быть одинаково справедливы, и другъ друга нисколько не исключаютъ. То достовѣрно, что «союзъ», благодаря своей *воспитательной* пропагандѣ, ввелъ въ обычное теченіе петербургской жизни неожиданную, яркую и кипучую струю. Присутствіе чего-то небывалаго и особеннаго въ жизни чувствовалось невольно всѣми, даже самыми разсѣянными людьми, какъ мы видѣли на примѣрѣ Пушкина; правительство догадывалось о появленіи новаго, невидимаго дѣятеля въ обществѣ не менѣе кого бы то ни было. Пропаганда «союза», преслѣдуя свои цѣли образованія и воспитанія умовъ, подымала вмѣстѣ съ тѣмъ и

много вопросовъ современнаго гражданскаго устройства Россіи, на которые никто еще не былъ готовъ отвѣчать; указывала многія обязанности людямъ, которыя не совсѣмъ совпадали съ тѣмъ, что́ отъ нихъ требовалось обычнымъ заведеннымъ порядкомъ. Оппозиціонный характеръ пропаганды обнаружился съ первыхъ же ея шаговъ; но общество не удовольствовалось тѣмъ, а перешло, по стеченію обстоятельствъ, на почву чисто-революціонныхъ стремленій, чѣмъ и подписало себѣ смертный приговоръ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ: могъ ли «союзъ», будучи тайнымъ обществомъ, долго держаться на одной своей ученой, соціальной и нравственной пропагандѣ, обратимся прямо къ факту. Когда, вслѣдствіе рокового хода своего развитія, или вслѣдствіе гнета обстоятельствъ, общество приняло чисто-политическій характеръ и революціонный оттѣнокъ, то это дополненіе или измѣненіе его программы понизило всѣ задачи общества и было для него шагомъ назадъ. Въ памяти людей общество сохранилось единственно за свою первоначальную, нравственную и культурную пропаганду, за старанія оторвать умы отъ празднаго и легкомысленнаго существованія и направить къ дѣльной работѣ, за усилія пробудить въ сердцахъ тотъ родъ спасительнаго безпокойства, который предшествуетъ обыкновенно возникновенію всякой серьёзной дѣятельности. Первоначальная программа требовала нѣкоторой подготовки со стороны членовъ и не могла быть осуществлена безъ знанія общественныхъ дѣлъ, безъ изученія условій нашего соціальнаго быта и безъ долгихъ размышленій о способахъ его исправленія, на основаніи науки и сравнительной исторіи другихъ государствъ. Все это становилось лишнимъ, когда на первомъ планѣ водворилась радикальная тема, которая по лживой своей всеобъемлемости, свойственной такимъ темамъ, освобождала всѣхъ отъ обязанности искать разрѣшенія трудныхъ вопросовъ путемъ изслѣдованія ихъ. Тема предлагала совсѣмъ готовое разрѣшеніе и притомъ такое, которое ничего не требовало отъ людей, кромѣ смѣлости. «Союзъ» облегчилъ обязанности своихъ члено́въ до послѣдней крайней степени, и взамѣнъ того получилъ—толпу. Толпа эта и составила его наказаніе. Наплывъ членовъ съ пустыми затѣями щегольства, своей принадлежностію къ оппозиціонному лагерю или даже съ злонамѣренными цѣлями одинаково воспользоваться и успѣхами и неуспѣхами общества, былъ таковъ, что коноводы его принуждены были подумать о распущеніи «союза», которое дѣйствительно и состоялось на съѣздѣ его представителей въ Москвѣ, въ 1821 году.

Не болѣе счастливо было относительно серьёзности своего

персонала и Сѣверное Общество, возникшее на развалинахъ уничтоженнаго «Союза». Оно нашло очень строгихъ судей въ числѣ тѣхъ, которые стояли къ нему весьма близко [1]). Позднѣе, изъ видовъ оправданія общества образовалось мнѣніе, что крайнія революціонныя стремленія принадлежали въ немъ отдѣльнымъ личностямъ, составляя исключеніе въ его дѣятельности, которая направлена была преимущественно на измѣненіе и возвышеніе идей и понятій кругомъ себя и имѣла ровно столько политической окраски, сколько имѣетъ ея каждое явленіе соціальной жизни. Но съ принятіемъ этого мнѣнія приходится опустить изъ вида характеристическую черту нравовъ и умственнаго состоянія эпохи, которыя имѣютъ за собой полную историческую достовѣрность. Прямая политическая и революціонная программа общества была для современниковъ его именно тѣмъ магнитомъ, который привлекалъ къ нему неофитовъ; надежда разрѣшить сразу, безъ труда и долгихъ умственныхъ напряженій, всѣ затрудненія времени однимъ государственнымъ переворотомъ, соотвѣтствовала степени умственнаго развитія эпохи и жила во многихъ сердцахъ. Существовалъ разрядъ людей, и очень многочисленный, который вѣровалъ въ самое слово: переворотъ, не вдаваясь въ разборъ его смысла и содержанія; были люди, готовые жертвовать за переворотъ, каковъ бы онъ ни былъ, своей жизнію и судьбой. Даже лица, ясно видѣвшія недостатокъ въ своемъ обществѣ средствъ и способовъ пріобрѣсть значеніе серьёзнаго дѣла, еще думали, что случай подскажетъ обществу, въ нужное время, все то, до чего оно не могло дойти и додуматься въ своихъ засѣданіяхъ. Этимъ общимъ настроеніемъ эпохи объясняются и постоянныя усилія Пушкина добыть себѣ мѣсто въ тайномъ обществѣ, существованіе котораго онъ уже подозрѣвалъ.

Но онъ такъ и не добылъ его. Правда, въ эпоху процвѣтанія Сѣвернаго Общества, Пушкина уже не было въ Петербургѣ,

---

[1]) Такъ почтенный Ник. Ив. Тургеневъ произноситъ объ немъ приговоръ болѣе чѣмъ суровый, именно ироническій приговоръ въ своей брошюрѣ: „Отвѣты Тургенева, 1867 г.“ (по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній о нашихъ тайныхъ обществахъ въ книгѣ Е. П. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ“). Онъ утверждаетъ, что подъ конецъ общество занималось шутовскими церемоніями пріема новыхъ членовъ, и что вообще засѣданія его возбуждали осужденіе и нескрываемыя улыбки презрѣнія со стороны наиболѣе развитыхъ членовъ братства (стр. 26 и 27 Отвѣтовъ). Онъ добавляетъ свои извѣстія замѣчаніемъ: „Многіе вступали въ общество, но вступая въ него въ одну дверь, выходили въ другую“. Онъ неправъ только въ томъ, что на основаніи малаго политическаго смысла, обнаруженнаго обществомъ, отвергаетъ и политическій характеръ вообще, ему приписываемый.

но и предшествовавшій ему «Союзъ», столь гостепріимный для всѣхъ, крѣпко держалъ двери свои на-заперти передъ поэтомъ. Также точно поступили съ нимъ и члены южнаго общества, когда онъ очутился промежъ нихъ, послѣ своей высылки изъ Петербурга. Онъ, можно сказать, жилъ тогда, окруженный заговоромъ, который имѣлъ своихъ представителей на югѣ, въ лицѣ В. Л. Давыдова, С. Г. Волконскаго, П. А. Поджіо—друзей и родственниковъ семьи Раевскихъ, столь любимой поэтомъ: онъ находился съ ними въ постоянныхъ, дружескихъ и задушевныхъ сношеніяхъ. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить этой сдержанности и замкнутости тайныхъ круговъ, по отношенію къ Пушкину, кромѣ молчаливаго ихъ рѣшенія — предоставить его своему настоящему призванію и дѣлу, и такимъ образомъ случилось, что Пушкинъ семь лѣтъ сряду стоялъ посреди заговора, омываемый, такъ сказать, волнами его со всѣхъ сторонъ, и не нашлось ни одной, которая бы унесла его съ собой въ пропасть, гдѣ такъ много погибло его друзей, товарищей и ровесниковъ.

Понятно, что долгая жизнь въ атмосферѣ тайныхъ обществъ не могла не отложить на душѣ и характерѣ Пушкина нѣкоторыхъ пріемовъ и навыковъ мысли, которые потомъ сдѣлались любимыми и отличительными его пріемами. Такъ, уже гораздо позднѣе, въ петербургскій періодъ его жизни (1830—37), его горделивый способъ держаться на глазахъ свѣта и въ сношеніяхъ съ вліятельными людьми постоянно давать имъ чувствовать свои права на самостоятельное обсужденіе ихъ мнѣній и поступковъ—обличали въ немъ человѣка александровской эпохи. Онъ носилъ на себѣ внѣшній видъ либерала 20-хъ годовъ и тогда, когда уже давно былъ искреннимъ сторонникомъ власти, законнаго авторитета, началъ порядка и правильнаго развитія государства, что́ давало поводъ поверхностнымъ людямъ не довѣрять его образу мыслей вообще, а неблагорасположеннымъ прямо указывать на него, какъ на тайнаго врага всѣхъ существующихъ порядковъ. Все это должно оправдывать нашу короткую остановку на политическихъ обществахъ, но мы принуждены еще невольнымъ образомъ возвратиться къ нимъ, такъ какъ они же дали Пушкину и первыя черты политическаго ученія, которое онъ впослѣдствіи развилъ въ цѣлую систему.

Въ числѣ различныхъ идей и направленій, столкнувшихся другъ съ другомъ на аренѣ заговора, существовали и аристократическія воззрѣнія, легко усматриваемыя при разборѣ элементовъ, изъ которыхъ собственно заговоръ состоялъ. Участіе въ немъ значительнаго круга людей, желавшихъ возвышенія и улучшенія

политическаго и соціальнаго положенія высшаго класса въ государствѣ для того, чтобы онъ могъ занимать съ честію постъ естественнаго защитника правъ общества и народа, не подлежитъ сомнѣнію. Идея эта была не нова и не нашими людьми придумана. Она уже съ давнихъ поръ разработывалась на Западѣ писателями легитимистской и юнкерской партій, имѣвшими преимущественно въ виду тогдашнее политическое значеніе англійской аристократіи; но тамъ, на Западѣ, она носила консервативный характеръ и была произведеніемъ умовъ, искавшихъ, вмѣстѣ съ правительствами, оплота противъ слѣпыхъ народныхъ смутъ и страстей, а у насъ, по особеннымъ историческимъ условіямъ русской жизни, она уже явилась, какъ анти-правительственная и революціонная идея. Классъ людей, принявшій ее въ руководство, не отступалъ ни передъ словами о свободѣ и равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, ни передъ необходимостію крупныхъ жертвъ для ея осуществленія, но онъ имѣлъ въ виду значительное вознагражденіе за свои уступки. Взамѣнъ возможнаго упраздненія дворянской грамоты и крѣпостного права, онъ могъ надѣяться на роль политическаго сословія, призваннаго управлять судьбами своего отечества. Программа его подвергалась уже и тогда критикѣ и возраженіямъ со стороны тѣхъ, которые видѣли въ ней основу для новыхъ олигархическихъ порядковъ, нанесшихъ уже столько вреда Россіи въ прошлое время; но она, тема эта, все же превосходила своимъ содержаніемъ программы всѣхъ другихъ партій, по большей части чудовищно-рѣшительныя или пусто громкія и эффектныя. Полное, обаятельное дѣйствіе производила она на тѣ отпрыски знатныхъ дворянскихъ фамилій, которые по своему состоянію и образованію считали себя несправедливо осужденными на праздность или на ничтожные, служебные труды; но и кромѣ того, она и вообще способна была своимъ обманчивымъ видомъ сочувствія къ интересамъ обдѣленныхъ классовъ, возбуждать энтузіазмъ въ молодыхъ и безкорыстныхъ сердцахъ. Она и составила именно ту приманку, за которой потянулись въ тайные круги привилегированные классы общества, считавшіе себя обиженными историческимъ ходомъ русской жизни. Можно сказать съ достовѣрностію, что если бы Пушкину удалось пробраться въ область заговора, какъ онъ домогался, то онъ вошелъ бы въ него подъ знаменемъ аристократическаго радикализма, хотя, какъ увидимъ скоро, всѣ олигархическіе и вельможскія тенденціи были ему антипатичны въ высшей степени. Общія положенія аристократической партіи, о которой говоримъ, не пропали однакоже даромъ. Наши тайные круги дали ему

первый матеріалъ, первыя, еще грубыя, основанія для теоріи о либерально-охранительномъ призваніи дворянства, которую Пушкинъ впослѣдствіи значительно обработалъ, поправилъ и измѣнилъ. Онъ перенесъ свое сочувствіе на скромное, трудящееся, ученое наше дворянство, усмотрѣвъ въ немъ естественнаго покровителя и воспитателя народныхъ массъ и защищая его права на общественное вліяніе съ большой силой, съ глубокимъ убѣжденіемъ и не малымъ талантомъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ вліяній—было желаніе Пушкина проникнуть въ самыя нѣдра того отдѣльнаго міра столичной жизни, который назывался «аристократіей». За это желаніе онъ вынесъ много упрековъ отъ друзей и недруговъ, въ свое время, упрековъ, не умолкшихъ и позднѣе, но недоразумѣніе, ихъ породившее, требуетъ наконецъ разъясненія. Конечно, не за обрѣтеніемъ жизненныхъ идеаловъ существованія обращался нашъ поэтъ къ сферамъ, гдѣ пріютились богатство, роскошь, тонкія матеріальныя и духовныя наслажденія (онъ искалъ своихъ идеаловъ въ одномъ направленіи, какъ о томъ еще много будемъ говорить), а совсѣмъ по другимъ причинамъ и побужденіямъ. Въ немъ съ-молода жила страстная, мучительная потребность извѣдать всѣ стороны и слои общества, какъ и всѣ раздражающія удовольствія и всѣ впечатлѣнія и уроки, какіе они могутъ дать. Натура Пушкина была многотребовательная въ высшей степени. Присуждать такую натуру къ замкнутой жизни аскета-труженика, или въ укоръ ей противупоставлять благородный типъ человѣка, всегда вѣрнаго разъ усвоенной имъ идеѣ и не желающаго выходить изъ круга людей, ему сочувственныхъ, значитъ, просто морализировать втунѣ. Пушкинъ физически страдалъ и задыхался, когда осужденъ былъ на долгое время жить въ одной и той же обстановкѣ, довольствоваться однимъ и тѣмъ же рядомъ знакомствъ, связей и впечатлѣній. Это мы тоже скоро увидимъ изъ описанія его кишиневской и михайловской жизни. Въ настоящемъ случаѣ такъ-называемые аристократическіе круги должны были еще особенно раздражать его любопытство. Въ нѣдрахъ избранныхъ фамилій стала замѣчаться къ этому времени наклонность оборониться и уйти отъ наплыва разночинцевъ и новыхъ, неизвѣстныхъ людей, уже прорвавшихъ ряды остальнаго дворянства, вслѣдствіе реформъ и правительственной системы двухъ царствованій императоровъ Павла и Александра I-го. Другого способа не открывалось для того, какъ выдѣлиться *нравственно*, такъ сказать, изъ сословія, съ которымъ знатные роды были связаны закономъ; отсюда и первыя ихъ попытки со-

здать себѣ другіе обычаи, понятія и задачи существованія, чѣмъ тѣ, которые были въ ходу подъ ними. Пушкинъ уже видѣлъ образчики этого новаго направленія въ тѣхъ молодыхъ отпрыскахъ избранныхъ фамилій, которые по нуждѣ или для своего развлеченія спускались въ толпу, завязывая въ ней иногда чрезвычайно важныя, какъ знаемъ, знакомства и сношенія. Могъ ли Пушкинъ возбранить себѣ попытку узнать новое явленіе, которое уже давало себя чувствовать, въ самомъ его источникѣ. Оно было любопытно еще и съ другой стороны, составляя какъ-бы аномалію въ ходѣ дѣлъ и порядковъ времени. Оно существовало именно о-бокъ со своимъ опроверженіемъ, съ живымъ своимъ отрицаніемъ, съ однимъ всесильнымъ лицомъ, графомъ Аракчеевымъ, вышедшимъ изъ тѣхъ низменныхъ слоевъ, отъ которыхъ фамиліи хотѣли удалиться, и управлявшемъ какъ ими самими, такъ и страной. Графъ Аракчеевъ посмѣивался всѣмъ идеямъ и затѣямъ своихъ знатныхъ товарищей и просто понималъ власть, какъ случайное пріобрѣтеніе, которымъ должно пользоваться въ самомъ обширномъ смыслѣ, когда она находится въ рукахъ, и подчиняться ей безусловно, когда она перешла въ другія руки. Достойно изумленія, что этотъ всемогущій человѣкъ ограничивался только административными сферами, хозяйничая во всѣхъ вѣдомствахъ безпрекословно, и мало касался улицы, домашней жизни и обмѣна мнѣній, не устанавливая за ними никакого особаго надзора. Это уже зависѣло отъ свойства его честолюбія, по преимуществу служебнаго, и отъ бѣдности его образованія, нисколько не интересовавшагося общественными явленіями, но это помогло александровской эпохѣ развиться на свободѣ, со всѣми своими качествами и недостатками.

Пушкинъ имѣлъ право думать, что принадлежа самъ къ древнему, историческому дворянскому роду, онъ можетъ найти себѣ мѣсто вездѣ, гдѣ пожелаетъ, но оказалось, что не всегда двери иныхъ домовъ открываются и передъ такимъ преимуществомъ. Неодобрительные отзывы и осужденія друзей и близкихъ знакомыхъ Пушкина увеличились, когда они замѣтили, что онъ дѣлаетъ первые шаги для сближенія съ классомъ, который самъ нисколько не идетъ ему навстрѣчу. Довольно любопытно, что упреки, сыпавшіеся тогда на Пушкина, выходили совсѣмъ не изъ какого-нибудь яраго, демократически-настроеннаго лагеря, а отъ людей, принадлежавшихъ, какъ И. И. Пущинъ и др., къ старому и родовитому нашему дворянству: такъ уже была велика рознь въ сословіи. Но и тутъ существовало значительное недоразумѣніе. Дѣйствительно, одинъ и самый почтенный отдѣлъ

этого дворянства считалъ для себя униженіемъ навязываться въ друзья къ богатымъ и знатнымъ фамиліямъ; люди этого отдѣла шли скромно и твердо по избраннымъ ими служебнымъ, литературнымъ и другимъ путямъ, достигая иногда и важныхъ постовъ въ государствѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, заслуженнаго почета въ обществѣ. Къ этому разряду принадлежала и бо́льшая часть критиковъ Пушкина, но они несправедливо смѣшали поэта нашего съ другимъ разрядомъ того же стараго, но незнатнаго дворянства, который потянулся со слѣпымъ и страстнымъ увлеченіемъ къ новымъ свѣтиламъ, какъ только усмотрѣлъ ихъ на горизонтѣ — изъ тщеславія. Хорошимъ представителемъ этого отдѣла могъ служить отецъ поэта, упомянутый С. Л. Пушкинъ, весь вѣкъ занятый тѣмъ, чтобъ показаться рядомъ съ какимъ-либо аристократическимъ лицомъ на улицѣ или пробраться въ его салонъ, что̀ не всегда ему удавалось. Множество уморительныхъ анекдотовъ ходило тогда о хитростяхъ, какими онъ тѣшилъ свое тщеславіе и пускалъ пыль въ глаза другимъ. Никакихъ особенныхъ усилій не нужно было молодому Пушкину для того, чтобы пробиться въ круги знати по выбору: онъ былъ на дружеской ногѣ почти со всею ея молодежью, находился въ короткихъ сношеніяхъ съ А. Ѳ. Орловымъ, П. Д. Киселевымъ и многими другими корифеями тогдашняго свѣтскаго общества, не говоря уже о застольныхъ друзьяхъ его. Притомъ же Пушкинъ возбуждалъ любопытство и интересъ самъ по себѣ, какъ новая нарождающаяся, бойкая и талантливая сила. Совсѣмъ тѣмъ, кажется, Пушкинъ не миновалъ нѣкотораго непріятнаго искуса при своемъ вступленіи на эту арену, гдѣ онъ былъ только съ 30-хъ годовъ, какъ у себя дома. Сколько можемъ судить, ему пришлось на первыхъ порахъ испытать досадное чувство оскорбленной гордости, познакомиться съ пріемами спѣсиво-вѣжливаго обращенія и т. п. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по глубокой ироніи, съ которой онъ говорилъ позднѣе о *своемъ мѣщанствѣ* и въ прозѣ, и въ стихахъ, а всего болѣе по страстной защитѣ историческихъ родовъ, приниженныхъ обстоятельствами, которую предпринялъ въ Одессѣ, съ 1823 года, и уже не покидалъ въ продолженіи всей жизни. Противупоставленіе двухъ отдѣловъ одного сословія другъ другу безпрестанно подвертывалось подъ перо его и свидѣтельствовало о своемъ происхожденіи изъ оскорбленнаго или взволнованнаго чувства. Вотъ, напримѣръ, какая полемическая замѣтка, отъ 1830 года, осталась въ бумагахъ Пушкина. Она вызвана была журнальными толками того времени, поднявшими вопросъ объ аристократіи въ литературѣ, къ

которой, впрочемъ, причислялось обыкновенно только три имени: кн. Вяземскаго, Пушкина и Баратынскаго. Замѣтка нашего поэта, однакоже, значительно обобщаетъ споръ и тотчасъ же становится на ту точку зрѣнія, съ которой Пушкинъ вообще смотрѣлъ на вопросъ объ аристократіи: «И на кого журналисты наши нападаютъ? говоритъ авторъ ея. Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петрѣ I-мъ и императорахъ, и по большей части составляющее нашу знать—истинную, богатую и могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности. Они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) не хорошо...» Пушкинъ подразумѣваетъ «Сѣверную Пчелу». Мы приводимъ эту замѣтку не какъ образчикъ тогдашней журнальной полемики, а какъ подтвержденіе нашихъ разъясненій авторитетомъ самого поэта.

И много такихъ замѣтокъ, урывковъ и мыслей, имѣющихъ въ виду истолкованіе различныхъ судебъ русскаго дворянства и будущаго его призванія, мы увидимъ впереди и особенно много ихъ осталось отъ эпохи 1833 г., когда Пушкинъ писалъ своего «Мѣднаго Всадника». Извѣстно, что сама знаменитая поэма эта должна была, по плану автора, представлять бѣднаго потомка нѣкогда знаменитой фамиліи въ скромной ролѣ ничтожнаго департаментскаго чиновника. Великій преобразователь Россіи не только отнялъ у отцовъ героя ихъ общественное положеніе, но косвенно погубилъ и его самого въ послѣднемъ убѣжищѣ нищеты и сердечныхъ привязанностей, унесенныхъ наводненіемъ основаннаго имъ Петербурга. Вызовъ помутившагося въ умѣ чиновника, обращенный къ памятнику Петра, мгновенное оживленіе памятника и погоня за оскорбителемъ, по всей вѣроятности, не составляла въ планѣ Пушкина конца поэмы, какъ теперь. Зная его цѣли, тутъ невольно ждешь грозныхъ объясненій царя и его апоѳеозы.

Возвращаемся къ разсказу. Непризнанный тайными обществами и отдѣльными кругами, Пушкинъ вздумалъ составить себѣ самъ видное положеніе между ними, и для этого отдался вполнѣ памфлетической и сатирической дѣятельности, которая дѣйствительно и распространила его имя далеко за предѣлы обѣихъ столицъ. Такъ какъ эта дѣятельность играла весьма значительную

роль въ его судьбѣ, да и теперь еще вліяетъ на разнорѣчивыя сужденія людей о характерѣ поэта, то мы и остановимся на ней съ нѣкоторой подробностію.

Было бы странно утверждать, что при сочиненіи своихъ эпиграмъ, политическихъ пѣсенокъ и стихотворныхъ инвективъ, Пушкинъ самъ не испытывалъ гнѣва и негодованія, которыми дышатъ эти произведенія; но при всей ихъ искренности и горячности, позволительно думать, что создавая ихъ въ значительномъ количествѣ, Пушкинъ слѣдовалъ болѣе настроенію эпохи, чѣмъ личнымъ побужденіямъ, и выражалъ скорѣе ея страсти, чѣмъ свои собственныя. Во всей его памфлетной дѣятельности не было ничего органически связаннаго съ его собственной природой; ничего, что̀ вытекало бы изъ неодолимой нравственной потребности. Пора настоящаго политическаго экстаза для него еще не наступила: она явилась только съ высылкой его изъ Петербурга (1820 г.) и съ появленіемъ въ Кишиневѣ, да и тогда, какъ увидимъ далѣе, продолжалась не болѣе двухъ лѣтъ. Способность чувствовать внутреннюю неправду увлеченія и слѣпой страсти въ то самое время, какъ онъ приносилъ имъ безумныя жертвы, помогала ему разставаться съ ними безъ надрыва и колебаній. Къ тому же, въ образованіи петербургской задорной дѣятельности его участвовали, весьма значительной долей, жажда извѣстности и рукоплесканій. Закваски настоящаго сатирика, очищающаго дорогу лучшему порядку вещей, потому что стоитъ самъ выше грѣховъ и соблазновъ своего времени, конечно, въ Пушкинѣ тогда не было, а она и составляетъ первое условіе серьёзности самаго направленія. Оттого Пушкина и читали и слушали такъ, какъ онъ писалъ, весело, восхищаясь стихомъ, мыслію, оборотомъ рѣчи, и не очень думая о сущности дѣла. Его оды, эпиграмы, посланія, особенно извѣстная пѣсенка «Noël» [1]), сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обѣихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нисколько не сочувствовали ихъ духу и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Памфлеты Пушкина видимо составляли тогда для всѣхъ нѣчто въ родѣ запрещенной поэтической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однако же, казалась дѣятельность эта и важной и почетной. Со-

---

[1]) Пѣсенка „Noel"—пародія рождественскихъ поздравительныхъ пѣсенокъ средневѣковой Европы—написана была въ осмѣяніе слуховъ о скоромъ дарованіи имперіи новыхъ установленій, слуховъ, распространившихся въ публикѣ послѣ рѣчи, произнесенной Императоромъ при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ (1818).

блазнительными, но остроумными произведеніями отчасти эротической, а отчасти революціонной своей музы, онъ устроивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, ничтожной до крайности, ребячески-безпомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія. И. И. Пущинъ сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ», что другъ его чрезвычайно обрадовался намѣренію одного изъ почетнѣйшихъ лицъ того времени (Ник. Ив. Тургенева), приняться за изданіе политической газеты, гдѣ, конечно, поэтъ нашъ всегда имѣлъ бы готовое мѣсто. Этому легко повѣрить. Политическая газета давала Пушкину возможность испробовать себя на другомъ, менѣе скользкомъ и болѣе дѣльномъ поприщѣ. Газета, однако же, не состоялась (кстати сказать, между прочимъ, что Пушкинъ мечталъ потомъ о созданіи политической газеты всю свою жизнь). Но если бы даже тогдашнее предпріятіе по части газеты и осуществилось, то Пушкинъ врядъ ли могъ, по малому количеству идей, собранныхъ имъ въ короткій промежутокъ свѣтской своей жизни, явиться въ ней съ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ той же болѣе или менѣе замаскированной насмѣшки, въ которой онъ сдѣлался испробованнымъ мастеромъ. Здѣсь у мѣста будетъ привести анекдотъ о Пушкинѣ, сохранившійся въ его семействѣ. Однажды на упреки семейства въ излишней распущенности, которая могла имѣть для него роковыя послѣдствія, Пушкинъ просто отвѣчалъ: «безъ шума никто не выходилъ изъ толпы». Слова эти не заключаютъ, конечно, *всей* правды относительно его цѣлей и побужденій, но въ нихъ, однако же, есть добрая доля правды [1]).

---

[1]) Забавенъ также отвѣтъ Пушкина на предостереженіе такого же рода, сдѣланное ему кѣмъ-то весной, при вскрытіи Невы: „Теперь—сказалъ онъ—самое удобное время либеральничать: сношенія съ крѣпостью прерваны.“ Нашъ біографическій очеркъ былъ уже написанъ, когда мы нашли въ перепискѣ Н. М. Карамзина съ И. И. Дмитріевымъ, изданной въ 1866 г., замѣтку перваго о нравственномъ состояніи Пушкина, когда надъ нимъ разразилась наконецъ гроза, уже давно ожидаемая всѣми близкими къ нему людьми. Н. М. Карамзинъ пишетъ: „Хотя я уже давно, истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ; однакожъ изъ жалости къ таланту замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому — иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе.“ (Переписка, стр. 287). Почтенный исторіографъ имѣлъ право изумиться отсутствію этихъ добродѣтелей у предполагаемаго революціонера, но онъ не зналъ, что въ настоящемъ случаѣ не было и почвы для геройства и великодушія, которыя выростаютъ только на суммѣ вѣрованій и убѣжденій, добытыхъ опытомъ и размышленіемъ, а до нихъ Пушкинъ еще не дожилъ.

Затѣмъ молодому Пушкину предстояло еще освоиться съ тѣмъ міромъ понятій, который составлялъ, такъ сказать, ежедневный умственный оборотъ столицы. Міръ этотъ не былъ очень обширенъ и глубокъ въ то время, потому что весь заключался въ границахъ тогдашняго «большого свѣта». Большой свѣтъ сдѣлался, такимъ образомъ, представителемъ русскаго образованія не только передъ Европой, но и передъ всѣми другими классами общества, уступавшими ему, безъ возраженія, роль дѣльнаго отвѣтчика за умственныя силы и развитіе страны. О существованіи народной культуры тогда еще и помина не было: кабинетные труды нашихъ ученыхъ и спеціалистовъ не вызывали почти никакого вниманія: «большой свѣтъ» становился самъ собою какъ-бы хранителемъ просвѣщенія на Руси и лучшимъ доказательствомъ его дѣйствительнаго существованія въ нашемъ отечествѣ. Этотъ представитель отечественнаго развитія имѣлъ опять настолько единства, насколько имѣетъ его калейдоскопъ, слагающій различные узоры при всякомъ сотрясеніи. Обрывки разнохарактерныхъ ученій и направленій, сталкивавшихся въ обществѣ между собою, давали ему своего рода живописность, которую можно было, по ошибкѣ, принять за многосторонность развитія, какъ это и дѣлали современники. Вотъ почему довольно любопытно вспомнить теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ слишкомъ, о характерѣ идей и представленій, обращавшихся тогда въ «большомъ свѣтѣ» и составлявшихъ умственное питаніе какъ Пушкина, такъ и вообще людей, которые находились въ его положеніи—положеніи человѣка, начинающаго долгій путь самообразованія.

Царство блестящаго дилеттантизма по всѣмъ предметамъ и вопросамъ, выдвинутымъ впередъ европейскою жизнію, никогда уже потомъ не достигало у насъ до такихъ обширныхъ размѣровъ, какими оно могло похвастать въ промежутокъ времени отъ 1815 по 1825 годъ. Оно кончилось, какъ извѣстно, внезапной катастрофой, которая, обрушась на него, унесла не только его сподвижниковъ, но и всѣ ихъ толки, оставивъ общество и людей съ пустыми, такъ сказать, руками. Конечно, были достаточныя причины для такого скораго и безслѣднаго паденія. Что́ бы ни говорили современники эпохи о повсемѣстномъ изученіи политическихъ наукъ, о занятіяхъ Смитомъ, Бентамомъ, Филанжіери и проч., но способъ занятія ими вполнѣ былъ *«свѣтскій»* и никакого испытанія выдержать не могъ.

Необычайная и страстная влюбчивость въ идеи и представленія, попадавшія на глаза, сдѣлалась господствующей чертой

нашего общества послѣ заграничныхъ войнъ и замѣняла ему настоящее образованіе. Влюбчивость эта и была главной причиной водворенія у насъ почти всѣхъ явленій европейской мысли и цивилизаціи, потерявшихъ, однакоже, на новосельѣ свои природныя формы и краски. Происходило это главнымъ образомъ оттого, что почти всѣ подобныя явленія рисовались въ воображеніи своихъ новыхъ обожателей чрезвычайно ярко, но уже безъ всякаго масштаба для опредѣленія относительной ихъ величины и размѣра. Идеи являлись тогда, какъ кумиры, съ затерянной генеалогіей, но требовавшія безусловнаго поклоненія. Вотъ почему каждое свѣдѣніе, каждое представленіе, а тѣмъ болѣе каждая теорія, захваченныя въ ученыхъ нашихъ набѣгахъ на Европу, представлялись тогда и еще гораздо позднѣе такъ, какъ будто передъ ними никогда ничего не было и ничего не остается за ними, и постоянно объявлялись поэтому чуть не спасеніемъ рода человѣческаго. Такимъ спасеніемъ рода человѣческаго, между прочимъ, считались и мистическія, теозофскія, по-временамъ сектаторскія ученія. Свѣтская теологія вообще процвѣтала, какъ никогда: переводныя книжки Лабзина, заключавшія въ себѣ галлюцинаціи Юнговъ-Штиллинговъ и Экартгаузеновъ, лежали на столахъ государственныхъ людей и въ будуарахъ дамъ, высшее общество стекалось на католическія и протестантскія проповѣди, вездѣ находя для себя поразительныя *неожиданности*, передъ которыми благоговѣло, какъ передъ первымъ и послѣднимъ словомъ человѣческой премудрости. Даже такое литературное явленіе, какъ романтизмъ, поддерживаемый извѣстнымъ «Арзамасомъ», понималось не иначе, какъ неожиданнымъ даромъ судьбы, откровеніемъ, посланнымъ заключить разъ навсегда эстетическія и творческія теоріи на землѣ. Отъ мистическихъ теорій Пушкинъ, по здоровой нравственной своей натурѣ, былъ всегда далеко, но взамѣнъ онъ былъ не прочь смотрѣть на романтизмъ какъ на какую-то неизъяснимую силу, въ родѣ «благодати», отъ прикосновенія которой ничтожные люди становятся привлекательными и пустые предметы дѣлаются въ искусныхъ рукахъ изъ пустыхъ поэтическими и многознаменательными. Не говоримъ уже объ афоризмахъ и положеніяхъ экономическаго и политическаго содержанія. Каждое изъ нихъ считалось само по себѣ кладомъ, найденнымъ на чужой землѣ: требовалось только донести его бережно до дома, чтобы сдѣлать всѣхъ кругомъ себя и мудрыми и счастливыми людьми. Разсказываютъ, Гегель замѣтилъ про философскую систему Шеллинга, что, не опираясь на систему логики, она, при всей своей грандіозности, производитъ на умъ чи-

тателя впечатлѣніе внезапнаго пистолетнаго выстрѣла, неизвѣстно откуда раздавшагося. То же самое можно сказать и про культуру русскихъ образованныхъ классовъ двадцатыхъ годовъ. Безъ основъ общаго и солиднаго университетскаго образованія, она вся состояла, говоря иносказательно, изъ ряда пистолетныхъ выстрѣловъ такого рода, раздававшихся постоянно со всѣхъ сторонъ.

Для того, чтобы понять все сиротство европейскихъ идей на нашей почвѣ, надо вспомнить, какой правильный, строго-послѣдовательный ходъ приняли естественныя, политическія и философскія науки на Западѣ въ началѣ столѣтія. Ограничиваясь, для примѣра, однимъ философскимъ отдѣломъ знанія, нельзя не подивиться, какимъ чудомъ явились въ нашей свѣтской публикѣ, рядомъ со старыми и укоренившимися вѣрованіями ея въ сенсуализмъ и Руссо, еще теоріи Шеллинга и Окена. Развитіе философскихъ ученій въ Германіи происходило въ математическо-стройномъ порядкѣ. Родоначальникъ всѣхъ ея идеалистическихъ системъ, опредѣлившій предметы и задачи мышленія, именно Кантъ, былъ почти совершенно неизвѣстенъ русскимъ философамъ, какъ и ближайшій его наслѣдникъ Фихте, который, однакоже, и умеръ, такъ сказать, на ихъ глазахъ — въ 1815 г. Не далѣе, какъ въ 1818 г. Гегель уже открывалъ въ Берлинѣ свои лекціи, въ которыхъ довершалъ упраздненіе и разложеніе внѣшняго міра въ категоріяхъ логической идеи, но изъ круга этихъ дѣятелей вырваны были у насъ Шеллингъ и нѣсколько другихъ именъ, и поставлены одиноко, какъ символы, исполненные необычайныхъ загадокъ. Это былъ обыкновенный пріемъ «свѣтскаго» образованнаго міра, который никогда не переживалъ въ собственномъ сознаніи самого процесса и хода извѣстной науки, а постоянно искалъ поразительныхъ идей, изумительныхъ догматовъ, чего-нибудь феноменальнаго и оковывающаго вниманіе. Послѣ обрѣтенія подобнаго, смѣемъ выразиться, ново-*«явленнаго»* ученія онъ всецѣло предавался его страстному обожанію. Исторія эта повторялась съ каждымъ предметомъ, къ которому онъ обращался, и выразилась даже въ его исключительномъ поклоненіи псевдо-классическому искусству и французской драмѣ.

Такъ какъ борьба съ французскимъ эстетическимъ кодексомъ и съ классической поэзіей вообще занимаетъ не послѣднее мѣсто въ жизни и творчествѣ Пушкина, то мы обязаны также сказать нѣсколько словъ и о художественныхъ понятіяхъ эпохи. Уже и въ это время имена Гёте и Шиллера начинали проникать въ общество. «Вѣстникъ Европы» съ 1818 г. сталъ противоставлять, хотя еще и очень робко, французскимъ трагикамъ извѣстія

о драмахъ Гёте и Шиллера, но съ появленіемъ Пушкина онъ отказался, какъ извѣстно, отъ этой пропаганды и возвратился назадъ. Не болѣе выдержки показала и свѣтская критика. Для нея знаменитые поэты Германіи были опять чѣмъ-то въ родѣ неожиданныхъ небесныхъ знаменій, появившихся на европейскомъ горизонтѣ и задающихъ трудные вопросы зрителямъ. И дѣйствительно, ихъ не легко было уразумѣть безъ знакомства съ дѣятельностью Лессинга, очистившаго имъ дорогу, и съ новой нѣмецкой философіей, воспитавшей ихъ духъ и устроившей ихъ созерцаніе. Оставалась классическая драма и классическое искусство вообще, столь доступныя образованному нашему классу по своему чистому французскому діалекту: они не требовали и особенной подготовки. На классической драмѣ и сосредоточились общіе восторги и похвалы. Высокообразованные люди эпохи успѣли понять красоту ея фразы, проникнуться чинностію и приличіемъ ея формъ, этикетомъ временъ «великаго монарха», который герои ея соблюдали даже въ минуты катастрофъ, наконецъ ея напыщенно великими (sublime) или ухищренно тонкими изреченіями. Эти выходки и фразы одно поколѣніе дѣтей за другимъ учило у насъ наизусть чуть ли не полъ-вѣка съ ряду. Самый же духъ псевдо-классическаго искусства, такъ понятный народамъ романскаго происхожденія, былъ совершенно чуждъ сѣвернымъ его поклонникамъ. Какія струны сердца могли, въ самомъ дѣлѣ, будить у нихъ отголоски греко-римскаго языческаго міра, что̀ могли говорить ихъ уму и воображенію другія составныя части классической поэзіи — воспоминанія изъ эпохи «возрожденія» съ ея жаждой блеска, щегольства, наслажденій или мотивы, занесенные въ нее отъ средне-вѣковыхъ труверовъ, изъ кодекса рыцарской чести и морали и проч.? Но сладкая привычка слушать французскую рѣчь и изъясняться ею держала все свѣтское общество долго въ упоеніи передъ псевдо-классическимъ искусствомъ. Пушкинъ, однако же, скоро отрезвился, благодаря Байрону, отъ этого упоенія, которое сначала раздѣлялъ со всѣми; но понадобились весь его талантъ и многолѣтнія усилія критиковъ, чтобы ослабить въ обществѣ эту почти кровную его привязанность. Еще въ 1830 г. Пушкинъ, приступая къ изданію Бориса Годунова, сомнѣвался въ его успѣхѣ, основываясь на классическихъ симпатіяхъ публики и прибавляя: «нововведенія, кажется, не нужны и опасны». (См. «Матеріалы» 1855, стр. 147).

Вообще говоря, благородныя личности той эпохи (мы разумѣемъ ея лучшихъ людей, ея «интеллигенцію») поражали въ послѣдовавшее затѣмъ время благоговѣйной преданностью и лю-

бовью къ той или другой идеѣ, явившейся имъ на зарѣ жизни, какъ истина. Оно и понятно. Все, что̀ они называли знаніемъ, никогда не носило характера изученія, допускающаго видоизмѣненія взглядовъ, поправки ихъ или развитія. Всякое знаніе, такъ или иначе добытое, было для нихъ глубокимъ, непоколебимымъ вѣрованіемъ, непререкаемымъ догматомъ, чѣмъ и объясняется замѣченная въ нихъ стойкость убѣжденій до слѣпоты и упрямства.

Горячій и страстный дилеттантизмъ времени развивался съ особенной силой и полнотой на почвѣ русской исторіи, въ области представленій и понятій о прошломъ русскаго народа, которымъ объяснялось настоящее его положеніе и изъ котораго выводились предсказанія о его будущемъ. Дилеттантизмъ этого рода вышелъ совсѣмъ не изъ желанія противодѣйствовать господству западной науки въ обществѣ или заставить ее, покинувъ свой доктринерскій характеръ, заняться вопросами русской жизни. Напротивъ, и ученое доктринерство, и пламенная патріотическая фантазія часто сживались тогда другъ съ другомъ въ умѣ одного и того же лица, которое могло свободно призывать воображаемые факты русской исторіи на помощь идеямъ чужеземнаго происхожденія, нисколько не замѣчая ихъ разновидности и внутренняго противорѣчія. Такъ именно случилось у насъ по вопросу о древне-славянскомъ бытѣ. Въ свѣтскомъ обществѣ образовалась значительная партія, желавшая вывести цѣли и задачи русскаго развитія изъ указаній исторіи, изъ свойствъ самого духа, «психеи»—русскаго народа, подобно тому, какъ передовые люди Германіи вызывали тѣни Арминія, воспоминанія Тацитовскихъ нѣмцевъ и проч. для обновленія и одушевленія своего народа. Но по тому же недостатку точныхъ свѣдѣній и научнаго изученія предмета, которое замѣчалось во всѣхъ другихъ сферахъ тогдашней умственной дѣятельности, эта партія сама пріобрѣла чрезвычайно произвольный, фантастическій характеръ. Изъ множества поэтическихъ, но призрачныхъ ея толкованій русской исторіи, особеннымъ успѣхомъ пользовалось то, которое помѣщало въ обще-славянскомъ мірѣ, съ самой ранней его поры, величественныя народныя учрежденія, обезпечивавшія каждой общинѣ самостоятельное развитіе. Свѣтская эрудиція, овладѣвшая этой темой и сдѣлавшая ее модной темой своихъ учено-патріотическихъ разговоровъ, разсуждала о вѣчахъ въ древнихъ общинахъ, о подчиненной роли князей въ тѣхъ же общинахъ, объ устройствѣ самими племенами и народными группами всего своего политическаго быта и всѣхъ своихъ отношеній къ другимъ родственнымъ племенамъ и народнымъ группамъ. Заключенія добывались пар-

тіей также легко, какъ и факты. Свѣтская эрудиція усматривала въ старыхъ порядкахъ древняго нашего быта высокій идеалъ общественнаго и политическаго существованія, достойный возстановленія и подражанія. Молодое поколѣніе призывалось осуществить этотъ старый, утерянный идеалъ жизни, который тѣмъ удачнѣе исполнялъ свою роль идеала, чѣмъ туманнѣе и неопредѣленнѣе представлялся сознанію. Мы осуждены приводить не много свидѣтельствъ въ подтвержденіе нашего очерка, такъ какъ описываемъ внутреннюю, интимную жизнь общества, которое, по особеннымъ причинамъ, рѣдко спускалось до обнаруженія своего настроенія печатнымъ словомъ или гласнымъ заявленіемъ, оставивъ послѣ себя только живыя преданія, нами здѣсь и подобранныя. Совсѣмъ тѣмъ уцѣлѣло отъ этой эпохи и нѣсколько положительныхъ свидѣтельствъ созерцанія, описываемаго теперь. Такъ, полемическія замѣтки М. Ѳ. Орлова и Никиты Муравьева, направленныя противъ духа и основныхъ положеній исторіи Карамзина, имѣли точкой своего отправленія ревность по величію славянъ и по красотѣ ихъ исторіи. Яснѣе выразилась теорія въ извѣстномъ «Разборѣ Донесенія», составленномъ Лунинымъ и тѣмъ же Н. Муравьевымъ: тамъ одно изъ примѣчаній излагаетъ въ видѣ непреложнаго историческаго догмата, не нуждающагося въ подтвержденіяхъ и изысканіяхъ, повсемѣстное существованіе на Руси республикъ и совѣщательныхъ собраній, никогда не признававшихъ единоличной власти; память о нихъ сказывалась будто и въ московской періодъ исторіи, напримѣръ при Иванѣ Грозномъ, и очевидно была свѣжа будто бы въ народѣ, даже при Петрѣ І-мъ и позднѣе. Да и не одними теоріями ограничивалось въ то время это псевдо-историческое созерцаніе, возникшее въ свѣтскомъ быту: оно перенесено было на другую почву, какъ это тогда постоянно дѣлалось, и на основаніи его составлялись тайныя общества, имѣвшія въ виду осуществленіе федераціи славянскихъ племенъ, чему служитъ доказательствомъ «Общество Соединенныхъ Славянъ», возникшее на югѣ Россіи. Проекты конституцій, начертанныхъ Никитой М. Муравьевымъ и кн. Трубецкимъ, носятъ на себѣ отпечатокъ того же ученія: оно подсказало имъ дѣленіе нашего русскаго міра на множество самостоятельныхъ областей и державъ, принятое и «Русской Правдой» Пестеля. Разница тутъ состояла только въ способѣ устроенія федеративной связи между этими частями. Какую долю времени посвящалъ впослѣдствіи самъ Пушкинъ на изъясненіе *a priori* русской исторіи, мы уже знаемъ изъ документовъ, помѣщенныхъ въ нашихъ «Матеріалахъ» 1855 г. Выводы его могли быть иные при этомъ, но пріемы изслѣдованія

унаслѣдовалъ онъ отъ своихъ современниковъ александровской эпохи, и способъ относиться къ исторіи былъ у него одинаковый съ ними. Вотъ что онъ писалъ, напримѣръ, въ 1831 г., разсуждая о феодализмѣ, какъ о могущественномъ элементѣ развитія, который пережили западные народы и отсутствіе котораго въ русской жизни и исторіи, по мнѣнію Пушкина, достойно сожалѣнія: «Феодализмъ могъ бы развиться (у насъ) наконецъ, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были бы второй), но онъ не успѣлъ... Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Іоанномъ III-мъ, гонимъ, истребляемъ Іоанномъ IV-мъ. Мѣсто феодализма заступила аристократія, и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная — отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сегодня» и проч.

Замѣчательно, что подъ псевдо-русскую народную охрану становились и реакціонныя ученія, поражавшія своимъ чужевиднымъ, экзотическимъ характеромъ. Такъ ультра-мистическое направленіе, водворившееся въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, еще думало, что исполняетъ задачу, указанную ему всей старой русской исторіей. Оно также заявляло претензію опираться на коренныя основанія народныхъ убѣжденій, понятій и представленій, когда боролось съ просвѣщеніемъ вообще. Во имя этихъ предполагаемыхъ основаній и элементовъ русскаго народнаго духа, дѣятельный агентъ направленія, извѣстный Магницкій, свершалъ преобразованіе казанскаго университета, сдѣлавшее изъ этого учебнаго заведенія образецъ лицемѣрнаго прохожденія какой-то таблички благочестивыхъ упражненій, не имѣвшей ни малѣйшихъ отношеній къ знанію и образованію, а другой, не менѣе дѣятельный и извѣстный Руничъ, во имя тѣхъ же подставныхъ началъ, открывалъ процессъ въ петербургскомъ университетѣ, 1820 г., не только противъ чужеземной науки вообще, но и противъ первыхъ, необходимыхъ и неизбѣжныхъ пріемовъ всякаго мышленія и изслѣдованія. Замѣчательно однакоже, что черезъ три года послѣ окончательнаго преобразованія университетовъ, и именно съ эпохи назначенія министромъ народнаго просвѣщенія (1824 г.) адмирала А. С. Шишкова, всѣ основанія, проводимыя мистическимъ направленіемъ, признаны были подложно-русскими, его ученія нечестивымъ поползновеніемъ ввести беззаконную примѣсь въ нѣдра настоящихъ коренныхъ русскихъ убѣжденій, а нѣко-

торыя изъ его учрежденій, какъ Библейскія Общества — даже безсознательной революціонной пропагандой (См. «Записки А. С. Шишкова») [1]. Настоящее русское созерцаніе оказалось теперь на сторонѣ членовъ и основателей общества «Бесѣды русскаго слова». Такъ еще мало согласны были у насъ люди понимать подъ извѣстными названіями одно опредѣленное явленіе. Біографическая важность приведенныхъ нами фактовъ по отношенію къ Пушкину, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Изъ такой-то путаницы перекрещивающихся воззрѣній и ученій, не очень состоятельныхъ и по себѣ, долженъ былъ онъ выдѣлять элементы своего умственнаго и нравственнаго воспитанія. Онъ умѣлъ, однакоже, усвоить отъ этой эпохи лучшее ея достояніе—ея пытливость, ея стремленія къ осмысленному, разумному существованію и ея вражду ко всему злобному, низкому и раболѣпному. Она-то и образовала изъ Пушкина типъ геніальнаго человѣка съ простой душой, насадителя благороднѣйшихъ чувствъ и помысловъ на Руси—радѣтеля и провозвѣстника всего, чтó возвышаетъ мысль и помогаетъ ей переносить тяготы и противорѣчія жизни.

Таковъ былъ одинъ отдѣлъ «Большого Свѣта»; но существовалъ еще и другой, *литературный* отдѣлъ его, тоже замѣшанный въ дѣлѣ образованія личности поэта не менѣе перваго. Къ нему теперь и переходимъ.

ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ

ВЪ 1848 ГОДУ.

Окончаніе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

По новымъ документамъ.

IV *).

(Продолженіе).

Умственное и нравственное развитіе Пушкина. — Ученыя и литературныя общества.—Арзамасъ.—Его значеніе и громадное вліяніе на Пушкина.—Русланъ и Людмила.—Катастрофа и высылка поэта изъ Петербурга.

Переходимъ къ изложенію умственнаго и нравственнаго развитія, какое началось для Пушкина при той обстановкѣ, которую мы старались описать.

Если самолюбіе Пушкина было оскорблено осторожностію и скрытностію аристократическихъ и политическихъ круговъ, то съ другой стороны—оно находило полное вознагражденіе себѣ въ обществѣ литераторовъ. Здѣсь всѣ двери были настежъ для Пушкина: восторженныя и неумолкаемыя привѣтствія встрѣчали его при каждомъ появленіи между собратами, какъ бы различны ни были ихъ убѣжденія. Пушкина носили здѣсь на рукахъ и тѣ

*) См. выше: нояб., 5 стр.

люди, которые не протягивали ему руки, когда стояли на другой почвѣ. Онъ былъ балованное дитя современныхъ ему писателей, которые старались избѣгать его эпиграммъ и домогались отъ него посланій, какъ отличія. По этому случаю возникали между пріятелями Пушкина вообще даже переписки, хлопоты и ревнивыя объясненія своихъ правъ на стихотворный подарокъ. Мы знали еще недавно престарѣлыхъ людей, вспоминавшихъ съ гордостію о томъ, что Пушкинъ, въ былыя времена, посвятилъ имъ нѣсколько печатныхъ или альбомныхъ строкъ. Все это приходило ему даромъ—безъ всякаго труда, домогательства или заискиванія у толпы своихъ поклонниковъ. И если припомнить, что Пушкинъ тогда еще былъ загадкой и ничего не могъ предъявить, кромѣ способности къ легкому стихосложенію, къ остроумной шуткѣ и нѣсколькихъ попытокъ въ элегическомъ родѣ (о дружескихъ посланіяхъ и памфлетахъ не считаемъ нужнымъ упоминать), то надо будетъ повторить, что само общество наше, по одному предчувствію его силы, выносило его на ту высоту, на которой онъ дѣйствительно и укрѣпился потомъ.

Классъ тогдашнихъ литераторовъ не отставалъ отъ публики въ провозглашеніи великихъ надеждъ, подаваемыхъ Пушкинымъ, но самъ отъ себя уже ничего не могъ ему сообщить, ничѣмъ не могъ подѣлиться съ нимъ. Классъ этотъ еще не сознавалъ для себя особеннаго призванія въ обществѣ, а о томъ, чтобъ готовиться къ ролѣ руководителя публики въ нравственныхъ и эстетическихъ вопросахъ — въ немъ не было и помина. Издали слѣдилъ онъ за движеніями и явленіями, которыя слагались на поверхности петербургскаго образованнаго общества, но отражалъ ихъ уже крайне слабо и тускло, какъ о томъ еще будемъ говорить; а что касается до задачи — возвыситься надъ многорѣчивыми толками «большого свѣта», опредѣлить ихъ смыслъ и отношеніе другъ къ другу и сдѣлаться центромъ и свѣточемъ общественной мысли, отыскавъ основанія для нея собственнымъ, свободнымъ и самостоятельнымъ трудомъ, то о возможности и необходимости подобной задачи въ кругѣ тогдашнихъ литераторовъ не было и предчувствія [1]).

[1]) Само собой разумѣется, что опредѣляя общій характеръ писателей того времени, мы должны исключить изъ этого очерка имена тѣхъ тружениковъ науки, литературы и искусства, которыя составляли славу эпохи. Таковы имена: Жуковскаго, Карамзина, Ник. Тургенева, Куницына, Велланскаго и т. д.; но всѣ эти лица стояли особнякомъ, внѣ волненій литературныхъ круговъ, занятые каждый своимъ дѣломъ, и не дали имъ отъ себя ни тока, ни окраски, а еще менѣе какой-либо части собственнаго своего содержанія.

Учиться тутъ чему-либо, чего еще не зналъ Пушкинъ, уже не предстояло возможности, хотя онъ усердно искалъ тогда учителей, если судить по извѣстному анекдоту съ П. А. Катенинымъ, къ которому явился съ предложеніемъ — «побить, да выучить». Напротивъ, изъ общества литераторовъ онъ вынесъ, благодаря ихъ легкому отношенію къ своимъ занятіямъ, ихъ промахамъ въ языкѣ и логикѣ, ихъ мелочнымъ цѣлямъ и стремленіямъ — привычку къ глумленію и ѣдкой насмѣшкѣ, которая проявляется въ его перепискѣ съ друзьями, съ 1823 года, къ сожалѣнію до сихъ поръ не собранной и не опубликованной вполнѣ. Какая-то удаль остроумія, въ ней проявляющаяся и иногда чрезвычайно мѣтко пятнающая выбранныя ею жертвы, не покидала его и въ сношеніяхъ съ такими людьми, какъ Жуковскій и Карамзинъ,—это мы увидимъ далѣе,—хотя уже и отзывалась тогда шалостію избалованнаго юноши. Но Пушкинъ считалъ еще правомъ и необходимымъ условіемъ свободной личности—не воздерживаться отъ шутки, когда она приходила на умъ, къ чему онъ такъ пріобыкъ въ кругу литераторовъ, безпрестанно вызывавшихъ ея. Никто лучше Пушкина и не выразилъ обычнаго свойства тогдашнихъ писателей: «они только разучиваются,—сказалъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей переписки,—вмѣсто того, чтобы учиться». Ясно, что съ этой стороны никакой нравственной поддержки и дѣльнаго наставленія онъ получить не могъ. Оставались многочисленныя литературныя общества того времени, оффиціальныя и полуоффиціальныя, но является вопросъ: что̀ такое они были *въ самомъ дѣлѣ*?

Россія, какъ извѣстно, переживала тогда эпоху «обществъ» съ филантропическими и моральными цѣлями, подобно тому, какъ нынѣ переживаетъ она эпоху акціонерныхъ, коммерческихъ и спекуляціонныхъ ассоціацій. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ каждый силился пристроиться къ тому или другому литературному кругу, оффиціально признанному администраціей, а нѣкоторые принадлежали сверхъ того еще и масонскимъ союзамъ, что̀ уже считалось признакомъ высокаго многосторонняго развитія и давало лицу особенный вѣсъ. Всѣ эти круги терпѣлись и даже поощрялись сначала правительствомъ въ виду того, что они отвлекали людей отъ грубыхъ занятій и удовольствій и возвышали умы сближеніемъ ихъ съ вопросами моральнаго и отвлеченнаго свойства. На дѣлѣ однакожъ тогдашняя русская жизнь значительно упростила и понизила способы заниматься этими вопросами. Приманка масонскихъ ложъ, съ ихъ затѣйливыми и всегда безсмысленными мистическими прозвищами, заключалась для современниковъ преимущественно въ томъ, что они давали людямъ возможность *«слу-*

жить человѣчеству», имѣть искреннихъ братьевъ, какъ тогда думали, на всѣхъ концахъ вселенной, и потому чувствовать себя въ связи со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, не принося для этого никакихъ другихъ жертвъ, кромѣ усвоенія жаргона и устава своего братства и особенно покорности высшимъ степенямъ его. Не менѣе обольстительно было сдѣлаться и двигателемъ просвѣщенія, наукъ и искусствъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, приписавшись только въ члены оффиціальнаго литературнаго общества и принявъ на себя легкую обязанность не пропускать слишкомъ часто его засѣданій, выслушивать терпѣливо чтеніе прозы и стиховъ на вечерахъ, заниматься тайной исторіей отношеній, существующихъ между писателями, и быть наготовѣ самому перевести или даже накропать какую-либо статейку. Но отъ такого упрощенія цѣлей всѣ эти «общества» обнаружили крайній недостатокъ самодѣятельности и творчества. Ихъ внутренняя слабость теперь поразительна, хотя и легко объясняется. Они сошли со сцены вскорѣ послѣ этой эпохи: масонскія общества—въ 1822 г., литературныя—въ 1825 г., не оставивъ никакихъ слѣдовъ послѣ себя, не выработавъ для цивилизаціи и культуры страны ни одной черты, на которую бы можно было указать. Масонство русское временъ Александра I-го окончательно утеряло свой строгій, подвижническій и моральный характеръ, которымъ отличалось въ эпоху своего единственнаго цвѣтенія на Руси, соединеннаго съ именами Новикова, Шварца, Походяшина: оно превратилось теперь въ собраніе сектъ и толковъ, раздѣленныхъ обрядовой стороной, но одинаково безцѣльныхъ и безпредметныхъ, которые доносили полиціи о своихъ засѣданіяхъ или о своихъ «работахъ», какъ они еще величали свои пусто-величавыя собранія, въ которыхъ главнымъ дѣломъ было исполненіе различныхъ, усвоенныхъ ими ритуаловъ. Нѣтъ никакой возможности указать, чтобы гросмейстеры русскихъ масонскихъ союзовъ, не говоря уже о рядовыхъ членахъ, знали цѣли и задачи европейскаго масонства или создали для себя новыя, примѣняясь къ условіямъ края: таинственно, но тупо и молчаливо стояли они посреди нашего общества, безъ признаковъ чего-либо похожаго на пропаганду, но съ лживыми обѣщаніями будущихъ великихъ откровеній.

Отъ литературныхъ обществъ намъ остались печатные документы, вполнѣ разоблачающіе характеръ ихъ обычной дѣятельности. Всѣ они имѣли свои журналы и органы. «Общество Любителей Словесности» при московскомъ университетѣ, такъ долго находившееся подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго А. А. Прокопови-

ча-Антонскаго, издавало періодически свои «Труды»; «Петербургское Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ» выбрало для себя органомъ журналъ своего предсѣдателя, А. Е. Измайлова, «Благонамѣренный», столь много потѣшавшій кружокъ Пушкина; наконецъ, петербургское же «Вольное Общество Любителей Словесности», управляемое тогдашнимъ своимъ предсѣдателемъ Ѳ. Н. Глинкой, обзавелось журналомъ «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія». Кто пробѣгалъ эти изданія, тотъ знаетъ, что, за исключеніемъ весьма немногихъ статей, содержаніе ихъ не выражаетъ даже и той степени образованія, которая уже существовала у насъ въ «большомъ свѣтѣ».

Приводимъ здѣсь для примѣра оглавленія первыхъ январскихъ книжекъ этихъ журналовъ въ 1818 и 1820 гг. Это, конечно, были лучшіе №№ журналовъ, и вотъ что̀ они содержали:

„*Благонамѣренный*“
1818 года, № 1-й:

I. Стихотворенія:

1. Властолюбіе. Аркадій Родзянко.
2. Идиллія (Сыновняя любовь). В. Панаевъ.
3. Осень. Съ нѣмецкаго. Ры-скій.
4. Прудъ и Капля. Басня. Ѳ. Глинка.
5. Кащей и Лекарь. Сказка. П.
6. Отвѣтъ и Совѣтъ. О. Н.
7. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи. Г—а.

II. Проза:

1. Не родись не хорошъ, не пригожъ, а родись счастливъ. Истинное происшествіе. В—ръ П—въ.
   NB. Дѣйствующія лица называются Аделаидой и Модестомъ.
2. Дорога отъ Устилуга до Варшавы. Отрыв. изъ записокъ русскаго офицера. А. Раевскій.
3. Нѣсколько словъ о кокетствѣ. В. П.
4. Избранныя мысли изъ Рошефуко, Флоріана, Демутье. П-на Р—ая.
5. Отрывки изъ Вакефильдскаго

„*Благонамѣренный*“
1820 года, № 1-й:

1. Приключеніе въ маскерадѣ. Истинное происшествіе. В. Панаевъ.
2. Скандинавская миѳологія. Боги второй степени. (*Осемь страничекъ крупной и особенно разгонистой печати*). А—ъ Р—х—ъ.

Мелкія стихотворенія:

3. Мечты юности. П. Теряева.
4. Свиданіе. П. Межакова.
5. Романсы—числомъ 4.
6. Прости. *(Къ Лилъ)*. Н. Покровскаго.
7. Къ одной дѣвицѣ, гадающей на картахъ. С. Н.
8. *Къ Лилъ*. Ѳ. Б—л—фъ.
9. Хмѣль и Василекъ. А. Ш-м-к-въ.
10. Клятва пьяницы. Сказка. И.
11. Эпиграммы—числомъ 4.

Новости:

Иностранныя извѣстія изъ Франціи, Италіи, Австріи, Пруссіи, Нидерландъ, Сѣв. Америки (на *четырехъ* страничкахъ). Благотворенія, Эпи-

священника. (Какъ образецъ чистаго, правильнаго и пріятнаго слога, какимъ писалъ покойный П. А. Никольскій).
6. Разборъ Хемницеровой басни: Воля и Неволя. И.

III. Смѣсь:

Русскіе анекдоты.

„Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“

1818 года, № 1-й:

I. Проза:

1. Духъ Россійскихъ Государей Рюрикова дома.
2. Странствованіе Гумбольта по степямъ и пустынямъ Новаго Свѣта (*семь* стран.).
3. Различіе между дружбою и любовью. А. Боровкова.
4. Ратмиръ и Всемила (Древнее преданіе).

II. Стихотворенія:

1. Москва (Сойди, поэзія священна). Графа Сергѣя Салтыкова.
2. Отрыв. изъ Делилевой поэмы: L'imagination. А. Крылова.
3. Странствованіе Амура. Ѳ. Глинка.
4. Выборъ Флоры. В. Бриммера.
5. Мальчикъ и Голубокъ. Басня. Ал. Дуропа.
6. Мартышка и Слонъ. Басня. Гр. Д. Хвостова.
7. Эпиграммы. Р—ръ.
8. Романсъ къ другу. Съ нѣм. Н.

III. Смѣсь:

Жизнь В. П. Петрова. („Соперникъ Флакка и Марона“). Объявленіе о книгѣ, ноты на романсъ: „Тщетно плачешь, другъ любезный“.

граммы, Загадки, Логогрифы, Омонимы, три шарады.

NB. Въ каждой изъ книжекъ до 80 страницъ, in 12.

„Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“

1820 года, № 1-й:

I. Проза:

1. Четыре первыя Божества Индіи (на *восьми* страничкахъ). Бар. Корфъ.
2. О Людовикѣ XIV. Д. Сахаровъ.
3. О гробахъ въ Герцеговинѣ. Съ польск. Ходаковскій.
4. Зоя, или не слѣдуйте системамъ философовъ. Съ фр. Н. А.

II. Стихотворенія:

1. Альфонсъ. Б. Федоровъ.
2. *Къ Лилетѣ.* Д.
3. Неумѣренному честолюбцу. Гр. Д. Хвостова.
4. Нераздѣляемое наслажденіе. Элегія. Плетневъ.
5. Къ другу. Ал. Д.
6. Шаррада. Ѳ. Г.
7. Свинья и Кабанъ. Басня. Ал. Д.

III. Смѣсь:

Ученыя извѣстія изъ Польши, Пруссіи, Австріи, Швеціи и Даніи, Англіи, Франціи, Италіи и *Филадельфіи*. (На *восьми* малыхъ страничкахъ разгонистаго шрифта).

Въ слѣдующемъ 2-мъ № 1820 г. были статьи: „Еще нѣкоторыя замѣчанія о Слободско-Украинской губерніи“, „Отрывокъ изъ походныхъ записокъ Лажечникова“ (3 странички), „О просвѣщеніи у исландцевъ“, „Смерть Лукреціи“, и т. д.

Мы освобождаемъ читателя отъ перечня статей въ «Трудахъ» Московскаго Общества любителей словесности, которые въ беллетрическомъ отношеніи ничѣмъ не превосходили образчиковъ сейчасъ представленныхъ, а въ ученомъ и критическомъ носили *школьный* характеръ, удалявшій отъ нихъ читателей даже и въ то время. Критическія статьи и замѣтки Мерзлякова и друг. составляютъ исключенія, но счастливыя исключенія встрѣчаются также точно и у «Соревнователя», какъ и у «Благонамѣреннаго».

Повторяемъ выводъ, который самъ собою представляется легко, когда разсматриваешь дѣятельность всѣхъ этихъ «Собраній»: они не расчистили дороги никакому серьёзному литературному направленію, не утвердили ничего похожаго на ученіе, доктрину или теорію, и не воспитали на собственныхъ своихъ началахъ ни одного сильнаго таланта, который могъ бы служить ихъ представителемъ, а потому и говорить о сходствѣ или различіи ихъ стремленій было бы празднымъ дѣломъ [1]).

Стóитъ упомянуть развѣ объ одной чертѣ, ихъ отличавшей. Всякій разъ, какъ появлялись люди въ родѣ Карамзина или Пушкина, открывавшіе собой новые литературные періоды, «общества» наши, застигнутые врасплохъ, приходили въ волненіе, погружались въ толки и раздѣлялись на партіи, изъ которыхъ однѣ сочувствовали вновь появившемуся феномену и рукоплескали ему, другія со страхомъ и бранью отвращались отъ него; но все это движеніе не измѣняло рутины и врожденной косности корпорацій и ихъ засѣданій, да и длилось обыкновенно короткій срокъ, послѣ котораго ряды членовъ опять приходили въ порядокъ и каждый снова стоялъ на старомъ мѣстѣ, со старыми умственными привычками и со старыми отношеніями къ другимъ, какъ будто ничего особеннаго и не случилось [2]).

Понятно, что при такомъ характерѣ литературныхъ обществъ и при такомъ состояніи беллетристики и критики въ ихъ нѣд-

---

[1]) Можно добавить къ этому въ видѣ археологической подробности, что Общество Измайлова склонялось болѣе къ воззрѣніямъ „Бесѣды Любителей Русскаго Слова“ Державина и Шишкова, и потому преслѣдовало въ своемъ органѣ романтизмъ и его „баловней“, между тѣмъ какъ „Вольное Общество“ Глинки радушно относилось къ новымъ дѣятелямъ и видимо состояло подъ вліяніемъ знаменитаго „Арзамаса“, хотя и собиралось въ домѣ Державина, какъ прямой наслѣдникъ основанной имъ „Бесѣды“.

[2]) Надо помнить, что мы не говоримъ о жаркой борьбѣ, происходившей нѣкогда между членами Шишковской „Бесѣды“ и „Арзамасомъ“ и дѣйствительно раздѣлявшей ихъ сторонниковъ на серьёзныя партіи. Ко времени выпуска Пушкина изъ Лицея—1818 г., ни Бесѣды, ни Арзамаса уже не существовало фактически, о чемъ ниже.

рахъ, не Пушкину приходилось искать у нихъ помощи и указаній, а напротивъ, они опредѣлены были слѣдить за нимъ и учиться у него: такъ именно и случилось.

Съ 1820 года Пушкинъ повлекъ за собой блестящими и быстро смѣняющимися своими произведеніями, изъ которыхъ каждое открывало новые источники поэзіи и неожиданныя соображенія эстетическаго, моральнаго и частію даже политическаго характера, — повлекъ, говоримъ, за собой также точно читающую нашу публику, какъ и литературныя общества, и писателей, и во многихъ случаяхъ противъ воли и желанія послѣднихъ, уже свыкшихся съ покоемъ литературныхъ собраній. Гораздо позднѣе описываемаго нами времени, и уже домогаясь позволенія на изданіе политической газеты (1833 г.), Пушкинъ, въ проектѣ своей оффиціальной просьбы поэтому поводу, чертилъ о себѣ слѣдующія строки, которыя онъ имѣлъ, по нашему мнѣнію, полное право сказать, но которыя онъ однако же вымаралъ, какъ, вѣроятно, отзывающіяся отчасти хвастливостію: «Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I), я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ *Министерство* (т.-е. м-во Просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ».

Исключеніе составляло одно только литературное общество, именно «Арзамасъ». Значеніе этого знаменитаго общества не только не разъяснено у насъ вполнѣ, но врядъ ли еще и понято достаточно ясно и правильно, благодаря тому, что историки и судьи «Арзамаса» видѣли въ немъ одну только шутливую сторону и сочли его на этомъ основаніи за сборище веселыхъ и праздныхъ собесѣдниковъ. Шутливость «Арзамаса» прикрывала однако же очень серьёзную мысль, чтó именно и даетъ ему право на вниманіе въ исторіи нашего просвѣщенія.

Извѣстно, что «Арзамасъ» основанъ былъ для противодѣйствія Державинско-Шишковской «Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» и для поддержанія не только переворота въ языкѣ и литературѣ, произведеннаго Карамзинымъ, который поэтому и считался какъ-бы невидимой главой «Арзамаса», но и для защиты правъ русскихъ писателей на свободную, независимую дѣятельность. Пушкинъ былъ членомъ «Арзамаса» еще съ лицейской скамьи, но ко времени появленія его въ свѣтъ «Арзамасъ» и «Бесѣда» существовали только номинально и на литературной аренѣ уже болѣе не встрѣчались. Время уничтожило между ними яблоко раздора. Бóльшая часть нововводителей въ сферѣ русской мысли и слóва успѣли уничтожить предубѣжденіе своихъ враговъ и побѣдоносно

выдти изъ смуты и наговоровъ, которые вызваны были ихъ появленіемъ.

Много разъ приводился въ литературѣ нашей доносъ куратора московскаго университета Голенищева-Кутузова, въ которомъ онъ указываетъ на Карамзина какъ на заговорщика, помышляющаго о ниспроверженіи законной власти и присвоеніи ее себѣ, съ помощію многочисленныхъ своихъ поклонниковъ. Поводы къ такого рода чудовищностямъ крылись столько же въ личныхъ вопросахъ, сколько и въ условіяхъ тогдашняго быта. Неизбѣжная связь всякой литературы съ внутреннею политикою, т.-е. съ состояніемъ умовъ и жизнію страны вообще, какъ бы ни старались мѣшать образованію этой связи, давала поводъ ужасаться всякій разъ, какъ эта связь обнаруживалась сама собою. Тогда поднимались вопли и жалобы съ двухъ сторонъ: со стороны слѣпыхъ, боязливыхъ умовъ, и со стороны смѣлыхъ пройдохъ, имѣвшихъ своекорыстныя цѣли. И тѣ и другіе разрѣшались, одинаково, нелѣпѣйшими подозрѣніями и обвиненіями. Нѣчто подобное доносу Г.-Кутузова повторилось и позднѣе, въ эпоху появленія романтизма. «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, человѣка вполнѣ честнаго и благороднаго—видѣлъ въ попыткѣ уничтоженія піитическихъ правилъ, проповѣдываемой новой школой романтиковъ—затаенное ея намѣреніе высвободиться изъ-подъ власти іерархическихъ и всякихъ другихъ авторитетовъ. Это было только заблужденіе; но еще позднѣе извѣстный Булгаринъ уже пользовался страхомъ администраціи передъ тѣнію политической литературы, просто выдумывая сплетни и разоблачая небывалые политическіе замыслы, для погубленія своихъ критиковъ и недоброжелателей, и успѣвалъ въ томъ не разъ, какъ показываетъ исторія его съ Дельвигомъ (1831), бывшая одной изъ причинъ преждевременной смерти послѣдняго.

Карамзинъ уже переѣхалъ въ Петербургъ и пользовался высокимъ уваженіемъ государя; Жуковскій, пенсіонеръ двора съ 1816 г., уже приготовлялся къ занятію поста воспитателя въ царской семьѣ; друзья и ревнители ихъ славы — Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ и друг.—уже стояли на дорогѣ, которая повела ихъ на высшія ступени въ государствѣ. Въ виду все болѣе усиливающагося ихъ вліянія и значенія, «Бесѣда» потеряла часть своей энергіи въ преслѣдованіи новаторовъ, ту энергію, которой обнаружила такъ много еще не очень давно, именно въ 1815, когда «Липецкія воды» кн. Шаховскаго, ея сторонника, съ своимъ нѣсколько топорнымъ обличеніемъ балладистовъ и сантименталовъ, дѣлили публику на два лагеря. «Бесѣда», въ лицѣ Шишкова,

обнаружила даже попытки идти на встрѣчу прежнимъ врагамъ, а съ другой стороны «Арзамасъ» совсѣмъ замолкъ и не собирался болѣе съ 1817 г., столько же потому, что прямыя цѣли его основанія были достигнуты, сколько и по другому обстоятельству. Въ нѣдра его внесена была рознь съ прибытіемъ новыхъ членовъ яркой современной политической окраски (М. Ѳ. Орлова, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева), членовъ, которые не хотѣли ограничиться узкой, либерально-литературной задачей «Арзамаса», упрекали его въ безцвѣтности, пустотѣ и праздности и указывали политическія и соціальныя цѣли для дѣятельности. Но «Арзамасъ» именно и занимался ими, стоя на почвѣ литературныхъ, ученыхъ и художническихъ вопросовъ и не уступилъ намѣренію втянуть его въ колею тайныхъ обществъ. Онъ предпочелъ лучше не собираться вовсе, чѣмъ собираться для скорыхъ приговоровъ и рѣшеній, которыя неспособны были измѣнить строя нашей жизни ни на одну іоту къ лучшему, и Д. Н. Блудовъ, отстранившій предложеніе М. Ѳ. Орлова,—обратиться къ вопросамъ политическаго содержанія—конечно не измѣнялъ дѣлу прогреса и развитія въ отечествѣ, выразивъ въ долгой рѣчи по этому поводу желаніе остаться на почвѣ критики, изученія русскаго слова и литературы [1]).

Какъ бы то ни было, но духъ этихъ двухъ знаменитыхъ литературныхъ центровъ не исчезъ вмѣстѣ съ ними. Главнѣйшіе представители обоихъ направленій, выражаемыхъ этими центрами, не измѣнили своихъ убѣжденій и борьба между ними продолжалась и тогда, когда знаменъ, подъ которыми они сражались прежде, не было уже видно на литературной аренѣ; только споръ былъ перенесенъ теперь изъ области теоретическихъ разсужденій и словесности вообще, гдѣ все смолкло, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ времени, на служебную и дѣловую арену.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что «Арзамасъ» не имѣлъ собственно никакой, ни эстетической, ни политической теоріи, чѣмъ и отличался отъ своего соперника, «Бесѣды Любителей». Послѣдняя, благодаря А. С. Шишкову, обладала полнымъ кодексомъ воззрѣній на лучшія формы языка, на предметы, которыми должно заниматься искусство, и на пути, которыми слѣдуетъ вести и рус-

---

[1]) Можно пожалѣть, что слухъ о намѣреніи „Арзамаса“ издавать журналъ, слухъ сильно распространенный въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ, оказался несправедливымъ, также точно какъ нельзя не пожалѣть и о томъ, что не состоялась политическая газета Н. И. Тургенева. Мы бы могли судить тогда съ поличнымъ въ рукахъ о направленіяхъ, раздѣлявшихъ старыхъ членовъ „Арзамаса“ отъ новыхъ.

скую жизнь и русскую словесность къ ихъ вящшему преуспѣянію въ духѣ благочестія, народности и нравственности. Каковы были требованія и опредѣленія этого кодекса — теперь уже разобрано и оцѣнено по достоинству; но онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ нѣкоторую обольстительную сторону для своего времени, потому что мы встрѣчаемъ въ числѣ приверженцевъ «Бесѣды» и враговъ «Арзамаса» такихъ людей, какъ П. А. Катенинъ и А. С. Грибоѣдовъ, не говоря уже объ А. Н. Оленинѣ и т. д. Можетъ быть это зависѣло отъ полноты и цѣлостности системы Шишкова, которая давала готовые отвѣты на самые трудные вопросы русскаго просвѣщенія и быта. Какъ бы то ни было, но Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» своимъ литературнымъ евангеліемъ, а модно-архаическія, славянофильскія тенденціи Грибоѣдова достаточно обнаруживаются въ нѣкоторыхъ выходкахъ «Чацкаго», что̀ и объясняетъ холодность, съ которой встрѣтили нѣкоторые истые Арзамасцы, какъ напр. князь Вяземскій, его безсмертную комедію. Чѣмъ же былъ собственно «Арзамасъ», неимѣвшій противупоставить «Бесѣдѣ» никакой равносильной эстетической и философской теоріи, а тайнымъ обществамъ никакой не только выработанной, но и намѣченной политической темы?

«Арзамасъ» представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ. «Арзамасъ» ставилъ ни во что̀ напыщенность и торжественность выраженія, которой многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ — либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея. Вотъ почему «Арзамасъ» неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что̀ появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными признаками способности завоевать себѣ будущность. Онъ очень любилъ противоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ, да не отступалъ и передъ разоблаченіемъ упроченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуповъ и самовосхваленія издержано было для составленія ихъ. Въ лицѣ Жуковскаго «Арза-

масъ» привѣтствовалъ и *романтизмъ* въ нашей литературѣ, а когда воздвигнуто было гоненіе на самую идею романтизма — «Арзамасъ», уже явно несуществовавшій, выслалъ однакоже горячаго защитника новому виду творчества, князя Вяземскаго, и поддерживалъ его своимъ согласіемъ. Вотъ въ чемъ заключались всѣ теоріи Арзамаса. Къ этому надо прибавить, что орудіемъ борьбы служили для него, когда онъ собирался еще въ свои засѣданія, острота, насмѣшка, ироническое восхваленіе въ стихахъ и прозѣ, причемъ, заставляя хохотать до упаду и такихъ людей, какъ Карамзинъ, «Арзамасъ» самъ называлъ «галиматьей» свои произведенія. Ничто не могло быть болѣе по вкусу Пушкину, тоже расположенному отмщать мѣткимъ эпитетомъ, эпиграммой или пародіей безсильныя или отсталыя претензіи. «Арзамасъ» шутилъ, но по тогдашнему времени воспитывающими и образующими шутками.

Въ области пониманія и представленія гражданскихъ обязанностей, вліяніе «Арзамаса» на людей обнаруживалось не менѣе сильно. Тутъ опять мы не находимъ ничего похожаго на систему или ученіе, съ точностію опредѣляющее всѣ свои основы. Подобно тому, какъ на литературной почвѣ чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ замѣняло «Арзамасу» эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми *инстинктами* свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую *науку,* какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недостатковъ, а главное — онъ отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства— монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учрежденій. Проводя эти убѣжденія, «Арзамасъ» выражалъ истинную мысль своей эпохи, или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судебъ [1]).

[1]) Строки эти были уже написаны, когда мы нашли подтвержденіе нашей мысли въ двухъ замѣчательныхъ изданіяхъ послѣдняго времени, именно въ „Перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ“, изданіе академиковъ П. Пекарскаго и Я. Грота, и въ „Исторіи царствованія Александра І-го“, составленной генераломъ М. Богдановичемъ. Не то ли же думалъ самъ императоръ Александръ І-й, когда, по свидѣтельству своего историка, за нѣсколько дней до кончины, говорилъ: „Пусть толкуютъ обо мнѣ, что хотятъ, но я былъ и остался республиканцемъ“. Конечно, знаменательныя слова эти не могутъ быть поняты въ смыслѣ какъ-бы отреченія власти отъ своихъ правъ, а содержатъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, только благородное убѣжденіе въ ея назначеніи служить многостороннему развитію общества, всѣми своими силами и средствами. И не поясняль ли ту же мысль Карамзинъ, когда въ задушевной пере-

Конечно, несправедливо было бы смѣшивать характеръ и убѣжденія честнаго, прямодушнаго, хотя и упорнаго А. С. Шишкова съ характеромъ и проповѣдями такихъ честолюбцевъ и проходимцевъ, какъ Магницкій и Руничъ; но оба эти реформатора все-таки прикрывали свои мрачныя цѣли началами, сходными съ воззрѣніями Шишковской «Бесѣды». «Арзамасъ», можно сказать, цѣликомъ вступилъ въ борьбу съ старымъ своимъ врагомъ, очутившимся уже на административной почвѣ. Недавно опубликовано было письмо къ государю [1]) бывшаго попечителя с.-петербургскаго округа С. С. Уварова (отъ 17-го ноября 1821), смѣло объяснявшее средства, употребляемыя Руничемъ для возведенія простыхъ ученыхъ и учебныхъ положеній въ преступныя заявленія и въ уголовные проступки—письмо, не оставшееся безъ непріятныхъ послѣдствій для его автора. Позднѣе, когда съ назначеніемъ министромъ самого А. С. Шишкова (1824) пресловутая «Бесѣда» очутилась, такъ сказать, во главѣ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія — она нашла всѣхъ старыхъ своихъ противниковъ на своихъ мѣстахъ. Новый министръ, какъ видно изъ его записокъ, до конца своей жизни сохранялъ убѣжденіе, что шаткость общественнаго порядка въ Россіи находится въ зависимости отъ ослабленія основъ старой русской жизни, стараго русскаго воспитанія и образованія, потрясенныхъ литературной реформой послѣдняго времени, которая открыла будто бы двери всяческому легкомыслію и вольнодумству. Слѣдствіемъ этихъ убѣжденій было появленіе цензурнаго устава 1826 г., съ его извѣстнымъ, крайне притѣснительнымъ характеромъ [2]). Въ особенной смѣшанной коммиссіи, которая была составлена для просмотра иностраннаго цензурнаго устава, тогда же выработаннаго министерствомъ, засѣдали два Арзамасца, Уваровъ и Дашковъ. Подъ ихъ вліяніемъ коммиссія занялась не только иностраннымъ цензурнымъ уставомъ, но подняла вопросъ и о рус-

---

пискѣ съ И. И. Дмитріевымъ, еще задолго до словъ Императора, говорилъ: „я бы желалъ назвать себя монархическимъ республиканцемъ". Арзамасцы были такими республиканцами, готовыми всѣмъ жертвовать за монархическое начало въ Россіи. Съ теченіемъ времени мысль о дружномъ, параллельномъ развитіи власти и свободы затерялась въ средѣ членовъ описываемаго общества, но въ эпоху цвѣтенія „Арзамаса" она составляла драгоцѣннѣйшее убѣжденіе ихъ.

[1]) Въ Матеріалахъ для ист. образованія, г. Сухомлинова, 1866. Статья I.

[2]) Мы воздерживаемся отъ ссылки на нѣкоторые его параграфы, просто лишающіе возможности русскихъ ученыхъ и писателей заниматься вопросами исторіи правъ и иностранными литературами. Любопытные могутъ найти уставъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

скомъ недавно вышедшемъ, и строго разобрала его положенія и основанія [1]). Коммиссія подготовила, такимъ образомъ, возможность новаго проекта съ болѣе благопріятными условіями для русской ученой и художественной дѣятельности, который дѣйствительно вскорѣ и появился. Это былъ тотъ знаменитый цензурный уставъ 1828 г., который стоялъ такъ выше людей своего времени и укоренившейся цензурной практики, что никогда не былъ вполнѣ примѣненъ къ дѣлу и большей частью оставался мертвой буквой вплоть до своего уничтоженія въ 1865 г.

Вообще «Арзамасъ» представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ собранія съ одними нравственными и образовательными цѣлями, формально просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по-свѣту. Долго сохранили они свою либеральную окраску, одинаковое понимание европейскихъ идей и неотлагательныхъ нуждъ русскаго общества. Только гораздо позднѣе, въ половинѣ слѣдующаго царствованія начинаетъ тускнѣть и загрубѣвать между ними единившая ихъ мысль; люди «Арзамаса» наживаютъ себѣ противуположныя цѣли, расходятся въ разныя стороны и даже становятся отъявленными врагами другъ друга. Что касается Пушкина, онъ остался ему вѣренъ всю жизнь.

Первые примѣры свѣтлыхъ общественныхъ стремленій, полученные имъ въ общеніи съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, Блудовымъ, Дашковымъ и другими членами «Арзамаса», залегли глубоко въ его душѣ, вмѣстѣ съ твердымъ пониманіемъ исторической почвы, на которой стремленія эти могутъ быть осуществляемы. Если это созерцаніе не тотчасъ же выразилось на первыхъ порахъ въ его сужденіяхъ и поступкахъ, то причиною были непреодолимые соблазны жизни, вмѣстѣ съ порывами и увлеченіями молодости; но оно пустило корни въ его мысль, въ нравственную его природу, и при первой возможности дало свои отпрыски. Можно полагать, какъ уже было сказано нами, что атмосфера тайныхъ обществъ, окружавшая нѣкогда его существованіе, сообщила впослѣдствіи его слову ту прямоту, смѣлость и откровенность, съ какими онъ отвѣчалъ на всякій вопросъ, откуда бы онъ ни исходилъ. «Арзамасъ» далъ ему нѣчто другое. Онъ научилъ его свободно, самостоятельно и независимо подчиняться условіямъ русскаго быта, желать имъ наиболѣе разумнаго содержанія, искать для этихъ условій основъ въ мысли, фило-

---

[1]) Изъ неопубликованныхъ записокъ А. С. Шишкова.

софской поддержки, теоретическаго оправданія, и въ то же время сохранять за собой право судить отдѣльныя явленія самаго быта по своему разумѣнію. Никогда онъ не былъ болѣе смѣлъ и независимъ, какъ въ то время, когда добровольно признавалъ необходимость покориться тому или другому требованію установленнаго порядка, потому что основывалъ эти уступки на представленіяхъ и мотивахъ, еще казавшихся многимъ ересями и опасными идеями.

Но до всего этого еще было далеко, а теперь покамѣстъ невидимо копились только и отлагались на душѣ Пушкина всѣ тѣ начала, которыя составили его послѣдующій характеръ. Онъ продолжалъ пробовать людей, искать впечатлѣній, либеральничать и потѣшаться жизнію. И вотъ, напримѣръ, какой отрывокъ изъ его утерянныхъ записокъ, касающійся Карамзина, сохранился въ его бумагахъ, отрывокъ, необычайно рисующій какъ его самого, такъ и высокую природу нашего исторіографа. Отрывокъ важенъ еще и тѣмъ, что написанный, по всѣмъ вѣроятіямъ въ 1825 г., вскорѣ послѣ смерти исторіографа, онъ выражаетъ глубокую привязанность его автора къ описываемому лицу и составляетъ какъ бы характеристику и надгробные проводы всему періоду нашего развитія, кончившемуся съ этимъ лицомъ.

«Кстати, замѣчательная черта, говоритъ Пушкинъ. Однажды началъ онъ (Карамзинъ) при мнѣ излагать *свои любимые парадоксы*. Оспоривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ!» Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности. *„Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили“*. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства, только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...» В. А. Жуковскій терпѣлъ точно такія же, если не бо́льшія выходки молодого человѣка и баловалъ его, можетъ быть, пуще всѣхъ. Онъ, между прочимъ, первый смѣялся его пародіямъ и эпиграммамъ на себя. П. А. Катенинъ разсказываетъ въ своихъ (неизданныхъ) «Воспоминаніяхъ» о Пушкинѣ, что Александру Сергѣевичу очень нравилось, когда его сравнивали съ Вольтеромъ,

и особенно доволенъ онъ былъ каламбуромъ, который выходилъ изъ шуточнаго прозвища, даннаго переводчикомъ «Андромахи» своему молодому другу. Катенинъ часто называлъ его: un monsieur à rouer (Arouet), и Пушкинъ всякій разъ заливался при этомъ веселымъ смѣхомъ, но собственно ни на какого, даже микроскопическаго Аруэта ни тогда, ни послѣ, поэтъ нашъ не походилъ. Въ описываемую эпоху онъ представляется намъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, у котораго было гораздо болѣе своевольства, чѣмъ нажитыхъ принциповъ, и гораздо болѣе наклонности къ задирающей шуткѣ или къ производству эффектныхъ либеральныхъ гимновъ, чѣмъ революціоннаго одушевленія или дѣйствительной ненависти къ людямъ и установленіямъ.

Уваженіе къ самостоятельному сужденію и независимымъ мнѣніямъ Катенина пережило у Пушкина эпоху молодости и продолжалось въ зрѣлые года его, но критическія воззрѣнія Катенина не имѣли большого вліянія на Пушкина, какъ на поэта, потому что стѣсняли постоянно его свободу творчества и фантазіи. Одинъ примѣръ такихъ воззрѣній находится и въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Катенина. Такъ, упоминая о пьесѣ «Моцартъ и Сальери», критикъ осуждаетъ Пушкина за то, что построилъ свой драматическій этюдъ на сомнительномъ анекдотѣ и оклеветалъ Сальери. Другой учитель Пушкина отъ этой эпохи, Чаадаевъ, кажется, дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя права на это званіе, признанныя за нимъ и нашимъ поэтомъ, какъ извѣстно, но, конечно, не въ той степени, въ какой обыкновенно провозглашалъ ихъ самъ наставникъ. П. А. Чаадаевъ уже тогда читалъ въ подлинникѣ Локка и могъ указать Пушкину, воспитанному на французскихъ сенсуалистахъ и на Руссо,—какъ извратили первые философскую систему англійскаго мыслителя своимъ упрощеніемъ ея, и какъ мало научнаго опыта и изслѣдованія лежитъ у второго въ его теоріяхъ происхожденія обществъ и государствъ. Выводы и соображенія, которыя рождались изъ анализа этихъ предметовъ, конечно, должны были поражать Пушкина новостію и сдѣлать въ глазахъ его «мудрецомъ» самого ихъ проповѣдника. Въ перечнѣ людей, у которыхъ Пушкинъ искалъ тогда наставленій, нельзя забыть объ А. Н. Оленинѣ. Почтенный предсѣдатель академіи художествъ, будучи родственникомъ и почитателемъ Г. Р. Державина, разумѣется, склонялся на сторону «Бесѣды» и не совсѣмъ одобрительно смотрѣлъ на полемическія замашки «Арзамаса», но онъ имѣлъ важное качество. По званію артиста и по прямому знакомству съ классическимъ искусствомъ, онъ понималъ эстетическіе законы, которые

лежать въ основаніи художническаго производства вообще, а потому могъ уразумѣть изящество произведенія, еслибы даже оно явилось и не съ той стороны, откуда онъ привыкъ его ожидать. Такъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы». Качество это сдѣлало самый домъ его нейтральной почвой, на которой сходились люди противуположныхъ воззрѣній, что́ облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, привѣтливостію красавицы-дочери, воспѣтой Пушкинымъ. Поэтъ нашъ былъ у нихъ, какъ свой человѣкъ, и, по семейнымъ ихъ преданіямъ, часто бесѣдовалъ съ А. Н. Олениныма объ искусствѣ. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ лицъ не провело никакой глубокой черты на его характерѣ или на его талантѣ, по которой можно было бы судить о родѣ и степени ихъ вліянія. Одинъ «Арзамасъ» оставилъ только на немъ неизгладимые слѣды своего политическаго и литературнаго направленія, а все прочее сгладилось или пропало въ его дальнѣйшемъ, самостоятельномъ развитіи.

Несчастіе Пушкина состояло въ томъ, что современная литература не отвѣчала ни на одинъ вопросъ, существовавшій уже въ обществѣ: читать было нечего, а еще менѣе чему-либо учиться у нея.

Нѣтъ сомнѣнія, что періодъ петербургскаго броженія, который можно назвать «искусомъ», пережитымъ мыслію Пушкина, ранѣе бы кончился для него, если бы тогда существовало какое-либо серьёзное литературное направленіе, которое обыкновенно понуждаетъ людей собирать свои силы и ставить задачи для ихъ дѣятельности. Но эпоха живыхъ, горячихъ литературныхъ споровъ, мы уже сказали, кончилась, и на аренѣ русской печати не стояло никакого вопроса. Мѣсто Карамзина, какъ основателя школы, оставалось пусто съ 1815 г., когда онъ покинулъ его для главнаго своего труда, и было пусто лѣтъ десять, когда его занялъ самъ Пушкинъ. Мы уже видѣли, чѣмъ занимались журналы, отчасти связанные съ литературными обществами; но и тѣ, которые могли назваться независимыми, носили на себѣ не менѣе плачевный беллетристическій и критическій характеръ. «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, напримѣръ, безспорно былъ лучшимъ журналомъ эпохи и оставался первымъ до самаго появленія «Московскаго Телеграфа» (1824). Никто, конечно, не забудетъ его литературныхъ заслугъ. «Вѣстникъ Европы», хотя издали и очень робко, но все-таки слѣдилъ за развитіемъ конституціонныхъ порядковъ въ Польшѣ, за такъ-называемымъ осво-

божденіемъ крестьянъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, печаталъ замѣтки о «свободномъ трудѣ», и сначала даже намекалъ, въ упрекъ классицизму нашей сцены, на существованіе великой романтической школы Гёте и Шиллера. Онъ особенно выдался впередъ при появленіи «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, когда первый осмѣлился отнестись къ ней критически и показать возможность другого пониманія задачъ русской исторіи вообще и фактовъ русской исторіи въ особенности, за что̀ и получилъ отъ ультра-карамзинистовъ генерическое прозвище «Зоила».

Кстати замѣтить, что ультра-карамзинисты имѣли, кромѣ того, очень много скрытныхъ, невысказавшихся противниковъ въ публикѣ. При выходѣ восьми томовъ исторіи Карамзина (1818)—этого памятника, съ котораго собственно и начинается у насъ работа общественнаго самоопредѣленія и самосознанія—трудъ Карамзина встрѣченъ былъ недоброжелательно не только людьми тайныхъ круговъ, но и множествомъ лицъ, имѣвшихъ претензію на либеральное, независимое развитіе. Даже извѣстный анекдотъ Пушкина свидѣтельствуетъ о томъ же. Исторію Государства Россійскаго называли «придворной исторіей» и упрекали ее въ отсутствіи настоящихъ, историческихъ пріемовъ для изслѣдованія прошлаго славянъ и духа Московскаго княжества. Ничто, однакоже, не показываетъ такъ наглядно приниженнаго состоянія литературы тѣхъ годовъ, какъ обстоятельство, что наружу, въ печать и въ публику, выходили отъ противниковъ исторіи только замѣтки о формальной ея сторонѣ, а рѣчь о принципахъ велась втихомолку. Принципы, лежавшіе въ глубинѣ разнорѣчія между врагами и защитниками «Исторіи», такъ и остались подъ спудомъ и не дошли до потомства ни въ одной печатной строчкѣ. А между тѣмъ въ нихъ-то и было все дѣло, потому что относительно археологіи, ученаго изслѣдованія предмета, эрудиціи вообще, обѣ стороны въ сравненіи съ яблокомъ раздора, съ обсуждаемой ими исторіей, осуждены были ограничиваться кое-какими замѣтками, походившими на дѣтскій лепетъ. Итакъ, сущность спора, по необходимости, состояла въ различномъ опредѣленіи цѣлей исторіи, въ различномъ представленіи той службы, какую она вообще должна приносить современному обществу, тѣхъ отвѣтовъ, которые вправѣ ожидать отъ нея новыя поколѣнія въ ихъ нуждахъ и требованіяхъ, а это уже связывалось съ развитіемъ политическихъ воззрѣній и направленій, существовавшихъ въ обществѣ. Вотъ гдѣ было настоящее слово этого спора между враждующими партіями; но ни секретные враги Карамзина, ни явные его приверженцы никогда не затрогивали этого слова въ лите-

ратурѣ, хотя много занимались имъ въ частной жизни и приватныхъ бесѣдахъ.

Совсѣмъ тѣмъ, если прослѣдить все содержаніе московскаго «Вѣстника Европы» въ полномъ его составѣ за время, которымъ занимаемся, то общій характеръ журнала окажется не болѣе важнымъ, чѣмъ у его собратовъ по журналистикѣ, и всѣ дѣльныя его статьи явятся опять чѣмъ-то въ родѣ пріятныхъ неожиданностей. Подробный списокъ съ оглавленій его книжекъ могъ бы представить такой же скорбный листъ, смѣемъ выразиться, нашей литературы съ 1815 по 1820, какой самъ сложился у насъ изъ перечня статей «Соревнователя» и «Благонамѣреннаго», уже сообщеннаго читателю. И «Вѣстникъ Европы» наполнялся произведеніями, отстоявшими далеко отъ уровня общаго образованія эпохи. «Рѣчь о главныхъ обязанностяхъ молодого человѣка, вступающаго въ свѣтъ, Гавріила Попова», «О Спорахъ и Норикахъ, древнихъ именахъ Словенъ», «Отрывокъ изъ разсужденія о чистой Маѳематикѣ», «Объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ Египетскихъ и о томъ, почему знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ художниковъ не берутъ ихъ для себя за образцы» и проч., и проч. Вотъ что́ составляло ученый багажъ журнала. Съ беллетристической и художественной литературой было еще хуже, и нѣтъ никакой возможности пробѣгать его переводы, въ родѣ отрывка «Изъ обозрѣнія степей славнаго путешественника Гумбольдта», хотя это не представило бы особеннаго труда, такъ какъ отрывокъ весь на четырехъ страничкахъ, или перечитывать его мечтательныя повѣсти, его ребяческія идилліи, его стихотворенія, притчи, басни и аллегоріи. Все это кажется какъ будто насмѣшкой надъ тогдашней читающей публикой, особенно когда знаешь разнообразіе идей, полученныхъ ею съ Запада и сравнительную обширность ея образованія.

Петербургскій конкуррентъ московскаго «Вѣст. Европы», журналъ столь многоизвѣстнаго Н. И. Греча «Сынъ Отечества», также не лишенъ своего рода литературныхъ заслугъ. Онъ стоялъ ближе къ умственному движенію петербургской жизни, въ которой принималъ довольно дѣятельное участіе, находясь постоянно въ связяхъ съ противниками Шишковской школы, а потомъ съ врагами партіи правительственныхъ мистиковъ, и не разъ давалъ у себя мѣсто ихъ жаркимъ, прямымъ и косвеннымъ протестамъ. Притомъ же журналъ старался быть разнообразнымъ и очень занимался критикой текущихъ явленій словесности. На страницахъ его встрѣчаются самыя почетныя имена эпохи, начиная съ Карамзина и С. С. Уварова, въ немъ даже и переписывавшихся

между собой (1818 г. № VII), и переходя черезъ рядъ такихъ именъ, какъ Головнинъ, Коцебу, А. Бестужевъ, Куницынъ, Давыдовъ и др. Всѣ они сообщили свои вклады журналу, хотя, надо сказать, въ необычайно микроскопическихъ размѣрахъ. Чуть ли не наибольшій изъ нихъ «Отрывокъ изъ путешествія вокругъ свѣта, флота капитана Головнина», умѣщался на 5-ти страничкахъ крупнаго шрифта. Совсѣмъ тѣмъ нельзя не изумляться тому, что при подобныхъ связяхъ редакціи и при такой обстановкѣ журналъ никогда не выходилъ изъ рамки умной, изворотливой посредственности. У него не было, какъ и у московскаго «Вѣстника Европы», руководящихъ идей. Само разнообразіе журнала покупалось цѣною крайняго ничтожества статеекъ, сообщавшихъ обыкновенно на двухъ-трехъ страничкахъ разгонистой печати извѣстія объ иностранныхъ литературахъ, всю современную исторію и политику, разборы русскихъ книгъ, свѣдѣнія о театрѣ и проч. Ученая и литературная критика, занимавшая въ немъ не болѣе мѣста, чѣмъ всѣ другія статейки, не имѣла никакихъ твердыхъ основаній, не проводила никакихъ зрѣло обдуманныхъ убѣжденій, если исключить нѣсколько протестовъ за свободу мышленія и развитія,—и большей частію писалась съ вѣтра, по капризу или случайному настроенію авторовъ. Благодаря такому повсемѣстному состоянію критики въ это время, весьма замѣчательные и почтенные ученые труды, явившіеся между 1816—20 г., какъ, напримѣръ, «Опытъ теоріи налоговъ», Н. Тургенева, «Право естественное» А. Куницына, «Начертаніе статистики россійскаго государства» К. Арсеньева, «Исторія философскихъ системъ» А. Галича—никогда не знали на родинѣ своей дѣльной оцѣнки, которая вошла бы въ сущность излагаемыхъ ими предметовъ и ученій. Послѣднія три сочиненія разобраны были не періодическими нашими изданіями, какъ слѣдовало бы ожидать, а администраторами изъ партіи мистическихъ обскурантовъ, которые и произвели этотъ разборъ, подкрѣпивъ его еще и надлежащими мѣрами, тѣмъ съ большей свободой и развязностію, что ни съ какимъ общественнымъ и ни съ какимъ авторитетнымъ мнѣніемъ въ печати не имѣли надобности считаться. Всѣ эти добросовѣстные труды, къ которымъ слѣдуетъ еще причислить переводъ Д. Велланскаго: «О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента (изъ Окена)» 1816,—просто потонули въ пучинѣ «большого свѣта», гдѣ нѣкоторые изъ нихъ были подняты, какъ, напр., теоріи Окена—Велланскаго, усвоенные кн. Одоевскимъ, а другіе исчезли уже безъ слѣда, подъ шумъ разговоровъ о тысячѣ другихъ явленій всякаго рода. Такъ кончалась

въ памятное время министерства князя А. Н. Голицына первая четверть литературнаго періода, блестящее открытіе котораго Карамзинымъ и его послѣдователями и сподвижниками въ началѣ столѣтія, казалось, сулило ему совсѣмъ другую будущность.

Вина этого заглохшаго состоянія печати, конечно, отчасти падаетъ на суровые обычаи тогдашней цензуры, изумлявшей слѣпотой и безсмысленностью придирокъ даже очень осторожные правительственные умы, но вмѣстѣ съ ней вину эту дѣлятъ и многія другія лица и само общество. Цензура эта, какъ извѣстно, была порожденіемъ страха въ виду возбужденнаго состоянія умовъ на Западѣ. Русская печать, еще ничѣмъ не заявившая наклонности слѣдовать революціонной пропагандѣ своихъ и западныхъ агитаторовъ, просто платилась за излишества и шалости европейской печати, возбуждавшей ужасъ всѣхъ оберегателей европейскаго порядка, въ числѣ которыхъ значилась тогда и наша родина. Какъ далеко она зашла въ этой работѣ *предупрежденія преступленій*, показываютъ многіе, изумительные примѣры. Въ той же просьбѣ Пушкина, 1833-го года, о дозволеніи ему политической газеты, откуда мы уже извлекли одинъ отрывокъ, находится и еще слѣдующая зачеркнутая фраза, совершенно справедливая въ сущности и опущенная имъ, вѣроятно, изъ нежеланія возбуждать непріятныя воспоминанія у тѣхъ людей, въ которыхъ онъ нуждался: «Литераторы во время царствованія покойнаго Императора — говоритъ Пушкинъ — были оставлены на произволъ цензуры своенравной и притѣснительной. *Рѣдкое сочиненіе доходило до печати* [1])». Въ другой статьѣ Пушкинъ потрудился сообщить и самые факты цензурной практики, на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ это замѣчаніе. Мѣсто, гдѣ онъ упоминаетъ о ней, взято нами изъ статьи: «О цензурѣ», и въ печать не попало. Извѣстно, что статья эта принадлежитъ къ ряду краткихъ разборовъ, писанныхъ Пушкинымъ, тоже въ 1833 году, на извѣстную книгу Радищева, главы которой онъ провѣрялъ одну за другой на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Приводимое мѣсто до такой степени ярко обрисовываетъ обычные пріемы тогдашней цензуры, что послѣ него нѣтъ надобности вести рѣчь далѣе объ этомъ предметѣ. «Было время, — пишетъ

---

[1]) Пушкинъ отчасти испыталъ и на себѣ это дѣйствіе цензуры. Имя его было такъ страшно и подозрительно ей, что онъ принужденъ былъ печатать нѣсколько стихотвореній, и притомъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ, какъ, напр., пьесъ: „Овидію", „Мечта воина"—безъ подписи своего имени, а только съ звѣздочками, во избѣжаніе ея придирокъ. („Поляр. Звѣзда" 1823 года). Элегія („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты") тоже явилась безъ подписи автора („Пол. Звѣзда" 1824 г.).

Пушкинъ—*слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится* — что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ — какой-то стихотворецъ говоритъ о *небесныхъ* глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить, вмѣсто небесныхъ, голубые—*ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго промысла.* Въ славянской балладѣ Ж. назначается свиданіе накапунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики...» Понятно становится, отчего нѣкоторыя имена тогдашнихъ цензоровъ, какъ г.г. Бирюкова, Тимковскаго и Красовскаго, напримѣръ, не сходили съ языка у писателей 20-хъ годовъ: они не могли надивиться довольно силѣ ихъ фантазіи и изобрѣтательности при толкованіи самыхъ простыхъ мыслей и представленій. Пушкинъ ошибся только въ одномъ; времена старой цензуры возвратились лѣтъ черезъ 15 и даже вслѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же причинъ, чуждыхъ русскому міру. Возникли и новыя имена цензоровъ, чуть ли еще не превзошедшіе свои первообразы въ подозрительности и въ чудовищности своихъ догадокъ.

Но были еще причины безпомощнаго состоянія литературы и поважнѣе цензуры, которая только дѣлала свое настоящее дѣло. Объ идеальной цензурѣ съ качествами государственнаго ума, способной строго оберегать интересы правительства и общественный строй, и вмѣстѣ понимать свободу, нужную мысли и словесности—тогда еще не было и помина. Цензура просто понималась, какъ застава, черезъ которую слѣдуетъ пропускать какъ можно менѣе народа; но цензура, подобно всѣмъ другимъ установленіямъ, умѣряется массой общественныхъ и нравственныхъ силъ, ей противостоящихъ. Къ несчастію, послѣднихъ-то и не было на лицо. Всѣ лучшія силы времени ушли въ молчаливые, гордые политическіе круги, презиравшіе литературу, и заперлись тамъ, почти никогда не выходя на литературную арену. Послѣ того, какъ съ нея сошли и ветераны Карамзинскаго періода, вмѣстѣ съ главой своимъ, на другія, болѣе обширныя поприща— арена эта оставалась достояніемъ нашихъ литературныхъ обществъ съ ихъ многочисленнымъ персоналомъ, который однакоже не имѣлъ ни трудовой энергіи, ни особенно важныхъ нравственныхъ интересовъ, для веденія борьбы съ нѣкоторой настойчивостію и

одушевленіемъ. Цензура имѣла дѣло съ разрозненными личностями и мелкими побужденіями, которыхъ потому скоро и легко одолѣвала и устраняла. Умы и характеры другого рода сами сторонились передъ нею, какъ передъ несчастіемъ эпохи, чѣмъ, конечно, цензура оказывала плохую услугу обществу въ дѣлѣ изъясненія, поправленія и обсужденія идей, въ немъ проявившихся.

Производительныя силы не совсѣмъ, однако же, заглохли у насъ и подъ ея гнетомъ. Литература наша пробуждена была изъ летаргическаго сна своего двумя явленіями, послѣдовавшими одно за другимъ: поэмой «Русланъ и Людмила» Пушкина, которая походила на неожиданный лучъ солнца, освѣтившій литературное поле, давно съ нимъ незнакомое, и альманахомъ «Полярная Звѣзда» К. Ѳ. Рылѣева и А. Бестужева, который обнаружилъ, что само поле это еще не вовсе лишено сѣмянъ и цвѣтовъ и далеко не похоже на голую степь, какую изъ него хотѣли сдѣлать люди и обстоятельства. Такъ какъ оба явленія принадлежатъ, по нашему мнѣнію, къ весьма крупнымъ событіямъ той эпохи, то мы и скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, начиная съ позднѣйшаго, альманаха «Полярная Звѣзда».

Какую значительную долю вліянія на словесность, а черезъ нея и на общество, могли бы имѣть наши политическіе круги, доказываетъ то обстоятельство, что два члена изъ среды ихъ, явившись съ «Полярной Звѣздой» (1823), привели въ движеніе всѣ умы, поднятые уже дѣятельностію Пушкина, и положили конецъ ихъ праздному существованію, такъ что 1823-й годъ долженъ считаться годомъ возрожденія литературы и поворота къ труду, замысламъ и начинаніямъ разнаго рода. Это подтверждается и фактами. «Полярная Звѣзда» поставила себѣ задачей собрать въ одинъ центръ всѣ наличныя и доселѣ разрозненныя литературныя силы, что́ было необходимо и что́ она сдѣлала при громкомъ сочувствіи, какъ публики, такъ и писателей. Второй ея задачей было учинить повѣрку всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго прежними дѣятелями, и притомъ съ точки зрѣнія новыхъ людей, которые призваны пользоваться наслѣдствомъ и желаютъ оцѣнить его по соображеніямъ и по мѣркѣ своего времени. За эту работу взялся постоянный «обозрѣватель» «П. Звѣзды», А. Бестужевъ, сужденія котораго, правда, часто рождались по вызову эффектной, вычурной фразы, попадавшей подъ его перо, но смѣлость котораго и независимость отъ преданія уже предвѣщали начало новаго періода литературы. Пушкинъ скоро понялъ важность задачи, принятой на себя новымъ критикомъ, и поспѣшилъ къ

нему на встрѣчу. Прямо и безцеремонно завязываетъ онъ съ нимъ, въ 1823 г. изъ Одессы, гдѣ тогда находился, переписку, которая дѣлается все серьёзнѣе, чѣмъ далѣе идетъ. Онъ опровергаетъ нѣкоторыя положенія Бестужева, предлагаетъ свои опредѣленія людей и произведеній, взамѣнъ высказанныхъ критикомъ, и видимо не желаетъ остаться безъ дѣла и участія въ этомъ, только-что открытомъ процессѣ надъ міромъ литературныхъ явленій, процессѣ, который долженъ былъ положить конецъ мирному общежитію литераторовъ подъ гулъ однихъ и тѣхъ же похвалъ, подъ покровомъ одного и того же всеобщаго потворства и кумовства. Но литературный органъ, созданный «Полярной Звѣздой» и имѣвшій всѣ задатки весьма блестящей будущности, разсѣянъ былъ политической бурей, посѣянной самими его основателями и ихъ товарищами по заговору. Не пропалъ только толчокъ, данный литературѣ изданіемъ; живительный духъ, которымъ отъ него повѣяло, освѣжилъ атмосферу словесности, и вслѣдъ за нимъ являются новые сборники, новыя изданія: «Мнемозина», кн. Одоевскаго, «Сѣверный Архивъ» Булгарина, и наконецъ «Московскій Телеграфъ» Полевого. Самъ Пушкинъ, поддержанный въ роли представителя новыхъ творческихъ началъ и романтизма на Руси восторженными похвалами Рылѣева и Бестужева, крѣпнетъ въ силахъ и дѣйствительно становится главой и свѣтиломъ литературнаго періода, который по справедливости носитъ его имя.

Но это еще будущее. Обратимся къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» и посмотримъ, чтó такое она была для этой эпохи. Пушкинъ писалъ ее въ маленькой своей комнаткѣ, на Фонтанкѣ, куда онъ возвращался послѣ пирушекъ, литературныхъ вечеровъ, похожденій всякаго рода; гдѣ онъ лежалъ иногда отчаянно больной и гдѣ потомъ принималъ своихъ гостей, готовый на всякую проказу по первому ихъ призыву [1]). «Русланъ и Людмила» создавалась въ средѣ всего этого смутнаго, тяжелаго, въ разныхъ смыслахъ, времени и была единственнымъ дѣломъ, занимавшимъ Пушкина въ теченіи многихъ лѣтъ. Нѣсколько подробностей, касающихся исторіи возникновенія этого перваго труда нашего поэта, которыя сообщаемъ ниже, кажется, не будутъ лишними даже для опредѣленія степени его развитія и состоянія его мысли въ ту эпоху.

Извѣстно, что Пушкинъ потрудился оставить намъ въ запис-

---

[1]) Нѣсколько словъ о ней сохранилось въ „Русскомъ Альманахѣ", изд. В. Эртелевымъ и А. Глѣбовымъ (стр. 218).

ныхъ своихъ тетрадяхъ почти всю исторію своей души, почти всѣ фазисы своего развитія и даже бо́льшую часть мимолетныхъ мыслей, пробѣгавшихъ въ его головѣ. Исключеніе изъ этого правила составляетъ только первая, начальная тетрадь его, пустыя страницы которой даютъ краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, какъ еще бѣдна была его жизнь правственнымъ содержаніемъ. Онъ ничего не внесъ въ первую свою тетрадь, кромѣ двухъ посланій къ пріятелямъ, одной эротической эпистолы, одной французской блюетки, переложенной потомъ въ русскую пьесу (Твой и Мой), одной эпиграммы (Ты правъ, несносенъ Ѳирсъ), пять-шесть стихотвореній вчернѣ [1]), да нѣсколько безсвязныхъ, неразборчивыхъ строкъ какой-то начинавшейся, по незаконченной фантазіи, похожей на програму къ пьесѣ—«Фаустъ и Мефистофель». Никакихъ признаковъ бесѣды съ самимъ собою, что́ составляло отличительную черту позднѣйшихъ его тетрадей, здѣсь мы не встрѣчаемъ, а если и является нѣчто подобное такой бесѣдѣ, то исключительно въ формѣ рисунковъ. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы, но кромѣ его тетрадь наполнена эскизами женскихъ головокъ, начертанныхъ весьма бойкимъ карандашомъ и мужскихъ портретовъ, иногда въ цѣлый ростъ, какъ, напримѣръ, тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который въ то же время былъ и героемъ театральныхъ, закулисныхъ романовъ. Между этими изображеніями мы встрѣчаемъ и голову самого Пушкина, слившуюся въ одинъ поцѣлуй съ другой неизвѣстной женской головкой: импровизованный художникъ такъ дорожилъ подобнаго рода воспоминаніями, что подъ рисункомъ сдѣлалъ подпись: «le baiser, 1818, 15 Déc.». Отъ всѣхъ листовъ начальной его тетради вѣетъ страшно-разсѣяннымъ существованіемъ, не находившемъ времени помѣтить что-либо иное, кромѣ впечатлѣній, какія вызывала и искала игра молодыхъ и только-что проснувшихся физическихъ силъ. Напрасно было бы ожидать тутъ слѣдовъ его чтенія, бесѣдъ съ людьми, наблюденія жизни, правственныхъ и историческихъ замѣтокъ, что́ составляетъ такую поучительную сторону его тетрадей вообще:

---

[1]) Въ числѣ ихъ находится и пьеса: Уединеніе („Деревня“, по первой редакціи), конецъ которой, направленный противъ крѣпостного права, сталъ извѣстенъ и государю, одобрившему какъ мысль, такъ и стихи произведенія, но эта вторая и существеннѣйшая половина его не попала ни въ одно изданіе сочиненій поэта при его жизни. Такъ точно другое стихотвореніе, тогда же имъ написанное (а не въ лицеѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые біографы), именно „Посланіе къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ“, только одинъ разъ было напечатано въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія“ (1819, № 10-й) и затѣмъ уже не повторялось болѣе вплоть до 1856 г.

автору еще нечего было соображать, нечего помѣщать и не въ чемъ исповѣдываться.

Ясно становится, что жизнь для Пушкина представляла еще не что иное, какъ простой сборъ матеріаловъ, разборъ и обсужденіе которыхъ отлагались до другого времени.

Есть однакожъ какъ въ этой начальной тетради, такъ и въ отдѣльныхъ листахъ, составляющихъ ея дополненіе, свидѣтельство, что самый упорный, усидчивый трудъ не былъ чуждъ ему даже и въ это время: перемаранныя, искрещенныя и опять возстановленныя строфы «Руслана и Людмилы» занимаютъ въ тѣхъ и другихъ огромное мѣсто. Если принять въ соображеніе, что поэма задумана еще на лицейской скамьѣ и не совсѣмъ была готова даже весной 1820 — то время, употребленное на ея созданіе, придется опредѣлить четырьмя или можетъ быть пятью годами. Ни одна изъ поэмъ не стоила Пушкину столькихъ усилій, какъ та, которою онъ начиналъ свое поприще и которая, повидимому, не должна была очень затруднять автора: только необычайная отдѣлка всѣхъ ея частей могла бы изобличить тайну ея произведенія, но объ этомъ никто не догадывался: тогда вообще думали, что Пушкину достается все даромъ. Дни и ночи необычайнаго труда положены были на эту полушутливую, полусерьёзную фантастическую сказочку, и мы знаемъ, что даже основная ея мысль, идея и содержаніе достались Пушкину послѣ долгихъ и долгихъ исканій. Такъ мы встрѣчаемъ у него множество программъ для русской сказки, въ числѣ которыхъ наиболѣе понятная и разборчивая назначаетъ еще героемъ поэмы плѣннаго Бову, попавшаго въ руки злого царя и спасающаго свою жизнь разгадываніемъ его загадокъ и исполненіемъ его неисполнимыхъ задачъ, при помощи, съ одной стороны, дочери царя, царевны Мельчигреи, а съ другой—добраго волшебника. Имена дѣйствующихъ лицъ приложены тутъ же: Маркобрунъ, Суворъ, Зензивей, Милитриса, *Дидонъ, Гвидонъ.* Лѣтъ черезъ 15, когда Пушкинъ вздумалъ опоэтизировать русскую сказку на свой манеръ, онъ употребилъ въ дѣло послѣднія два имени. Всего замѣчательнѣе, что первая мысль о нынѣшнемъ названіи поэмы представилась Пушкину во французской формѣ, именно такъ: «Rouslane et Ludmilla». Слова эти написаны на самой программѣ о Бовѣ и уже предвѣщаютъ чужестранные, аріостовско-французскіе пріемы самой поэмы, которую они породили.

Такъ въ теченіи трехъ лѣтъ шумной петербургской своей жизни, Пушкинъ находилъ пріютъ для мысли и души своей въ одной этой поэмѣ, возвращался къ самому себѣ и чувствовалъ

свое призваніе черезъ посредство одного этого труда! Со стороны это можетъ показаться очень мало, но у Пушкина, какъ и у всѣхъ его друзей, начиная съ Жуковскаго, было предчувствіе, что Русланомъ онъ могъ завоевать себѣ исключительное положеніе въ литературѣ.

И дѣйствительно, Пушкину суждено было именно поднять и оживить литературный міръ и общество своей поэмой. При появленіи ея въ 1820 г., она дѣлается сигналомъ пробужденія не только старыхъ партій и ихъ воззрѣній на словесность, но и всѣхъ ихъ страстей, которыя казались заснувшими надолго. Классики-старовѣры и прежніе реформаторы принимаются снова за давній, оставленный ими споръ. Затѣмъ все, что́ только страдало отсутствіемъ чтенія, поэтическихъ впечатлѣній, художественнаго удовлетворенія мысли, то-есть огромное большинство русскихъ читателей бросается на поэму Пушкина, какъ на живое слово, разрѣшающее долгій постъ, въ которомъ томился русскій людъ съ своими эстетическими потребностями. Не подлежитъ сомнѣнію, что всеобщее царство скуки и пошлости, охватившее нашу словесность незадолго передъ появленіемъ поэмы, много способствовало ея успѣху, но она имѣла еще и сама по себѣ обаятельныя качества. Никто не могъ вдоволь наслушаться сладчайшей стихотворной рѣчи, какой заговорилъ ея авторъ, а еще болѣе никто не могъ довольно надивиться бойкости всѣхъ его пріемовъ, разсказу его, исполненному движенія, разнообразію найденныхъ имъ мотивовъ, занимательности содержанія, построеннаго на сказочныхъ небылицахъ. Все, что́ прежде выдавалось за народную русскую жизнь въ повѣстяхъ Карамзина, въ балладахъ Жуковскаго, въ одахъ на манеръ «Ермака» Дмитріева и проч., меркло передъ новымъ способомъ изображать сказочный міръ и вводить его въ сферу искусства. Не то, чтобы тутъ открывались вполнѣ или даже частію разоблачались тайны народнаго творчества и народной фантазіи, хотя нѣкоторые изъ ихъ ходовъ и пріемовъ угаданы довольно счастливо, но тутъ поражало мастерство и виртуозность, съ какими разработывались произвольныя темы, въ духѣ народныхъ сказаній. Къ этому присоединились еще и другія оригинальныя отличія поэмы отъ старыхъ поддѣлокъ подъ русскія преданія: ни малѣйшаго признака нервной слабости или фальшиваго одушевленія, ни напыщенности, ни слезливости, ни фантасмагоріи страховъ и чертей; напротивъ, все въ ней было весело, бодро, страстно и имѣло молодое, здоровое выраженіе. Вотъ чѣмъ поразила первая поэма Пушкина современниковъ, которые, наслаждаясь ею, думали, что она передаетъ

сущность и характеръ народной поэзіи. Конечно, теперь «Русланъ и Людмила» являются не болѣе, какъ изумительнымъ *tour-de-force* начинающаго таланта, и о сродствѣ поэмы съ народнымъ творчествомъ не можетъ быть и рѣчи.

Вообще, историческое изложеніе совершенно необходимо, когда идетъ рѣчь о первыхъ опытахъ Пушкина и о восторгахъ, съ какими ихъ встрѣчала публика. Съ этой поры, съ «Руслана» именно каждое изъ его произведеній только увеличиваетъ кругъ литературнаго волненія, поднятаго начальной поэмой. Надо перенестись мысленно въ ту эпоху и, если возможно, сдѣлаться на мгновеніе ея современникомъ для того, чтобъ основательно понять, какое громадное впечатлѣніе должны были производить слѣдовавшія за тѣмъ поэмы Пушкина. Все было въ нихъ открытіемъ. «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», напримѣръ (1822—24), изумили и околдовали публику неподдѣльнымъ языкомъ страсти, искренностію чувства, пыломъ молодого сердца, біеніе котораго слышалось, такъ сказать, во всѣхъ ихъ строфахъ, уже не говоря о поэтическо-реальной обстановкѣ, въ которой двигались ихъ романтическія событія и байроническіе характеры.

Впечатлѣніе росло съ каждымъ годомъ. Едва публика успѣла насытиться двумя поэмами Пушкина, какъ онъ явился передъ ней опять съ ослѣпительной картиной Петербурга и съ начальнымъ абрисомъ характера, уже не имѣвшаго и признаковъ романтической неопредѣленности прежнихъ его героевъ (первая глава Онѣгина, 1825). Затѣмъ, когда въ томъ же году разнесся слухъ о «Цыганахъ» и отрывки изъ нихъ пошли по рукамъ въ спискахъ, Пушкинъ возведенъ былъ общимъ приговоромъ въ геніальные писатели, хотя далеко еще не всѣ права на это названіе состояли у него на лицо. Кстати о спискахъ. Это напоминаетъ намъ, что Пушкинъ могъ уже и тогда избавиться отъ стѣснительныхъ условій печати, характеризовавшихъ эпоху. Издателямъ его и повѣреннымъ въ дѣлахъ стоило не малыхъ трудовъ, чтобъ помѣшать распространенію каждаго новаго его произведенія въ многочисленныхъ рукописныхъ экземплярахъ прежде посѣщенія самими оригиналами типографскаго станка, который, такимъ образомъ, становился ненужнымъ автору для сообщенія съ публикой и для пріобрѣтенія славы. Извѣстно, что одни только *денежныя соображенія*, которыя у Пушкина всегда стояли на первомъ планѣ, помѣшали всѣмъ его поэмамъ, слѣдовавшимъ за «Русланомъ», опередить примѣръ, данный позднѣе комедіей Грибоѣдова и, миновавъ цензуру и печать, — обойти весь русскій

міръ, до самыхъ крайнихъ его угловъ, въ рукописяхъ. Но мы ушли впередъ и возвращаемся къ нашему разсказу.

Прежде чѣмъ была окончена поэма «Русланъ и Людмила», надъ Пушкинымъ обрушилась давно ожидаемая и предвидѣнная катастрофа.

Подробности дѣла, кончившагося высылкой Пушкина изъ Петербурга, не вполнѣ извѣстны, такъ какъ составляютъ еще секретъ архивовъ; но можно принять за достовѣрныя и доказанныя слѣдующія извѣстія о немъ. Дѣло началось по докладу петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, который получилъ, не безъ труда и издержекъ, какъ мы слышали, копію съ извѣстной оды «Свобода» и съ нѣсколькихъ политическихъ эпиграммъ и пѣсенъ, ходившихъ подъ именемъ Пушкина въ городѣ. Многимъ уже было тогда извѣстно, что доклады генералъ-губернатора о лицахъ и происшествіяхъ, несмотря на все его добродушіе и рыцарскую правдивость, носили строгій, нѣсколько преувеличенный характеръ [1]), и не имѣли важныхъ послѣдствій только по отвращенію государя вообще къ шуму изъ пустяковъ. На этотъ разъ случилось иначе. По всѣмъ вѣроятіямъ, государь повторилъ только слова доклада, когда, встрѣтивъ на прогулкѣ, въ Царскомъ Селѣ, директора лицея Энгельгардта, сказалъ, что Пушкинъ наводнилъ Россію возмутительными стихами, которые вся молодежь учитъ наизусть. (Пущинъ, «Атеней» 1859 г. № 8). Энгельгардтъ горячо защищалъ характеръ молодого поэта, и слова его были выслушаны благосклонно. Дѣло въ томъ, что рыцарская струна въ сердцѣ государя, всегда очень чувствительнаго къ правдивому заявленію, была уже затронута поступкомъ Пушкина въ канцеляріи генералъ-губернатора, куда онъ былъ потребованъ вслѣдъ за докладомъ. Приглашенный указать свои стихи, Пушкинъ съ откровенностью и полной надеждой на высокій характеръ того, отъ имени котораго исходило приказаніе, написалъ тутъ же на-память всѣ литературные грѣхи своей музы, за исключеніемъ, впрочемъ — какъ говорили тогда — одной эпиграммы на гр. Аракчеева, которая бы ему никогда не простилась. Со всѣмъ тѣмъ можно полагать, что ни заступничество Энгельгардта, ни этотъ поступокъ самого Пушкина не въ состояніи были бы смягчить во многомъ ожидавшаго его приговора, если бы не явились еще болѣе могущественные ходатаи за поэта. Н. М. Карамзинъ, предувѣдомленный П. Я. Чаадаевымъ о бѣдствіи, грозившемъ Пушкину, поспѣшилъ къ нему на помощь и

---

[1]) См. Исторію г. Богдановича.

заинтересовалъ въ судьбѣ его статсъ-секретаря гр. И. А. Каподистрія, пользовавшагося еще тогда — до греческаго возстанія — великимъ довѣріемъ государя. Графъ Каподистрія, знакомый съ характеромъ настоящихъ агитаторовъ въ Европѣ, понималъ Пушкина чуть ли не лучше самыхъ близкихъ его знакомыхъ и хорошо видѣлъ, на какой основѣ тщеславія, минутныхъ увлеченій и молодыхъ страстей держится вся его политическая пропаганда. Будущій президентъ греческой республики употребилъ свое вліяніе для того, чтобы измѣнить первоначальное, довольно суровое рѣшеніе, принятое относительно памфлетиста и, благодаря еще порукѣ Карамзина, успѣлъ въ томъ. Вмѣсто ссылки въ Сибирь, которая угрожала Пушкину, или даже водворенія на покаяніе въ Соловецкомъ монастырѣ—какъ утверждаютъ нѣкоторые—все дѣло ограничилось простымъ служебнымъ переводомъ изъ Петербурга, въ канцелярію генерала И. Н. Инзова. Послѣдній, занимая должность «попечителя колонистовъ южнаго края», проживалъ въ Екатеринославѣ и состоялъ въ вѣдомствѣ того же министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ служилъ Пушкинъ и на управленіе которымъ графъ И. А. Каподистрія имѣлъ почти одинаковое вліяніе съ его оффиціальнымъ начальникомъ графомъ Нессельроде. Въ довершеніе своихъ благодѣяній, графъ предупредительно снабдилъ еще Пушкина собственноручнымъ, рекомендательнымъ письмомъ къ генералу Инзову, чтó помогло изгнаннику нашему съ перваго же раза установить нѣкоторый родъ свободныхъ отношеній къ новому своему начальству. Все это дѣлалось свѣдома и совѣта Карамзина. 5-го мая 1820 г. Пушкинъ и покинулъ столицу.

Есть однакоже еще одна подробность, принадлежащая тоже къ этому дѣлу и опускаемая обыкновенно біографами, но весьма важная, какъ для характеристики самой эпохи, такъ и по тому обстоятельству, что въ свое время потрясла Пушкина до глубины души:—мы говоримъ о слухѣ, который еще задолго до призыва поэта къ генералъ-губернатору распространился въ городѣ и упорно держался затѣмъ нѣкоторое время. На основаніи его, во всѣхъ углахъ говорилось, что Пушкинъ будто бы былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію при тайной полиціи за вольнодумство. Когда слухъ дошелъ до Пушкина, онъ обезумѣлъ отъ гнѣва и чуть не надѣлалъ весьма серьёзныхъ бѣдъ, чему легко повѣрить, зная его представленія о чести и о личномъ человѣческомъ достоинствѣ. Черезъ пять лѣтъ онъ еще дрожалъ отъ негодованія, вспоминая о тогдашней позорной молвѣ, распущенной на его счетъ, и памятникомъ этого душевнаго состоянія ос-

тался въ его бумагахъ одинъ странный документъ отъ 1825 года. Проживая тогда въ Михайловскомъ, послѣ второй своей ссылки, и изыскивая всѣ способы освободиться отъ заточенія, Пушкинъ рѣшился обратиться съ письмомъ на имя императора; но вмѣсто дѣльнаго и согласнаго съ обстоятельствами письма, изъ-подъ пера его вылился какой-то пламенный и фантастическій монологъ, въ которомъ правдиво было только глубоко-возмущенное чувство, его подсказавшее. Письмо было набросано по-французски и выписку изъ него мы здѣсь приводимъ въ переводѣ. Разумѣется, оно никогда и ни въ какомъ видѣ не было послано. «Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 г.,—говоритъ въ немъ Пушкинъ. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ, а во второмъ, я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда *я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести.*

«Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету...»

Черновое письмо здѣсь обрывается, но остановимся на немъ еще одно мгновеніе.

Нѣтъ никакой возможности, на основаніи историческихъ данныхъ, принять цѣликомъ объясненіе Пушкина и повѣрить, что только изъ желанія смыть съ себя пятно, наложенное неблагородной молвой, отдался онъ задирающему либерализму и всѣмъ увлеченіямъ жизни и пера, которыя ознаменовали петербургскій періодъ его развитія. Въ отрывкѣ есть еще и смѣшеніе эпохъ: сколько намъ извѣстно, напримѣръ, въ Петербургѣ Пушкинъ ни съ кѣмъ не дрался и слова его могутъ быть отнесены только къ

эпохѣ его пребыванія въ Кишиневѣ. Истина письма заключается, какъ уже сказали, въ неудержимомъ чувствѣ негодованія, которымъ оно пропитано, благодаря одному воспоминанію о давно забытомъ слухѣ. Самый фактъ возникновенія такого слуха еще очень знаменателенъ, и если мы теперь свободно, хотя и не безъ стыда за свое довольно давнее прошлое, говоримъ о немъ съ публикой, то именно въ виду его историческаго значенія. Стóитъ только подумать, что такой слухъ зародился и находилъ себѣ полную вѣру въ нѣдрахъ того же самаго общества, которое занято было глубокомысленными нравственными и политическими вопросами, которое готовилось къ соціальному перевороту и для котораго издавалась съ высочайшаго дозволенія волюминозная книга Делольма «Конституція Англіи», даже и посвященная августѣйшему имени [1]). Позорный слухъ никого не изумилъ, никому не показался бредомъ, изрыгнутымъ какимъ-либо маніакомъ: такъ еще сходился онъ съ административными нравами вообще, съ тѣмъ, чтó всегда можно было ожидать отъ условій тогдашней русской жизни. Если вспомнить еще, что слухъ передавался тогда совсѣмъ не съ ужасомъ или негодованіемъ отъ человѣка къ человѣку, а съ шуткой и добродушной веселостью, то состояніе обстановки, въ которой жило это общество и самыхъ его понятій о правахъ людей и чести, покажется, можетъ быть, далеко не радостнымъ.

Какъ бы то ни было, Пушкинъ покинулъ Петербургъ, конечно, неохотно, но не съ тѣмъ мрачнымъ отчаяніемъ, которое сопровождало его позже при вторичномъ насильственномъ переселеніи изъ Одессы въ Михайловское (1824). Онъ уносилъ изъ Петербурга сладкія воспоминанія и полагалъ, что разстается съ нимъ не на долго. Съ тѣхъ поръ Петербургъ никогда уже не терялъ надъ нимъ своего обаятельнаго вліянія; мы знаемъ, что несмотря на бездну новыхъ впечатлѣній, встрѣченныхъ на югѣ Россіи, Пушкинъ уже не отрывалъ глазъ своихъ отъ Петербурга. Онъ жилъ его жизнію, раздѣлялъ мысленно его удовольствія и занятія, и вмѣстѣ съ партіей друзей, тамъ оставленныхъ, боролся съ тѣми, кого они считали врагами. Въ этомъ смыслѣ замѣчаніе наше о косвенномъ вліяніи на судьбу поэта министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, оправдывается фактами. Пушкинъ уже около мѣсяца жилъ въ Кишиневѣ, когда книга

---

[1]) Вотъ полное ея оглавленіе по каталогу Смирдина, гдѣ она приведена за № 2112: «Конституція Англіи, или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями, соч. де-Лольма, пер. съ фр. Иванъ Татищевъ, 2 части. М. Въ универ. типогр. 1806 г. (8) 15 руб.»

Куницына, по которой онъ учился «Право естественное»—подверглась запрещенію и конфискаціи по опредѣленію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ октябрѣ 1820, согласившагося съ мнѣніемъ о ней Магницкаго и Рунича. Черезъ годъ нагнала его вѣсть въ томъ же Кишиневѣ о полномъ торжествѣ мистической обскурантной партіи, объ исключеніи четырехъ профессоровъ изъ стѣнъ петербургскаго университета и проч. Извѣстія эти, изъ которыхъ послѣднее совпало еще съ возбужденнымъ состояніемъ умовъ въ Кишиневѣ, видѣвшемъ такъ сказать зародышъ греческой революціи въ своихъ стѣнахъ, и затѣмъ дальнѣйшее ея развитіе въ сосѣдней Молдавіи—открыли двухгодичный періодъ настоящаго „Sturm und Drang“ въ жизни Пушкина. Тогда-то написана была извѣстная эротическая поэма его, въ видѣ отвѣта на корыстное ханжество клерикальной партіи, наградившая потомъ автора мучительными угрызеніями совѣсти на всю жизнь, и тогда же воцаряется въ душѣ его, подъ именемъ байронизма—мракъ и хаосъ искусственно-возбужденныхъ и разнузданныхъ страстей, прорѣзываемый по временамъ полосами чистаго, свѣтлаго, цѣломудреннаго творчества. Время было страшное, и поэзія одна спасла тогда Пушкина отъ конечной потери той изящной, нравственной физіономіи, подъ которой онъ извѣстенъ русскому міру: она одна поддержала его и вывела опять на предопредѣленную ему дорогу.

ПОЛЖИЗНИ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ *).

Въ сторонѣ.

I.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

По новымъ документамъ.

V *).

На югѣ Россіи.

1820—1824.

Прибытіе въ Кишиневъ Пушкина послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ.— Его настроеніе.—Планы обличительной комедіи, трагедіи, сатиры и поэмы.— Русскій байронизмъ и его характеристика.—Село «Каменки» и ея вѣяніе.— Начало греческой революціи.—Кишиневское общество.—Назначеніе графа М. С. Воронцова намѣстникомъ края и переходъ Пушкина на службу въ Одессу.

Нѣтъ никакой нужды повторять здѣсь еще разъ сказаніе о прибытіи Пушкина въ Елизаветградъ къ генералу Инзову, о болѣзни, постигшей его тамъ и о появленіи въ городѣ семейства Раевскихъ, которое увезло съ собой поэта на Кавказъ, въ Пятигорскъ, куда само направлялось. Также точно могутъ быть

*) См. „В. Е.“ 1873, нояб. 5; дек. 457 стр.

опущены и извѣстія о тихомъ, мирно-художественномъ характерѣ жизни, сдѣлавшейся удѣломъ поэта сперва въ Пятигорскѣ, а потомъ въ Крыму. Все это неоднократно пересказывалось біографами Пушкина, на основаніи собственноручныхъ его писемъ къ брату и къ Б. Дельвигу, которыя тоже приводимы были *in extenso* уже нѣсколько разъ. Гораздо любопытнѣе этихъ данныхъ—новый свѣтъ, брошенный на поѣздку Пушкина документами, недавно опубликованными: важнѣйшій изъ нихъ принадлежитъ Н. М. Карамзину, который въ письмѣ къ Дмитріеву («Переписка Кар. съ Дмитр.» стр. 290) положительно заявляетъ, что путешествіе на Кавказъ дозволено было Пушкину, *какъ знакъ прощенія поэта за прошлыя его вины*, прибавляя, что правительство еще положило ему выдать при этомъ на дорогу 1000 руб. Фактъ пересылки этого правительственнаго пособія Пушкину черезъ посредство К. А. Булгакова не подлежитъ сомнѣнію. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (№ 12) напечатано письмо Инзова, извѣщающее К. А. Булгакова о полученіи этихъ денегъ и о передачѣ ихъ по назначенію, но при этомъ г. Инзовъ приписываетъ одному себѣ починъ дозволенія вояжа, прося Булгакова замолвить передъ И. А. Каподистрія доброе слово, въ случаѣ если послѣдній не одобритъ этого распоряженія. Оба извѣстія, Карамзинское и Инзовское, могутъ быть соглашены: правительство, наказавшее Пушкина, выслало ему въ знакъ примиренія 1000 р., еще не имѣя свѣдѣній о состоявшемся его путешествіи, и потомъ одобрило этотъ фактъ, какъ отвѣчающій его собственнымъ намѣреніямъ относительно поэта. Рука благороднаго начальника Пушкина по министерству иностранныхъ дѣлъ, И. А. Каподистріи, чувствуется во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, да онъ и не ограничился этимъ, а въ слѣдующемъ, 1821 г., справлялся еще о положеніи Пушкина прямо изъ Лайбаха, гдѣ тогда находился съ императоромъ на конгрессѣ. Все это давало Пушкину основательный поводъ надѣяться на скорое возвращеніе въ Петербургъ. Вышло однако же иначе. Съ того же Лайбахскаго конгресса, на которомъ разсуждали о дѣлахъ Испаніи и Греціи, графъ Иванъ Антоновичъ отказался отъ должности статсъ-секретаря и въ слѣдующемъ году покинулъ Россію: Пушкинъ былъ забытъ, да къ тому же и байроническое направленіе, которому онъ все болѣе и болѣе подчинялся, оказалось важной помѣхой къ осуществленію его ожиданій и предположеній.

Исторія развитія байроническаго направленія и есть собственно исторія Пушкина за все время его пребыванія на югѣ Россіи. Тамъ онъ пріобрѣлъ его, и тамъ же пережилъ его и по-

бѣдилъ. Но байронизмъ русскій вообще и Пушкина въ особенности, имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На нашей почвѣ байроническое настроеніе пріобрѣло такія родовыя черты, такую чисто-мѣстную національную окраску, и въ крайнихъ своихъ порывахъ оттѣнялось такими своеобычными, иногда свирѣпыми и вообще анти-гуманными подробностями, что изученіе *нашего* байронизма становится дѣломъ крайне любопытнымъ и поучительнымъ.

Байронизмъ подкрадывался къ Пушкину тихо, и прежде всего своими эстетическими и художественными пріемами, въ ожиданіи времени, когда практическія слѣдствія этого ученія, устроивающія самую жизнь, окажутъ, въ свою очередь, неизбѣжное дѣйствіе на его существованіе. Мы скоро увидимъ, какъ понято было имъ это ученіе и въ какой оригинальный цвѣтъ оно окрасилось, но здѣсь должны еще сдѣлать предварительно слѣдующее замѣчаніе. Полное подчиненіе образцу, волновавшему тогда почти всѣ умы Европы, должно было неизбѣжно свершиться въ душѣ Пушкина при первомъ знакомствѣ съ Байрономъ: тутъ онъ обрѣталъ, наконецъ, ученіе, соотвѣтствующее пылу молодого ума и притомъ такое, которому легко было покориться, ибо оно прежде всего стояло за право личности относиться свободно ко всѣмъ явленіямъ жизни историческаго, политическаго и общественнаго характера. Весь кругъ идей, въ которомъ онъ доселѣ вращался, показался ему крайне ничтоженъ и блѣденъ передъ основаніями и стремленіями британскаго поэта, и только вмѣстѣ съ утихающей молодостью и возвращающейся трезвостью сужденія всплыли на верхъ опять взгляды и уроки, полученные имъ отъ петербургскаго періода жизни, въ бесѣдахъ съ людьми, подобными Карамзину, Жуковскому и проч., какъ сказали, и которые глубоко залегли въ его душѣ. Ходъ этой нравственной революціи, настигшей Пушкина въ Кишиневѣ, мы здѣсь и изложимъ по документамъ, которые сохранилъ самъ поэтъ для своей біографіи въ своихъ замѣткахъ.

Старый генералъ Раевскій, котораго Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ *человѣкомъ безъ предразсудковъ*, былъ родственникомъ Потемкина и живымъ остаткомъ екатерининскаго вѣка, сохранившимъ отъ него, при критическомъ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ, одно существенное его преданіе, именно ученіе о правѣ главы избранной дворянской фамиліи понимать службу государству и свои обязанности передъ нимъ также, какъ честь и доблесть своего званія, неза-

висимо отъ какихъ-либо посторонних требованій и внушеній, что не мѣшало ему самому быть очень твердымъ и подъ-часъ суровымъ истолкователемъ личной своей воли съ другими. Семейство его состояло тоже изъ гордыхъ и свободныхъ умовъ, воспитанныхъ на тѣхъ же доктринахъ личнаго, унаслѣдованнаго права судить явленія жизни по собственному кодексу и не признавать обязательности никакого мнѣнія или порядка идей, которыя выработались безъ ихъ прямого участія и согласія. Старшая дочь Раевскаго, Катерина Ник., та, объ которой Пушкинъ отзывался, какъ о женщинѣ необыкновенной, умѣла покорять людей твердостію характера и прямотой своего слова. Въ Кишиневѣ, куда она явилась позднѣе и уже супругой генерала М. Ѳ. Орлова, ее называли за эти качества въ шутку друзья дома «Марѳой Посадницей». Подъ ея руководствомъ Пушкинъ принялся на Кавказѣ за изученіе англійскаго языка, основанія котораго зналъ и прежде. Книга, которую они выбрали для практическихъ упражненій, была — «сочиненія Байрона». Такимъ образомъ, благоговѣніе къ великому поэту росло въ Пушкинѣ по мѣрѣ самаго углубленія въ смыслъ его идей; а извѣстно, какія задушевныя отношенія образуются между читателемъ и авторомъ отъ подобныхъ долгихъ, непрерывныхъ бесѣдъ другъ съ другомъ. На Кавказѣ же, къ семейству генерала Раевскаго присоединился и старшій сынъ его, Александръ Николаевичъ, съ которымъ Пушкинъ сошелся тотчасъ же и очень близко. Пушкинъ возымѣлъ съ самаго начала весьма высокое понятіе о качествахъ своего друга. Онъ прямо писалъ брату, что старшій сынъ Раевскаго будетъ болѣе нежели извѣстенъ; а на словахъ, какъ намъ передавали, выражался еще рѣшительнѣе. При тогдашнемъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ перемѣнъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говорилъ объ Алекс. Н—ѣ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій. Друзья часто сживали, какъ вспоминаетъ самъ поэтъ въ другой, позднѣйшей своей поѣздкѣ на югъ (путешествіе въ Арзерумъ, 1829), на берегахъ Подкумка, въ виду величаваго Бешту, и долго бесѣдовали. Содержаніе этихъ бесѣдъ никто, конечно, передать не можетъ, но вотъ что любопытно: А. Н. Р. уже пользовался тогда репутаціей скептическаго ума въ нашемъ обществѣ. Когда, въ 1823 г., Пушкинъ напечаталъ свое лирическое стихотвореніе «Демонъ», общественное мнѣніе узнавало въ недовольномъ, разочарованномъ человѣкѣ пьесы лицо его друга, хотя никакихъ дѣльныхъ основаній для такого предположенія вовсе не существовало. Даже и въ печать

проникло мнѣніе, что стихотвореніе списано съ живого и существующаго оригинала. Пушкинъ вздумалъ приготовить по этому поводу замѣтку, которую собирался послать въ журналы, безъ подписи имени и какъ-бы отъ посторонняго лица, но которая, однако же, не попала въ печать, хотя по изворотливости языка и нѣкоторому тону лицемѣрія, обусловливаемыхъ тогдашней цензурой, видимо приготовлялась для опубликованія. Приводимъ замѣтку, какъ она найдена нами, въ краткихъ афоризмахъ, не совсѣмъ обдѣланныхъ и едва набросанныхъ, потому что и въ этомъ черновомъ видѣ своемъ она еще крайне любопытна, наивно объясняя усилія, съ какимъ люди того времени додумывались до созерцанія «демоновъ».

«Многіе, пишетъ Пушкинъ, были того же мнѣнія [1]) и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы хотѣлъ изобразить въ этомъ *странномъ* стихотвореніи... Кажется, они неправы; по крайней мѣрѣ, *я* вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни — сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ *отрицающимъ*... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *пріятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

Во всякомъ случаѣ, благодаря обществу, въ которомъ теперь обрѣтался Пушкинъ, умъ его настроенъ былъ гораздо серьёзнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Все было серьёзно кругомъ него, начиная съ кавказской природы и кончая людьми. Дѣйствіе подобной обстановки отразилось и на его произведеніяхъ. Прекрасныя этнографическія подробности, которыми наполненъ «Кавказскій Плѣнникъ», тогда же задуманный, показываютъ, что старый, шаловливо-остроумный тонъ его музы былъ уже порванъ и мысли указано новое теченіе. Даже въ неудачной попыткѣ создать байроническій характеръ въ лицѣ героя поэмы, несостоятельность котораго почувствована была самимъ авторомъ прежде публики, есть намекъ на появленіе умственныхъ и творческихъ задачъ, го-

---

[1]) Въ предшествующемъ, недостающемъ періодѣ была или могла быть, по всѣмъ вѣроятіямъ, рѣчь о Демонѣ, какъ о копіи съ живого оригинала.

раздо болѣе важныхъ, чѣмъ всѣ доселѣ его занимавшія. Но главнѣйшая услуга, оказанная Пушкину теперешней его обстановкой, все-таки заключалась въ томъ, что возбудила въ немъ жажду ученія, самообразованія, подняла въ умѣ его вопросы, для которыхъ требовалась уже вседневная привычка къ размышленію и кругъ познаній доселѣ ему еще недостававшій. По образованію онъ не стоялъ въ уровень ни съ своими привычными собесѣдниками, ни съ репутаціей, которой начиналъ пользоваться; онъ бросился на трудъ пополненія своего воспитанія съ удвоенной энергіей. Послѣдней не могли ослабить уже и всѣ утѣхи Юрзуфа, мѣстечка въ Крыму, сдѣлавшагося почти знаменитымъ въ исторіи нашей литературы, благодаря пребыванію въ немъ Пушкина. Тамъ онъ отдыхалъ отъ Кавказскаго леченія, вмѣстѣ съ семействомъ Раевскихъ и другими наѣхавшими гостями и гостьями. Какъ ни велики были забавы и обаятельныя впечатлѣнія крымской жизни сперва въ Юрзуфѣ, а потомъ въ Бахчисараѣ, сохраненныя и стихотвореніями Пушкина [1]), они уже не могли пошатнуть или заслонить собою цѣли, которая теперь поставлена имъ была для себя. Раевскіе покинули Крымъ нѣсколько ранѣе. Словно для окончанія предварительнаго его воспитанія онъ проѣхалъ еще на возвратномъ пути къ нимъ, въ извѣстную Каменку— село Раевскихъ-Давыдовыхъ, — Кіевской губерніи, о которой будемъ говорить далѣе, и оттуда уже явился въ Кишиневъ къ своему начальнику генер. Инзову. Во время довольно длиннаго вояжа этого, центральное управленіе колонистами переведено было изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, который и сдѣлался поэтому резиденціей какъ Инзова, такъ и его чиновниковъ. Пушкинъ явился въ Бессарабію съ жаждой къ умственному труду и съ готовымъ уже байроническимъ настроеніемъ.

Внѣшняя жизнь Пушкина въ Кишиневѣ и обстановка его жизни уже извѣстны публикѣ изъ нашихъ «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» (1855), изъ обстоятельной монографіи г. Бартенева «Пушкинъ на югѣ Россіи», дополненіемъ которой (и въ высшей степени драгоцѣннымъ) служатъ отрывки изъ «Дневника и воспоминаній И. П. Липранди», приложенныя къ Р. Архиву 1866. Отрывки этого «Дневника» получаютъ особенную важность, какъ свидѣтельство современника и очевидца о характерѣ и настроеніи поэта въ данное время. Послѣ этихъ разъясненій остается еще изслѣдовать тайный процессъ его мысли,

[1]) См. пьесы 1820 г.: Доридѣ, Дорида, „Нереида“, элегіи: (Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда) и др.

откуда выходили всѣ его поступки, предпріятія и общій тонъ жизни. Къ описанію этого процесса приступаемъ теперь.

Ученіе и самообразованіе продолжались у Пушкина и тогда, когда онъ поселился въ домѣ Инзова, па горѣ, въ такъ-называемой «Метрополіи» Кишинева. Пушкинъ принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, легендъ, этнографическихъ документовъ, за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и проч. Къ сожалѣнію, вся эта работа поэта надъ самимъ собой, за очень малыми исключеніями, о которыхъ рѣчь впереди, пропала для насъ безслѣдно. По словамъ И. П. Липранди, Пушкинъ прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій. Въ Кишиневѣ же онъ началъ рядъ тѣхъ умныхъ «Замѣтокъ», которыя продолжались у него и гораздо долѣе 1828 года, когда были впервые напечатаны (Сѣверные Цвѣты—1828) подъ общимъ заглавіемъ: «Мысли и замѣчанія». Вообще онъ самъ хорошо выразилъ серьёзную сторону своей жизни въ извѣстномъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, помѣченномъ числами 6—20 апрѣля 1821 и столько разъ уже приводимымъ біографами для подтвержденія факта о трудолюбіи и дѣльномъ настроеніи поэта за все это время:

«Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ».

Любопытенъ только вопросъ: что́ значило тогда въ русскомъ обществѣ: стать съ вѣкомъ наравнѣ?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что стихотвореніе написано, какъ скоро увидимъ, въ самомъ разгарѣ политическихъ страстей и байроническаго броженія у Пушкина. Спокойный, мудро-эпическій тонъ пьесы находится въ совершенномъ противорѣчіи со всѣмъ, что́ мы знаемъ о бѣшеной жизни Пушкина въ эту эпоху, и еще разъ показываетъ, какъ заблуждаются біографы и въ какое заблужденіе вводятъ читателей, когда на основаніи стихотвореній, въ которыхъ личность поэта является преображенной поэзіей и творчествомъ, вздумаютъ судить о дѣйствительномъ, реальномъ ея видѣ, въ извѣстный моментъ. Правда, что они могутъ сказать: въ поэтическомъ отраженіи писатель болѣе походитъ на самого себя, чѣмъ въ дрязгахъ и треволненіяхъ жизни, но тогда уже не слѣдуетъ вовсе и заниматься послѣдней, а довольствоваться только однимъ художническимъ ея обликомъ.

Плодомъ занятій и размышленій Пушкина осталась, между прочимъ, отъ этого времени статья «Нѣкоторыя историческія замѣчанія», непопавшія въ печать. Причину этого исключенія можно искать въ рѣзкости ея формы и языка: *домашнія*, такъ сказать, изслѣдованія почти всегда такъ пишутся. Нѣкоторые критики, въ томъ числѣ и г. Бартеневъ, видятъ въ статьѣ Пушкина признаки ранней зрѣлости ума и сужденія, ссылаясь особенно на его упреки императрицѣ Екатеринѣ за отобраніе монастырскихъ имѣній, которыя *могли быть* употреблены духовенствомъ на дѣло народнаго образованія. Мы не имѣемъ такого высокаго мнѣнія о статьѣ, которая для насъ представляетъ только занимательность, какъ превосходный примѣръ либеральныхъ толковъ времени и свѣтской учености, нами уже описанной. Собственно говоря, статья посвящена исключительно царствованію Екатерины II-й, а всѣ предшествующія упомянуты только вскользь и огуломъ, но основы ходившихъ тогда мнѣній о новѣйшей Русской Исторіи сохранены въ ней въ достаточной полнотѣ. Любопытно, что Петръ Великій, на реформы котораго смотрѣли въ прошломъ столѣтіи не совсѣмъ благопріятно даже такіе противуположные умы, какъ президентъ академіи наукъ княгиня Дашкова и историкъ князь Щербатовъ, возстановляется запиской Пушкина въ полномъ величіи, но на основаніяхъ довольно фантастическаго характера: «Петръ I-й, говоритъ авторъ ея, не страшился народной свободы и неминуемаго дѣйствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ». Движеніе, имъ данное государству, продолжалось и послѣ него:... «Наслѣдники сѣвернаго исполина, продолжаетъ авторъ, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностію подражали ему во всемъ, что́ только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше его образованности и добро производилось не нарочно, между тѣмъ какъ азіатское невѣжество обитало при дворѣ»... Черезъ нѣсколько строкъ послѣ этого, Пушкинъ прямо переходитъ къ верховникамъ, вызвавшимъ герцогиню Анну Ивановну на престолъ и также быстро опредѣляетъ ихъ замыслы; но это мѣсто у Пушкина мы считаемъ важнѣйшимъ мѣстомъ изъ всей его записки. Оно представляетъ намъ какъ-бы дальній отзвукъ Арзамаса, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ раздался въ средѣ и на почвѣ радикальныхъ убѣжденій. Вотъ это мѣсто: «Аристократія послѣ его (Петра) неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; *къ счастію* хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосно-

венным. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ [1]). Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; *нынѣ же* политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: *желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы...»* Это мѣсто заслуживаетъ названія пророчества, но изъ всего послѣдующаго окажется, что въ своихъ нападкахъ на аристократію, Пушкинъ подразумѣвалъ только своекорыстную, эгоистическую и невѣжественную касту олигарховъ, а совсѣмъ не цѣлую сословную партію. Затѣмъ авторъ записки обрушивается уже всей силой негодованія на царствованіе Екатерины II-й, и оно понятно—почему? Восторженные поклонники императрицы, какъ тогда, такъ и гораздо позднѣе еще, составляли у насъ партію консерваторовъ, которая противопоставляла всѣмъ благимъ начинаніямъ Александровской эпохи блескъ, величіе и мудрость царствованія великой бабки императора. Борьба съ этой партіей выразилась у Пушкина столь же рѣзкимъ, сколько и одностороннимъ обличеніемъ идеала, который создали себѣ консерваторы изъ лица императрицы. Отсюда желчный, неумѣренный тонъ его записки. Правленіе Екатерины обвиняется *въ важныхъ ошибкахъ противъ политической экономіи* [2]), въ жестокости деспотизма, при лицемѣрномъ усвоеніи либеральной внѣшности передъ Европой (повторяется сказка о Княжнинѣ, будто бы умершемъ подъ розгами Шешковскаго за свою трагедію), въ раздачѣ крестьянъ любимцамъ своимъ, закрѣпощеніи Малороссіи и Польши, въ растлѣніи общественныхъ нравовъ, въ расточительности и проч. Не находитъ пощады и извѣстный призывъ депутатовъ въ коммис-

---

[1]) Если сличить это мѣсто съ цитатой о феодализмѣ, которую мы не безъ намѣренія привели выше, то разница между созерцаніемъ Пушкина въ 1821 и взглядами его въ 1831 окажется очень значительной. Мы объясняемъ далѣе причины этой кажущейся разновидности.

[2]) Пушкинъ никогда не занимался полит. экономіей, но вспомнимъ моду на Адама Смита, Беккарія, Филанжьери и проч. Безъ слова о полит. экономіи нельзя было обойтись.

сію объ уложеніи: «Фарса нашихъ депутатовъ, говоритъ Пушкинъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе» и проч. Словомъ, это великое имя принесено было въ жертву позднѣйшему радикализму вполнѣ и совершенно безстрашно.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ достаточно видно, какимъ рѣзкимъ сторонникомъ *«эманципаціи»*, свершившейся только 40 лѣтъ спустя, былъ Пушкинъ въ свое время. Въ этомъ качествѣ заявлялъ онъ уже себя съ весьма раннихъ поръ, какъ знаемъ, да иначе и не могло быть у питомца и друга Тургеневыхъ, которые крестьянскій вопросъ считали единственной серьёзной стороной тогдашняго либерализма и тогдашнихъ либеральныхъ ассоціацій. Недовольствуясь партикулярными, такъ сказать, заявленіями своего сочувствія къ вопросу, Пушкинъ хотѣлъ написать еще комедію или драму потрясающаго содержанія, которыя могли бы выставить въ позорномъ свѣтѣ безобразіе крѣпостничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать и темныя стороны самого образованнаго общества нашего. Программа такой комедіи или драмы, затерявшаяся въ бумагахъ поэта, изложена въ довольно странной формѣ. Всѣ дѣйствующія лица будущей драмы названы въ ней по именамъ предполагаемыхъ ея исполнителей на сценѣ, т.-е. фамиліями тогдашнихъ знаменитѣйшихъ актеровъ петербургскаго театра.

Вотъ что́ говоритъ программа: «*Валберхова*—вдова, *Сосницкій*—ея братъ, *Брянскій*—любовникъ Валберховой, *Рамазановъ*, *Боченковъ*. Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей. Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. *Пополамъ*. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту *Величкина*. Отчаяніе его».

Конечно, трудно было бы доискаться смысла въ этой лаконической программѣ, еслибы не существовала еще другая, которая можетъ служить поясненіемъ первой и которую здѣсь же прилагаемъ:

I.

С. и *В.* (то-есть Сосницкій и Валберхова—братъ и сестра). *В.* Игралъ? *С.* Игралъ. *В.* Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? Добро бы либералъ... да ты-то что? [1]) Зачѣмъ не въ свѣтѣ... гдѣ

---

[1]) Тутъ есть историческій намекъ. Вдова Валберхова, по этой программѣ, должна была говорить, вѣроятно, о либералахъ-аристократахъ эпохи, братавшихся съ разночинцами и убѣгавшихъ отъ общества и его удовольствій для того, чтобъ предаваться серьёзнымъ занятіямъ и бесѣдамъ о важныхъ предметахъ. Пушкинъ часто упоминалъ и потомъ объ этой чертѣ эпохи.

вся молодежь? *С.* Вы всѣ бранчивы... Скучно... То-ли дѣло ночь играть. *В.* Скоро ли отстанешь? *С.* Никогда, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. *В.* Игра?.. *С.* Нѣтъ... *В.* Прощай.

II.

С. Карты!.. *Величкинъ* (то-есть старый слуга или дядька Сосницкаго) Проиграетесь... *С.* Полно врать... Я поспѣю.

III.

В. и *Бр.* (то-есть Валберхова и любовникъ ея Брянскій, тоже игрокъ. Вѣроятно, первая умоляетъ своего любезнаго спасти ея брата).

IV.

Бр. и *Рамазановъ*—узнаютъ, уговариваются (то-есть два шулера, одинъ великосвѣтскій, а другой изъ низшихъ слоевъ общества, узнаютъ другъ друга и уговариваются проучить Сосницкаго).

V.

Валб. Что за шумъ? *Величкинъ.* Играютъ. *Валб.* Поди за Брянскимъ.

VI.

Валб. И Брянской такой же.

VII.

Брян. и *Валб.* (Вѣроятно объясненіе между ними). *Бр.* Я пополамъ! (то-есть пополамъ съ Рамазановымъ). Ему урокъ... проигрывается...

VIII.

Сос. Въ отчаяніи (т.-е. уже проигравшійся). *Бр.* (Вѣроятно, подстрекающій его). *Величкинъ* уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. *Брянскій* и *Рамазановъ* (вѣроятно, открываютъ заговоръ). Конецъ.

Изъ сличенія обѣихъ программъ оказывается возможность предложить правдоподобное изъясненіе всего плана будущей комедіи. По нашему мнѣнію дѣло должно было заключаться въ

томъ, что аристократическая вдова (Валберхова), имѣющая любимаго ею брата, желаетъ спасти его отъ несчастной страсти къ игрѣ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ, тоже изъ высшаго свѣта и тоже игрокомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продѣлками шулеровъ. Любовникъ обѣщаетъ ей содѣйствіе, и на первомъ же игорномъ вечерѣ у Сосницкаго встрѣчаетъ полнаго шулера, Рамазанова, узнаетъ его и принуждаетъ обыграть хозяина пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Подъ конецъ сеанса они заставляютъ Сосницкаго поставить на карту своего стараго дядьку Величкина. Происходитъ раздирающая сцена, кончающаяся наставленіями и поученіями и проч.

Вотъ какого рода обличительную комедію задумывалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. По нашему мнѣнію, извѣстные посмертные отрывки изъ какой-то стихотворной комедіи Пушкина, приведенные нами въ «Матеріалахъ 1855 г.» и повторенные изданіемъ Исакова, принадлежатъ къ той же мысли о комедіи изъ крѣпостного и шулерскаго міра—только планъ ея уже измѣнился нѣсколько, и вмѣсто брата и сестры являются на сцену мать и сынъ. Она также не была написана, и понятно почему.

По свойству своего таланта, Пушкинъ не могъ долго держаться въ ограниченныхъ рамахъ свѣтской драмы или обличительной комедіи, при самомъ твердомъ намѣреніи отдаться имъ вполнѣ. Мы видимъ, что едва онъ поставилъ вѣхи для своего произведенія, какъ тотчасъ же перешелъ къ мысли о политической трагедіи. Здѣсь, конечно, открывалось болѣе простора для лирическаго вдохновенія, которое ему всегда легко доставалось и не требовало въ такой мѣрѣ обдумыванія мотивовъ и жизненнаго наблюденія. Трагедія отвѣчала притомъ гораздо лучше состоянію его души и мысли и лучше могла выразить весь пылъ смутныхъ оппозиціонныхъ порывовъ, которые ихъ одолѣвали. Вотъ почему почти рядомъ съ программой комедіи является у него и программа трагедіи «*Вадимъ*», часть которой уже извѣстна публикѣ по собранію его сочиненій. Подъ этимъ именемъ, Пушкинъ замышлялъ написать картину заговора и возстанія «*славянскихъ племенъ*» противъ «*иноплеменнаго*» ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апоѳеозой гражданскимъ

доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причемъ и *«славянскія племена»* и *«иноплеменники»* составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Пушкинъ такъ ясно хотѣлъ выразить свою истинную цѣль, что въ сценѣ трагедіи, напечатанной въ изданіяхъ его сочиненій, стихъ, вложенный имъ въ уста Рогдая, одного изъ заговорщиковъ, описывающаго всеобщій ропотъ новгородцевъ:

> «*Къ пришельцамъ ненависть*
> Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ»—

былъ просто написанъ такъ, какъ будто дѣло шло о событіи очень близкомъ и современномъ:

> «*Вражду къ правительству*
> Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ»—

Но и эта трагедія не удостоилась отдѣлки и продолженія, и опять понятно по какой причинѣ. Истиннаго въ ней было только настроеніе автора, а затѣмъ ни исторія, ни преданіе—никакихъ дѣльныхъ матеріаловъ для нея не приготовили. Все было въ ней выдумка и подлогъ, а долго обращаться съ подобными элементами производства Пушкинъ не могъ, какъ уже было сказано. Онъ бросилъ трагедію и перешелъ къ мысли о поэмѣ съ такимъ же псевдо-историческимъ и либеральнымъ содержаніемъ, но ложь и несостоятельность замысла и тутъ остановили его. Онъ отказался и отъ поэмы. Отъ нея уцѣлѣли для насъ только два отрывка (Два путника и Сонъ), которые приведены въ изданіи его «Сочиненій» и которые уже блещутъ неподдѣльной красотой своихъ подробностей, какъ читатель можетъ самъ удостовѣриться.

Должно согласиться, что эта тайная дѣятельность мысли и творчества у Пушкина носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ та, которую онъ открылъ публикѣ и которую мы знаемъ по его сочиненіямъ отъ эпохи 1821 — 1824 г. Подъ лучезарными произведеніями его поэтическаго генія, отданными свѣту, текла, непрерываясь всю жизнь, другая, потаенная струя творчества общественнаго, политическаго, исповѣдническаго и задушевнаго характера, имѣвшая большое вліяніе и на общій тонъ его поэзіи. Изъ этого источника, можетъ быть, получала послѣдняя то жизненное, реальное выраженіе, которое въ ней неотразимо чувствуется, несмотря на чистую сферу искусства, въ которой она постоянно держалась, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ. Это такъ важно, что даже для пониманія настоящаго смысла многихъ его лирическихъ пѣсенъ, представляющихъ какъ-бы ма-

лыя законченныя и самостоятельныя поэмы, необходимо еще знаніе душевныхъ и умственныхъ волненій поэта, которыя составляютъ, такъ сказать, ихъ подкладку. Въ такомъ именно поясненіи нуждаются особенно всѣ стихотворенія Кишиневской эпохи, посвященныя имени «Овидія», поклоненіе которому зародилось у Пушкина тотчасъ по пріѣздѣ на новое мѣсто жительства и служенія.

По справедливому замѣчанію г. Бартенева (въ статьѣ «Пушкинъ на югѣ Россіи») Пушкину показалось, что между нимъ и несчастнымъ щеголемъ временъ Августа, авторомъ «Искусства любить» и «Превращеній» есть, кромѣ сходства талантовъ, еще разительное сходство въ судьбѣ и общественномъ положеніи. Пушкину пріятно было думать, что на разстояніи тысячи-двухъ лѣтъ онъ испытываетъ одинаковую участь и страдаетъ одинаковыми нравственными страданіями съ изгнанникомъ перваго римскаго императора. Онъ оплакивалъ судьбу Овидія, трогательно взывалъ къ его тѣни, и не довольствуясь спорами о мѣстѣ погребенія его, совершилъ поѣздку въ обществѣ Липранди, по свидѣтельству послѣдняго, къ предполагаемому мѣсту Овидіевой гробницы. Все это факты вполнѣ опредѣленные, но остается затѣмъ неразъясненнымъ вопросъ: какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго денди, лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшагося постоянно въ лести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ? Дѣло въ томъ, что и Байронъ и Овидій были олицетвореніе противуположныхъ стремленій самого Пушкина въ ту эпоху. Онъ жилъ тогда двойной жизнью, именно— потребностью отрицанія современныхъ условій общественнаго быта, которая въ удаленіи отъ главныхъ административныхъ центровъ находила себѣ бо́льшій просторъ. Это настроеніе хорошо уживалось съ Байрономъ, питаясь духомъ и мыслью британскаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ жилъ еще надеждами и планами, прямо противуположными этому настроенію, діаметрально исключавшими его. Пушкинъ жаждалъ именно, на подобіе своего предшественника, Овидія, наслажденій столичнаго жителя, свѣтскихъ и блестящихъ литературныхъ успѣховъ, которые тянули его въ Петербургъ, гдѣ они преимущественно обрѣтались и раздавались. Мы уже видѣли, что съ самаго своего появленія на югѣ, Пушкинъ имѣлъ причины ждать скораго вызова своего обратно въ Петербургъ; тѣмъ не менѣе онъ постоянно дѣлалъ на мѣстѣ все возможное, чтобы помѣшать такому вызову. Цѣли его двоились,

какъ и самая мысль: Байронъ и Овидій призваны были выражать тѣ силы, которыя боролись въ собственной его душѣ. Когда надежда появленія опять на берегахъ Невы все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени вымирала у Пушкина, Байронъ или лучше то русское видоизмѣненіе байронизма, о которомъ упоминали, окончательно овладѣло имъ и подчинило его себѣ безраздѣльно.

Мы пришли къ основному началу, опредѣлившему и окрасившему собою одинъ замѣчательный періодъ въ жизни Пушкина, и уже необходимо должны ближе заняться вопросомъ,— чѣмъ сдѣлался вообще «байронизмъ» на русской почвѣ и какой стороной привился онъ въ частности къ нашему поэту?

Уже съ первыхъ шаговъ Пушкина въ Кишиневѣ можно усмотрѣть признаки особеннаго пониманія той свободы мысли, которую байронизмъ будто бы предоставляетъ человѣку, и той смѣлости поступковъ, на которую будто бы онъ уполномочиваетъ. Послѣ недолгаго пребыванія на квартирѣ, Пушкинъ переѣхалъ въ домъ, занимаемый намѣстникомъ Бессарабіи И. Н. Инзовымъ, въ старомъ городѣ, какъ сказали. Личность этого почтеннаго человѣка недостаточно изслѣдована у насъ, хотя вполнѣ заслуживала бы вниманія. Мы почти ничего не знаемъ о достойномъ генералѣ. Всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются нѣсколькими оффиціальными данными, заключающимися въ извѣстномъ изданіи: «Александръ I и его сподвижники», да извѣстіями, что Инзовъ, черезъ воспитателя своего, князя Н. Н. Трубецкаго, а потомъ черезъ своего начальника, кн. Н. В. Репнина, при которомъ служилъ адъютантомъ, рано ознакомился съ ученіями нашихъ, такъ-называемыхъ, мартинистовъ прошлаго вѣка, и до конца жизни сохранялъ ихъ строгій взглядъ на жизнь и обязанности христіанина. Есть и еще одно свидѣтельство о почтенномъ генералѣ—это портретъ Инзова, оставленный намъ Ф. Ф. Вигелемъ въ его «Запискахъ»; но портретъ видимо написанъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, ибо «Записки» Вигеля, несмотря на ихъ живое и мѣстами талантливое изложеніе, были у автора еще и орудіемъ посмертной мести противъ лицъ, когда-либо недовѣрявшихъ его нравственному характеру или помѣшавшихъ ему достичь вліятельнаго поста на службѣ, котораго онъ и не заслуживалъ по милости множества закоренѣлыхъ предразсудковъ. Вотъ почему, когда онъ рисуетъ честнаго и благороднаго Инзова мрачнымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ честолюбцемъ, человѣкомъ необузданныхъ страстей, которыя онъ старался подавить въ себѣ, по принципу мистическаго самоумерщвленія, то мы уже догадываемся, почему такія, а не иныя краски очу-

тились на его кисти. Инзовъ, между прочимъ, исповѣдывалъ, какъ и вся его партія—извѣстное ученіе о *благодати*, способной просвѣтить всякаго человѣка, какимъ бы слоемъ пороковъ и заблужденій онъ ни былъ прикрытъ, лишь бы нравственная его природа не была окончательно извращена. Вотъ почему, напримѣръ, въ распущенномъ, подъ-часъ даже безумномъ Пушкинѣ, Инзовъ видѣлъ болѣе задатковъ будущности и моральнаго развитія, чѣмъ въ иномъ изящномъ господинѣ, съ приличными манерами, серьёзномъ по наружности, но глубоко испорченнымъ въ душѣ. По свидѣтельству покойнаго Н. А. Алексѣева, онъ былъ очень искусенъ въ такомъ распознаваніи натуръ, несмотря на кажущуюся свою простоту. Вотъ чтó писалъ самъ Пушкинъ въ 1825 г. про Инзова, придавая своей автобіографической замѣткѣ форму діалога между собой и какимъ-то воображаемымъ высокопоставленнымъ лицомъ. Изъ этого діалога мы извлекаемъ слѣдующія строки: «Инзовъ меня очень любилъ и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ — скуки ради — французскіе журналы... Генералъ Инзовъ—добрый, почтенный... (человѣкъ). Онъ русскій въ душѣ. Онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шелопая своимъ соотечественникамъ. Онъ уже не волочится, страсти въ немъ уже давно погасли; онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ; не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что онъ со всѣми вѣжливъ...» Очеркъ, конечно, слабъ, такъ какъ видимо служитъ Пушкину только оттѣнкомъ для какого-то другого характера, но и эти отрицательныя черты уже много говорятъ въ пользу перваго начальника нашего поэта.

Но какъ онъ отвѣчалъ на все благорасположеніе своего ментора? Мы знаемъ, что и прежде, и послѣ этой эпохи, Пушкинъ нисколько не церемонился въ обращеніи со всякаго рода авторитетами, ему встрѣчавшимися, что онъ никогда, ни передъ кѣмъ не могъ воздержаться отъ проказы или шутки; но здѣсь, по всему, чтó до насъ дошло, примѣшалось къ этой чертѣ нѣчто злобное и разсчитанное. Онъ какъ будто съ наслажденіемъ дразнилъ стараго генерала. Тотъ же Вигель, и на этотъ разъ со всѣми признаками достовѣрности, разсказываетъ, что обѣдая у Инзова, Пушкинъ нарочно заводилъ вольнодумный разговоръ, и зная строго религіозныя убѣжденія хозяина, старался развивать наиболѣе противоположныя имъ теоріи. Замѣчательно, что онъ никогда не могъ окончательно разсердить Инзова, такъ какъ и Карамзина прежде. Напротивъ, когда въ 1823 г. Инзовъ сдалъ

должность начальника новороссійскаго края, которую исправлялъ съ іюля 1822 г., графу М. С. Воронцову, то всего болѣе огорченъ былъ добровольнымъ переходомъ на службу къ своему преемнику—бывшаго своего чиновника, столько имъ любимаго—Пушкина. «Вѣдь онъ ко *мнѣ* былъ посланъ»—жаловался добрый старикъ.

Кромѣ этой развязности въ обращеніи съ людьми, русскій байронизмъ отличался еще и другими своеобычными чертами. Онъ, напримѣръ, никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе заграницей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ и ко всякому моральному и матеріальному страданію, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы русскій байронизмъ уже строился на странномъ, ничѣмъ неизъяснимомъ, ничѣмъ неоправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *«демоническія»* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ съ подражаніемъ аристократическимъ пріемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно. Мы приводимъ здѣсь разительный примѣръ именно такого пониманія байронизма. Въ бумагахъ Пушкина осталась записка по-французски, неизвѣстно кѣмъ писанная, но, вѣроятно, вызванная какимъ-либо предшествующимъ разговоромъ ея автора съ нашимъ поэтомъ. Дикое сочетаніе аристократической кичливости, съ грубостію мысли и чувства, въ ней поразительны. «Vous êtes, mon digne maître, говоритъ записка, brave, mordant, méchant—cela n'est point assez: il faut être tyran, féroce, vindicatif. C'est où je vous prie de me conduire. Les hommes ne valent pas qu'on les évaluent par les étincelles de sentiments par lesquelles je me suis imaginé de les évaluer. C'est par *berquovetz* qu'il faut les estimer. Il faut devenir aussi égoiste et aussi méchant qu'ils le sont en général, pour en venir à bout. C'est alors seulement qu'on peut assigner la place qu'il convient à chacun d'occuper. Et ce bien cela, mon très-aimable compatriote ou bien ai-je tort? Prononcez!» («Вы, мой достойный наставникъ, смѣлы, язвительны, злы—но этого еще мало: надо быть тираномъ, свирѣпымъ, мстительнымъ. Прошу васъ научить меня

этому. Люди не стоятъ того, чтобъ ихъ цѣнили по искрамъ чувства, какъ я было вздумалъ ихъ оцѣнивать. Ихъ надо вѣсить *берковцами.* Подчинить ихъ себѣ можно только тогда, когда самъ сдѣлаешься такимъ же эгоистомъ и такимъ же злымъ, каковы они. Послѣ этого уже можно приступить къ назначенію каждому его настоящаго мѣста. Такъ ли это, мой любезнѣйшій соотчичъ, или я ошибаюсь? Рѣшайте».) Такія-то записки могъ получать теперь Пушкинъ—этотъ, по природѣ своей, какъ мы знаемъ, добродушный и любящій человѣкъ. Не по дѣйствію одной случайности, какъ намъ кажется, сохранилась и самая записка въ его бумагахъ. Можетъ быть, онъ тайно гордился въ это время титуломъ мастера въ наукѣ вздорной ненависти къ человѣчеству, которымъ чествовала его записка, сама будучи произведеніемъ пустого тщеславія, распаленнаго празднымъ существованіемъ на трудахъ и потѣ того самаго человѣка, котораго она учила презирать.

Мы приведены въ необходимость оспаривать мнѣніе, довольно распространенное, по которому весь кишиневскій періодъ Пушкинской жизни со всѣми его увлеченіями, считается дѣломъ преднамѣреннымъ у поэта, напускнымъ, заимствованнымъ, какъ мода. Друзья Пушкина, а за ними и біографы, распространившіе это мнѣніе, ссылаются въ подтвержденіе его не только на тѣ просвѣты поразительно трезвыхъ сужденій, какіе почасту бывали у поэта, но и на самыя статьи его, въ которыхъ заключаются автобіографическіе намеки, въ родѣ статьи: «Анекдотъ о Байронѣ», тогда же имъ написанной. Извѣстно, что эта статья говоритъ о врожденной религіозности Байрона и проводитъ мысль, что многое въ англійскомъ поэтѣ должно приписать его страсти или его слабости—казаться не тѣмъ, худшимъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Говоря это, Пушкинъ могъ, будто бы, разумѣть столько же Байрона, сколько и самого себя. Но состояніе его тетрадей и записокъ, въ которыхъ Пушкинъ никогда не лгалъ на себя, опровергаетъ эти предположенія, показывая, что ночь, облегавшая сознаніе поэта въ кишиневскую эпоху, была дѣйствительной ночью и что яркіе просвѣты зрѣлой мысли, которыми она прорѣзывалась, свидѣтельствуютъ только о силѣ нравственнаго творчества, не вполнѣ утерянной имъ и тогда. Мы уже сказали, что поэзія, напримѣръ, была его спасительницей и вывела его опять къ свѣту и правдѣ, при врожденной мощи и крѣпости его мысли, созрѣвавшей чрезвычайно быстро, какъ окажется изъ дальнѣйшаго изложенія нашего очерка.

Совокупное дѣйствіе извѣстій о торжествѣ враждебныхъ ему

началъ въ Петербургѣ, вызывающихъ и возбудительныхъ подробностей тогдашней кишиневской жизни, а наконецъ слуховъ о греческомъ возстаніи въ Молдавіи, которое ознаменовало себя на первыхъ порахъ неимовѣрными жестокостями и предательствами, придало особый характеръ бесѣдамъ Пушкина съ самимъ собой. Тетради его каждой своей страницей говорятъ уже о необычайномъ состояніи его фантазіи, возбужденной до крайней высочайшей степени. Рисунки, которыми онъ любилъ досказывать все недоговоренное или неудобно-высказываемое, теперь умножаются. Одной стороной они примыкаютъ къ прежнимъ упражненіямъ этого рода, представляя, на подобіе ихъ, цѣпь мужскихъ и женскихъ головокъ, вѣроятно портретовъ, иногда цѣлыя фигуры, а иногда и полныя картинки, содержаніе которымъ давали теперь или анекдоты изъ жизни самого поэта, или скандалёзная хроника города Кишинева [1]). Пушкинъ какъ будто самъ занялся приготовленіемъ «иллюстраціи» для собственной біографіи. Но въ эту иллюстрацію ведены уже были черты и элементы, не существовавшіе до Кишинева, и послѣ Кишинева никогда неповторявшіеся болѣе: они поражаютъ своимъ характеромъ. Здѣсь именно является впервые тотъ циклъ художническихъ шалостей, которому французы даютъ названіе *diableries* — чертовщины. Этотъ родъ изображеній отличается у Пушкина, однакоже, совсѣмъ не шуткой: нѣкоторые эскизы обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячечное, свирѣпое состояніе фантазіи, что пріобрѣтаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщикомъ.

Въ одной изъ тетрадей, послѣ помѣтокъ, способствующихъ къ открытію времени ея употребленія, изъ которыхъ одна гласитъ: «18 Juillet 1821, nouvelle de la mort de Napoléon»; а другая: «bal chez l'archevêque armènien» встрѣчается весьма сложная *«сатанинская»* композиція, описаніе которой дастъ понятіе читателю и о всѣхъ прочихъ того же рода. Подъ скрипку маленькаго бѣса съ хвостикомъ танцуютъ четыре мужскихъ и жен-

---

[1]) Такъ извѣстная продѣлка Пушкина съ молдавскимъ бояриномъ Бальшъ, котораго онъ заставилъ лично отвѣчать за неосторожное или необдуманное слово жены, получила слѣдующее „иллюстрированное" толкованіе. Пушкинъ изобразилъ въ пустой комнатѣ длиннаго сухощаваго человѣка, повидимому, только-что разбуженнаго, въ курткѣ, но безъ исподняго платья, который стоитъ съ раздвинутыми руками, и съ видомъ крайняго изумленія ищетъ этой принадлежности своего туалета. Комната украшена только деревяннымъ стуломъ, да на окнѣ, спиной къ зрителямъ, помѣщается символъ лукавой робости—кошка. Внизу надпись: „Ma femme, ma cullote, et mon duel donc! Ah, ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte cullotte"

скихъ бѣсенятъ, надѣленныхъ тоже хвостиками. На поляхъ картинки, составляя рамку ея, видны двѣ висѣлицы: подъ одной изъ нихъ, съ повѣшеннымъ человѣкомъ, сидитъ задумавшись мужчина въ большой круглой шляпѣ; подъ другой видно колесо и орудія пытки. Картинка имѣетъ еще и соотвѣтствующій эпилогъ: внизу ея распростертъ скелетъ, со стоящей передъ нимъ фигурой на колѣняхъ, какъ будто старающейся отыскать признакъ жизни въ костякѣ. Черезъ страничку является и достойное «pendant» къ этой композиціи. «Pendant» изображаетъ большого бѣса, сидящаго въ тюрьмѣ, за рѣшеткой, и грѣющаго ноги у огня. Нельзя не обратить вниманія на господствующій мотивъ всѣхъ этихъ рисунковъ, постоянно вертящихся около представленій тюрьмы, казни, пытокъ и проч. Мотивъ не ослабѣваетъ, не изнашивается въ теченіи цѣлаго года. Такъ въ рисункѣ, принадлежащемъ уже къ 1821 г., мы еще видимъ чортика, распростертаго на желѣзной рѣшеткѣ, подъ которую подложенъ огонь, усердно раздуваемый другимъ, приникшимъ къ землѣ чортикомъ. Сверху, какъ-бы съ неба, летитъ на помощь паціенту какая-то крылатая женщина, по фигурѣ принадлежащая къ тому же семейству демоническихъ личностей. Для того, чтобы подолгу останавливаться на производствѣ этого цикла фантастическихъ изображеній, надобно было находиться въ особенномъ нравственномъ и патологическомъ состояніи.

Нѣтъ никакой возможности остановиться на мысли, что всѣ эти рисунки слѣдуетъ отнести къ пустымъ произведеніямъ праздныхъ минутъ Пушкина. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что они были предтечами и такъ сказать живописной пробой серьёзнаго литературнаго замысла—именно большой политической и общественной сатиры, которая и начинается въ средѣ ихъ, какъ въ своемъ настоящемъ источникѣ. Дѣйствіе ея должно было происходить тоже въ аду, при дворѣ сатаны. Если судить по нѣсколькимъ стихамъ или лучше по нѣкоторымъ обломкамъ стиховъ, вырваннымъ нами изъ хаоса (и то съ великимъ усиліемъ) ея перемаранныхъ строчекъ, поэма начиналась у Пушкина довольно торжественно. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдующія строчки отзываются чѣмъ-то торжественнымъ:

„Во тмѣ кромѣшной...
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ грѣшника внимая стонъ
Ужасный сатана хохочетъ...“

Тотъ же эпическій тонъ сохраняется и въ слѣдующемъ отрывкѣ, какъ намъ кажется:

„Одинъ (сатана) въ своихъ чертогахъ онъ,
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе мрачное чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ моря зыбкое стекло"...

Пріемы эти, однако же, скоро пропадаютъ и уже въ отрывкахъ, добытыхъ нами изъ второго приступа Пушкина къ своей поэмѣ, они смѣняются ироніей и шуткой, обнаруживая гораздо бо́льшую развязность кисти, чѣмъ прежде. Считаемъ нужнымъ еще разъ повторить, что стихи, которые мы приводимъ, никакъ не могутъ считаться стихами въ настоящемъ смыслѣ слова и о томъ, что́ бы вышло изъ нихъ у Пушкина, не даютъ ни малѣйшаго понятія.

„Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье!
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!..
Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?..
— Тамъ, гораздо далѣ.
— Гдѣ мы теперь?—Въ парадной залѣ!"

Кто этотъ отвѣтчикъ, мы не знаемъ. Разговоръ между посѣтителемъ ада и его руководителемъ, неизвѣстнымъ Виргиліемъ поэмы, продолжается еще далѣе, въ томъ же тонѣ:

„Сегодня балъ у сатаны,
. . . На имянины всѣ званы...
Смотри какъ два бѣсенка
На кухню тащутъ поросенка...
А этотъ бѣсъ — какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ — скоро-ль будутъ гости?"

Мы приведемъ еще и третій отрывокъ, несмотря на безсвязность его, въ которой виноватъ опять нашъ, по необходимости, плохой разборъ. Въ немъ уже является и первый гость:

— Кто тамъ?
— Привелъ я гостя. — Ахъ, Создатель,
Вотъ докторъ Ф. [1]) нашъ пріятель! —
— Живой! — Онъ живъ, да нашъ давно.
Сегодня-ль, завтра-ль, все равно!
— Объ этомъ думаютъ двояко;

[1]) Не Фрикенъ-ли? извѣстный кишиневскій врачъ того времени.

Обычай требовалъ однако
Соизволенья моего... [1]"

Итакъ, вотъ всѣ осколки какого-то литературнаго замысла. По отсутствію программы, на этотъ разъ совершенно недостающей, сверхъ обыкновенія, сатирической поэмы Пушкина, всякія догадки о ея содержаніи, конечно, становятся невозможны, но, однако же, позволительно, думаемъ, сдѣлать предположеніе, что въ числѣ грѣшниковъ, варящихся въ аду и въ сонмѣ гостей, созванныхъ на праздникъ геены, явились бы у Пушкина нѣкоторыя лица городского кишиневскаго общества и наиболѣе знаменитыя политическія имена тогдашней Россіи, пріемъ которыхъ въ подземномъ царствѣ соотвѣтствовалъ бы, разумѣется, представленію автора о ихъ бывшей или текущей земной дѣятельности. Мы уже знаемъ, что по роду своего таланта Пушкинъ не могъ долго выдерживать, несмотря на всѣ искусственныя возбужденія духа, чисто сатирическаго настроенія [2]). Вотъ почему сатанинская поэма, задуманная имъ, была брошена послѣ нѣсколькихъ пріемовъ и уступила мѣсто другой, не менѣе сатанинской, но болѣе чувственной и страстной поэмѣ. Эту поэму онъ и кончилъ, сообщивъ ей, между прочимъ, изумительную отдѣлку. Поэма нажила ему много хлопотъ впослѣдствіи, а что́ всего важнѣе, составила для него предметъ неумолкаемыхъ угрызеній совѣсти и вѣчнаго раскаянія—до конца жизни, какъ уже сказали. Въ нее, въ эту поэму именно и разрѣшилась наконецъ вся фантастическая «чертовщина», нами описанная, что́ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и короткая программа поэмы, нашедшая себѣ достойное мѣсто въ промежуткахъ между упомянутыми рисунками. По циническому и кощунскому своему характеру, она не можетъ и не заслуживаетъ быть выписанной здѣсь.

Итакъ, съ рокового 1821 г. начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и крайняго отрицанія, о которой при-

---

[1]) Одинъ отрывокъ изъ того же плана поэмы,—смерть обыгрывающая посѣтителя въ карты—приведенъ въ „Сочиненіяхъ Пушкина" 1857 г., т. VII-й, лис. 88-й.

[2]) Этому не противорѣчитъ и значительное количество эпиграммъ, оставшихся у Пушкина отъ кишиневской жизни и написанныхъ для потѣхи пріятелей. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ сатирой, требующей другого настроенія. Всѣ онѣ, сколько мы ихъ ни видѣли, уже потеряли отъ времени свою соль и жало. Таковы эпиграммы на К—зи, на Ѳедора Кру—го, прозваннаго Тадарашкой, на извѣстную умницу Тарсисъ (кишиневская Жанлисъ), на страстную игрицу въ банкъ m-me Богданъ и т. д. Къ тому же роду принадлежатъ эпиграммы и посланія къ Аглаѣ, обращенія къ женщинѣ, потерявшей одинъ глазъ и проч. Циническія эпистолы къ еврейкѣ, содержательницѣ одного постоялаго дома, довершаютъ этотъ рядъ застольныхъ экспромптовъ и произведеній.

нято у насъ умалчивать, какъ будто это мимолетное и случайное настроеніе способно въ глазахъ мыслящаго человѣка измѣнить или отнять хоть одну черту изъ того свѣтлаго образа его симпатической личности, постоянно выражавшей чистѣйшія стремленія человѣческой души, который сложился въ представленіи публики и ничѣмъ потрясенъ быть не можетъ. Опасенія друзей и поклонниковъ Пушкина за его образъ, на основаніи того или другого факта изъ его жизни, по крайней мѣрѣ, напрасны и доказываютъ, что они еще не усвоили себѣ полнаго пониманія типа, за который радѣютъ...

Прослѣдимъ далѣе всю эту исторію заблужденій самаго свѣтлаго ума эпохи, поучительную во многихъ отношеніяхъ и для нашихъ современниковъ.

Въ процессѣ усвоенія Пушкинымъ псевдо-байроническихъ пріемовъ и навыковъ мысли, очень видную и вліятельную роль играетъ село Каменка, Кіевской губерніи—помѣстье Давыдовыхъ, которые по матери, въ первомъ замужствѣ Раевской — приходились близкими родственниками какъ старому генералу Раевскому, ея сыну, такъ и двумъ пріятелямъ Пушкина, Александру и Николаю Раевскимъ, ея внукамъ. Зимой 1821 г., генералъ Инзовъ отпустилъ Пушкина въ Кіевъ отпраздновать свадьбу генерала М. Ѳ. Орлова, который женился на одной изъ Раевскихъ — Катеринѣ Николаевнѣ, а оттуда Пушкинъ въ февралѣ того же года проѣхалъ въ Каменку, гдѣ, между прочимъ, окончилъ «Кавказскаго Плѣнника». Тамъ-то онъ встрѣтился съ декабристомъ И. Д. Якушкинымъ, объѣзжавшимъ южный край съ цѣлью узнать мнѣнія членовъ бывшаго Союза Благоденствія и вообще либеральныхъ людей мѣстности объ упраздненіи Союза, произнесенномъ въ Москвѣ и о взглядахъ ихъ относительно тайныхъ обществъ вообще. Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что наканунѣ его отъѣзда изъ Каменки тамъ составлено было присутствующими нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ: нужны или нѣтъ тайныя общества въ Россіи; что Пушкинъ стоялъ за необходимость послѣднихъ; что при закрытіи совѣщанія, достаточно обнаружившаго мнѣнія его участниковъ, Пушкинъ, ожидавшій немедленнаго посвященія себя въ члены тайнаго общества, подошелъ къ нему, Якушкину, съ упрекомъ и сказалъ: «Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту минуту: я уже видѣлъ жизнь свою облагороженной, и все это оказалось злой шуткой». Все это правдоподобно, хотя и можно сомнѣваться относительно точныхъ словъ Пушкина при этомъ случаѣ, которыя, заключая въ себѣ ту же мысль, могли

быть и иныя; но дѣло въ томъ, что произнося ихъ въ минуту воодушевленія, онъ также мало былъ заговорщикомъ и отчаяннымъ радикаломъ, какъ мало былъ атеистомъ, создавая свои поэмы и эпиграммы въ воспаленномъ состояніи ума.

Сама пресловутая «деревня Каменка» держала Пушкина подъ своимъ вліяніемъ совсѣмъ не революціонной пропагандой, которой у нея никогда и не было, несмотря на то, что при образованіи тайнаго общества на югѣ (1823 г.) въ число его членовъ попали В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо, люди, связанные близкимъ родствомъ между собой и съ хозяевами «деревни». Еще не опредѣлено доселѣ—насколько согласіе участвовать въ заговорѣ выходило у лицъ, замѣшанныхъ въ немъ, изъ твердаго политическаго убѣжденія ихъ, и насколько оно было дѣломъ случайности, уваженія и довѣрчивости къ вербовщику и даже просто фальшиваго стыда передъ смѣлымъ ораторомъ. Ни тогда, ни позднѣе Каменка не отличалась твердымъ служеніемъ какой-либо политической идеѣ или яснымъ пониманіемъ и преслѣдованіемъ какой-либо цѣли и задачи пропагандпаго свойства. Она подчиняла себѣ Пушкина совсѣмъ не общественной или революціонной стороной своей дѣятельности, а тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ею усвоеннымъ. Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой *отъ предразсудковъ,* смѣлостію выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась передъ глазами его и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что оттуда же получилъ онъ и созерцаніе, подсказавшее извѣстныя его «Наставленія» меньшому брату Льву Сергѣевичу при выходѣ его въ свѣтъ, писанныя по-французски въ самый разгаръ сношеній наставника съ Каменкой и помѣщенныя частію въ нашихъ «Матеріалахъ» (1855, т. I, с. 234), и полнѣе въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859, № 1, и въ монографіи г. Бартенева. Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ «Наставленія» въ нашемъ переводѣ: «Тебѣ предстоятъ столкновенія съ людьми, которыхъ ты еще не знаешь. Прежде всего постарайся думать объ этихъ людяхъ какъ можно хуже: тебѣ не часто придется поправлять свое сужденіе... Презирай ихъ, какъ можно вѣжливѣе: въ этомъ заключается лучшее средство уберечься отъ ничтожныхъ предразсудковъ и ничтожныхъ страстишекъ, которыя

ждутъ тебя при появленіи въ свѣтъ... Не будь угодливъ и подавляй въ себѣ чувство доброжелательства, къ которому можешь быть склоненъ. Люди не понимаютъ его и расположены видѣть въ немъ низость, такъ какъ всегда рады судить другихъ по самимъ себѣ... Никогда не принимай благодѣяній: по большей части благодѣяніе есть не что иное, какъ предательство... Относительно женщинъ—желаю тебѣ отъ души обладать той, которую ты полюбишь» и проч.

Нѣкоторые изъ афоризмовъ, заключающихся тутъ, звучатъ совершенно одинаково, по нашему мнѣнію, съ афоризмами цинической записки, совѣтовавшей ненавидѣть человѣчество, которую уже знаемъ. Достаточно сблизить нѣсколько цитатъ изъ обоихъ мизантропическихъ кодексовъ этихъ, для того, чтобъ усмотрѣть ихъ родство и внутреннюю связь. Если бы это мрачное воззрѣніе на общество и на условія человѣческаго существованія въ средѣ его соединялось еще съ отдаленіемъ отъ забавъ и искушеній свѣта, можно бы было признать, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность и достоинство строгой выдержки въ исповѣдникахъ такого ученія. Ничего подобнаго, однако же, у нихъ не встрѣчается, а наоборотъ, можно положительно утверждать, что они были рабами, въ полномъ смыслѣ слова, того самаго свѣта, котораго учили презирать и остерегаться. Они жаждали его одобреній, похвалъ, его удивленія. Такъ и Пушкинъ много говорилъ и дѣлалъ лишняго для вызова восторговъ и рукоплесканій у толпы, а всего болѣе у своихъ пріятелей Каменки. Онъ вернулся отъ нихъ въ Кишиневъ наканунѣ, можно сказать, бѣгства изъ города князей А. Ипсиланти и Кантакузена въ Молдавію, поднятія ими знамени возстанія и начала греческой революціи. Въ рукахъ кого-либо изъ тогдашнихъ обитателей Каменки должно храниться посланіе Пушкина къ одному изъ Давыдовыхъ, изъ котораго приводимъ здѣсь нѣсколько стиховъ, по черновому списку:

«Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Подъ мѣрку подойти готовъ,
Священной страстью пламенѣя;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
За ужиномъ съ бутылками ан,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной
. . . . . Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная

Бунтуетъ нашъ безрукій князь [1])—
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя»...

Строфа, слѣдующая затѣмъ, посвящена извѣстію о смерти митрополита, извѣстію, которое, между прочимъ, съ нѣкоторыми подробностями о похоронахъ этого іерарха, находится и въ печатныхъ запискахъ Пушкина, но тонъ печатной замѣтки, конечно, значительно разнится отъ тона посланія, постоянно отличающагося характеромъ развязной до неприличія шутки. Въ томъ же самомъ тонѣ слѣдуютъ строфы и далѣе:

«Говѣетъ Инзовъ и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы...»

И такъ далѣе, до послѣднихъ предѣловъ глумленія. Окончаніе посланія не представляетъ уже никакой возможности для разбора, пропадая въ безконечныхъ поправкахъ. Пушкинъ вспоминаетъ тутъ, какъ Давыдовъ съ братомъ своимъ («Аристиппомъ» другихъ стихотвореній поэта) надѣвали демократическій халатъ и выпивали чашу до дна *за тѣхъ* и *за ту*, но *тѣ*, прибавляетъ авторъ, въ Неаполѣ шалятъ, а *та* едва ли воспрянетъ: народы тишины хотятъ, усталыхъ къ миру тянетъ и проч. Не трудно догадаться, что подъ *тѣми* Пушкинъ подразумѣвалъ итальянскихъ карбонаровъ, а подъ *той*—революціонную Францію, скованную реставраціей и даже воевавшую за укрѣпленіе династіи Бурбоновъ въ Испаніи.

Здѣсь, между прочимъ, впервые упоминается *о бунтѣ А. Ипсиланти.* Вѣсть о томъ, что долго и въ тайнѣ формировавшаяся этерія начала внезапно борьбу съ Турціей у самыхъ границъ Бессарабіи, поразила кишиневское общество изумленіемъ. По прибытіи Пушкина изъ Каменки, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ довольно долго гостилъ, возстаніе этеристовъ было уже совершившимся фактомъ: 5-го марта 1821 г. уже начались рѣзня и убійства въ Яссахъ и Галацѣ. Пушкинъ едва успѣлъ собрать первыя подробности о дѣлѣ, какъ, съ дозволенія Инзова, уѣхалъ въ Одессу (май, 1821) и уже оттуда извѣщалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, кого-либо также изъ каменскихъ жителей, слѣдующимъ письмомъ о началѣ греческой революціи: «Увѣдомляю тебя о

[1]) Князь Ипсиланти.

происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

«Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ незаконнаго ига, что... [1]). Сія прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и... консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

«21-го февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Геор. Кантакузеномъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ, и... и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что Фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., *и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный*. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехъ-цвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: «симъ знаменемъ побѣдиши»; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа; прекрасныя минуты надежды и свободы!

«Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены,—странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже... но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. 2-хъ-тысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному

---

[1]) Письмо въ этомъ мѣстѣ прожжено два раза насквозь.

предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить *по возстановленіи Греціи!* 10,000 грековъ записалось въ войско. Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т.-е. состоявшая изъ военныхъ людей), вторую граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискивать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство, до послѣдняго монаха считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

«Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра [1]). Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ!!—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи: завидная участь! Кинжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли турковъ; Константинъ [2]) не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. *Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя:* нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

---

[1]) Пушкинъ, вѣроятно, подразумѣвалъ во второмъ народѣ Италію и карбонарское движеніе ея.

[2]) То-есть Али-Паша, принявшій христіанство.

«Важный вопросъ: чтó станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять».

Восторженный тонъ по поводу возстанія, которымъ отличается письмо — приводимое тоже съ черноваго оригинала — не долго держался у Пушкина, какъ мы увидимъ скоро. Мысль о необходимости въ иныхъ случаяхъ политическихъ убійствъ доказываетъ, что Пушкинъ старался играть роль свободномыслящаго человѣка передъ друзьями чрезвычайно тщательно, но у него была еще переписка изъ Одессы съ кишиневскими знакомыми и особенно знакомками, которая носитъ совсѣмъ другой характеръ. Она возвращаетъ насъ къ описанію самого общества, гдѣ процвѣтали его корреспонденты. Какъ элементъ броженія, возмутившій физическій и нравственный организмъ Пушкина, оно заслуживаетъ стоять на первомъ мѣстѣ въ біографическомъ описаніи.

Кишиневское общество, какъ и всякое другое, искало удовольствій и развлеченій, но благодаря своему составу изъ помѣси греко-молдаванскихъ національностей, оно имѣло забавы и наклонности, ему одному принадлежащія. Многія изъ его фамилій сохраняли еще черты и преданія турецкаго обычая, чтó въ соединеніи съ національными ихъ пороками и съ европейской испорченностію представляло такую смѣсь нравовъ, которая раздражала воображеніе и туманила разсудокъ, особенно у молодыхъ людей, попадавшихъ въ эту атмосферу любовныхъ интригъ всякаго рода. По внѣшности кишиневская жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни губернскихъ городовъ нашихъ: тѣ же рауты, балы, игрецкіе дома, чопорныя прогулки въ извѣстной части города по праздникамъ, бѣготня и поздравленія начальниковъ въ торжественные дни и проч., но эта обстановка едва прикрывала своеобычныя черты домашняго и нравственнаго быта жителей, не встрѣчавшіяся нигдѣ болѣе, кромѣ этой мѣстности. Съ перваго раза бросалось въ глаза повсемѣстное отсутствіе въ туземномъ обществѣ не только моральныхъ правилъ, но и просто органа для ихъ пониманія. То, чтó повсюду принималось бы, какъ извращеніе вкусовъ или какъ тайный порокъ, составляло здѣсь простую этнографическую черту до того общую, что объ ней никто и не говорилъ, подразумѣвая ее безъ дальнѣйшихъ околичностей. Правда, что въ нѣкоторыхъ домахъ всѣ крупныя этнографическія черты подобнаго рода стояли открыто на виду, а въ другихъ таились глубоко въ нѣдрахъ семей, но отыскать ихъ тамъ находились всегда охотники, заранѣе увѣренные въ успѣхѣ. Люди

заѣзжіе изъ Россіи употребляли на поиски этихъ рѣдкостей много времени и не очень давно встрѣчались еще старожилы, которые признавали свою кишиневскую жизнь самымъ веселымъ временемъ своего существованія. Пушкинъ не отставалъ отъ другихъ. Душная, но сладострастная атмосфера города, мало-эстетическія, но своеобразныя наклонности и привычки его обитателей дѣйствовали на него, какъ вызовъ. Онъ шелъ на встрѣчу ему, какъ бы изъ «point d'honneur». Картина Кишинева, которую здѣсь представляемъ, оправдывается всѣми свидѣтельствами современниковъ, несмотря на многочисленныя ихъ умолчанія и вообще смягчающій тонъ. Мы не преувеличиваемъ ея выраженія, а скорѣе еще не уловили вполнѣ характера распущенности, какимъ отличался городъ въ самомъ дѣлѣ. Это подтверждается и фактами.

«Воспоминанія» И. П. Липранди, о которыхъ уже упоминали, напримѣръ, даютъ возможность, несмотря на свой сдержанный тонъ, бросить взглядъ на внутренній бытъ этого общества, и содержатъ много любопытныхъ откровеній и разоблаченій. Для представленія обстановки Пушкина въ Кишиневѣ не мѣшаетъ ознакомиться съ характеромъ самихъ домовъ, гдѣ онъ любилъ проводить свое время. Такъ, у вице-губернатора М. Е. Крупянскаго процвѣтала карточная игра, кончавшаяся обыкновенно ужиномъ. Пушкинъ былъ усердный посѣтитель его вечеровъ, столько же привлекаемый игрой, сколько и встрѣчами въ его семействѣ съ красавицей молдаванкой, Маріей Егоровной, по мужу Ейхвельтъ, которая получила прозваніе еврейки за воображаемое сходство съ Ревеккой Вальтеръ-Скоттовскаго романа: «Айвенго»— (не должно смѣшивать ее съ еврейкой циническихъ эпиграммъ Пушкина). Въ другомъ домѣ Кишинева, именно у члена верховнаго совѣта Е. К. Варфоломея, Пушкинъ встрѣчалъ опять красавицу, дочь хозяина, знаменитую Пульхерію Егоровну. Пѣсенка, тогда же сложенная въ ея честь и очень распространенная въ городѣ, называетъ ее «Кишиневскій нашъ божокъ». Здѣсь уже царствовали танцы подъ звуки домашняго оркестра изъ крѣпостныхъ цыганъ, прерывавшаго кадрили и мазурки болѣе или менѣе дикими пѣснями своего народа. Обѣ героини, Эйхвельтъ и Варфоломей, имѣли еще по пріятельницѣ, изъ которыхъ каждая не уступала имъ самимъ ни въ красотѣ, ни въ жаждѣ наслажденій, ни въ способности къ бойкому разговору. Между этими молодыми женщинами Пушкинъ и тогдашній его повѣренный по всѣмъ дѣламъ кишиневской жизни, Н. С. Алексѣевъ, къ которому онъ скоро и переселился на житье изъ строгаго дома ген. Инзова, и устроили перекрестную нить волокитства и любовныхъ

интригъ. Всѣ эти свѣдѣнія нужны еще и для того, чтобъ понимать намеки въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ и въ послѣдующей перепискѣ Пушкина, въ которыхъ онъ упоминаетъ о еврейкѣ, Пульхеріи и проч., присоединяя къ нимъ иногда (какъ въ письмѣ къ Алексѣеву уже отъ 1830) имена Стамо, Худобашева. Стамо и Худобашевъ были чиновниками нашего правительства, служившими Пушкину мишенью для насмѣшекъ и подъ-часъ весьма нецеремонныхъ шутокъ. Стамо онъ даже считалъ своимъ братомъ по Аполлону, такъ какъ тотъ занимался еще и поэзіей.

Не даромъ отпрашивался Пушкинъ у добродушнаго Инзова и въ Одессу такъ часто. Тамъ у него были новыя любовныя связи, не уступавшія кишиневскимъ, но никогда не заслонявшія ихъ. Нѣкоторыя имена изъ числа этихъ послѣднихъ онъ даже и популяризировалъ на Руси; какъ напримѣръ имя пресловутой «Калипсо». Мы видѣли еще черновое письмо Пушкина изъ Одессы отъ этой эпохи къ двумъ кишиневскимъ дамамъ, фамиліи которыхъ неизвѣстны. Въ посланіи своемъ, Пушкинъ преимущественно обращается къ той изъ нихъ, которую называетъ уменьшительнымъ именемъ Maïguine, aimable Maïguine, и вотъ какой рѣчью говоритъ съ ней»: Hélas, aimable Maïguine, loin de vous mes facultés s'anéantissent; j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la famille du pr. M-r. soit digne d'en inspirer... Mais est-il vrai que vous crûtes venir à Odessa. Venez au nom de Dieu. Nous aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées, concerts, cicisbés soupirant—tout ce qu'il vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai M-me de T.... A propos de l'Aretin — je vous dirai, que je suis devenu chaste et vertueux—c'est à dire en parole, car ma conduite a toujours été telle и т. д. Посланіе было бы просто непонятно, если бы мы не знали, что наглость обращенія съ людьми вообще входила въ систему русскаго байронизма и что она вызывалась, кромѣ всего другого, еще и моральной бѣдностью самого общества, съ которымъ поэтъ пришелъ въ соприкосновеніе. Обыкновенно случалась бѣда для кого-нибудь, если при игрѣ и самомъ ходѣ этихъ интригъ встрѣчался какой-нибудь непрошенный человѣкъ на пути, въ родѣ неизвѣстнаго француза, по имени Дегильи, котораго Пушкинъ письменно вызывалъ на дуэль, вѣроятно для отстраненія его соперничества. Чтобы покончить съ этимъ порядкомъ фактовъ приводимъ отвѣтъ Пушкина, когда Дегильи устранился отъ дуэли. Отвѣтъ сообщенъ намъ Н. С. Алексѣевымъ.

Avis à M-r Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un Jean.....; il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f... duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second. (Выноска Пушкина: Ni un général qui daigne recevoir un piedplat dans sa maison).

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prevu, je suis faché de n'avoir pas parié.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous. Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.

Pouschkine.

6 Juin, 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

Пушкинъ не считалъ тогда унизительнымъ для себя дѣйствовать такимъ образомъ и говорить языкомъ обоихъ приведенныхъ документовъ.

За исключеніемъ двухъ-трехъ греческихъ и русскихъ домовъ, державшихся въ сторонѣ отъ общества и поставленныхъ на европейскую ногу, не съ кѣмъ было и завязывать серьёзныхъ отношеній: все остальное населеніе города, высшій классъ его, не понимали даже особеннаго привилегированнаго положенія, въ которое поставлена была Бессарабія или понимали его очень узко и своекорыстно. Кишиневъ обладалъ еще въ то время какимъ-то фальшивымъ подобіемъ конституціонной палаты, не оказывавшей никакого вліянія на нравы, обычаи и политическое его развитіе. Послѣ присоединенія Бессарабіи тамъ учрежденъ былъ верховный совѣтъ изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ края, который, опираясь на особый статсъ-секретаріатъ по дѣламъ области, существовавшій въ Петербургѣ, постоянно воевалъ съ генералъ-губернаторами, отстаивалъ боярскія привилегіи и мѣшалъ устройству какихъ-либо правомѣрныхъ отношеній между сословіями. Благодаря этому совѣту, управленіе краемъ было вообще слабо, а при добромъ Инзовѣ его можно сказать и совсѣмъ не существовало. Обстоятельство это, вмѣсто того, чтобъ открыть просторъ для частной дѣятельности, хотя бы и въ духѣ мѣстнаго, провинціальнаго патріотизма—открыло здѣсь только дорогу дружной оппозиціи, когда надо было обличить и искоренить злоупотребленія или помочь

странѣ освободиться отъ того или другого вопіющаго обычая. Позднѣе, когда управленіе краемъ (1823) ввѣрено было графу М. С. Воронцову, онъ приступилъ къ упраздненію совѣта, и сдѣлалъ это безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ учрежденіе не имѣло корней въ населеніи и ничему не служило, кромѣ собственныхъ эгоистическихъ и узкихъ интересовъ.

Неудивительно поэтому, что интеллигенцію города составляли совсѣмъ не мѣстные жители, а пришлое *военное* населеніе, именно большинство офицеровъ 16-й дивизіи, съ прикомандированными къ ней чинами генеральнаго штаба и съ общимъ ихъ начальникомъ генераломъ М. Ѳ. Орловымъ. Они-то образовали временное, но истинное передовое сословіе города.

Эта 16-я дивизія, принадлежавшая къ составу 2-й арміи гр. Витгенштейна и къ 6-му корпусу ея — испытала вскорѣ тяжкую участь: на нее упали первые удары правительства, обезпокоеннаго извѣстіями о существованіи военнаго заговора на югѣ. Правда, что дивизія и выдавалась назойливо изъ всѣхъ либеральнымъ характеромъ своего пониманія служебныхъ обязанностей. Мы не имѣемъ ни желанія, ни возможности опредѣлять степень виновности передъ дисциплиной и военными законами главныхъ дѣятелей ея. Можетъ быть, извѣстный майоръ В. Ѳ. Раевскій, посаженный въ крѣпость и сосланный затѣмъ по суду на поселеніе (1822 г.), и дѣйствительно проводилъ въ ланкастерскихъ школахъ взаимнаго обученія, которыя онъ устроивалъ для солдатъ съ согласія своего начальника, вредныя тенденціи, опасныя для духа арміи. Можетъ быть также, что обвиненія въ непозволительномъ сближеніи начальниковъ съ нижними чинами и въ поблажкѣ подчиненнымъ имѣли своего рода основанія. Точно также любимая мысль либеральныхъ начальниковъ воздерживать дурныхъ командировъ отъ излишнихъ строгостей и объяснять имъ настоящіе пріемы и условія службы, могла быть производима неосторожнымъ или мало обдуманнымъ способомъ. Все это остается для насъ дѣломъ недоступнымъ для изслѣдованія, да и совершенно постороннимъ цѣлямъ, какія имѣемъ въ виду. Позволительно только думать, основываясь на всемъ, что знаемъ объ эпохѣ, что 16-я дивизія сдѣлалась жертвой столько же своихъ ошибокъ, сколько и вражды направленій, существовавшей въ самомъ составѣ управленія арміей, гдѣ представители суровыхъ обычаевъ военной дисциплины сталкивались съ представителями новыхъ либеральныхъ воззрѣній на способъ служебнаго воспитанія солдатъ. Политическія необходимости, какъ го-

ворится, выдвинули старую консервативную партію впередъ изъ ея страдательнаго положенія, а первый случай ничтожнаго нарушенія дисциплины, нисколько несвязанный съ вопросами о началахъ военнаго управленія, далъ ей возможность отмстить за прежнее пренебреженіе къ ней и показать свою силу. Вообще говоря, благодаря той борьбѣ направленій, которая распространена была повсемѣстно, и неизвѣстности, какое изъ нихъ господствуетъ въ данную минуту, всякому развитому человѣку эпохи и на всѣхъ поприщахъ приходилось уже отдаваться реформаторскимъ поползновеніямъ на свой рискъ и страхъ. Никто порядочно не зналъ, находится ли онъ на настоящемъ правительственномъ пути или уже сошелъ съ него и когда? Каждому предоставлялось самому угадывать, что́ именно должно полагать, въ извѣстную минуту, дозволеннымъ и недозволеннымъ; многіе, конечно, и ошибались при этомъ, становясь преступниками вслѣдствіе только неправильной выкладки своего ума. Какъ бы то ни было, но когда буря разразилась надъ Кишиневомъ, то она унесла, кромѣ упомянутаго майора В. Ѳ. Раевскаго, еще двухъ бригадныхъ генераловъ, самого начальника дивизіи и, что́ всего печальнѣе, ознаменовалась страшными кровавыми расправами съ нижними чинами, вовлеченными въ проступки по недоразумѣнію, ошибочному пониманію приказаній, ограниченности.

Разоблаченія всего этого дѣла въ упомянутомъ уже «Дневникѣ» И. П. Липранди просто неоцѣненны по свѣту, который они бросаютъ на всю внутреннюю исторію 16-й дивизія. Кстати заимствуемъ еще одинъ отрывокъ изъ этихъ «Записокъ». Когда В. Ѳ. Раевскій уже заключенъ былъ въ Тираспольскую крѣпость—Пушкинъ отказался отъ случая устроить съ нимъ свиданіе, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, какія это дѣло могло имѣть для самого узника, что́ еще разъ показываетъ у Пушкина обычное его натурѣ соединеніе крайняго увлеченія съ трезвостію сужденія, когда ему оставалось время подумать о своемъ рѣшеніи. Взамѣнъ, Раевскій, бывшій также и поэтомъ, успѣлъ прислать ему лирическое стихотвореніе «Пѣвецъ въ темницѣ» изъ своего заключенія. Онъ нашелъ возможность, по замѣчанію Пушкина, говорить въ этомъ стихотвореніи о *Новгородѣ*, Псковѣ, Марѳѣ Посадницѣ, *Вадимѣ*. Пушкинъ хвалилъ стихотвореніе, особенно остановился на одномъ либерально-риторическомъ четверостишіи его, прибавляя, «какъ это хорошо, какъ это сильно! Мысль эта никогда не встрѣчалась: *она давно вертѣлась въ моей головѣ, но это не въ моемъ родѣ: это въ родѣ Тирасполь-*

ской крѣпости, а хорошо». Таковъ разсказъ И. П. Липранди. Никто не подозрѣвалъ тогда, что самъ Пушкинъ втайнѣ писалъ о Новгородѣ и о Вадимѣ и что недавно еще покинулъ ихъ, признавъ въ нихъ, можетъ быть, и тогда — *не свой родъ!* Мудрено, впрочемъ, было и не писать про нихъ: они составляли тогда излюбленную тему свѣтской либеральной эрудиціи, а за ней и стихотворнаго декламаторства.

Близко и скоро сошелся Пушкинъ со всѣми, наиболѣе замѣчательными людьми этого военнаго круга, благодаря своимъ связямъ съ домомъ М. Ѳ. Орлова, гдѣ очень часто бывалъ, и благодаря еще интересу, который находилъ въ бесѣдахъ кружка. Здѣсь-то онъ набирался свѣдѣній, встрѣчаясь съ очень умными и развитыми людьми и участвуя въ жаркихъ ихъ преніяхъ о разныхъ предметахъ изъ области искусства, иностранной литературы и всеобщей исторіи, которыя иногда раздражали его, давая болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ чувствовать недостаточную его подготовку къ серьёзнымъ учено-литературнымъ состязаніямъ. Онъ бросался тогда на книги, запирался у себя въ дому и на время покидалъ волокитства и интриги. Между серьёзными умами, составлявшими обычное общество М. Ѳ. Орлова и генеральный штабъ его дивизіи, давшій, между прочимъ, и русской литературѣ и русскому обществу нѣсколько очень извѣстныхъ и почетныхъ именъ, частію также процвѣтали фантастическія представленія историческихъ и политическихъ вопросовъ; но фантазія была тогда вообще важной участницей въ дѣлѣ мышленія, и очень немногіе уберегали себя отъ этой примѣси. Кстати будетъ упомянуть здѣсь объ анекдотѣ, который довольно живописно рисуетъ проникновеніе фантастическаго элемента во всѣ слои общества и въ такія званія, которыя, повидимому, съ нимъ должны были бы считаться несовмѣстимыми. Въ городѣ существовала масонская ложа, подъ названіемъ «Овидіевой», которая состояла подъ непосредственнымъ управленіемъ бригаднаго генерала П. Е. Пущина, который чуть-ли не былъ и основателемъ ея. Новости никакой она не представляла: масонскія ложи плодились, и одна тайная масонская ложа «Для офицеровъ» вскорѣ образовалась и въ Петербургѣ, но Овидіева существовала почти открыто. Конечно, только убѣжденіе въ возможности найти сочувствіе къ своему учрежденію между людьми даже высшей администраціи, поддерживала генерала при осуществленіи его мысли, и конечно также ему никогда въ голову не приходило, что въ нужную минуту, пожалуй, ожидаемое сочув-

ствіе можетъ и не оказаться на лицо [1]). Весьма забавенъ фактъ, разсказываемый про нее тоже Липранди. На одно изъ засѣданій этой ложи, которое приходилось въ день Пасхи и имѣло мѣсто въ подвалѣ какого-то каменнаго дома, явился *Болгарскій архимандритъ*, пожелавшій сдѣлаться братомъ-каменьщикомъ. Слѣдуя обычному церемоніалу пріема новыхъ членовъ, онъ спустился въ подвалъ съ завязанными глазами, ведомый подъ руки, но болгаре, его соотечественники, собравшіеся у рѣшетки дома, полагая, что духовный пастырь ихъ попалъ въ западню и подвергается опасности, бросились за нимъ и торжественно вывели спасеннаго на Божій свѣтъ, прося и принимая отъ него благословенія. Мы знаемъ, что случай этотъ чрезвычайно забавлялъ Пушкина. Онъ не преминулъ помѣтить его въ своихъ тетрадяхъ особой картинкой, которая заслуживаетъ вниманія. Подъ сводами какого-то массивнаго строенія, которое должно принять за паперть церкви, передъ большимъ образомъ съ зажженной лампадой, стоятъ 7 лицъ по порядку одинъ за другимъ, представляя изъ себя самое странное и дикое смѣшеніе національностей и характеровъ: именно тутъ собраны греческій монахъ, молдаванскій бояринъ, бессарабскій мужикъ, католическій попъ, якобинецъ въ фригійской шапкѣ и съ палкой въ рукѣ и проч. Внизу красуется подпись: «12 апрѣля День Свѣтлаго Воскресенія 1821 г.» Картинка, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень близко передавала составъ ложи, но она также можетъ служить и эмблемой того смѣшенія національностей, которое воцарилось въ городѣ, когда разыгрался послѣдній актъ революціонной драмы въ Молдавіи и Валахіи въ томъ же 1821 г.

Послѣ того, какъ мелкій, неспособный и кровожадный А. Ипсиланти былъ на-голову разбитъ турками въ Валахіи и дѣло этеристовъ окончательно погибло въ Дунайскихъ княжествахъ, возникнувъ съ новыми людьми, силами и съ бо́льшей патріоти-

---

[1]) Къ нему-то, нѣсколько позднѣе и уже въ эпоху *Греко-Турецкой брани*, Пушкинъ обращался съ экспромтомъ, нелишеннымъ, впрочемъ, своего рода ироническаго оттѣнка, какъ можно судить по послѣднимъ его стихамъ:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь — свобода!
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй — имъ просвѣщенный“!

ческой энергіей на югѣ Балканскаго полуострова, Кишиневъ представилъ рѣдкое зрѣлище. Онъ получилъ свою долю инсургентовъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны, кто куда могъ. Кромѣ немногихъ образованныхъ греческихъ фамилій, искавшихъ въ немъ пріюта отъ внезапной политической бури, ихъ застигшей, Кишиневъ увидалъ въ стѣнахъ своихъ еще толпы фанаріотовъ, молдаванъ и бродягъ, которые принесли съ собой, вмѣстѣ съ навыкомъ къ интригамъ, коварному раболѣпству и лицемѣрію, еще свѣжія преданія своихъ полу-разбойничьихъ лагерей. Тогда-то Пушкинъ впервые познакомился съ недавними бойцами румынскаго возстанія, людьми, которые почти и не сознавали разницы между борьбой за дѣло освобожденія родины и подлымъ грабежемъ, насиліемъ и убійствомъ. Отзывъ Пушкина объ этихъ воинахъ «освобожденія» увидимъ сейчасъ. Наглость въ обращеніи была уже почти тутъ необходима, просто для того, чтобъ держать всю эту негодную эмиграцію передъ собой въ должныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, навыкъ къ презрительному своеволію обращенія, полученный Пушкинымъ прежде и усиленный этой толпой, укоренился въ немъ на довольно-долгое время. Большая часть молдаванскихъ бояръ, съ которыми онъ ссорился и за ссоры съ которыми Инзовъ объявлялъ ему домашніе аресты, не принадлежала прямо къ эмиграціи, выброшенной греческой революціей въ Кишиневъ. Еще менѣе принадлежали къ ней наши русскіе заѣзжіе по службѣ и по дѣламъ соотечественники, тоже не избавившіеся отъ его придирокъ, вспышекъ и вызововъ. Пушкинъ уже нажилъ въ средѣ кишиневскаго туземнаго и пришлаго населенія наклонность къ самоуправству и властолюбивымъ притязаніямъ. Такъ со всѣхъ сторонъ — со стороны друзей, рукоплескавшихъ его лихимъ, наиболѣе эксцентрическимъ продѣлкамъ, со стороны женщинъ, имъ встрѣченныхъ и тѣмъ болѣе покорявшихся ему, чѣмъ рѣшительнѣе были его слова и поступки, со стороны общества, необладавшаго никакимъ моральнымъ содержаніемъ, для того, чтобы сдерживать его порывы и робко пропускавшимъ мимо себя молодого человѣка, которому вздумалось его оскорблять и попирать — все клонилось къ тому, чтобы помочь Пушкину въ дѣлѣ искаженія его природной, нравственной физіономіи, въ чемъ онъ и успѣлъ на цѣлыхъ два года.

Въ иномъ мѣстѣ («Матеріалы для біографіи Пушкина 1855 г.») мы сказали, что Пушкинъ велъ «журналъ» греческаго возстанія — и къ этимъ словамъ ничего болѣе присоединить не можемъ и теперь. Изъ трехъ отрывковъ, оставшихся отъ этого труда, очень обезображенныхъ временемъ, нельзя вывести никакого заключенія

кромѣ того, что Пушкинъ весьма интересовался сначала молдавской революціей. Приводимъ ихъ въ примѣчаніи, безъ перевода французскаго ихъ текста [1]). Гораздо понятнѣе и въ смыслѣ по-

[1]) I.

Notice sur la révolution d'Ipsylanti.

Le Hospodar Ipsylenti trahi la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga et... Sons fils Alexandre fut Ethériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'Empereur). Ses frères, Канъ, Контогони, Софіаносъ, Тапо. Michel Suzzo fut reçu Ethériste en 1820; Alexandre Suzzo, Hosp. de Valac. apprit le secret de l'Ethérie par son secrétaire (Valetto), qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ips. en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'aillance offensive et deffensive entre cette province et lui, général desarmées de la Grèçe. Aristide fut saisi par Alex. Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople—cela fit que les plans furent changé tout de suite. Michel Suzzo ecrivit à Kichineff. On empoisona Alex. Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques Arnautes et proclama la révolution.

II.

Les *capitans* sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés Turcs revetus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогани, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsyl. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assasinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée Turcs, s'enferma enfin dans le monastère (de Scovlian). Trahi par les juifs, entouré des Turcs il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, Ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsyl., se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Decapité à Constantinople.

III.

Notice sur Penda-Déka.

Penda-Déka fut élévé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec refugié... et fut remarqué de l'Empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 Grecs assassinèrent 150 Turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient refugiés. P. D. vint quelque jours après à Ibraïl comme espion. Il se presenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet Russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch; celui-ci l'envoya calmer les troubles de Jassy—il y trouva les Grecs vexés par les Boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P. D. reconnaitre les ennemis. L'avis de P. D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). K. se retira à Skovlian et demanda que P. D. fit son entrée dans la quarantaine. Panda-Déka accepta. P. D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsyl. eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les Turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les Russes à leur trousse. A Bouckarest

ясненія видоизмѣненій мысли Пушкина, гораздо важнѣе его сужденія о дѣятеляхъ и орудіяхъ греческаго возстанія, съ которыми такъ близко познакомился въ Кишиневѣ и въ своихъ частыхъ посѣщеніяхъ Одессы. Пушкинъ является здѣсь въ качествѣ трезваго судьи, видѣвшаго и испытаннаго, и въ этой новой ролѣ своей чрезвычайно хорошо обрисовывается слѣдующимъ отрывкомъ, писаннымъ по-французски изъ Одессы уже въ 1823 г., когда пылъ байроническаго настроенія начиналъ улегаться въ его душѣ и мѣсто его заступало прямое наблюденіе жизни. Отрывокъ составлялъ часть чернового пространнаго письма къ какому-то дальнему пріятелю о греческомъ движеніи въ княжествахъ и его герояхъ, которыхъ Пушкинъ такъ хорошо узналъ. Мы приводимъ его въ буквальномъ переводѣ, не желая обременять читателя долѣе чужестранной рѣчью, къ которой должны были уже нѣсколько разъ прибѣгать по необходимости: «Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs de bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что́ они. Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго, да они все и переносятъ, даже палочные удары съ хладнокровіемъ, по-истинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérable) выпала священная обязанность быть защитниками свободы».

---

les députés Bulgares (entre autre Capidgi...) proposèrent à Ips. d'insurger tout leurs pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsyl. en cas que les Turcs ne voulussent pas rendre les armes.

Читатель вспомнитъ, что объ одномъ изъ этихъ капитановъ, Кирджали, Пушкинъ составилъ впослѣдствіи разсказъ, вѣроятно тоже на основаніи теперь не существующихъ своихъ записокъ о греческомъ возстаніи.

Въ такомъ видѣ представляетъ намъ Пушкинъ сподвижниковъ Ипсиланти и Кантакузена послѣ двухъ лѣтъ своего знакомства съ ними. Греческое возстаніе въ княжествахъ, воспламенившее всю Европу, встрѣчало въ немъ теперь, благодаря образцамъ его дѣятелей, выброшеннымъ въ Кишиневъ и Одессу, докладчика очень строгаго. Это уже было далеко отъ того, сравнительно недавняго времени, когда онъ искренно увлекался ихъ попыткой, какъ видѣли изъ перваго его письма о революціи, и пророчилъ имъ громадный успѣхъ, какъ видно въ его «Запискахъ» (см. печатныя «Записки» Пушкина въ его сочиненіяхъ). По весьма понятному недоразумѣнію, мнѣніе его о грекахъ Валахіи и Молдавіи, поднявшихъ знамя возстанія, истолковано было петербургскими и прочими друзьями его, какъ превратное мнѣніе о дѣлѣ грековъ вообще, къ которому онъ не оставался и не могъ остаться равнодушнымъ, особенно когда оно получило тотъ героическій характеръ, который проявился уже на другомъ концѣ оттоманской имперіи. Пушкинъ былъ раздосадованъ недоразумѣніемъ. Свидѣтельствомъ тому служитъ опять сохранившійся отрывокъ изъ черноваго письма, изготовленнаго Пушкинымъ и посланнаго къ кому-то въ Петербургъ съ видимой цѣлью поправить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное тѣмъ ложнымъ извѣстіемъ о его отпаденіи отъ партіи доброжелателей греческаго дѣла. Выдержка, прилагаемая нами, уже принадлежитъ къ эпохѣ окончательнаго переселенія Пушкина изъ Кишинева въ Одессу (1823—24 г.). Несмотря на темноту недописанныхъ фразъ ея, она достаточно ясно показываетъ, что Пушкинъ старался всемѣрно защитить себя отъ упрека въ нерасположеніи къ дѣлу грековъ, которое могло бы бросить тѣнь на его либерализмъ и на великодушіе его чувства вообще: «Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы; но что́-бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою и повторю здѣсь то, что́ случалось мнѣ говорить касательно грековъ». (NB. Въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ оставилъ значительный пробѣлъ, который, вѣроятно, пополнилъ при окончательной редакціи соображеніями и фактами, въ родѣ приведенныхъ выше; затѣмъ онъ продолжаетъ:) «Люди, по большей части, самолюбивы, легкомысленны; старые — невѣжественны, упрямы: истина, которую все-таки не худо повторять. Они не терпятъ противорѣчія, никогда

не прощаютъ неуваженія. Они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и однажды къ ней привыкнувъ—не могутъ съ ней разстаться.

«Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько же, сколько и единодушіе».

«Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многое въ политическомъ отношеніи было важнѣе для Европы»..... На этомъ и кончается отрывокъ.

Хотя письмо имѣетъ видимую цѣль оправдаться передъ друзьями отъ незаслуженнаго подозрѣнія въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій, но нѣкоторая сдержанность сужденія, открывающаяся даже и въ этихъ фразахъ, признаки *резонерства* и *оговорки*, въ нихъ чувствуемыя, показываютъ, что Пушкинъ уже не состоялъ въ числѣ слѣпыхъ энтузіастовъ возстанія. Происходило это, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не отъ претензіи на политическую дальновидность, которая была бы чѣмъ-то необычайнымъ въ это время. Дѣло объясняется проще: Пушкинъ слѣдовалъ только внушеніямъ нашихъ ультра-либеральныхъ кружковъ, которые боялись, что турецко-греческая распря отвлечетъ вниманіе европейскихъ народовъ отъ собственныхъ ихъ дѣлъ и что европейскія правительства, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, направятъ мысль и одушевленіе народныхъ массъ въ такую сторону, гдѣ массы эти становятся безплодными для самихъ себя. Греція осуждена была также точно на упреки современнаго радикализма, какъ и консервативныхъ дипломатовъ «Священнаго Союза», очень косо посматривавшихъ, съ своей точки зрѣнія, на ея дѣло.

Перечисливъ всѣ элементы, участвовавшіе въ образованіи одного изъ самыхъ мятежныхъ періодовъ въ жизни Пушкина, мы уже можемъ перейти къ общимъ выводамъ относительно психическаго состоянія нашего поэта за все время его теченія. Съ самаго его начала Пушкинъ становится подверженъ частымъ вспышкамъ неудержимаго гнѣва, которыя находили на него по поводу ничтожнѣйшихъ случаевъ жизни, но особенно при малѣйшемъ подозрѣніи, что на пути къ осуществленію какой-либо, болѣе или менѣе рискованной, затѣи встрѣчается посторонній, мѣшающій человѣкъ. Самолюбіе его дѣлается болѣзненно-чуткимъ и раздражительнымъ. Онъ достигаетъ такого неумѣреннаго представленія о правахъ своей личности, о свободѣ, которая ей принадлежитъ, о чести, которую она обязана сохранять, что окружающіе, даже при самомъ добромъ желаніи, не всегда мо-

гутъ принаровиться къ этому кодексу. Столкновенія съ людьми умножаются. Чѣмъ труднѣе оказывается провести черезъ всѣ случаи жизни своевольную програму поведенія, имъ же самимъ и придуманную для себя, тѣмъ требовательнѣе еще становится ея авторъ. Подозрительность его растетъ: онъ видитъ преступленія противъ себя, противъ своихъ неотъемлемыхъ правъ въ каждомъ сопротивленіи, даже въ оборонѣ отъ его нападокъ и оскорбительныхъ притязаній. Въ такія минуты онъ уже не выбираетъ словъ, не взвѣшиваетъ поступковъ, не думаетъ о послѣдствіяхъ. Дуэли его въ Кишиневѣ пріобрѣли всеобщую извѣстность и удостоились чести быть перечислены въ нашей печати; но сколько еще ссоръ, грубыхъ расправъ, рискованныхъ предпріятій, оставшихся безъ послѣдствій и не сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ! Пушкинъ въ это время безпрестанно ставилъ на карту не только жизнь, но и гражданское свое положеніе: по счастію карты—до поры времени—падали на его сторону, но всегда ли будутъ они такъ удачно падать для него—составляло еще вопросъ.

Самъ Пушкинъ дивился подъ-часъ этому упорному благорасположенію судьбы и давалъ зарокъ друзьямъ обходиться съ нею осторожнѣе и не посылать ей безпрестанные вызовы; но это уже было внѣ его власти. Ко всѣмъ другимъ побужденіямъ нарушать обѣтъ присоединилась у него еще одна нравственная особенность. Онъ не могъ удержаться именно отъ соблазна идти на встрѣчу опасности, какъ только она представлялась, хотя бы въ ней не были замѣшаны его честь и личное достоинство, хотя бы она даже не обѣщала ни славы, ни удовлетворенія какому-либо нравственному чувству. Ему нужно было только дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадавшаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза и не выступила краска на лицѣ, а передъ всякимъ дѣломъ, гдѣ нуженъ былъ рискъ, онъ становился тотчасъ же спокоенъ, веселъ, простъ. Къ сожалѣнію, можно предполагать, что въ описываемый нами періодъ Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, готовый платить за каждый свой поступокъ такой цѣнной наличной монетой, какова жизнь, имѣетъ право распоряжаться и жизнію другихъ по своему усмотрѣнію. Такимъ представляется намъ въ окончательномъ своемъ видѣ русскій байронизмъ, —эта замѣчательная черта эпохи,—развитый въ Пушкинѣ стеченіемъ возбуж-

дающихъ и потворствующихъ обстоятельствъ и усиленный еще молодостію и той горячей полу-африканской кровью, которая текла въ его жилахъ.

И что́ же? Были минуты, и притомъ минуты, возвращавшіяся очень часто, когда весь байронизмъ Пушкина исчезалъ безъ остатка, какъ облако, разнесенное вѣтромъ по небу. Случалось это всякій разъ, какъ онъ становился лицомъ къ лицу къ небольшому кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ. Они имѣли постоянное счастіе видѣть простого Пушкина безъ всякихъ примѣсей, съ чарующей лаской слова и обращенія, съ неудержимой веселостію, съ честнымъ и добродушнымъ оттѣнкомъ въ каждой мысли. Чѣмъ онъ былъ тогда—хорошо обнаруживается и изъ множества глубокихъ, неизгладимыхъ привязанностей, какія онъ оставилъ послѣ себя. Замѣчательно при этомъ, что онъ всего свободнѣе раскрывалъ свою душу и сердце передъ добрыми, простыми, честными людьми, которые не мудрствовали съ нимъ о важныхъ вопросахъ, не занимались устройствомъ его образа мыслей и ничего отъ него не требовали, ничего не предлагали въ обмѣнъ или прибавку къ дружелюбному своему знакомству. Сверхъ того, въ Пушкинѣ безпрестанно сказывалась еще другая замѣчательная черта характера: онъ никакъ не могъ пропустить мимо себя безъ вниманія человѣка со скромнымъ, но дѣльнымъ трудомъ, забывая при этомъ всѣ требованія своего псевдо-байроническаго кодекса, учившемъ презирать людей, безъ послабленій и исключеній. Всякое сближеніе съ человѣкомъ серьёзнаго характера, выбравшемъ себѣ родъ дѣятельности и честно проходящемъ его, имѣло силу уничтожать въ Пушкинѣ до корня всѣ байроническія замашки и превращать его опять въ настоящаго, неподдѣльнаго Пушкина. Онъ становился тогда способнымъ понимать стремленія и завѣтныя надежды лица, какъ еще они ни были далеки отъ его собственныхъ идеаловъ, и при случаѣ давать совѣты, о которыхъ люди, ихъ получившіе, вспоминали потомъ долго и не безъ признательности. Такимъ образомъ, душевная прямота, внутренняя честность и дѣльное занятіе, встрѣчаемые имъ на своемъ пути, уже имѣли силу отрезвлять его отъ навожденій страсти; но была и еще сила, которая дѣлала то же самое, но еще съ большей энергіей—именно поэзія.

Трудно себѣ и представить, какимъ орудіемъ нравственнаго спасенія было для Пушкина—чистое творчество, обнаруживая тайну его генія и указывая ему самому настоящія качества его ума и сердца. Пушкинъ перерождался нравственно, когда приступалъ къ созданію произведеній, назначавшихся имъ для всего

читающаго русскаго міра. Духъ его какъ-то внезапно свѣтлѣлъ и устраивался по-праздничному, возвышаясь надъ всѣмъ, что́ его сдерживало, томило и угнетало. Самыя подробности жизни, тяготѣвшія надъ его умомъ, разрѣшались въ тонкія поэтическія намеки и черты, сообщавшія произведенію, такъ сказать, запахъ и окраску дѣйствительности. Онъ долженъ былъ самъ любоваться тѣмъ нравственнымъ типомъ, который вырѣзывался изъ его собственныхъ произведеній, и мы знаемъ, что задачей его жизни было походить на идеальнаго Пушкина, создаваемаго его геніемъ. Но эти два Пушкина не всегда составляли одно и то же лицо, особенно въ кишиневскій періодъ, и это еще разъ заставляетъ насъ упомянуть о промахѣ біографовъ, подмѣнивающихъ настоящую реальную жизнь поэта лучезарными абрисами, какими она свѣтится въ его сочиненіяхъ. Послѣдніе всегда содержатъ указаніе только на то, чѣмъ она *могла бы* быть, по мысли поэта, а что́ она была въ дѣйствительности,—насколько приближалась и отходила отъ его идеала, уже долженъ разсказать изслѣдователь. Если бы судить о Пушкинѣ по изящнымъ, чистымъ произведеніямъ лирическаго характера, выданнымъ имъ съ 1821 по 1823 г., то никому бы не пришло въ голову, что они написаны въ самую бурную эпоху его жизни, въ періодъ пыла и порывовъ, «Sturm und Drang», какой немногіе изживали на вѣку своемъ. Но и тогда уже чистое творчество, которымъ они были навѣяны, служило звѣздой, освѣщавшей ему выходъ изъ жизненной смуты и живительнымъ источникомъ, возобновлявшимъ его душевныя силы; въ немъ онъ давалъ спасительные уроки самому себѣ, въ немъ онъ обрѣталъ и создавалъ для себя созерцаніе жизни, далеко превосходившее то, которымъ отличался въ свѣтѣ. Чистое творчество хранило и берегло лучшую часть его нравственной природы, не позволяло ей загрубѣть, составляло прикрытіе его души, мѣшавшее ржавчинѣ порока и страстей проникнуть до нея и разложить ее. Ему—чистому творчеству, обязанъ онъ былъ благороднѣйшими ощущеніями и изящнѣйшими помыслами, которые однимъ своимъ появленіемъ упраздняютъ, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на все время бесѣды человѣка съ самимъ собой—чудовищные софизмы, животныя наклонности и дикія побужденія непосредственнаго чувства. Когда задачи чистаго творчества стали разростаться и умножаться передъ глазами Пушкина, когда онъ все чаще и чаще началъ относиться къ жизни, какъ художникъ—«демоническій» періодъ его существованія кончился. Это произошло именно съ половины 1823 года.

Возрожденіе Пушкина совпадаетъ и съ другимъ важнымъ событіемъ. Въ томъ же 1823 г. совершился переломъ и въ администраціи Новороссійскаго края, которая перешла изъ рукъ Инзова въ другія руки, указавшія совсѣмъ иныя условія для дѣятельности всѣхъ призванныхъ къ устроенію гражданскаго и политическаго существованія страны. Намѣстникомъ края назначенъ былъ графъ М. С. Воронцовъ, который, сосредоточивъ все управленіе въ выбранной имъ резиденціи—Одессѣ, составилъ еще для своего управленія общія неизмѣнныя правила, отстранявшія такъ же точно нерашливость и безпечность подчиненныхъ, какъ и своевольныя предначертанія второстепенныхъ агентовъ. Усиливъ такимъ способомъ правительственный элементъ, разбивъ и мало-по-малу уничтоживъ окончательно всѣ частныя стремленія, добивавшіяся власти и вліянія въ странѣ, онъ направилъ могущественныя административныя средства, ему предоставленныя, на возвышеніе и устройство края, по собственной своей мысли. Замѣчательныя государственныя способности графа Воронцова и услуги, оказанныя его управленіемъ Новороссійскому краю, остались въ памяти его современниковъ и оцѣнены по достоинству ближайшимъ потомствомъ. Пушкинъ, съ позволенія Инзова, находился опять въ Одессѣ (май, 1823) и вѣроятно такъ же, какъ и въ первые разы, по любовнымъ своимъ дѣламъ, когда пришло извѣстіе о назначеніи новаго начальника. Тогда возникла у него впервые мысль перейти къ нему на службу, которую онъ и не замедлилъ привести въ исполненіе. По просьбѣ Пушкина, онъ зачисленъ былъ въ штатъ намѣстника, возвратился въ Кишиневъ, чтобъ окончательно распроститься съ нимъ и въ іюлѣ 1823 г. поселился въ Одессѣ. Пушкинъ ожидалъ очень многаго отъ этой перемѣны мѣстожительства и служенія, но что̀ вышло изъ этого на дѣлѣ—увидимъ далѣе.

П. Анненковъ.

ПОРТРЕТЪ

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуетъ съ недавнихъ поръ.
Изъ ихъ толпы цвѣтистой и летучей
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою не малое вліянье —
Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно, или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперь, но вычислять года
Я не гораздъ—я думаю, мнѣ было
Одиннадцать, или двѣнадцать лѣтъ —
Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ сб-сто,
Такъ повернулось старое вверхъ дномъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ
ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ.

По новымъ документамъ.

VI *).

На югѣ Россіи.

1823—1824.

Пушкинъ въ Одессѣ. — Романтизмъ. — Усиленныя занятія. — Столкновенія съ обществомъ. — Моральныя страданія Пушкина. — Неожиданная высылка въ деревню и отъѣздъ его.

Пушкинъ, кажется, сначала и не понялъ значенія переворота, который свершился, какъ въ жизни края, такъ и въ его собственной жизни, съ перемѣною администраціи. Ему просто думалось, что онъ развязывается съ надоѣвшимъ ему и начинавшимъ уже пустѣть Кишиневомъ. М. Ѳ. Орловъ съ большей частію окружавшаго его общества покинулъ Кишиневъ, такъ какъ онъ былъ призванъ въ Тульчинъ для Высочайшаго смотра 2-й арміи

*) См. „В. Е.“ 1873, нояб. 5; дек. 457 стр.; 1874, янв. 5 стр.

(сентябрь 1823), послѣ котораго, убѣдясь въ неблаговоленіи къ нему Государя Императора, и вышелъ въ отставку, какъ извѣстно. Промѣнъ Кишинева на Одессу казался очень выгоднымъ Пушкину. Онъ самъ описалъ привлекательную сторону тогдашней Одессы. И дѣйствительно, шумный приморскій городъ съ итальянской оперой, съ богатымъ и образованнымъ купечествомъ, съ новинками и вѣстями изъ Европы, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край, по выбору его главнаго начальника — все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій между прочимъ и значеніе административнаго центра, уже не могъ дать. Будущее представлялось въ довольно свѣтломъ видѣ и обѣщало, въ виду всѣхъ этихъ элементовъ и условій европейскаго общежитія, возможность болѣе широкаго обмѣна мыслей,—а этимъ Пушкинъ всегда очень дорожилъ.

Преимущества Одессы имѣли, однако же, и свою оборотную, уравновѣшивающую сторону.

Очень скоро обнаружилось, во-первыхъ, для Пушкина, что здѣсь уже не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и даже фамиліарности отношеній къ управленію, какая существовала въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Александръ Н. Раевскій, съ перваго раза поставилъ себя центромъ окружающаго его міра и самой страны. Образъ его сношеній съ подчиненными одинаково удалялъ, какъ поползновенія ихъ къ служебной низости, такъ и претензію на короткость съ нимъ. Край впервые увидалъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества, спокойствія и стойкости. Прежде всего требовались теперь „*порядочность*“ въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія. Многіе весьма далеко уходили, усвоивъ себѣ однимъ внѣшнимъ образомъ эти качества. Нельзя сказать, чтобы тотъ, сравнительно небольшой, кругъ талантливыхъ людей, которые не могли или не желали устроить свою внутреннюю жизнь по данному образцу, испытывали какого-либо рода притѣсненія: государственный умъ начальника края употреблялъ ихъ такъ же, какъ и другихъ въ дѣло, спокойно ожидая ихъ обращенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и Пушкину предоставлена была бы свобода не признавать обязательности для себя никакой программы существованія и поведенія, если бы при этомъ онъ скромно и тихо пользовался своей льготой, но мало-дисциплинированная натура поэта без-

престанно побуждала его къ выходкамъ и поступкамъ, явно враждебнымъ самой системѣ управленія. Понятно, что не имѣя возможности выработать изъ себя «дѣльнаго» человѣка во вкусѣ эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не поддаваясь ни на какую мировую сдѣлку, ни на какое соглашеніе беречь про себя свое представленіе людей и порядковъ, Пушкинъ уже не имѣлъ особенно вѣрныхъ залоговъ успѣха въ новомъ обществѣ, куда попалъ по собственному избранію.

Другое отличіе Одессы состояло въ томъ, что узлы всѣхъ событій распутывались здѣсь уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Тамъ легко и скоро сходили съ рукъ Пушкину и такія продѣлки, которыя могли разрѣшиться въ настоящую жизненную бѣду; здѣсь онъ могъ вызвать ее и ничего не дѣлая, а оставаясь только Пушкинымъ. Тысячи глазъ слѣдили за его словами и поступками изъ одного побужденія — наблюдать явленіе, не подходящее къ общему строю жизни. Собственно враговъ у него совсѣмъ не было на новомъ мѣстѣ служенія, а были только хладнокровные счетчики и помѣчатели всѣхъ проявленій его ума и юмора, употреблявшіе собранный имъ матеріалъ для презрительныхъ толковъ втихомолку. Пушкинъ просто терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ вспышкамъ, даже и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ только чувствовалъ, что живетъ въ средѣ общества, усвоившаго себѣ молчаливое отвращеніе ко всякаго рода самостоятельности и оригинальности. Вотъ почему Пушкинъ осужденъ былъ волноваться, такъ сказать, въ пустотѣ и мстить невидимымъ своимъ преслѣдователямъ только тѣмъ, что оставался на прежнемъ своемъ пути. Онъ скоро прослылъ потеряннымъ человѣкомъ между «благоразумными» людьми эпохи, и это въ то самое время, когда внутренній міръ его постепенно преобразовывался, мѣсто неистовыхъ возбужденій заняло строгое воспитаніе своей мысли, а умственный горизонтъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно расширился. Опасность его положенія въ Одессѣ не скрылась отъ глазъ нѣкоторыхъ его друзей, какъ напримѣръ, отъ Н. А. Алексѣева. Пушкинъ былъ гораздо ближе къ политической катастрофѣ, становясь серьёзнѣе, чѣмъ въ періодъ своихъ увлеченій. Эта иронія жизни или исторіи не новость на Руси.

Единодушныя свидѣтельства всѣхъ друзей и знакомыхъ Пушкина не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ первыхъ же мѣсяцевъ пребыванія въ Одессѣ существованіе поэта ознаменовывается глухой, внутренней тревогой, мрачнымъ, сосредо-

точеннымъ въ себѣ негодованіемъ, которыя могли разрѣшиться очень печально. На первыхъ порахъ онъ спасался отъ нихъ, уходя въ свой рабочій кабинетъ и запираясь въ немъ на цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Мы и послѣдуемъ туда за нимъ, такъ какъ кабинетный трудъ его одинъ и остался въ виду потомства, а все прочее давно унесено временемъ и позабыто.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что важную долю кабинетной дѣятельности Пушкина составляла его переписка съ братомъ и друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ), преимущественно посвященная литературнымъ вопросамъ и особенно развившаяся съ 1823 г. Біографическое значеніе этой переписки очень велико: поэтъ является въ ней со всѣми качествами своего гибкаго, замѣчательно-проницательнаго, подвижнаго ума. Общій характеръ ея можетъ быть сведенъ на одну черту: вся она есть ни болѣе, ни менѣе какъ томленіе по здравой, дѣльной критикѣ и попытка отыскать теперь-же ея настоящія задачи и затронуть предметы, которыми она должна будетъ заниматься. *Начать критику* въ нашей литературѣ сдѣлалось для Пушкина любимой, завѣтною мыслію. Постоянные вызовы на полемическій споръ, какіе онъ сталъ посылать теперь друзьямъ, сначала много удивляли ихъ, такъ какъ они привыкли считать его человѣкомъ, только безсознательнаго, непосредственнаго творчества, не призваннымъ къ роли литературнаго судьи. Они довольно долго относили критическія замашки Пушкина къ капризу поэта, вздумавшаго попробовать себя на новомъ и несвойственномъ ему поприщѣ, что́ видно и изъ небрежныхъ, частію ироническихъ отвѣтовъ на его письма, какія онъ получалъ отъ Рылѣева, Бестужева, кн. Вяземскаго. Въ одномъ они отдавали ему справедливость — именно въ способности чувствовать всякую литературную фальшь и усматривать промахи въ логикѣ, языкѣ и созданіи у современныхъ писателей. Между тѣмъ, можно сказать, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе и панегирикъ, что по предчувствію истины и по предчувствію нравственной сущности предметовъ—онъ стоялъ выше, какъ критикъ, не только заурядныхъ журнальныхъ рецензентовъ своего времени, но и такихъ корифеевъ литературной критики, какъ А. Бестужевъ, кн. Вяземскій и др. Онъ, напримѣръ, никакъ не могъ примириться съ заносчивой фразой перваго, со своеволіемъ его основныхъ положеній, но также точно не уживался и съ благовоспитаннымъ поклоненіемъ передъ старыми избранными авторитетами, какимъ отличался второй, старавшійся скрыть снисходительность своихъ оцѣнокъ остроуміемъ изложенія и подборомъ мыслей, болѣе или

менѣе искусно приложенныхъ къ разбираемому автору. Борьба Пушкина съ мнѣніями Бестужева, Рылѣева, Воейкова намъ извѣстна по рукописнымъ спискамъ съ его посланій къ нимъ, и въ ней онъ является намъ мыслителемъ-новаторомъ, который имѣетъ свое умное, никѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій русской литературы. Менѣе извѣстны его горячія пренія съ кн. Вяземскимъ, такъ какъ отъ его переписки съ нимъ ничего не дошло до насъ ни путемъ печатной, ни путемъ рукописной литературы; но вотъ какой характеристическій отрывокъ изъ одного черноваго письма еще уцѣлѣлъ въ бумагахъ Пушкина. Пушкинъ опровергаетъ въ немъ сужденія кн. Вяземскаго о И. И. Дмитріевѣ и говоритъ:... «О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ-бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструпить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вралю...» [1])

Вообще, Пушкинъ съ 1823 г., послѣ толчка, даннаго его мысли «Полярной Звѣздой», былъ уже недоволенъ всѣмъ, что́ творилось въ русской литературѣ по части критики. Онъ стоялъ выше ея современнаго положенія и какъ будто ждалъ человѣка, который дастъ ей твердое основаніе и направленіе, призывая къ тому попеременно то одного, то другого изъ своихъ пріятелей. Отвѣта на призывъ, однакожъ, не являлось ни откуда, да еще и рано было ему явиться: литература только-что просыпалась отъ долгаго оцѣпенѣнія и находилась въ періодѣ попытокъ, пробованій, исканій всякаго рода. Мысль шла, такъ сказать, ощупью на первыхъ порахъ и для дѣльнаго и серьёзнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго литературы, предпринятаго сгоряча нашими критиками, недоставало основаній, которыя еще не были ими нажиты. Тѣмъ удивительнѣе становится встрѣчаться съ нѣ-

[1]) Рѣзкость этого сужденія можетъ быть пояснена и участіемъ въ составленіи его раздосадованнаго авторскаго самолюбія. Извѣстно, что Дмитріевъ, при появленіи „Руслана“, сошелся во взглядѣ на поэму съ постояннымъ своимъ врагомъ по всѣмъ другимъ вопросамъ, именно съ М. Т. Каченовскимъ, считая ее, одинаково съ нимъ—пустой сказкой, довольно легко написанной и обязанной своимъ успѣхомъ всего болѣе соблазнительнымъ картинамъ, въ ней заключающимся.

которыми мыслями Пушкина отъ Одесской и позднѣйшаго ея ростка—Михайловской эпохи, которыя составляютъ какъ-бы предчувствіе того, что̀ будетъ говорить и подробно развивать послѣдующая анализирующая критика, когда приспѣетъ ея пора. Что, какъ не раннюю отгадку одной изъ ея темъ представляетъ, напримѣръ, извѣстное утвержденіе Пушкина, что ребяческое состояніе нашей критики всего лучше обнаруживается въ общепринятомъ способѣ причислять одинаково къ лику великихъ писателей Ломоносова, Державина, Хераскова, Сумарокова, Озерова, Богдановича и проч., не разбирая, чего каждый сто̀итъ по себѣ и въ какомъ отношеніи находится къ европейскимъ литературамъ, откуда каждый изъ нихъ вышелъ. Въ 1825 г. Пушкинъ самъ даже попробовалъ составить типическій очеркъ для дѣятельности Державина, и сдѣлалъ это съ ясностію и мастерствомъ, которыя удерживаютъ за очеркомъ значеніе блестящаго критическаго этюда и доселѣ (въ неизданномъ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, 1825.)

Еще ближе подошелъ Пушкинъ къ духу и обычнымъ, смѣлымъ и откровеннымъ пріемамъ послѣдующей нашей аналитической критики, когда набрасывалъ въ Одессѣ на-скоро слѣдующій отрывокъ. Онъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Со своимъ скептическимъ и ироническимъ отливомъ, онъ показываетъ такую свободу отношеній къ именамъ, лицамъ и умственному состоянію общества̀, какая была рѣдкостію въ то время. Кажется, Пушкинъ и самъ дорожилъ набросанными имъ мыслями, потому что вздумалъ воспроизвесть ихъ позднѣе въ извѣстной, дополнительной строфѣ къ Онѣгину: «Сокровища роднаго слова», такъ что мы можемъ считать отрывокъ нашъ настоящей программой этого стихотворенія. Вотъ онъ:

«Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто-же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными (sic), у *насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ;* всѣ наши знанія, всѣ наши понятія, съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже *не могутъ довольствоваться блестящими игрушками,* но ученость, политика, философія, по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуж-

дены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы коего давно уже извѣстны. Но, скажуть мнѣ, русская поэзія *достигла высокой степени образованности.* Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, *не смотря на неправильность языка и неровность слога*, исполнены порывами генія, что въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются *стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена,* что Крыловъ *превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ,* исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что *счастливые сподвижники Ломоносова»* (Но здѣсь Пушкинъ оставилъ пустое мѣсто, вѣроятно, для подразумѣвавшихся именъ Шишкова, Ширинскаго-Шихматова, Кутузова и проч.), «что Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка *то же самое, что Петрарка для италіянцевъ,* что Жуковскаго перевели-бы на всѣ языки, *если-бы онъ самъ меньше переводилъ....»*

Этотъ ироническій возгласъ, передразнивавшій литературныхъ лже-патріотовъ тогдашняго времени ихъ собственными, надутыми фразами, Пушкинъ не докончилъ, оставивъ его и безъ отвѣта, да это въ сущности и не его было дѣло. Его дѣло было показать примѣры самостоятельнаго творчества и возродить въ другихъ людяхъ идею свободнаго и глубокаго поэтическаго созерцанія жизни...

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ признаки замѣчательной работы мысли въ этомъ хожденіи вокругъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей и въ этомъ взвѣшиваніи ихъ литературнаго значенія, но надо вспомнить, что́ такое была въ это время и еще гораздо позднѣе литература наша. За неимѣніемъ никакихъ другихъ открытыхъ поприщъ для обнаруженія независимой умственной дѣятельности, литература сдѣлалась сама собой единственной ареной, призывавшей къ себѣ всѣхъ, кто чувствовалъ наклонность и способность мыслить. Уйти отъ нея можно было тогда только въ тайные политическіе круги, какъ многіе и дѣлали. Позднѣе арена эта еще разрослась, пріобрѣла несвойственные ей размѣры и поглотила всѣ другія направленія, которыя искали случая помѣстить вокругъ тѣхъ-же старыхъ именъ нашихъ писателей и насущныхъ русскихъ произведеній свои завѣтныя идеи. Пушкинъ былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей.

Въ Одессѣ же явился для Пушкина и новый предметъ размышленій и изслѣдованій, которому онъ посвящалъ цѣлые дни,

а потомъ и цѣлые трактаты, какъ оказывается по его бумагамъ. Мы говоримъ о романтизмѣ. Съ точки зрѣнія современной критики, уже знающей, какое мѣсто занималъ романтизмъ въ ряду историческихъ явленій нашего вѣка, чѣмъ былъ порожденъ и куда его направлялъ, можетъ также показаться, что занятія романтизмомъ ничего болѣе не доказываютъ, какъ отсутствіе крѣпкихъ научныхъ основаній въ умѣ, который ищетъ своего спасенія отъ внутренней пустоты въ царствѣ фантазіи. На дѣлѣ было нѣсколько иначе: романтизмъ имѣлъ у насъ смыслъ и значеніе призыва къ жизненной борьбѣ, а не отбоя или отступленія отъ нея.

Трудно теперь и представить себѣ, что̀ заключалось для нашихъ людей эпохи 1820—30 г. въ одномъ этомъ волшебномъ словѣ «романтизмъ», которое заставляло биться всѣ сердца и работать всѣ головы. Прежде всего романтизмъ освобождалъ писателей отъ гнета условныхъ правилъ творчества и отъ множества стѣснительныхъ школьныхъ предразсудковъ относительно значенія, такъ-называемыхъ, *образцовъ* отечественной словесности. Онъ уже предвѣщалъ эпоху возмужалой мысли, какъ-бы еще сантиментально, туманно и капризно ни выражался иногда самъ. Съ его появленія возникаетъ у насъ предчувствіе о новыхъ неоффиціальныхъ путяхъ жизненной и творческой дѣятельности. Романтизмъ послужилъ прежде всего возвышенію отдѣльной личности, давая ей право говорить о себѣ, какъ о предметѣ первостепенной важности и уполномочивая ее противопоставлять свои нужды, страданія и требованія, даже заблужденія и ошибки всякимъ, такъ-называемымъ, высшимъ интересамъ и представленіямъ. Исповѣдь личности получила интересъ политическаго дѣла, но подъ однимъ условіемъ, чтобы исповѣдь эта находила сочувственныя струны въ сердцахъ другихъ людей и отражала собственную ихъ исторію задушевныхъ страданій, стремленій и надеждъ. До Пушкина, конечно, никто не давалъ ни малѣйшаго образчика такой исповѣди, но уже съ Карамзина началось движеніе въ сторону отъ торжественныхъ родовъ поэзіи, которые одни считались доселѣ заслуживающими вниманія, на встрѣчу къ *мелкимъ* предметамъ человѣческаго существованія, къ анализу сердечныхъ движеній, къ описанію того, что̀ угнетаетъ, тревожитъ и поддерживаетъ отдѣльное лицо, незамѣтную единицу въ государствѣ. Ко времени Пушкина движеніе это выросло до того, что въ конецъ измѣнило понятіе о призваніи литературы. Оно и теперь полагалось, какъ и прежде, при господствѣ одъ, высокопарныхъ поэмъ и псевдо-народныхъ или патріотическихъ траге-

цій, въ служеніи общественному дѣлу, по общественнымъ дѣломъ становилось теперь частное воззрѣніе, частное горе, частная жалоба. Для Европы все это могло быть безразлично или даже составлять остановку въ ея развитіи; для насъ это было положительнымъ выигрышемъ и шагомъ впередъ. О другихъ сторонахъ романтизма по отношенію къ русской жизни — скажемъ сейчасъ.

Пушкинъ имѣлъ еще свои особенныя, личныя причины заниматься опредѣленіями и объясненіями романтизма. Еще ранѣе публикаціи своей третьей поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» (1823), онъ уже былъ признанъ у насъ, какъ критиками, такъ и публикой—главой романтической школы. Онъ никогда не помышлялъ о завоеваніи себѣ этого титула или этого мѣста, но пріобрѣтая ихъ по общему приговору, увѣровалъ въ свое призваніе вести романтическую школу въ своемъ отечествѣ, какъ передовой ея дѣятель, на высоту, какая ей будетъ подъ силу. Однакоже для того, чтобъ удержать за собой мѣсто главы романтической школы, необходимо было уже ближе познакомиться съ сущностію и внутреннимъ смысломъ ученія. Это необходимо было и по другой причинѣ: слѣдовало отдѣлить понятіе о романтизмѣ отъ такихъ явленій, какъ слезливость послѣдователей Карамзина, какъ фантасмагоріи и чертовщина послѣдователей Жуковскаго, какъ пережитое имъ самимъ русско-байроническое настроеніе, что̀ все еще слыло за романтизмъ и прикрывалось его именемъ. Отсюда и выходили розысканія Пушкина.

Но на пути полнаго и обстоятельнаго опредѣленія романтизма Пушкинъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія, которыхъ и побѣдить не могъ.

Напрасно прибѣгалъ онъ къ возобновленію въ памяти курса французской словесности и начиналъ исторію романтизма съ провансальской поэзіи и труверовъ, отыскивая въ ихъ риѳмованныхъ сонетахъ, рондо, тріолетахъ первыя сѣмена романтизма; напрасно противопоставлялъ свойства и пріемы *народныхъ* драмъ Кальдерона, Шекспира и проч. *придворнымъ* трагедіямъ псевдо-классиковъ временъ Людовика XIV, думая уловить въ этомъ контрастѣ коренные признаки и отличія обѣихъ школъ; напрасно также наконецъ, какъ-бы изъ отчаянія въ неуспѣхѣ своихъ изысканій, совѣтовалъ просто различать классическія произведенія отъ романтическихъ не по духу и содержанію ихъ, ибо тогда въ иномъ классическомъ созданіи найдутся ясные элементы романтизма, какъ и на оборотъ, а только по ихъ формамъ, которыя уже не могутъ обмануть, будучи типически различными между собою—все

напрасно! Построеніе какой-либо эстетической теоріи на романтизмѣ—не давалось ему, что онъ ни дѣлалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ Пушкина уяснить вопросъ приведены нами были въ «Матеріалахъ» 1855 (см. томъ I сочиненій Пушкина, изд. 1855, стр. 112, 262 и слѣд.), но многочисленныя, длинныя его компиляціи изъ курсовъ, по значительное количество образчиковъ пересказать ихъ содержаніе своими словами и дополнить своими комментаріями, туда не попали, какъ черновая работа, только внѣшне, механически принадлежащая поэту. Можно привести въ дополненіе къ другимъ примѣрамъ его собственныхъ мнѣній о романтизмѣ еще слѣдующій отрывокъ изъ письма къ П. А. Вяземскому, набросанный предварительно поэтомъ вчернѣ: «Перечитывая твои письма, говоритъ Пушкинъ, беретъ меня охота спорить.... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ отъ А. Шенье... Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ... изъ классиковъ—классикъ. C'est un imitateur. Отъ него пахнетъ Ѳеокритомъ и Анакреономъ. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ *concetti* и отъ французскихъ *antithèses*, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли.... Первыя «Думы» Рылѣева (послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ выросъ!)—холодны... Lavigne—школьникъ Вольтера—и бьется въ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродилъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы! Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... Что до моихъ занятій... Романъ въ стихахъ... въ родѣ Д. Жуана... Первая глава кончена — тебѣ ее доставлю.... Пишу съ упоеніемъ, чего уже давно со мною не было... О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій: лучше и не думать.»

Такъ нащупывали, смѣемъ выразиться, невидимку-романтизмъ во всѣхъ явленіяхъ литературы наши передовые писатели, и не могли согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ выводѣ, хотя относительно Пушкина нельзя не сознаться, что его пророчество о близкомъ появленіи школы В. Гюго, по времени, весьма замѣчательно. Кстати сказать. Случайное приравненіе, сдѣланное самимъ Пушкинымъ, Онѣгина къ «Д. Жуану» Байрона, было подхвачено впослѣдствіи друзьями и послужило источникомъ досады автора на нихъ и объяснительной переписки съ ними, какъ сейчасъ будемъ говорить.

Не лучше, если не хуже, были и всѣ другія опредѣленія

романтизма, исходившія отъ его друзей или отъ записныхъ литераторовъ того времени. Перечетъ ихъ мнѣній и сужденій увлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ просто: понимaніе сущности романтизма не давалось русскому міру, и оно понятно почему? Въ Европѣ романтизмъ былъ роднымъ явленіемъ. Корни его обрѣтались въ старой и новой исторіи Запада, и разгадка его явленій добывалась легко и скоро. Даже въ высшемъ своемъ развитіи, когда онъ олицетворялся титаническими характерами, въ родѣ Рене, Манфреда, Обермана и проч., онъ еще отвѣчалъ только общему состоянію умовъ послѣ французской революціи, поднявшей всѣ вопросы духовнаго и политическаго существованія государствъ и оставившей большую ихъ часть безъ разрѣшенія. Каждый человѣкъ, не чуждый вовсе движенія своего вѣка, переживалъ съ этими типами и характерами, въ большей или меньшей степени, какъ-бы собственную свою психическую исторію. Онъ безъ труда находилъ въ себѣ самомъ ихъ безотрадный анализъ, отчаянныя усилія придти къ какому-либо вѣрованію и томившую ихъ скуку. Также точно западный человѣкъ воскрешалъ передъ собой, такъ сказать, свои школьные годы и не выходилъ изъ круга семейныхъ, родственныхъ представленій, когда изъ усталости и противодѣйствія философіи и раціонализму убѣгалъ назадъ, въ средніе вѣка. Влюбляться въ народныя повѣрія, преданія, суевѣрія и сказанія, умиляться передъ пѣснями труверовъ и миннезенгеровъ, утѣшаться фантастическими представленіями средневѣковыхъ народныхъ массъ, которыя помогали имъ переносить тяжесть жизни — все это значило на Западѣ только припомнить свой ребяческій возрастъ, оглянуться на свое прошлое. Для западнаго человѣка романтизмъ былъ не открытіемъ, а воспоминаніемъ. Въ переработкѣ всего средневѣкового матеріала на новый ладъ, люди искали тамъ свѣжести чувства и тѣхъ живыхъ вѣрованій, той пищи для фантазіи и согрѣвающей теплоты религіозныхъ идеаловъ, какихъ имъ уже не доставало. При потворствѣ критики, которая въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, какъ одного изъ Шлегелей, напримѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ, давала даже примѣръ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое для лучшаго развитія въ себѣ элементовъ романтизма, направленіе сдѣлалось подъ конецъ вреднымъ и ретроградньмъ въ Европѣ. Иначе выразилось оно у насъ, гдѣ, не имѣя значенія бытового явленія, приняло форму *художнической теоріи*, что составляло большую разницу.

Поводовъ къ возникновенію романтизма въ его соціальной и метафизической формѣ, представляемой героями, сейчасъ упомя-

путыми: Рене, Манфредами и проч., не существовало никакихъ въ нашей общественной средѣ, такъ же точно, какъ не было данныхъ на русской почвѣ для процвѣтанія романтизма въ смыслѣ обновленія преданій. Старая русская народная жизнь лежала еще тогда въ сторонѣ, никому невѣдомая и никѣмъ неизслѣдованная: напустить на себя страстное обожаніе предмета, окруженнаго и подернутаго густымъ мракомъ исторіи, конечно, было возможно по нуждѣ, какъ мы и видѣли въ политическихъ нашихъ славянолюбцахъ, но долго выдерживать эту роль въ литературѣ не предстояло уже никакой возможности. Мы увидимъ далѣе, что романтизмъ дѣйствительно подвелъ Пушкина незамѣтно къ народной поэзіи, но не ея слабый, никѣмъ еще не распознаваемый голосъ могъ участвовать въ призывѣ новаго ученія къ себѣ на помощь. По-неволѣ романтизмъ долженъ былъ явиться у насъ просто въ формѣ новаго *эстетическаго* ученія, для чего онъ вовсе не имѣлъ содержанія по своей односторонности, и чѣмъ не могъ быть по своей сущности и происхожденію. Онъ сдѣлался школьнымъ вопросомъ изъ живого явленія, какимъ онъ былъ на Западѣ. Очутившись у насъ на этой дорогѣ и принявъ обликъ схоластической теоріи, романтизмъ нашелъ скоро безчисленныхъ учителей, толкователей и комментаторовъ. Каждый изъ нихъ предлагалъ свое опредѣленіе романтизма на основаніи признаковъ и подробностей, прежде всего бросившихся ему въ глаза и, такимъ образомъ, романтизмъ для однихъ былъ накопленіе этнографическихъ чертъ и народныхъ выраженій въ произведеніи, для другихъ—тонкій до мелочей психическій анализъ характеровъ, для третьихъ—подробное изложеніе неуловимыхъ оттѣнковъ мысли и ощущеній, а для очень многихъ (т.-е. для большинства учителей)—проявленіе необузданной фантазіи, которая пренебрегаетъ всѣми условія искусства. Самъ Пушкинъ, на другой почвѣ, чѣмъ школьныя теоріи, находилъ еще, какъ знаемъ, присутствіе романтизма даже въ иной безпутной жизни, лишь бы она исполнена была приключеній всякаго рода.

Итакъ, забудемъ о нашихъ опредѣленіяхъ романтизма и посмотримъ, каково было вліяніе этого направленія на нашу образованность вообще. Здѣсь къ числу благотворныхъ навѣяній и послѣдствій романтизма, о которыхъ уже говорили, слѣдуетъ присоединить еще одну и можетъ быть важнѣйшую черту. Занесенное къ намъ на этотъ разъ не изъ Франціи, а изъ энциклопедической Германіи—романтическое движеніе имѣло послѣдствіемъ открытіе новаго матеріала не только для авторства, но и для умственнаго воспитанія общества. Благодаря тому уваженію ко

всѣмъ народностямъ безъ исключенія и ко всѣмъ видамъ и родамъ народной дѣятельности, которое романтизмъ проповѣдывалъ съ самаго начала, онъ сдѣлался у насъ элементомъ очень важнаго движенія. Избранныхъ литературъ, а съ ними и избранныхъ національностей, предопредѣленныхъ, такъ сказать, быть вѣчными образцами геніальной производительности, для романтизма вовсе не существовало, къ великому соблазну классически-воспитанныхъ писателей. Наравнѣ съ высоко-развитыми древними и новыми обществами, вниманіе романтизма обращено было и на племена съ невидными, но своеобычными зачатками духовной жизни. Изъ этого выходило также, что романтики не признавали никакой іерархіи въ родахъ поэтической дѣятельности и народная сага, собраніе пѣсенъ, эпическое или лирическое творчество какого-либо незначительнаго племени цѣнилось ими иногда выше правильныхъ, холодныхъ драмъ, поэмъ, романовъ, занимавшихъ и восхищавшихъ цивилизованное общество. Этотъ космополитизмъ романтической школы, это благожелательство къ проявленіямъ человѣческаго духа, въ какой бы формѣ оно ни дѣлалось, открывали школѣ, такъ сказать, цѣлый міръ предметовъ для вдохновенія, фантазіи и мысли.

Пушкинъ, прозванный, не безъ основанія, «Протеемъ» за способность ловить поэтическіе оттѣнки чувства, образа и мысли во всѣхъ предметахъ, подпадавшихъ его наблюденію, воспользовался съ избыткомъ отличіемъ своей школы, но она еще увела его и далѣе. Путемъ изученія чужихъ народныхъ произведеній, романтизмъ приводилъ неизбѣжно и къ русскому народному творчеству, еще никѣмъ не тронутому. Не могло же оно одно оставаться за чертой, въ непонятномъ и позорномъ остракизмѣ, когда всѣ другія страны ласково принимались въ пантеонъ, устроенный для народныхъ литературъ всего свѣта. Конечно, обходъ къ русскимъ поэтическимъ мотивамъ былъ очень дальній, но врядъ ли въ то время шла къ нимъ какая-либо другая дорога. Благодаря романтизму, и вскорѣ послѣдовавшему за нимъ вліянію Шекспира—открылся впервые разнообразнѣйшій русскій міръ, съ чертами нравовъ, понятій и представленій, ему одному свойственными. Оставалось подойти къ нему и, конечно, мы не скажемъ ничего преувеличеннаго, если здѣсь замѣтимъ, что первымъ, подошедшимъ къ нему прямо съ поэтическимъ чутьемъ его дѣйствительнаго содержанія, былъ Пушкинъ.

Дѣло обрусенія Пушкинскаго таланта началось съ Онѣгина, т.-е., съ перваго появленія нашего поэта въ Одессѣ, когда онъ серьёзно приступилъ къ роману, начатому нѣсколько прежде и

которымъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по свидѣтельству брата, былъ поглощенъ душевно и тѣлесно. При появленіи первой главы новаго произведенія въ Петербургѣ, еще въ рукописи (1825), друзья автора снова закричали о мастерскомъ подражаніи Байрону и его Донъ-Жуану. Пушкинъ былъ изумленъ и огорченъ: друзья не знали того поворота на встрѣчу русской жизни, который былъ уже задуманъ имъ, и остановились на внѣшней формѣ романа. Съ жаромъ принялся онъ имъ толковать, что ничего общаго между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ нѣтъ, что первая глава романа есть не болѣе, какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ, что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что̀ будетъ далѣе... а далѣе хотя онъ еще и неясно различалъ, какъ говоритъ самъ въ поэмѣ, ходъ романа, но конечно русская жизнь со своими особенностями носилась уже и тогда передъ его глазами.

Намъ не совсѣмъ понятна теперь ошибка друзей Пушкина, почти единогласно утверждавшихъ, что Онѣгинъ и Донъ-Жуанъ одно и то же лицо, даже упрекавшихъ поэму нашего автора въ пошлости и прозаизмѣ содержанія. Этого мнѣнія держался, между прочимъ, и К. Ѳ. Рылѣевъ, а также очень ученый и дѣльный пріятель Пушкина, Н. Н. Раевскій младшій, не разъ поражавшій поэта трезвостію своихъ сужденій, но про котораго авторъ Онѣгина принужденъ былъ замѣтить въ 1823 году, въ письмѣ къ брату изъ Одессы: «Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его (Онѣгина). Онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ». А между тѣмъ одно то обстоятельство, что Пушкинъ съ самаго начала относится очень скептически къ своему герою, должно было бы навести его критиковъ на мысль о разницѣ между русской и англійской поэмой. Байронъ вообще никогда не смотрѣлъ иронически на своихъ героевъ, а тѣмъ менѣе на Донъ-Жуа̀на, въ которомъ олицетворялъ нѣкоторыя стороны собственной своей природы. Пушкинъ тоже вложилъ въ Онѣгина часть самого себя и ввелъ въ его обликъ нѣкоторыя черты своего характера, но онъ не благоговѣетъ передъ изображеніемъ, а, напротивъ, относится къ нему совершенно свободно, а подъ-часъ и саркастически. Конечно, говоря о двухъ поэмахъ, никогда не должно забывать высокаго преимущества, какое имѣетъ Донъ-Жуанъ въ обширности плана, въ смѣлости замысла, а также и въ силѣ исполненія надъ русской поэмой, но это не мѣшаетъ Онѣгину быть великимъ поэтическимъ памятникомъ русской литературы, поучительнымъ и для другихъ, по художественному разоблаченію умственной и быто-

вой жизни той страны, гдѣ онъ возникъ. По нашему мнѣнію, ничто такъ не подтверждаетъ нравственнаго переворота, совершившагося съ Пушкинымъ въ Одессѣ, какъ способность, обнаруженная имъ въ Онѣгинѣ, отнестись критически къ «передовому» человѣку своей эпохи. Почти въ одно время съ появленіемъ первой главы романа (1825), въ публикѣ нашей распространилась и комедія «Горе отъ ума». Пушкинъ и Грибоѣдовъ уловили, такъ сказать, душу своего времени, заключивъ все его содержаніе въ двухъ неумирающихъ типахъ Онѣгинѣ и Чацкомъ, которые принадлежатъ одинаково къ «большому свѣту», управлявшему тогда умственнымъ развитіемъ страны. И тотъ и другой страдаютъ пустотой жизни, но Онѣгинъ есть представитель извѣстной части свѣтскаго круга, члены котораго, несмотря на всѣ свои претензіи, способны были уживаться со своей обстановкой, а Чацкій есть представитель другого отдѣла того же свѣтскаго круга, котораго эта самая пустота вызывала на проповѣдь, борьбу и подвигъ. Сознаніе своихъ и общественныхъ недуговъ заставляетъ Онѣгина дорожить изяществомъ существованія, тонкими ощущеніями въ области мысли и въ сферѣ жизни, которымъ само презрѣніе къ людямъ и обществу служитъ еще охраной и покровомъ; то же самое сознаніе разрѣшается у Чацкаго, наоборотъ, искреннимъ гнѣвомъ и негодованіемъ на самого себя и на общество: если онъ бьетъ его по лицу всѣми его пороками и позорными сторонами, то не выгораживаетъ и себя изъ его среды. Изъ этихъ двухъ типовъ, въ безчисленномъ распаденіи и развѣтвленіи, дѣйствительно и слагалась тогда многочисленная русская *«интеллигенція»*, сообщившая эпохѣ тотъ своеобразный колоритъ, который мы знаемъ за ней. Параллель между Онѣгинымъ и Чацкимъ можно бы провести и далѣе, показавъ, что и частная ихъ жизнь была какъ-то одинаково неудачна и завершилась отвергнутымъ чувствомъ со стороны тѣхъ, въ комъ они вздумали помѣстить свое сердце и свою любовь; но при ближайшемъ разсмотрѣніи и тутъ оказывается разница. У перваго, Онѣгина, это явилось заслуженнымъ наказаніемъ его нравственной несостоятельности, плохо прикрываемой кичливостію и претензіей, а у Чацкаго то же явленіе было возмездіемъ среды, не выносившей его нравственнаго превосходства. Во всякомъ случаѣ и Пушкинъ, и Грибоѣдовъ, какъ достовѣрно извѣстно изъ многихъ документовъ, очень хорошо знали, что́ дѣлаютъ, еще при самомъ замыслѣ своихъ созданій и довольно ясно предвидѣли выводы и соображенія, къ какимъ они дадутъ поводъ впослѣдствіи. Не могъ только предвидѣть Пушкинъ того, что его романъ, такъ хорошо отра-

жающій одну изъ сторонъ тогдашней свѣтской жизни, будетъ принятъ у друзей за простую подделку подъ иностранный образецъ и не возбудитъ никакого другого вопроса [1]).

Но оставляемъ въ сторонѣ исторію недоразумѣній между Пушкинымъ и друзьями его; недоразумѣній ихъ было всегда много между ними, какъ увидимъ далѣе, а теперь продолжаемъ нашу повѣсть о русскомъ романтизмѣ.

По отношенію къ Пушкину, романтизмъ этотъ имѣлъ еще значеніе и чисто практическое, житейское, упразднивъ или ослабивъ вліяніе Байрона, какъ личности. Восторженное удивленіе къ геніальнымъ пріемамъ и художественной манерѣ Байрона-писателя еще продолжалось довольно долго, и хотя значительно ослабѣло съ эпохи знакомства Пушкина съ Шекспиромъ (1825 г.), но можно замѣтить кое-какіе слѣды его даже въ 1828 году—наканунѣ, такъ сказать, «Полтавы». Люди не скоро разстаются со старыми, могущественными увлеченіями и впечатлѣніями, но Пушкинъ съ одесской жизни разстался съ Байрономъ иначе. Британскій поэтъ пересталъ быть для него кумиромъ, подъ гнетомъ котораго самъ Пушкинъ отрекался отъ собственной личности и дѣлался снимкомъ съ чужой физіономіи. Байронъ начиналъ превращаться изъ личности въ *понятіе*, что́ составляло уже большую разницу. Давленіе личности Байрона, у которой, какъ извѣстно, поэтъ нашъ перенималъ даже многія мелочныя привычки жизни и характера, значительно ослабѣло, когда самъ родоначальникъ направленія, благодаря свѣту, брошенному на него предпринятымъ изслѣдованіемъ романтизма, переставалъ являться феноменомъ, а становился олицетвореніемъ одного изъ видовъ большого, многосторонняго *литературнаго рода*. Власть идеала была уже потрясена тѣмъ, что онъ дѣлался наравнѣ съ другими явленіями романтизма подсуденъ опредѣленію, разбору, классификаціи, но, конечно, высвободиться отъ прямого вліянія личности было легче, чѣмъ освободиться отъ направленія, даннаго ею самой мысли подражателя, отъ ея взглядовъ на людей и предметы нравственнаго свойства, отъ направленія, ею сооб-

[1]) Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что этому заблужденію друзей Пушкина много способствовалъ единственный чисто-*отвлеченный вопросъ*, который возникъ въ ихъ средѣ и сохраненъ ихъ перепиской, именно вопросъ объ отношеніяхъ восторга или вдохновенія къ искусству. Сторонникамъ вдохновенія, какъ главнаго дѣятеля въ производствѣ поэтическихъ созданій, съ которыми не соглашался Пушкинъ, указывая на важность обдуманнаго плана и предвзятаго авторомъ намѣренія—первая глава Онѣгина показалась даже ниже „Кавказ. Плѣнника“ и „Бахчисар. фонтана“. Такъ именно выразился одинъ изъ наиболѣе жаркихъ защитниковъ необходимости „восторга“—К. Θ. Рылѣевъ.

щеннаго. Это уже могло совершиться только черезъ посредство самостоятельнаго труда, озарившаго бывшаго поклонника, и въ этомъ смыслѣ услуга, оказанная Онѣгинымъ своему автору, должна цѣниться весьма высоко. Съ Онѣгина начинается нравственное отрезвленіе Пушкина отъ хмѣля восторженнаго подражанія Байрону, какъ поэтъ нашъ самъ давалъ разумѣть, и возвращеніе его къ самому себѣ, къ природѣ и свойствамъ своего таланта и своего характера.

Кромѣ Онѣгина, честь быть свидѣтелемъ и участникомъ нравственнаго переворота въ Пушкинѣ принадлежитъ еще и другому произведенію—«Цыганамъ». Обѣ поэмы эти имѣютъ право на названіе *поэмъ-близнецовъ*, потому что писались въ одно время, чередуясь на столѣ автора по настроенію его духа. Какъ ни различны онѣ по основнымъ своимъ мотивамъ и по характеру своихъ представленій, Пушкинъ велъ это двойное и разнородное дѣло совершенно вровень и притомъ съ неостывающимъ воодушевленіемъ. Это доказывается помѣтками, какія сохранились на черновыхъ оригиналахъ обѣихъ поэмъ. Съ іюля 1823 по декабрь (именно по 8-е число декабря 1823) написаны были Пушкинымъ двѣ первыя главы Онѣгина въ Одессѣ. Въ февралѣ 1824 начата имъ третья, какъ видно изъ замѣтки, стоящей во главѣ ея—„8-e fevrier, la nuit, 1824“. Между второй и третьей главами Онѣгина, стало быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, декабря 1823 года и января 1824, являются «Цыгане», начало которыхъ украшено изображеніемъ медвѣдя, цыганскаго шатра и подъ нимъ Земфиры. Окончаніе поэмы приходится уже ко времени ссылки Пушкина въ деревню, Михайловское, и носитъ помѣтку 10-го октября 1824. Вся поэма приблизительно стоила Пушкину около 10-ти мѣсяцевъ труда, далеко не постояннаго, прерваннаго еще длиннымъ путешествіемъ изъ Одессы въ Псковъ и отъ котораго онъ часто еще отвлекался значительнымъ количествомъ лирическихъ своихъ пѣсней, тогда же имъ произведенныхъ.

А между тѣмъ, «Цыгане», въ противуположность съ реальнымъ «Онѣгинымъ», съ жизненнымъ, бытовымъ оттѣнкомъ его картинъ и характеровъ, представляютъ высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философской темой. Одновременное производство двухъ такихъ противуположныхъ созданій всего лучше доказываетъ, что съ зимы 1823—24 г. начинается у Пушкина новый періодъ развитія, несмотря на то, что именно въ теченіе ея скопились и всѣ тѣ мелкія и крупныя досады, которыя сдѣлали ему

жизнь въ Одессѣ невыносимой. Никто не будетъ спорить, да никто и не спорилъ прежде, что на «Цыганахъ» мелькаютъ еще лучи байронической поэзіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальность замысла, возмужалость и зрѣлость таланта до того бросались въ глаза современникамъ Пушкина, что они признали въ поэмѣ совершенно свободное, независимое созданіе, несмотря на нѣкоторые признаки его родства съ чужой мыслію. И современники были съ своей стороны правы. Вспомнимъ только, что въ «Цыганахъ» Пушкинъ коснулся неожиданно соціальнаго вопроса и, конечно, далеко не исчерпалъ его (въ области романтизма онъ и не могъ быть обработываемъ), но въ полу-свѣтѣ поэтическаго вымысла указалъ часть присущаго ему содержанія чрезвычайно удачно. Вся обстановка вопроса была въ поэмѣ также по преимуществу романтическая: цыганскій таборъ написанъ яркими красками, прикрывшими его, какъ мантіей, за которой бѣдная дѣйствительность табора едва и чувствовалась; характеры стараго цыгана, Земфиры, Алеко, переданы мастерскими очерками, но не какъ лица, а какъ олицетвореніе условныхъ представленій о томъ или другомъ характерѣ. Но въ поэмѣ было еще кое-что другое.

Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо, да и съ самимъ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человѣка человѣку полудикаго, патріархальнаго быта. Совершенной новостію было для нея только то, что̀ сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко не выросъ у него, какъ сказали, до вполнѣ ощутительнаго образа и характера, но представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потомъ ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самомъ того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но, вмѣсто того, предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи — вотъ, что̀ было оригинально и ново въ поэмѣ и что̀ было почувствовано публикой [1]). Восторгамъ ея не было предѣловъ, когда поэма явилась въ печати.

---

[1]) У Пушкина существовали попытки къ большему опредѣленію, подробнѣйшей обрисовкѣ Алеко, но исчезали, совершенно позабытыя авторомъ въ своихъ бумагахъ.

Для характеристики того времени нѣкоторую важность представляетъ одно обстоятельство: долго, не только публика, но и записные критики предпочитали *романтическую* поэму Пушкина, изъ воображаемаго міра идеальныхъ людей, его *реальной* поэмѣ изъ дѣйствительнаго быта. Самъ авторъ думалъ нѣсколько иначе: сердце его всегда крѣпко лежало къ своему Онѣгину, а на «Цыганъ» онъ смотрѣлъ, какъ на пробу своего таланта и переходную ступень въ его развитіи: *«Только съ «Цыганъ» почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ»*, говорилъ онъ покойному П. А. Плетневу. Извѣстно, что Пушкинъ никогда не отличался способностію къ теоретическимъ тонкостямъ, и слова его должно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы съ «Цыганъ» онъ намѣревался посвятить себя драматической литературѣ исключительно, а въ томъ, конечно, что тогда онъ почувствовалъ въ себѣ силу открывать отношеніе между изображаемыми характерами, изъ которыхъ зарождаются обыкновенно драматическія коллизіи. Другими словами, это значило, что «Цыганами» Пушкинъ уже прощался съ чисто романтическимъ творчествомъ, какъ подтверждаютъ и факты. Быстро шло его развитіе. Едва началась его работа мысли надъ задачами романтизма, какъ и принесла всѣ свои плоды. Онъ скоро очутился на иномъ пути, куда мы за нимъ въ свое время и послѣдуемъ.

Казалось бы, что при такомъ серьёзномъ настроеніи, при такомъ упражненіи ума и сознанія — нѣкоторый родъ тишины и спокойствія долженъ былъ бы неизбѣжно водвориться въ душѣ поэта и образовать отношенія къ жизни, которыя, по крайней мѣрѣ, исключали бы возможность думать о какой-либо внезапной катастрофѣ въ его существованіи. Однако же, мысль о ней приходила поминутно въ голову, какъ мы уже сказали, кишиневскимъ пріятелямъ Пушкина, навѣщавшимъ его въ Одессѣ, и приходила уже съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія тамъ поэта. Они начинали серьёзно бояться за Пушкина, замѣтивъ его раздраженное состояніе и ясные признаки какого-то сосредоточеннаго въ себѣ гнѣва. Пушкинъ видимо страдалъ и притомъ дурнымъ, глухимъ страданіемъ, не находящимъ себѣ выхода. Про-

Такъ монологъ Алеко при рожденіи ему сына Земфирой пролежалъ въ его бумагахъ до 1857, когда мы впервые сообщили его публикѣ (Соч. Пушкина, 1857, т. 7-й, стр. 69), а между тѣмъ онъ именно составляетъ часть несостоявшейся обдѣлки, какую авторъ хотѣлъ сообщить физіономіи и характеру своего героя. Впрочемъ, то же самое намѣревался онъ прежде сдѣлать и для «Кавказскаго Плѣнника» и оба раза бросалъ свои попытки, такъ какъ чистый романтизмъ дѣйствительно не имѣлъ ни средствъ, ни орудій для дѣльнаго анализа подобныхъ характеровъ.

должаться долго это не могло. Все, что́ обыкновенно разнуздывало страсти Пушкина: пошлость или мелкія цѣли окружающихъ людей, муки ревнивой или неудовлетворенной любви, досада и негодованіе на измѣну дружбы, тихо подрывающей его надежды и планы — все соединилось здѣсь для того, чтобъ приготовить одну изъ тѣхъ вспышекъ, оскорбляющихъ общество, которыми такъ изобиловалъ кишиневскій періодъ его жизни. Но никакой вспышки не произошло, потому собственно, что теперь не было для нихъ и *мѣста*. Порядки жизни, возмущавшіе Пушкина, составляли часть политической системы, зрѣло обдуманной очень умными людьми, которые умѣли сообщить ей внѣшній видъ приличія и достоинства. Личныя оскорбленія наносились ему тоже чрезвычайно умѣлой рукой, всегда тихо, осторожно, мягко, хотя и постоянно, какъ-бы съ помѣсью шутливаго презрѣнія. Было бы сумасшествіемъ требовать удовлетворенія за обиды, которыя можно было только чувствовать, а не объяснить. Матеріала для вспышекъ, такимъ образомъ, не существовало; вмѣсто того, жизнь Пушкина просто горѣла и расползалась, какъ ткань, въ которой завелось гнѣніе.

Извѣстно, какое вліяніе на характеръ и душевное состояніе Пушкина имѣли женщины и его связи съ ними. Въ эту эпоху онъ находился подъ гнетомъ бурныхъ страстей, раздражаемыхъ соперничествомъ и препятствіями разнаго рода. Въ числѣ лирическихъ произведеній Пушкина есть одно «Воспоминаніе» (1822), гдѣ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ біографическимъ фактомъ (см. дополненіе къ стихотворенію, приведенное въ нашихъ «Матеріалахъ» 1855, стр. 197). Говоря о двухъ, уже почившихъ ангелахъ, данныхъ ему судьбой когда-то въ лицѣ двухъ женщинъ, поэтъ представляетъ ихъ въ видѣ грозныхъ тѣней:

«Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... *и мстятъ мнѣ оба*,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба».

По всѣмъ соображеніямъ, обѣ эти личности принадлежатъ къ Одесскому обществу. Въ чемъ состояло преступленіе Пушкина, за которое онѣ *мстили* ему, неизвѣстно, также точно, какъ неизвѣстны и имена ихъ. О томъ и другомъ можно только догадываться. Весьма правдоподобно, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ довольно часто поминаемую въ новѣйшихъ біографическихъ розысканіяхъ о поэтѣ m-me Ризничъ, а подъ другой, умершей за-границей, особу, къ

которой написана пьеса: «Иностранкѣ» (На языкѣ, тебѣ невнятномъ). Подъ послѣдней пьесой стоять въ рукописяхъ и слова: «Veux-tu m'aimer? Point de D*». Не Дегилье-ли, о которомъ мы упоминали? Если собирать намеки для поясненія этихъ именъ, то придется остановиться на выраженіи Липранди, который, перечисляя лица, близкія къ Пушкину, упоминаетъ еще объ «извѣстной Катинькѣ Гикъ». Вѣроятно также, что именно о ней вспоминалъ Пушкинъ, когда уже изъ Михайловскаго писалъ въ Одессу къ Д. М. К. (Дмитрію Максимовичу Княжевичу?): «Слово живое объ Одессѣ; напишите, что у васъ дѣлается, выздоровѣла-ли Катинька?» Любопытно, что передъ самой женитьбой своей въ 1830 г., Пушкинъ вспомнилъ о милыхъ тѣняхъ и обратился къ нимъ съ невыразимою любовію и страстію, какъ-бы прощаясь навсегда съ ними, чему памятникомъ остались два изумительныхъ по своему паѳосу и поэтической силѣ стихотворенія: «Заклинаніе» и «Разставаніе», оба написанныя въ селѣ Болдинѣ, въ 1830 г. Несмотря, однако же, на память, оставленную обоими этими, теперь уже почти миѳическими, лицами въ душѣ Пушкина, преданія той эпохи упоминають еще о третьей женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслію и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ объ ней не упоминаетъ, какъ-бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ Одесскаго періода жизни.

Всего этого было достаточно для того, чтобы лишить Пушкина нравственнаго и физическаго спокойствія; но изъ собственныхъ его откровенныхъ замѣтокъ оказывается, что кромѣ перечисленныхъ нами поводовъ къ неудовольствію и раздраженію, были еще и другіе, чуть ли даже не стоявшіе на первомъ планѣ въ собственной его оцѣнкѣ своего положенія.

По способности возбуждать его безсильный гнѣвъ и составлять безвыходное страданіе души, первенствующее мѣсто принадлежало тому учтивому, хотя и высокомѣрному презрѣнію къ его званію поэта и писателя, которое непремѣнно должно было родиться въ дѣловомъ мірѣ, выдвинутымъ на первый планъ новымъ устройствомъ власти и управленія. Жизнь Пушкина должна была казаться страшнымъ бездѣльемъ всему этому міру, а извѣстно, что у людей заведеннаго порядка, ясныхъ практическихъ цѣлей, и работа мысли есть то же—бездѣлье. Ничто такъ не возбуждаетъ ихъ презрѣнія и тайной ненависти, какъ горде-

ливая претензія человѣка найти себѣ другое занятіе, кромѣ того, которое признано всѣми за настоящее и почетное. У нихъ не было и предчувствія, что Пушкинъ въ своемъ бездѣльи полагаетъ основаніе, какъ будущей своей славѣ, такъ и развитію художническихъ и просвѣтительныхъ началъ въ своемъ отечествѣ: имъ видѣлся праздный и потому опасный человѣкъ въ лицѣ, которое принадлежитъ только самому себѣ. Ошибки и даже преступленія по службѣ были бы лучше и простились бы скорѣе. Самый успѣхъ такого лица въ извѣстной части публики, вниманіе, оказываемое ему какимъ-либо отдѣломъ русскаго читающаго міра, еще питали аристократическое и бюрократическое презрѣніе къ нему. Люди дѣла объясняли успѣхъ этотъ заискиваніемъ въ толпѣ, свойственнымъ только проходимцу, которому не на что опереться болѣе. Еще хуже дѣлаетъ тотъ, кто, не нуждаясь въ толпѣ, пренебрегаетъ выгодами своего рожденія и положенія въ свѣтѣ, предпочитая унизительную роль потѣшника сволочи своему естественному призванію. Писатель еще можетъ быть терпимъ въ свитѣ облагороживающаго и вдохновляющаго его патрона; самостоятельный писатель на Руси есть не что иное, какъ ничтожный и отчасти позорный сколокъ съ западныхъ французскихъ демократовъ, которому у насъ нечего дѣлать. Разумѣется, никто не говорилъ съ полной откровенностью подобныхъ вещей въ глаза Пушкину, но существованіе такого воззрѣнія на призваніе его, какъ поэта, было несомнѣнно въ высшемъ одесскомъ обществѣ и давало себя постоянно чувствовать. Что̀ долженъ былъ испытывать Пушкинъ при этомъ косвенномъ отрицаніи и отобраніи его правъ на извѣстность, заслуженное мѣсто въ обществѣ и на уваженіе родины!

Въ надменномъ презрѣніи къ ремеслу Пушкина скрывалось еще и презрѣніе къ низменному гражданскому положенію, которое обыкновенно связано съ этимъ ремесломъ. Обида наносилась одновременно двумъ самымъ чувствительнымъ сторонамъ его существованія: во-первыхъ, его поэтическому призванію, которое доселѣ устраивало ему повсюду радушный, часто торжественный пріемъ, а во-вторыхъ, и его чувству русскаго дворянина, равнаго, по своему происхожденію, со всякимъ человѣкомъ въ имперіи, на какомъ бы высокомъ посту онъ ни стоялъ. Конечно, гораздо лучше было бы для поэта вовсе не обращать вниманія на эти усилія понизить его общественное значеніе, такъ какъ оно цѣликомъ зависѣло отъ него самого и стояло выше всякихъ толковъ и завистливыхъ отрицаній, но Пушкинъ думалъ иначе. Онъ съ увлеченіемъ старался противопоставить отпоръ

гордости чиновничества и вельможества двойную, такъ сказать, гордость знаменитаго писателя, а затѣмъ и потомка знаменитаго рода, часто поминаемаго въ русской исторіи. Онъ сдѣлалъ изъ этой темы нѣчто въ родѣ знамени для борьбы съ господствующей партіей.

Въ 1824 году, бесѣдуя съ Алекс. Бестужевымъ о новой книжкѣ «Полярной Звѣзды» и о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ ея постояннаго «обозрѣвателя», Пушкинъ высказалъ довольно парадоксальную мысль о политической независимости русской литературы, но для насъ ясно теперь, что мысль эта пришла ему въ голову, какъ оружіе, которое можно употребить при столкновеніяхъ съ недоброжелателями своими: «Иностранцы намъ изумляются», говорилъ онъ, «они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это случилось [1]). Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у насъ съ авторскимъ самолюбіемъ. Мы не хотимъ быть покровительствуемы равными: вотъ чего W не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница»! Письмо Пушкина пошло́, какъ и всегда, по рукамъ пріятелей, но они не угадали, да и не могли угадать обстоятельствъ, которыя его навѣяли, и вообще жизненнаго происхожденія замѣтки. Они просто-за-просто отнесли ее къ обычнымъ байроническимъ замашкамъ Пушкина, къ случайнымъ капризамъ его мысли, и отвѣчали ему полушутливо, полуукорительно, совѣтуя бросить пустое чванство своимъ происхожденіемъ. Между тѣмъ, и байронизма и пустого чванства было тутъ именно настолько, насколько они могли служить Пушкину въ борьбѣ его съ оскорбительнымъ административнымъ высокомѣріемъ. К. Ѳ. Рылѣевъ вполнѣ выразилъ точку зрѣнія пріятелей Пушкина, лишенныхъ возможности знать *историческую* обстановку поэта, когда писалъ ему: «Ты сдѣлался аристократомъ: это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ».

Менѣе извинительны позднѣйшіе наши трудолюбивые, но не очень заботящіеся о правдивости своихъ приговоровъ библіофилы и біографы, когда и они, не желая преднамѣренно знать подо-

[1]) Дѣло тутъ идетъ именно объ излюбленной темѣ Пушкина—предполагаемой независимости нашей печати отъ постороннихъ вліяній.

довъ, подсказывавшихъ Пушкину заявленія подобнаго рода, относили ихъ прямо къ свойствамъ его нравственной природы, къ ничтожеству его характера. Впрочемъ, при жизни Пушкина недоразумѣнія по поводу его убѣжденій возникали безпрестанно. Такъ, наперекоръ заявленному имъ мнѣнію о похвальной независимости русской печати, его считали уже партизаномъ правительственной опеки надъ литературой, и это за то, что онъ опровергалъ мнѣніе Бестужева въ 1825, утверждавшаго, будто правительственное одобреніе талантовъ только портитъ ихъ, будто его никогда не было у насъ и проч. А между тѣмъ, Пушкинъ не былъ ни за государственное покровительство литературы, ни за пренебреженіе ко всякой поддержкѣ ея; вотъ его объясненія, и хотя они уже не принадлежатъ къ эпохѣ, въ которой находимся, но, по связи предметовъ, считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь же. Они найдены нами въ видѣ черноваго оригинала, изложены уже довольно спокойно и, кажется, могутъ представить для изслѣдователей русской литературы историческій документъ, не лишенный своего рода значенія: «Мнѣ досадно, что Р—въ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что́—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе 6-ти лѣтъ посмотри сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили, по-дѣломъ и по напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста—нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо, по своему рожденію, почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — Ты поэтъ и Я поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ». Какъ далеко ушла наша современная литература отъ этого воззрѣнія въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ, можетъ служить то обстоятельство,

что ни одинъ изъ афоризмовъ письма къ ней уже неприменимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ разговорахъ своихъ Пушкинъ излагалъ тѣ же мысли, какія проводилъ и въ письмахъ, но въ болѣе рѣзкой и грубой формѣ, присоединяя ко всему подъ-часъ и насмѣшку, которая не всегда ясно распознавала своихъ настоящихъ враговъ и своихъ друзей. Такъ, напримѣръ, онъ называлъ и благороднаго начальника края, русскаго въ душѣ и по всѣмъ намѣреніямъ своимъ, милордъ Уоронцовъ—за англійскіе обычаи его жизни. Это было крайнимъ легкомысліемъ; второстепенные дѣятели еще менѣе щадились его озлобленіемъ, неразсчетливымъ и часто несправедливымъ словомъ, а такъ какъ въ этомъ городѣ, несмотря на весь его шумъ и движеніе, ничто не пропадало безслѣдно, то, конечно, сумма поводовъ ко враждѣ, взаимнымъ обвиненіямъ и неудовольствіямъ все росла съ обѣихъ сторонъ и можно уже было предвидѣть время, когда настоятельно потребуется свести имъ итоги.

Между тѣмъ, одно благопріятное извѣстіе чрезвычайно оживило Пушкина. Онъ впервые прозрѣлъ въ Одессѣ, что можетъ жить на свѣтѣ *безъ службы*, безъ покровительства властей, одними собственными своими писательскими средствами. До тѣхъ поръ онъ былъ въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, и имѣлъ полное право сказать впослѣдствіи, оглядываясь на прошлую Кишиневскую жизнь:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, *въ бѣдности*, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы» и проч.

На поддержку отъ семейства, жившаго при тѣхъ началахъ и порядкахъ, какіе мы уже знаемъ, Пушкинъ никогда не разсчитывалъ, хотя и отзывался иногда съ горечью объ этомъ равнодушіи къ его судьбѣ со стороны единственныхъ людей, отъ которыхъ онъ могъ требовать нѣкоторыхъ жертвъ. Затѣмъ и «Русланъ» и «Кавказскій Плѣнникъ», несмотря на громадный ихъ успѣхъ, оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Н. И. Гнѣдичъ раздѣлался съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему, кажется, 500 р. сер., къ великому недоумѣнію поэта. Не то было съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» (1823). Изданіе его принялъ на себя кн. П. А. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. сер., да,

какъ кажется, еще тѣмъ и не ограничившійся. Въ черновомъ письмѣ поэта къ своему щедрому издателю, мы читаемъ слѣдующія радостныя и благодарныя строки:

«Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ, за неожиданное посланіе, то-есть за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое созданіе за 3,000 р., а сколько-же стоило тебѣ его напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа— возьми что́ тебѣ слѣдуетъ изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ—рости имъ не за чѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось [1]). Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ — ничуть не для улыбки прекраснаго пола...» Пушкинъ только теперь почувствовалъ, что судьба его находится не въ чужихъ, а въ его собственныхъ рукахъ и сознаніе своей независимости отъ благожелательства постороннихъ лицъ, возбужденное первыми матеріальными результатами литературныхъ его трудовъ, имѣло вліяніе на дальнѣйшія его рѣшенія, какъ увидимъ сейчасъ-же.

Жизнь становилась все труднѣе и труднѣе для Пушкина въ Одессѣ. Со стороны могло казаться, что въ ней ровно ничего не происходило необычайнаго, кромѣ обыкновеннаго, естественнаго развитія ея самой. И совсѣмъ тѣмъ она все болѣе и болѣе дѣлала поэта недовѣрчивымъ, мнительнымъ, болѣзненно-чуткимъ человѣкомъ. Лучшимъ примѣромъ того, какую роль могли играть при подобномъ настроеніи самые пустые, ничтожные случаи, служитъ пріемъ, сдѣланный Пушкинымъ пресловутой командировкѣ за наблюденіемъ саранчи въ южныхъ частяхъ Новороссіи, которую онъ получилъ отъ начальника края. Теперь уже извѣстно, что послѣдній, зачисляя Пушкина въ экспедицію объ изслѣдованіи саранчи на мѣстахъ ея появленія, былъ движимъ желаніемъ предоставить Пушкину случай отличиться по службѣ и на той дорогѣ, на которую онъ случайно попалъ, обратить вниманіе къ себѣ высшей петербургской администраціи. Въ томъ психическомъ состояніи, въ которомъ находился Пушкинъ, благодаря всѣмъ предшествующимъ обстоятельствамъ, онъ принялъ порученіе это за ядовитую насмѣшку, за тайное желаніе унизить въ глазахъ людей его общественное положеніе, посмѣяться

---

[1]) Т.-е., полюбились посланія или посылки, въ родѣ полученныхъ имъ отъ своего издателя.

надъ нимъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ подчиненнаго къ непосредственному своему начальству, разрывъ между ними былъ неизбѣженъ, но начала разрывъ этотъ, къ удивленію, именно та сторона, которая была слабѣйшей въ дѣлѣ и могла страшиться самыхъ непріятныхъ послѣдствій для себя отъ своей рѣшимости...

Спѣшимъ прибавить, что въ этомъ странномъ спорѣ сторона, обладавшая властію и всѣми средствами для уничтоженія безразсуднаго сопротивленія, показала умѣренность, сдержанность и достоинство, стоящія внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось, перебѣленное на-чисто, письмо его къ правителю канцеляріи намѣстника, почтенному и благорасположенному къ поэту, Александру Ивановичу Казначееву. Письмомъ этимъ Пушкинъ отказывался отъ возложеннаго на него порученія, и хотя мы не знаемъ окончательной формы, какую далъ ему авторъ при отправленіи, но, конечно, основныя черты этого заявленія вполнѣ сохранились и въ нашемъ документѣ: [1])

«Почтеннѣйшій А. И! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ-бы то ни было, надѣюсь на вашу списходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

«7 лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти 7 лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были-бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

«Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или П.-б. можно вести книжной торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2,000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти

---

[1]) Правописаніе П—а удержано въ приводимомъ документѣ.

700 руб. не такъ, какъ жалованіе чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

«Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу М. С. Еслибы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Его Сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

«Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку— я готовъ, но чувствую, что перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

«Еще одно слово: Вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ 8 лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится.

«Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и серд. пред.».

По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ проектъ или черновая программа назначались для полуоффиціальнаго письма, которое могло бы быть представлено начальнику и замѣнить формальную просьбу. Это оказывается, между прочимъ, изъ сравнительно умѣреннаго и сдержаннаго тона документа, а также и изъ весьма поздней помѣтки, которую онъ носитъ въ бумагахъ Пушкина — именно 25 мая (1824). Въ это время рѣшеніе гр. Воронцова относительно поэта было уже принято. Вотъ почему мы полагаемъ, что оно состоялось совсѣмъ не вслѣдствіе письма Пушкина къ правителю канцеляріи намѣстника, а вслѣдствіе другихъ причинъ, между прочимъ и запальчивыхъ рѣчей, необдуманныхъ словъ, которыя письму предшествовали и отъ которыхъ Александръ Сергѣевичъ не могъ удержаться при первомъ извѣстіи о досадной экспедиціи. Онъ заговорилъ тогда же о немедленной отставкѣ своей, что̀ равносильно было, по условіямъ Одесскаго быта, прямому вызову и оскорбленію начальника края и, конечно, скоро сдѣлалось извѣстно послѣднему. А каковъ былъ тонъ публичныхъ рѣчей Пушкина—можно уже судить по черновому письму его къ тому же А. И. Казначееву, когда правитель канцеляріи, тоже услыхавъ о планѣ выхода въ отставку, дружески предостерегалъ

его отъ послѣдствій необдуманнаго шага [1]). Письмо походитъ на формальное объявленіе войны. Приводимъ его въ переводѣ съ французскаго.

«Весьма сожалѣю, пишетъ Пушкинъ, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ — двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическія предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ [2]). Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово, ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее, съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ уже я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе — писать и продавать стихи, ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, уже кажутся мнѣ товаромъ, по-столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что́ такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника, мнѣ надоѣло видѣть, что меня, въ моемъ отечествѣ, принимаютъ хуже, чѣмъ перваго пришлаго пошляка изъ англичанъ (le premier galopin anglais), который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье (sa nonchalente platitude et son baragoin). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставлю его въ покоѣ, наслаждаться тріумфомъ, потому

---

[1]) Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Казначеева, супруга котораго, урожденная кн. Волконская, была женщина литературно-образованная и умная.

[2]) Довольно замѣчательно, что Пушкинъ по требованіямъ самозащиты, pour les besoins de sa cause, какъ говорятъ французы, прикидывается здѣсь демократомъ, которымъ никогда не былъ. Собственно тутъ надо разумѣть распрю между вельможествомъ и бѣднымъ, незнатнымъ дворянствомъ, о которой мы уже упоминали.

что также мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ....»

Однако же, гр. Воронцовъ нисколько не думалъ о тріумфѣ, а, напротивъ, думалъ о томъ, чтобъ разстаться съ безпокойнымъ подчиненнымъ, какъ можно мягче, благороднѣе и гуманнѣе.

Пушкинъ не могъ получить прямо и на мѣстѣ отставки, которой такъ добивался: онъ числился въ м-вѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда получалъ и назначенное ему жалованье, а вдобавокъ былъ присланъ на службу въ край по именному повелѣнію. Для принятія какихъ-либо мѣръ относительно поэта, необходимо было снестись предварительно съ администраціей въ Петербургѣ. Въ концѣ марта, 23 числа 1824 года, гр. Воронцовъ обратился къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить Государю о необходимости отозвать Пушкина изъ Одессы, и выставляя для этого причины, которыя наименѣе могли повредить Пушкину во мнѣніи правительства— именно: накопленіе пріѣзжихъ въ Одессѣ ко времени морскихъ купаній, ихъ неумѣренныя восхваленія поэта, постоянно кружащія ему голову и мѣшающія его развитію. Вообще, письмо это, составленное на французскомъ языкѣ, по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны.

Онъ начиналъ его свидѣтельствомъ, что заставъ уже Пушкина въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствій главнаго его порока— самолюбія. «*Здѣсь* есть *много людей*, — приводимъ собственныя слова гр. Воронцова въ переводѣ,—а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца — Лорда Байрона (qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très-peu recommendable — Lord Byron)—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ

классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказать».

Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову, не пособилъ бы ничему — Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ бы еще *между молодыми греками и болгарами* довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо другой губерніи могъ бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ *заразительныхъ, крайнихъ и опасныхъ идей*. Графъ Воронцовъ въ концѣ письма выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Для поясненія словъ и основной мысли письма нужно сказать, что молодежь Одесскаго Ришельевскаго лицея, наѣзжихъ туземныхъ помѣщиковъ и самаго штата намѣстника не уступала никому въ прославленіи Пушкина. Много было также, какъ между ними, такъ и въ самомъ одесскомъ обществѣ, поляковъ, видѣвшихъ въ Пушкинѣ предметъ для поклоненія въ двойномъ его качествѣ: славнаго писателя и жертвы (будто-бы) правительства. По случаю безпорядковъ въ Виленскомъ университетѣ, возбужденныхъ тамъ тайнымъ обществомъ «Филаретовъ», недавно тогда обнаруженномъ, предвидѣлось еще увеличеніе этого класса людей. Оно именно такъ и случилось. Въ началѣ 1825 г., когда Пушкина уже не было въ Одессѣ, явились на каѳедры Ришельевскаго лицея Мицкевичъ и Ежовскій, высланные изъ Вильны и вскорѣ опять удаленные съ своихъ мѣстъ за подозрительныя связи съ разными польскими помѣщиками края. Оба они въ слѣдующемъ году поступили на службу въ Москву: Мицкевичъ въ штатъ канцеляріи генералъ-губернатора, а Ежовскій съ 1826 года на каѳедру греческой словесности въ университетѣ. Наплывъ иностранцевъ—иногда самыхъ рѣзкихъ и крайнихъ воззрѣній—былъ также не маловаженъ. Въ самомъ домѣ намѣстника Пушкинъ часто встрѣчался, напримѣръ, съ докторомъ англичаниномъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, страстнымъ поклонникомъ Шелли, который училъ поэта нашего философіи атеизма и сдѣлался невольнымъ орудіемъ второй его катастрофы, о чемъ ниже [1]. Кромѣ того,

[1]) Свѣдѣніе о докторѣ атеистѣ сообщилъ намъ почтеннѣйшій А. И. Левшинъ, который прибавилъ, что, лѣтъ пять спустя послѣ исторіи съ Пушкинымъ, онъ встрѣтилъ того же самаго Гунчисона, въ Лондонѣ, уже ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви.

изъ писемъ нашего поэта видно, что вскорѣ ожидали прибытія въ Одессу почти всего общества Раевскихъ-Давыдовыхъ, давшаго изъ себя столько жертвъ правосудію, послѣ подавленія бунта въ Петербургѣ и во 2-й арміи. Какъ бы то ни было, но мягкое и благожелательное представленіе гр. Воронцова заставляло предвидѣть для Пушкина только переводъ на службу во внутреннія губерніи, къ чему оно и было все направлено. Благодаря однакоже опрометчивости самого поэта, дѣло это усложнилось новыми, не предвидѣнными обстоятельствами и получило исходъ, какого никто отъ него не ожидалъ.

Вѣроятно еще до отправленія письма гр. Воронцова въ Петербургъ, Пушкинъ сообщалъ кому-то изъ пріятелей своихъ въ Москвѣ шуточное извѣстіе о себѣ, въ которомъ заключалась слѣдующая фраза: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю—пишу пестрыя «строфы романтической поэмы и *бѣру* уроки чистаго Афеизма. «Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный «Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ». Къ этому, мимоходомъ, Пушкинъ присоединилъ еще заключеніе: «Система не столь утѣши-«тельная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе «всего правдоподобная». Письмо было даже и по тону совершенно пустое, нисколько не обнаруживавшее чего-либо похожаго на окончательно принятое и серьёзное убѣжденіе. Оно принадлежало, видимо, къ тому разряду писемъ, которыя назначены производить шумъ и толки въ кругу близкихъ знакомыхъ. Оно рѣшило, однако же, участь Пушкина. Благодаря не совсѣмъ благоразумной гласности, которую сообщили ему пріятели Пушкина и особенно покойный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, какъ мы слышали, носившійся съ нимъ по своимъ знакомымъ, письмо дошло до свѣдѣнія администраціи. Въ то печальное время напряженнаго мистическаго броженія, внутренняя пустота и несостоятельность записки не могли ослабить ужаса, произведеннаго однимъ внѣшнимъ ея содержаніемъ, *словами*, въ ней заключающимися. Не безъ основанія говорилъ впослѣдствіи самъ ея авторъ, что онъ былъ сосланъ *за двѣ строки* вздорнаго письма. Эти двѣ строки и вызвали именно то рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ.

Отвѣчая на представленіе графа Воронцова, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, сообщалъ ему по-французски отъ 11-го іюля 1824 г., что правительство вполнѣ согласно съ его заключеніями относительно Пушкина, но, къ сожалѣнію, пришло еще къ убѣжденію, что послѣдній нисколько не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ пер-

вое время его публичной дѣятельности. Доказательствомъ тому можетъ служить, препровождаемое у сего, письмо Пушкина, которое обратило вниманіе московской полиціи по толкамъ, имъ возбужденнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, правительство приняло рѣшеніе исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (par son inconduite), а чтобъ не оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средствъ свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него строжайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова».

Графъ М. С. Воронцовъ получилъ предписаніе въ Крыму, гдѣ путешествовалъ въ это время и гдѣ, заболѣвъ лихорадкой, остановился, долго не являясь въ Одессу. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И. Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, графу А. Д. Гурьеву.

Такъ кончилось послѣднее *годичное* пребываніе Пушкина въ Одессѣ.

30-го іюля 1824 г., Пушкинъ уже выѣхалъ изъ города, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясной цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить въ городѣ и его уѣздахъ. Это явствуетъ также и изъ собственноручной приписки градоначальника Одессы, графа Гурьева, къ его отчету о высылкѣ Пушкина, поданному начальнику края: «маршрутъ его до Кіева не касается». Всѣ эти предосторожности убѣждаютъ, что правительство уже знало о существованіи заговора на югѣ Россіи и о вѣтвяхъ, которыя онъ пустилъ въ разныхъ направленіяхъ, и принимало въ соображеніе, при удаленіи Пушкина изъ Одессы, его связи съ лицами, сдѣлавшимися ему болѣе или менѣе подозрительными.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя обѣщанія своей подписки. По донесенію псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ родовое свое помѣстье, знаменитое Михай-

ловское, гдѣ его ожидали близкіе—отецъ, мать, а также братъ и сестра, съ которыми онъ былъ теперь столь же внезапно соединенъ, какъ внезапно разлученъ за 4 года назадъ. Но радость свиданія была теперь значительно отравлена особенностію его положенія и послѣдствіями, какія изъ того истекали.

VII.

Михайловское.

1824—1826.

—

Пушкинъ въ Михайловскомъ.—Тригорское.—Попытки освободиться отъ ссылки.—Планы бѣгства за-границу.

Къ числу *біографическихъ предразсудковъ*, какъ бы можно было назвать нѣкоторыя преданія о жизни Пушкина, распространенныя его пріятелями и безпрестанно повторяемыя затѣмъ его біографами, слѣдуетъ причислить и многія сказанія ихъ о Тригорскомъ, селѣ, смежномъ съ деревней поэта. Доселѣ еще принято считать, что жизнь Пушкина совершенно по-ровну была раздѣлена между его родимымъ кровомъ въ Михайловскомъ и обиталищемъ его сосѣдокъ по имѣнію, знаменитымъ Тригорскимъ, такъ что для многихъ имена этихъ мѣстностей слились въ одно представленіе и отдѣльно другъ отъ друга почти перестали существовать. Между тѣмъ, поводовъ къ такому умственному слiянію двухъ мѣстностей не очень много представлялось въ жизни Пушкина и на дѣлѣ связь между ними была гораздо болѣе внѣшней, чѣмъ сколько предполагаютъ. Дружелюбныхъ отношеній Пушкина къ своимъ сосѣдкамъ нельзя подвергать ни малѣйшему сомнѣнію, но никогда Пушкинъ не принадлежалъ Тригорскому вполнѣ какой-либо частію своего ума, своей души или нравственнаго существованія; никто въ Тригорскомъ не обладалъ вполнѣ его мыслію и сердцемъ. Напротивъ, лучшую часть самого себя Пушкинъ постоянно маскировалъ передъ Тригорскимъ, точно берегъ свое добро для другой арены и для другой публики. Извѣстной хозяйкѣ Тригорскаго—столь часто упоминаемой біографами, Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, а равно и двумъ дочерямъ ея, «красавицамъ горъ», по любимому выраженію Дель-

вина и Языкова, и вообще всему молодому женскому поколѣнію, по временамъ наѣзжавшему въ село, не мудрено было обмануться въ настоящемъ значеніи своихъ связей съ Пушкинымъ. Пушкинъ проживалъ по суткамъ и по цѣлымъ недѣлямъ въ ихъ деревянномъ, приземистомъ домикѣ, раздѣлялъ ихъ забавы и горести, выслушивалъ ихъ жалобы и даже завязывалъ съ ними дружескія, задушевныя отношенія. Этой чести удостоились попемѣнно каждая почти изъ постоянныхъ и временныхъ обитательницъ Тригорскаго, такъ какъ Пушкинъ не желалъ никого обдѣлить своимъ вниманіемъ, котораго тамъ искали всѣ безъ исключенія. Но для нихъ это было очень серьёзное дѣло, которому онѣ добросовѣстно придавали жизненный интересъ, для Пушкина это было мимолетное отдохновеніе, изящная забава, средство обмануть время, оставшееся отъ трудовъ, и притомъ такое занятіе, которое можетъ быть порвано на полдорогѣ, безъ тоски и сожалѣнія. Покамѣстъ въ Тригорскомъ размышляли о каждомъ его словѣ и движеніи, Пушкинъ скоро позабывалъ все, что́ говорилъ и дѣлалъ тамъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ и никогда не говорилъ о томъ, что́ думаетъ. Настоящимъ центромъ его духовной жизни было Михайловское и одно Михайловское: тамъ онъ вспоминалъ о привязанностяхъ, оставленныхъ въ Одессѣ; тамъ онъ открывалъ Шекспира и тамъ предавался грусти, радости и восторгамъ творчества, о которыхъ сосѣди Тригорскаго не имѣли и предчувствія. Онъ дѣлился съ ними одной самой ничтожной долей своей мысли — именно планами вырваться на свободу, покончить съ своимъ заточеніемъ, оставляя въ глубочайшей тайнѣ всю полноту жизни, переживаемой имъ въ уединеніи Михайловскаго. Тутъ былъ для него неизсякаемый источникъ мыслей, вдохновенія, страстныхъ занятій и вопросовъ моральнаго свойства, а все прочее принадлежало уже къ области призраковъ, которые онъ самъ вызвалъ и лелѣялъ для того, чтобъ обстановить и скрасить внѣшнее свое существованіе. Это положеніе выяснится очевиднѣе изъ дальнѣйшаго нашего разсказа, который и начнемъ здѣсь сначала.

Пушкинъ говоритъ въ 8-й главѣ Онѣгина, что онъ уѣхалъ изъ Одессы —

> Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
> И, слава Богу, отъ вельможъ,

въ далекій сѣверный уѣздъ, и прибавляетъ:

> И былъ печаленъ мой пріѣздъ!

Пріѣздъ былъ точно печаленъ. Послѣ первыхъ изліяній ра-

достной встрѣчи, трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно за самихъ себя и за остальныхъ членовъ своей семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями. Дурное мнѣніе послѣднихъ объ этомъ опальномъ человѣкѣ принято было родителями Пушкина за указаніе, какъ слѣдуетъ имъ самимъ думать о своемъ сынѣ: явленіе не рѣдкое въ русскихъ семьяхъ того времени.

Вотъ почему они уже съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣли на дружбу, связывавшую нашего поэта съ младшимъ братомъ и сестрой, полагая, вѣроятно, что человѣкъ, сосланный по подозрѣнію въ атеизмѣ, уже ни о чемъ другомъ и не можетъ говорить съ ближними, какъ о томъ же самомъ предметѣ. Все это могло бы пройти безслѣдно и, по комической нелѣпости своей, не вызвать со стороны Александра Пушкина особенно сильнаго протеста, но къ этому присоединилась еще другая и болѣе печальная подробность. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, г. Пещурову,—пригласить отца Пушкина, котораго именовалъ въ своей оффиціальной бумагѣ по этому поводу *«однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей»*, принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за нимъ наблюдателей. По словамъ поэта, отецъ его имѣлъ слабость принять это предложеніе, движимый, можетъ быть, столько же страхомъ передъ начальствомъ, сколько и благимъ намѣреніемъ освободить существованіе сына отъ вмѣшательства постороннихъ лицъ. Поэтъ думалъ, однако-же, иначе объ этомъ предметѣ. Когда дошла до него вѣсть о состоявшейся сдѣлкѣ, онъ вышелъ изъ себя, явился къ Сергѣю Львовичу и между ними произошла неимовѣрная сцена, о которой мы упоминаемъ только потому, что она въ картинѣ нравовъ того времени составляетъ очень крупную черту и рисуетъ домашнюю обстановку поэта чрезвычайно ярко.

Вотъ какъ жаловался Пушкинъ на свое деревенское положеніе во французскомъ письмѣ въ Одессу, черновые отрывки котораго какъ-то уцѣлѣли между его бумагами. Письмо писано на имя особы, которую Пушкинъ называетъ: «belle et bonne princesse». Переводимъ отрывки: «Ваша тихая дружба могла-бы удовлетворить всякую душу, менѣе эгоистическую, чѣмъ моя, но и теперь, каковъ бы я ни былъ—она, дружба эта, еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки (la rage de l'ennuie), которая поѣдаетъ мое

глупое существованіе. Сбылось все, что́ я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки. Правительство...... вздумало предложить моему отцу роль своего агента въ преслѣдованіи меня. Отецъ имѣлъ слабость принять порученіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ его въ ложное положеніе относительно меня. Меня стали попрекать ссылкой, заявлять страхъ, что мое несчастіе вовлечетъ и другихъ въ погибель, подозрѣвать, что я проповѣдую безбожіе моей сестрѣ, которая есть небесное созданіе, и брату, который очень забавенъ и веселъ. А изъ этого выходитъ, что я провожу въ поляхъ все то время, когда не лежу въ постелѣ [1]). Все, что́ малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море—производитъ во мнѣ тоску, шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, что я сталъ бы плакать отъ бѣшенства, при видѣ яснаго неба. Что касается до моихъ сосѣдей, я едва ознакомился съ ними: я пользуюсь между ними репутаціей Онѣгина. Единственное развлеченіе мое составляетъ добрая, старая сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ея патріархальные разговоры, въ то время какъ ея дочки... разыгрываютъ мнѣ Россини...... Лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ-ли можно и желать, но скука—это холодная муза, и романъ не подвигается. Однако же кланяюсь вамъ одной строфой. Покажите ее W и попросите его не судить о всемъ по этому образчику.....» Эти строки уже даютъ понятіе объ общемъ характерѣ Пушкинскихъ домашнихъ обстоятельствъ, но держатся еще далеко отъ сущности дѣла, а въ одномъ мѣстѣ и намѣренно затемняютъ его. Сосѣдка Пушкина совсѣмъ не была такой старой женщиной, какъ говоритъ поэтъ, бесѣды Пушкина съ ней не имѣли ничего похожаго на патріархальный характеръ, и дочки ея занимались не однимъ разыгрываніемъ Россини для гостя. Несравненно искреннѣе, ближе къ дѣлу было то русское письмо, которое поэтъ писалъ къ неизвѣстному намъ лицу въ Петербургъ,

---

[1]) Письмо это, по всѣмъ вѣроятіямъ, писано позднѣе второй половины сентября 1824 г., потому что въ это время настроеніе поэта чувствительно разнится съ тѣмъ, которое онъ тутъ описываетъ, какъ это видно изъ посланія его въ Дерптъ къ студенту А. Н. Вульфу. Пушкинъ тогда препроводилъ къ нему стихотворную цидулу, въ которой, извѣщая, что вскорѣ ожидаетъ брата Льва (Лайонъ—стихотвореніе) въ деревню (вѣроятно Левъ Сергѣевичъ уѣзжалъ тогда изъ Михайловскаго въ Псковъ для какихъ-либо дѣлъ) и притомъ съ ящикомъ бутылокъ, выражаетъ намѣреніе посвящать дни—Тригорскому, ночи—Михайловскому, восхищаясь заранѣе тѣмъ, что имъ обоимъ предстоитъ или быть мертвецки пьяными, или смертельно влюбленными. Стихотвореніе помѣчено у Пушкина: 20-го сентября 1824 г. (См. томъ 7-й Сочиненій Пушкина, 1857 г. стр. 91).

прося у него помощи и восклицая въ пелицемѣрномъ страхѣ: «спаси меня!» письмо излагаетъ подробности той сцены, о которой говорили. Ниже мы приводимъ отрывки изъ него тоже по черновому оригиналу, а здѣсь позволимъ себѣ небольшое отступленіе.

Трудъ нашъ уже давно былъ законченъ, когда въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 12-й, явились перебѣленные подлинники тѣхъ писемъ Пушкина, на которыя здѣсь ссылаемся и которыя адресованы имъ были Жуковскому отъ 31-го октября и отъ 24-го ноября 1824. Итакъ, неизвѣстное лицо, нами поминаемое, былъ никто иной, какъ Жуковскій. Несмотря на это сообщеніе «Русскаго Архива», мы оставили въ нашемъ текстѣ черновые отрывки Пушкинскихъ писемъ не-тронутыми, во-первыхъ, потому, что онѣ содержатъ нѣкоторыя подробности, не попавшія въ перебѣленныя ихъ копіи, а во-вторыхъ, для того, чтобъ дать случай любопытствующимъ читателямъ познакомиться со способомъ окончательной переправки или передачи своихъ замѣтокъ, какой употреблялъ обыкновенно поэтъ, приводя ихъ въ порядокъ. Оказывается, что онъ всегда сохранялъ основную мысль и даже тонъ черноваго оригинала при его переработкѣ, что́ даетъ весьма значительную цѣнность нашимъ отрывочнымъ выпискамъ изъ его писемъ, цѣльныя копіи которыхъ, можетъ быть, никогда и не найдутся. Не менѣе любопытно и другое сообщеніе «Русскаго Архива» въ томъ же №. Письма Пушкина сопровождаются тамъ еще письмомъ Праск. Алекс. къ Жуковскому, которая, не будучи съ нимъ знакома лично, извѣщаетъ его о томъ, что Пушкинъ съ отчаянія будто бы написалъ письмо псковскому гражданскому губернатору Б. А. Адеркасу, прося послѣдняго извѣстить правительство, что онъ, Пушкинъ, предпочитаетъ содержаніе въ крѣпости или самую дальнюю ссылку своему пребыванію въ Михайловскомъ. Осипова прилагаетъ и копію съ этого письма, сообщенную ей по секрету Пушкинымъ, прося разумѣется Жуковскаго предотвратить бѣду, которая изъ всего этого можетъ произойти. Черезъ нѣсколько времени П. А. Осипова извѣщаетъ Жуковскаго, что, по счастливому случаю, вмѣшательство его въ это дѣло уже безполезно: человѣкъ, которому Пушкинъ вручилъ письмо для доставленія Б. А. Адеркасу, не заставъ его во Псковѣ, вернулся обратно съ своей посылкой, которую Пушкинъ уже и истребилъ. Все это, по нашему мнѣнію, была просто выдумка, направленная къ тому, чтобы сильнѣе подѣйствовать на безгранично добраго и честнаго В. А. Жуковскаго. Мы увидимъ сейчасъ, что къ такимъ выдумкамъ для облегченія своего положенія

Пушкинъ прибѣгалъ и позднѣе и всегда въ сообществѣ какого-либо довѣреннаго лица, посвященнаго въ его тайну. На этотъ разъ сообщникомъ была П. А. Осипова, да она, какъ оказывается изъ того же письма, знала и другой секретъ Пушкина, о которомъ говоримъ далѣе.

Но обратимся къ письму Пушкина.

«Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ...., по скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь..... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть, П.... (Пещуровъ?) [1]) осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку—короче—быть моимъ шпіономъ!

«......Желая, наконецъ, вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ—я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ погибели). Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: *«что говорю ему въ послѣдній разъ»*. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я *его билъ!* потомъ, что *хотѣлъ бить....* Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.... Рудниковъ Сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія.... Спаси меня!»

Ужасъ Пушкина былъ основателенъ. Вспышка его отца могла кончиться на этотъ разъ иначе, чѣмъ вспышки его обыкновенно кончались — т.-е., спокойнымъ выжиданіемъ со стороны домашнихъ исхода пароксизма. Если бы *добронравнѣйшій* Сергѣй Львовичъ, поддерживаемый супругой, подъ вліяніемъ которой состоялъ всю жизнь, вздумалъ повести обвиненіе далѣе стѣнъ своего дома, сообщить жалобѣ своей нѣкоторую гласность, то послѣдствія для нашего поэта могли быть неисчислимы. Послѣдній

---

[1]) Уѣздный предводитель дворянства, по самому званію своему, носилъ обязанность наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ дворянъ своего уѣзда, а потому правительство, возлагая, по закону, трудъ смотрѣть за Пушкинымъ на г. Пещурова не дѣлало тѣмъ изъ него ни особаго агента, ни притѣснителя ex officio, на что онъ по нравственному характеру своему, и не былъ способенъ.

основательно говорилъ, обращаясь опять къ тому же неизвѣстному лицу: «Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что я поднялъ руку на отца — посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой.» И онъ былъ правъ. Дѣло, однакоже, до этого не дошло. Мы слышали, что Жуковскій горячо принялся за утушеніе семейной распри этой и вразумленіе стараго Пушкина, который, уже при первомъ извѣстіи о жалобахъ на него сына, отступился отъ своихъ словъ и сказалъ: «Экой дуракъ! Въ чемъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!» Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ, замѣчаетъ Пушкинъ, передавая эти слова другу. Мать, Надежда Осиповна, по его же замѣчанію, прибѣгла, для оправданія вспыльчивости супруга, къ каламбуру: «да, онъ, Сергѣй Львовичъ, *убитъ его словами!*» Впрочемъ, совѣты ли Жуковскаго, или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на стараго Пушкина, только уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ благовидный по формѣ, но рѣшительный отказъ отъ возложенной на него обязанности отеческаго наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась, однакоже, вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ правительственнаго надзора и ласково принятъ, незадолго передъ тѣмъ, молодымъ Государемъ. Во второй разъ (первый случай относится къ 1815 г.) Сергѣй Львовичъ искалъ сойтись съ сыномъ, озадаченный его успѣхами и пріобрѣтеннымъ положеніемъ между людьми.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824—25 г. Политическое наблюденіе за нимъ перешло опять къ Опочецкому предводителю, а для религіознаго его руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый, и какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени и навѣщалъ поэта въ деревнѣ. Такъ какъ яснаго разграниченія между обязанностями свѣтскаго и духовнаго надзора не могло быть, то настоятель почелъ за нужное явиться въ Михайловское, заслышавъ, въ январѣ 1825 г., что къ изгнаннику Михайловскаго неожиданно пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то неизвѣстный посѣтитель. Посѣтитель этотъ былъ покойный декабристъ И. И. Пущинъ.

Онъ нашелъ своего лицейскаго пріятеля въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома, бывшаго нѣкогда палатами Елисаветинскаго ссыльнаго, удалого Осипа Абрамовича Ганибала. Одна комната съ ширмами служила Пушкину спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ другія оставались запертыми и нетопленными. Только на другой половинѣ,—черезъ сѣнной корридоръ, раздѣлявшій домъ,—И. И. Пущинъ видѣлъ еще жилую, просторную комнату, царство няни поэта — Арины Родіоновны, доброй старушки, охотно придерживавшейся рюмочки, какъ извѣстно, которая тутъ учила и муштровала толпу швей и ткачихъ, засаженныхъ за эти работы старыми господами. И. И. Пущинъ пробылъ менѣе сутокъ въ Михайловскомъ, слушалъ чтеніе комедіи «Горе отъ ума», имъ же и привезенной, изъ устъ Пушкина, который сопровождалъ чтеніе это своими мѣткими и умными замѣчаніями, и по прежнему старался, насколько могъ, отстранить попытки хозяина узнать связи, соединяющія гостя съ тайными обществами — вопросъ, съ которымъ Пушкинъ приставалъ къ Пущину почти всякій разъ, какъ встрѣчалъ его. Между прочимъ наѣзжій гость сообщаетъ и очень любопытную черту. Видимо тревожимый бѣсомъ политическаго тщеславія, Пушкинъ выпытывалъ у него, что̀ думаютъ о немъ, Пушкинѣ, въ Петербургѣ въ смыслѣ политическаго дѣятеля, много ли говорятъ объ исторіи майора Раевскаго и друзьяхъ послѣдняго, какія имена особенно поминаютъ при томъ. Впрочемъ И. И. Пущинъ нашелъ большую перемѣну въ другѣ: онъ сталъ серьёзнѣе, простѣе, разсудительнѣе. Выпивъ послѣднюю бутылку шампанскаго, опять изъ своего собственнаго запаса, провозгласивъ сообща множество тостовъ, а въ томъ числѣ и тостъ: *«за нес»* (т.-е., за особу, оставленную поэтомъ въ Одессѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ), Пушкинъ разстался съ своимъ другомъ въ 3 часа утра, — (онъ прибылъ наканунѣ, тоже утромъ, въ 7 часовъ) и разстался, какъ извѣстно, навсегда.... Монахъ провелъ только нѣсколько минутъ въ ихъ обществѣ и не помѣшалъ бесѣдѣ.

Нѣсколько прежде того (въ октябрѣ 1824 г.), Пушкинъ оффиціально былъ вызванъ въ Псковъ для исполненія опущенной имъ формальности, которую ему, однакоже, строго рекомендовали въ Одессѣ—именно для представленія своей особы мѣстному губернскому начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда же являлся на базары и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ *мужицкомъ* костюмѣ. Можетъ быть, онъ изучалъ народный говоръ и складъ мыслей, такъ какъ это теперь становилось ему необходимо узнать поближе изъ чисто-ху-

дожественныхъ цѣлей, а, можетъ быть, въ основаніи этого переодѣванія лежала просто шутка, отъ которой онъ никогда не умѣлъ воздержаться. Такъ, въ годовщину смерти Байрона, онъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставльшемся болринѣ Георгіѣ. Этотъ анекдотъ, слышанный нами отъ сестры поэта, наводитъ на мысль: не изъ такихъ ли и подобныхъ тому шалостей Пушкина-сына сложилось у родителя его воззрѣніе на него, какъ на отъявленнаго безбожника?

Пушкинъ не могъ долго оставаться въ Псковѣ безъ особаго дозволенія. Притомъ же въ Михайловскомъ было у него теперь весьма серьёзное дѣло, и не далеко отъ Михайловскаго занимательное общество. О послѣднемъ и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу—Вульфъ, владѣлица Тригорскаго (села, получившаго свое имя отъ гористаго берега той же рѣчки Сороти, на которой стояло и Михайловское—Зуево, по народному прозванію), была женщина очень стойкаго нрава и характера, но Пушкинъ имѣлъ на нее почти безграничное вліяніе. Всѣ его слова и желанія исполнялись ею свято. Онъ платилъ за это благорасположеніе постояннымъ выраженіемъ безграничной дружбы, посвящалъ ей стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить около Тригорскаго клочекъ земли и поселиться на немъ (Михайловское принадлежало еще тогда отцу поэта), чтó не мѣшало ему (какъ видѣли) говорить объ ней, какъ объ «une bonne vielle voisine» и прибавлять: «j'écoute ses conversations patriarchales». Прасковья Александровна свободно изъяснялась и писала по-французски и старалась дополнить свое образованіе, какъ могла, училась вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми своими у ихъ учителей, много читала, любила заниматься серьёзными вопросами и жадно искала бесѣдъ, въ которыхъ они подымались. Все это, однакоже, не могло, конечно, доставить ей прочныхъ основъ для мысли, такъ какъ дѣло тутъ шло не о прямомъ воспитаніи послѣдней, а только о сообщеніи ей необходимой выправки и развязности. Прасковья Александровна вполнѣ удовлетворилась достигнутыми ею результатами. Черезъ Пушкина она познакомилась съ цвѣтомъ тогдашней литературы: Языковымъ, Дельвигомъ, наконецъ съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Вяземскимъ, т.-е., со всей литературной знатью того времени. Самъ Пушкинъ безпрестанно толковалъ ей о роли, которую она играетъ въ его существованіи; друзья его, въ благодарность за радушное отношеніе къ нашему поэту, тоже не скупились на

похвалы и величанія. Самолюбіе Прасковьи Александровны было удовлетворено всѣмъ этимъ съ излишкомъ; но оно было удовлетворено на-счетъ всѣхъ другихъ качествъ, ибо, въ чаду похвалъ и лести, высокое мнѣніе о себѣ достигло у нея крайнихъ размѣровъ, настойчивость и упорство въ предпріятіяхъ и рѣшеніяхъ, весьма мало обдуманныхъ, достигли своихъ предѣловъ, и послѣдніе годы ея долгой жизни показали очевидно, что любезность, свѣтскость и начитанность сами по себѣ еще не могутъ упрочить для женщины, даже съ большими природными способностями, счастія и покоя на землѣ...

Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнію. Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта—и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ. Пророчество Пушкина о трехъ соснахъ, которыя онъ долженъ былъ миновать по этой дорогѣ, вступая на землю Тригорскаго, не сбылось: онѣ не разрослись въ рощу, а напротивъ, одна изъ нихъ была срублена какимъ-то старостой и очень просто пошла на мельницу, да той же участи, вѣроятно, уже подверглись, или скоро подвергнутся и остальныя, по приговору какого-либо другого старосты. И они правы. Что за надобность имъ беречь предметы, связанные съ литературными и семейными воспоминаніями, совершенно чуждыми имъ, когда тѣми же предметами не очень-то дорожатъ и люди, заинтересованные въ ихъ сохраненіи по родству и воспитанію.

Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдніе уже не носятъ на себѣ, по дѣйствію творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину, Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ [1])—представляла совсѣмъ

[1]) Впослѣдствіи она вышла замужъ за генерала Вревскаго и сдѣлалась матерью почтеннаго и многочисленнаго семейства.

другой типъ. Она пользовалась жизнію очень просто, повидимому ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьёзнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многіе называли «кокетствомъ» всѣ эти пріемы, но кокетство или нѣтъ — манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно-умнаго свойства. Вышло то, что́ обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: на долю энтузіазма и самоотверженія пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изрѣдка выкупались счастливыми минутами довѣрія и признательности, между тѣмъ, какъ равнодушію оставалась лучшая доля постояннаго вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанія [1]). Одно время полагали, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіѣ Николаевнѣ. Какъ мало горечи осталось затѣмъ въ воспоминаніяхъ обдѣленной сестры отъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ ея слова въ письмѣ къ супругѣ Александра Сергѣевича, уже въ 1831 г. Когда та, говоря о старыхъ знакомыхъ своего мужа, шутливо намекнула на бывшую привязанность поэта къ «полу-воздушной» дѣвѣ горъ, Евпраксіи Николаевнѣ—вотъ что отвѣчала ей Анна Николаевна: «Какъ вздумалось вамъ, пишетъ она по-французски, ревновать мою сестру, дорогой другъ мой? Если бы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непремѣнно думать—настоящая минута не смываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнію, вызываемой однимъ воображеніемъ и оставляющей послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ. Но вы—вы владѣете дѣйствительностію и все будущее передъ вами». Деликатнѣе отклонить вопросъ и выразить свое собственное чувство — кажется, трудно.

Красивый персоналъ Тригорскаго не ограничивался еще этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтныхъ сестеръ ихъ, носившихъ уже фамилію Осипова [2]), тутъ были еще многочисленныя кузины: кузина, напримѣръ, Анна Ивановна (впослѣдствіи Тру-

---

[1]) Евпраксія Николаевна (въ семействѣ ее просто звали „Зина") была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ, она играла передъ нимъ аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій. Сестра ея Анна Николаевна, умершая дѣвушкой въ началѣ 60-хъ годовъ, отличалась быстротой и находчивостію своихъ отвѣтовъ, что было не легкое дѣло въ виду Михайловскаго изгнанника, отличавшагося еще въ разговорахъ прямотой и смѣлостію выраженія.

[2]) Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогалъ имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ, за что и пользовался ихъ постояннымъ благорасположеніемъ.

велеръ), которую звали Netty въ семействѣ, кузина Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая, которая оставила „Записки“ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ (она выдана была замужъ за стараго генерала Керна, едва вышедши изъ дѣтства), наконецъ, падчерица Прасковьи Александровны—Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклешова)—Алина по семейному прозванію, та самая, которая возбуждала поздніе восторги Сергѣя Львовича, лѣтъ 15 спустя, да обратила на себя вниманіе и сына его гораздо прежде. Вообще, всѣ онѣ, вмѣстѣ съ неупомянутой еще кузиной Вельяшевой, почтены были Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и проч. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный, длинный одноэтажный домъ, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день отъ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіятскаго разврата Кишинева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь, и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ безъ оглядки плыветъ вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по цѣлымъ суткамъ и болѣе, приводя тотчасъ въ движеніе весь этотъ міръ. Дѣло не обходилось, конечно, при этомъ безъ крошечныхъ семейныхъ драмъ, безъ ревности, катастрофъ и проч. Такъ, въ іюнѣ 1825 года, Прасковья Александровна увозитъ красивѣйшую изъ своихъ племянницъ, Анну Петровну Кернъ, въ Ригу, къ мужу и даже становится, какъ мы слышали, косвенной причиной окончательнаго разрыва между супругами; такъ, по возвращеніи изъ Риги въ сентябрѣ 1825 г., она сама уѣзжаетъ въ другое свое помѣстье, извѣстное «Маленники», Тверской губерніи, и увозитъ съ собою старшую дочь, съ трудомъ отрываясь сама и отрывая ее отъ любимыхъ мѣстъ. Впрочемъ, отсутствіе ея во второй разъ продолжалось не болѣе мѣсяца. Пушкинъ остается хладнокровнымъ зрителемъ этихъ скоропреходящихъ бурь, спокойно и даже насмѣшливо отвѣчаетъ на жалобы ихъ жертвъ и какъ ни въ чемъ не бывало погружается въ свои занятія, соображенія, чтеніе. Настоящая его мысль постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уеди-

ненномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы Онѣгина онъ дѣлаетъ приписку: 5-го сентября 1824 года — Une l(lettre) de ***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина.

Старшій сынъ Прасковьи Александровны Осиповой, дерптскій студентъ А. Н. Вульфъ, лучше понималъ Александра Сергѣевича, чѣмъ его семья [1]). Вульфъ пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы.

Студентъ тотчасъ же узналъ, напримѣръ, что завѣтной мечтой поэта, съ самаго пріѣзда его въ Михайловское, сдѣлалось одно: бѣжать отъ заточенія деревенскаго, а если нужно, то и изъ Россіи. Помыслы о бѣгствѣ за границу начались у Пушкина еще въ Одессѣ, какъ хорошо свидѣтельствуетъ извѣстное стихотвореніе «Къ морю» (1824 г.), гдѣ содержится ясное признаніе, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «*поэтическій побѣгъ*» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «*свободной стихіи*». Кромѣ того, въ стихотвореніи выпущена еще цѣлая строфа, содержавшая вопросъ къ океану: «куда и на какую жизнь онъ вынесъ бы его».... А затѣмъ, еще въ одномъ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, весной 1824 г., изъ Одессы, мы находимъ слѣдующія недвусмысленныя строки послѣ извѣстія, что поэтъ два раза просилъ о заграничномъ отпускѣ съ юга Россіи и оба раза не получилъ дозволенія: «Осталось одно—взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ».

Теперь Пушкинъ существовалъ далеко отъ моря, но замыселъ не былъ покинутъ. Поэтъ нашъ видимо приходилъ въ ужасъ отъ мысли провести лучшіе годы своей молодости въ захолустьѣ, не

---

[1]) Пушкинъ очень любилъ Алексѣя Николаевича Вульфа. Къ нему именно относятся эти слова въ запискахъ Пушкина о лицѣ, которое впервые упомянуло при немъ о холерѣ. „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ Дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ и проч.“

имѣя ближайшаго сообщенія съ публикой и лишенный возможности жить многосторонней жизнію толпы, свѣтскаго общества, литературнаго міра. Онъ волновался, какъ неприрученный звѣрь въ клѣткѣ, при этой мысли, и былъ вполнѣ несчастнымъ человѣкомъ со всѣми развлеченіями своими въ Тригорскомъ, со всѣми шумными бесѣдами друзей и даже со всѣми творческими минутами, уединенными занятіями и вдохновеніями Михайловскаго. Безумные проекты писемъ къ императору Александру (о которыхъ уже намекали), сочиненіе какихъ-то фантастическихъ діалоговъ, гдѣ онъ самъ становится допросчикомъ и судьей самого же себя—свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Онъ просто страдалъ въ деревнѣ боязнію за свою участь, отсутствіемъ, такъ сказать, воздуха, простора, арены, которыя такъ необходимы были для его страстной природы. Эти страданія не имѣли уже характера выдумки, какъ тѣ воображаемыя, физическія страданія, происходящія будто бы отъ аневризма въ ногѣ, на который онъ ссылался, когда въ томъ же 1825 г. рѣшился формально просить дозволенія ѣхать въ столицы или за-границу, для поправленія своего здоровья. Онъ препоручилъ ходатайство по этой просьбѣ своей матери въ Петербургѣ и былъ недоволенъ, когда Надежда Осиповна замѣнила его дѣловую просьбу какимъ-то патетическимъ письмомъ къ императору Александру, которымъ, по мнѣнію Пушкина, ослаблялся суровый и болѣе краснорѣчивый фактъ его страдальческаго положенія. Результатомъ ея домогательствъ было, однако же, дозволеніе Пушкину жить и лечиться въ Псковѣ съ тѣмъ, чтобъ губернаторъ имѣлъ наблюденіе за поведеніемъ и *разговорами* больного. Это не измѣняло дѣла и нисколько не отвѣчало его намѣреніямъ.

И ранѣе этого прошенія и одновременно съ нимъ, Пушкинъ не переставалъ строить планы бѣгства изъ Россіи. Надо сказать, что слухи о намѣреніи его бѣжать за-границу были уже сильно распространены въ кругу его друзей и въ литературныхъ кругахъ того времени. Онъ самъ писалъ въ Петербургъ, почти тотчасъ по прибытіи въ Михайловское и жалуясь на семейныя свои непріятности: «Стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи»—(изъ черноваго письма). Чрезъ нѣсколько времени, въ декабрѣ 1824 г., онъ писалъ опять къ брату, какъ будто уже рѣшившись оправдать теперь общую молву и только боясь, чтобъ она не помѣшала исполненію плана: «Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь

у меня, то станемъ трактовать о *банкирѣ*, о *перепискѣ*, о *мѣстѣ пребыванія Чаадаева* — вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться [1])». Пункты, подлежавшіе разъясненію брата, были ясны: устройство правильной пересылки денегъ и корреспонденціи за-границу, вмѣстѣ съ означеніемъ мѣста, куда они должны были отправляться—т.-е., въ тогдашнюю резиденцію Чаадаева. (Чаадаевъ путешествовалъ по Европѣ уже со времени исторіи Семеновскаго полка, которая была косвенной причиной его выхода въ отставку изъ военной службу). Намѣреніе избавиться отъ ссылки, хотя бы и съ пожертвованіемъ родины, не ослабѣло послѣ рѣшенія водворить его во Псковѣ, а, напротивъ, еще возросло; но предстоялъ трудный вопросъ: какъ выбраться изъ отечества [2])?

Студентъ А. Н. Вульфъ, сдѣлавшійся повѣреннымъ Пушкина въ его замыслахъ объ эмиграціи, самъ собирался за-границу; онъ предлагалъ Пушкину увезти его съ собой, подъ видомъ слуги. Но не говоря уже о томъ, что подобный рискованный шагъ со стороны молодого человѣка грозилъ испортить ему жизнь на долгое время, сама поѣздка Вульфа за-границу была еще пріятной мечтой и зависѣла отъ множества домашнихъ и постороннихъ обстоятельствъ. Пришлось устранить предложеніе, и тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать въ дѣлѣ освобожденія Пушкина почтеннаго и извѣстнаго дерптскаго профессора хирургіи П. Ф. Мойера, мужа тогда уже умершей, обожаемой племянницы Жуковскаго, Маріи Андреевны Протасовой. Мойеръ былъ человѣкъ и высокихъ нравственныхъ качествъ,

---

[1]) Пушкинъ ждалъ къ Рождеству 1824 г. брата своего изъ Петербурга, а также и Вульфа изъ Дерпта, предполагая устроить съ ними совѣщаніе по предмету своего иллегальнаго вояжа; оттого онъ и задавалъ первому вопросные пункты, но Пушкинъ-братъ, кажется, не пріѣхалъ на конгрессъ.

[2]) П. А. Осипова находилась тоже въ заговорѣ, но она испугалась секрета, ей сообщеннаго и извѣщала о немъ Жуковскаго въ томъ же письмѣ, о которомъ мы уже говорили и которое приведено „Русскимъ Архивомъ" 1872 г., № 12. Вотъ это мѣсто ея письма. „Если вы думаете, что *воздухъ и солнце Франціи, или близь-лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель* полезенъ для русскихъ орловъ,—и оный не будетъ вреденъ *нашему*, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ". Къ этому мѣсту почтенный издатель „Русскаго Архива", П. И. Бартеневъ, дѣлаетъ одно изъ тѣхъ обычныхъ ему примѣчаній, которыя имѣютъ въ виду направить сужденіе читателя о любопытныхъ документахъ, передаваемыхъ журналомъ, на ложную дорогу. Примѣчаніе, несмотря на ясность приведеннаго мѣста, гласитъ: *„Послѣ наводненія 7-го ноября"*. Какую связь могло имѣть намѣреніе михайловскаго орла отлетѣть къ Альпамъ и наводненіемъ 7-го ноября, котораго вовсе и не было въ Михайловскомъ?

и замѣчательно-разнообразнаго образованія, что позволяло ему слыть въ одно время знаменитостію по своей части и оказываться страстнымъ любителемъ музыки и поэзіи. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ В. А. Жуковскаго и имѣлъ вліяніе на самого начальника края, маркиза Паулуччи, глубоко уважавшаго его характеръ, искусство и познанія. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ согласить Мойера взять на себя ходатайство передъ правительствомъ о присылкѣ къ нему Пушкина въ Дерптъ, какъ интереснаго и опаснаго больного, а впослѣдствіи, можетъ быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться изъ Дерпта за-границу, подъ тѣмъ же предлогомъ безнадежнаго состоянія своего здоровья.

Конечно, дѣло было не легкое, потому что въ основаніи его лежалъ все-таки подлогъ (Пушкинъ физически ничѣмъ не страдалъ), на который и слѣдовало согласить прямого и честнаго профессора, но друзья наши не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Они положили учредить между собою символическую переписку, основаніемъ которой должна была служить тема о судьбѣ коляски, будто бы взятой Вульфомъ для переѣзда. Положено было такъ: въ случаѣ согласія Мойера замолвить слово передъ маркизомъ Паулуччи о Пушкинѣ, студентъ Вульфъ долженъ былъ увѣдомить Михайловскаго изгнанника, по почтѣ, о своемъ намѣреніи выслать безотлагательно коляску обратно во Псковъ. Наоборотъ, если бы Вульфъ заявилъ рѣшимость удержать ее въ Дерптѣ, это означало бы, что успѣхъ порученнаго ему дѣла оказывается сомнительнымъ. Подобныя же предосторожности отъ почтовыхъ нескромностей приняты были друзьями и для переписки по другому порученію, тоже возложенному на А. Н. Вульфа.

Городъ Дерптъ стоялъ тогда, если не на единственномъ, то на кратчайшемъ трактѣ за-границу, излюбленномъ всѣми нашими туристами, которые тогда преимущественно состояли изъ высшихъ классовъ общества. При трудностяхъ тогдашняго передвиженія, путешественники эти часто подолгу останавливались въ этомъ городѣ, сообщая знакомымъ и свѣжія столичныя новости.

На Вульфа возложена была обязанность слѣдить за всѣмъ, что относилось въ этихъ новостяхъ до Пушкина собственно и передавать ихъ по принадлежности поэту, приявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ [1]). По этому плану, слова главнаго цензора вы-

[1]) Все это, впрочемъ, особенно касалось Жуковскаго, который, по слухамъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Дерптъ на пути своемъ въ Кёнигсбергъ.

ражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно Михайловскаго плѣнника, замѣтки перваго, второго и т. д. наборщика, мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ и проч. Намеки на этотъ планъ, сохранившіеся въ перепискѣ Пушкина, привели одного изъ біографовъ его, почтеннаго М. И. Семевскаго, къ ошибочному заключенію, что Пушкинъ имѣлъ дѣйствительно намѣреніе заняться печатаніемъ сборника своихъ стихотвореній въ Дерптѣ.

Исторія съ *коляской* кончилась, однако же, довольно комически. Одновременно съ задачей, возложенной на Вульфа, Пушкинъ и съ своей стороны работалъ, чтобы вызвать черезъ родныхъ содѣйствіе Жуковскаго, который, по своему вліянію на Мойера, долженъ былъ предрасположить профессора къ принятію на себя роли ходатая за бѣднаго больного, изнывающаго въ деревнѣ. Съ этой цѣлью Пушкинъ усилилъ жалобы передъ родными и знакомыми на свои немощи, на отчаянное свое положеніе и проч., выставляя, конечно, прежде всего необходимость личнаго совѣщанія съ знаменитымъ хирургомъ въ Дерптѣ. Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, посвященный въ секретъ брата, спокойно исполнялъ его порученія въ Петербургѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно страннаго характера, особенно для аневризмика и разслабленнаго. Такъ, поэтъ просилъ о высылкѣ ему вина, рому, сахару, сыру лимбургскаго, и что́ всего забавнѣе — требовалъ книгу о верховой ѣздѣ: «хочу жеребцовъ выѣзжать, говоритъ онъ брату, вольное подражаніе Алфіери и Байрону».

Послѣ того, какъ состоялось распоряженіе о предоставленіи Пушкину гор. Пскова для пользованія, родные, устрашенные предшествующей перепиской съ изгнанникомъ, сами писали и вѣроятно склонили также писать къ Мойеру и Жуковскаго въ томъ смыслѣ, чтобы почтенный докторъ пожертвовалъ частію своего времени и прибылъ самъ во Псковъ, для осмотра страдальца и производства надъ нимъ операціи, о необходимости которой они тоже наслышались много отъ Пушкина. Кажется, что благородный Мойеръ, ничего не подозрѣвавшій въ этомъ дѣлѣ, склонился на ихъ просьбу, потому что родные сдѣлали уже распоряженіе, прямо изъ Петербурга, о высылкѣ настоящей, не символической коляски изъ Пскова въ Дерптъ, за Мойеромъ. Когда Пушкинъ услыхалъ объ этомъ оборотѣ дѣла, онъ ужаснулся: одна мысль, что профессоръ, оторванный отъ своихъ занятій, можетъ сдѣлать довольно утомительный переѣздъ для того, чтобы увидать передъ собою совершенно здороваго человѣка — должна была привести его въ страхъ. «Друзья мои и родители вѣчно со мной прока-

зять»,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ Вульфу, и затѣмъ уже умоляетъ пріятеля возвратить поскорѣе назадъ коляску, отговорить Мойера во что бы то ни стало отъ поѣздки во Псковъ и покинуть весь планъ, съ такимъ трудомъ ими выработанный, посылая при этомъ къ чорту и всѣ коммиссіи по изданію его сочиненій съ ихъ цензорами, наборщиками и проч. Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 г.

Планъ дѣйствительно канулъ въ воду, но, думаемъ, стоилъ упоминовенія здѣсь, какъ подтвержденіе мучительныхъ усилій освободиться отъ плѣна, волновавшихъ Пушкина съ самаго прибытія въ Михайловское, да и какъ свидѣтельство, что̀ могло приходить въ голову людямъ, предоставленнымъ безпомощному своему горю и уединенію.

Возвратимся назадъ послѣ этого эпизода. По веснѣ 1825 г., Пушкинъ ждалъ къ себѣ гостей—Дельвига, Плетнева, Баратынскаго, Кюхельбекера (Анахарсиса Клоца, какъ онъ его называлъ), Языкова, и нѣкоторыхъ другихъ, но на зовъ его явился только одинъ баронъ Дельвигъ [1]). Пушкинъ ввелъ его тотчасъ же въ общество Тригорскаго, но былъ недоволенъ его равнодушнымъ поведеніемъ въ средѣ красавицъ, которыя напрасно истощали передъ нимъ свои природные дары и любезность. Баронъ предпочиталъ, по замѣчанію Пушкина, лежать дома, на постелѣ, какъ колода, декламировать стихи, бесѣдовать о литературѣ, между тѣмъ, какъ самъ хозяинъ возбуждалъ у сосѣдокъ цѣлыя бури ревности и соперничества, кончившіяся отъѣздомъ ихъ изъ Тригорскаго. Можетъ быть, сдержанность барона происходила и отъ того, что онъ задумалъ уже тогда жениться, и въ августѣ 1825, если не ошибаемся, обвѣнчался съ дочерью одного изъ Арзамасцевъ, С. М. Салтыковой. По выѣздѣ Дельвига и отбытіи вслѣдъ затѣмъ сосѣдей Тригорскаго, сперва въ Ригу, а потомъ въ деревню Тверской губерніи (какъ уже сказали), Пушкинъ оставался одинъ на лѣто и часть осени 1825 г. въ своемъ Михайловскомъ домикѣ и не скучалъ. Много занятій нашелъ онъ для себя и много имъ тогда было сдѣлано.

---

[1]) К. Ѳ. Рылѣевъ также обѣщалъ Пушкину за себя и за А. Бестужева посѣтить его лѣтомъ 1825 г., но ни тотъ, ни другой не могли исполнить обѣщанія.

VIII.

Шекспиризмъ.—14-е декабря 1825 г.—Возвращеніе изъ ссылки и появленіе въ Москвѣ.

«Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу»,—пишетъ Пушкинъ въ 1825 г. изъ Михайловскаго къ старому своему другу, какъ мы догадываемся, Николаю Николаевичу Раевскому младшему:—«но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ». Пушкинъ сообщаетъ далѣе, что пишетъ трагедію, въ которой творческими силами являются у него попеременно то размышленіе, то вдохновеніе, и подъ конецъ восклицаетъ:

«Я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить».

Письмо осталось въ бумагахъ автора и замѣнено было другимъ, совершенно однороднымъ съ нимъ, уже въ 1829 году, да сомнительно, чтобъ и это послѣднее отдано было на почту. Пушкинъ писалъ болѣе про себя, хотя и могъ выбрать для этого воображаемую, фиктивную бесѣду съ живымъ лицомъ; примѣровъ такого самообмана у него довольно много. Догадка наша, что Пушкинъ имѣлъ въ виду, при составленіи ихъ, Н. Н. Раевскаго, основывается на слѣдующихъ выпущенныхъ строкахъ въ первомъ отрывкѣ отъ 1825 года, имѣющемъ и біографическое значеніе: «Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment: je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? Vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

«Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a ecrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskow et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien: je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content».

«Гдѣ вы? По газетамъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ: желаю, чтобы это могло забавлять васъ. Что́ дѣлается съ вашимъ братомъ. Вы не упоминаете о немъ въ вашемъ письмѣ отъ 13 мая. Лечится-ли онъ?

«Вотъ что касается до меня. Друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть мнѣ позволеніе полечиться на свободѣ; мать моя писала къ Е. В., и затѣмъ я получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Псковъ и даже жить тамъ, но я не намѣренъ воспользоваться имъ: пробуду въ Псковѣ только нѣсколько дней. Покамѣстъ я живу одинъ-одинешенекъ. Единственная сосѣдка, посѣщаемая мною, уѣхала въ Ригу и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей: послѣдняя подвигается, и я ею доволенъ». Затѣмъ у Пушкина идетъ разсужденіе о тщетѣ попытокъ къ достиженію полнаго правдоподобія въ драмѣ, разсужденіе, буквально повторенное письмомъ 1829 года.

Вотъ что принесло Пушкину уединеніе Михайловскаго.

Нужно ли распространяться о томъ, что поклоненіе Шекспиру, окончательно потушившее старое служеніе Байрону, уже сильно поколебленное и до того, — было шагомъ впередъ для Пушкина? Прежде всего новое направленіе значительно укоротило дорогу поэту для сближенія его съ русскимъ народнымъ духомъ, съ пріемами народнаго творчества и мышленія. Трудно себѣ и представить, чтобы при изученіи Шекспира можно было пропустить безъ вниманія значеніе національныхъ элементовъ вообще, какъ воспитателей фантазіи и мысли поэта. Пушкинъ, по смыслу своихъ писемъ, остановился въ Шекспирѣ прежде всего на ясности его психическаго анализа, позволявшей великому драматургу находить во всякое время настоящее, приличное положеніе и слово для своихъ лицъ, но остановиться на одной только этой чисто-художественной оцѣнкѣ шекспировскаго вліянія на мысль Пушкина мы уже съ своей стороны не можемъ. Въ значеніи біографическаго факта она недостаточна и должна быть еще дополнена указаніемъ тѣхъ сторонъ Шекспировскаго генія, которыя окончательно переработали самого Пушкина, какъ человѣка и дали ему новое созерцаніе жизни и своего призванія въ ней. Кажется, Пушкинъ прежде всего остановился въ созданіяхъ Шекспира на «Хроникахъ». Прилежное изученіе многихъ ихъ пріемовъ, хода дѣйствія и лирическаго языка нѣкоторыхъ ихъ монологовъ отразилось и у Пушкина въ «Комедіи о Царѣ Борисѣ». Но это еще было простое заимствованіе формъ, а главный, существенный результатъ Шекспировскаго вліянія состоялъ въ томъ, что оно привело Пушкина къ объективно-историческому способу пониманія и представленія эпохъ, людей и событій. Шекспиръ дѣйствительно приводилъ къ такому созерцанію жизненныхъ явленій своей извѣстной, философской, гуман-

ной справедливостію ко всѣмъ лицамъ своихъ трагедій, безъ исключенія, что не мѣшало ему выражать явныя симпатіи къ однимъ, строгій приговоръ и осужденія для другихъ. Непогрѣшимость его психическаго анализа характеровъ зиждется именно на этомъ качествѣ философско-исторической справедливости. Пушкинъ до того полно усвоилъ себѣ главную черту британскаго генія, при изученіи его твореній, что съ тѣхъ поръ она уже стала окрашивать всѣ сужденія нашего поэта о явленіяхъ не только прошлаго, но и настоящаго времени. Перемѣна въ образѣ мыслей обнаружилась у него очень скоро. Такъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 14-го декабря онъ приглашаетъ своихъ друзей смотрѣть на все дѣло безъ суевѣрія и пристрастія, а глазами Шекспира, т.-е., взвѣшивая и оцѣняя причины, давшія событію его настоящую форму. Достаточно извѣстно, что историческое созерцаніе, разъ усвоенное человѣкомъ, измѣняетъ всѣ привычки его мысли и даже нравственный его характеръ: человѣкъ становится не такъ жестокъ къ своимъ противникамъ, не такъ довѣрчивъ къ господствующимъ мнѣніямъ, получая взамѣнъ этого способность обсуждать и повѣрять самыя любимыя, самыя завѣтныя изъ собственныхъ своихъ убѣжденій. Все это именно и произошло теперь съ Пушкинымъ, но, прибавимъ, отличало его только въ нормальномъ состояніи духа, потому что съ каждымъ порывомъ страстей (а такихъ у него было много) настроеніе опрокидывалось и уносилось вихремъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Пушкинъ былъ безсиленъ передъ собственной своей огненной природой. Эти случайные переходы въ крайность и увлеченіе именно и мѣшали современникамъ Пушкина уразумѣть правильно основный характеръ его настроенія въ данную минуту. Со всѣмъ тѣмъ, даже и принимая въ соображеніе это обстоятельство, нельзя не удивляться крайне малой догадкѣ близкихъ ему людей относительно хода умственной его жизни. Они и теперь еще не видѣли въ немъ перемѣны, и продолжали считать его по прежнему однимъ изъ застрѣльщиковъ въ авангардѣ современнаго радикализма, когда онъ уже отдался историческо-критическому направленію, каково оно тамъ ни было, по своей сущности. Продолженію сумерекъ вокругъ дѣйствительнаго образа мыслей Пушкина много способствовалъ тотъ родъ застѣнчивости, который былъ свойственъ поэту и не допускалъ его грубо обнаруживать себя передъ людьми, не понимавшими намековъ и признаковъ. И не то, чтобъ Пушкинъ сдѣлался равнодушенъ къ вопросамъ своего времени и удалился отъ нихъ на высоту педантическаго толкованія ихъ,

безъ желанія участвовать въ ихъ разрѣшеніи: онъ только освободился отъ либеральной фразы, отъ стереотипныхъ пріемовъ, такъ сказать, вольнодумства и отъ слѣпого подчиненія однообразнымъ идеямъ и формамъ, въ которыя оно облекалось тогда. Въ томъ же 1824 году онъ написалъ два извѣстныхъ своихъ посланія «Къ цензору» (Тимковскому). Оба эти знаменитыя посланія не могутъ быть названы сатирами въ настоящемъ смыслѣ слова, это скорѣе эпическія произведенія, исполненныя размышленій и указаній; но они, конечно, должны считаться образцовыми произведеніями нашей литературы, столько же по своей эпиграмматической соли, сколько и еще болѣе по общественному, гражданскому смыслу своему, по обдуманной защитѣ интересовъ слова, мысли и разума, въ приложеніи ихъ къ тогдашнему русскому быту. Таковъ былъ его либерализмъ теперь [1]).

Шекспиръ послужилъ Пушкину и другой стороной своего обширнаго генія, о которой уже говорили: онъ открылъ ему новые пути и новые матеріалы для авторскаго его призванія. Соединеніе въ одномъ лицѣ Шекспира такого изобилія фантазіи, такой массы художническихъ идей, образовъ и представленій, такого неисчерпаемаго богатства поэзіи и изобрѣтательности, было бы просто непонятнымъ дѣломъ, если бы загадка не пояснялась участіемъ народнаго творчества въ его созданіяхъ. Изъ народныхъ легендъ, сказаній, думъ, изъ историческихъ преданій европейскаго и англійскаго міра черпалъ онъ полной рукой не только сюжеты для драмъ, но и многія частныя подробности при осуществленіи ихъ. Громадное количество практической народной мудрости, житейскихъ замѣтокъ и характеристикъ, накопленное собственной его страной, вошло также въ ихъ составъ. Извѣстно,

---

1) Въ эпоху наибольшаго распространенія Шекспира между нами, именно въ тридцатыхъ годахъ, дѣло не обошлось безъ того, чтобы результаты чтенія и изученія его твореній не приняли у насъ особенной русской окраски, не проявлялись въ особенной, оригинальной формѣ, какъ то было съ Байрономъ, романтизмомъ, да и со многими послѣдующими европейскими произведеніями и началами на нашей почвѣ. Такъ Шекспиръ породилъ у насъ толпу мудрыхъ политиковъ безъ всякой подготовки къ своему званію, вереницы глубокомысленныхъ государственныхъ умовъ, безъ соприкосновенія съ какой-либо областію публичной дѣятельности, и множество великихъ психологовъ, безъ научнаго образованія. Но благодѣтельная сторона Шекспировскаго вліянія была важнѣе комической стороны, съ ней связанной. Достаточно вспомнить, что Шекспиръ далъ возможность цѣлому поколѣнію чувствовать себя мыслящимъ существомъ, способнымъ понимать историческія задачи и важнѣйшія условія человѣческой жизни въ то самое время, когда поколѣніе это, на реальной почвѣ, не имѣло никакого общественнаго занятія и никакого голоса, даже по самымъ ничтожнымъ предметамъ гражданскаго быта.

что Шекспиръ былъ послѣднимъ результатомъ цѣлой школы драматурговъ, двигавшихся въ средѣ народныхъ массъ и передавшихъ ихъ повѣрья и разсказы, вмѣстѣ съ типами, которые тамъ же встрѣчаются. Шекспиръ прибавилъ къ этому матеріалу свое геніальное пониманіе характеровъ, да сообщилъ ему такую художественную обработку, которая, обнаруживъ всю его поэзію, угадала и его философско-историческое значеніе. Все это было откровеніемъ для Пушкина и вырвало изъ души его то восклицаніе, которое раздается въ одномъ изъ упомянутыхъ французскихъ его писемъ: „Quel homme ce Schakspire! Je n'en reviens pas!“ Съ тѣхъ поръ Пушкинъ бросился на собираніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его находились почти въ лихорадочномъ напряженіи отъ сближенія съ Шекспиромъ, то онъ тотчасъ же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и въ теченіе одного 1825 года написалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ», которой уже прощался со всѣми старыми своими направленіями и которой начиналъ совершенно новый періодъ своего развитія [1].

После всего сказаннаго довольно трудно представить себѣ, что біографы Пушкина,—впрочемъ, со словъ самого поэта нашего, только понятыхъ ими черезчуръ узко, — заставляютъ участвовать въ развитіи Пушкина и даже направлять это развитіе няню его, Арину Родіоновну. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя отходятъ въ область «біографическихъ предразсудковъ», о которыхъ говорили. По смыслу этого преданія выходитъ такъ, какъ будто добрая и ограниченная старушка, Арина Родіоновна, играла нѣчто въ родѣ роли безсознательнаго, мистическаго дѣятеля въ жизни своего питомца и открывала ему область народнаго творчества, благодаря своему знанію русскихъ сказокъ, пѣсенъ и преданій. Арина Родіоновна была дѣйствительно вѣрнымъ и усерднымъ посредникомъ въ ознакомленіи Пушкина съ нѣкоторыми примѣрами и мотивами народной фантазіи, но, конечно,

---

[1] При появленіи „Бориса Годунова“ въ 1831, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ эпохи, Н. А. Полевой, не угадалъ значенія хроники. Онъ упрекалъ Пушкина за то, что рабски слѣдуя разсказу Карамзина, онъ лишилъ себя возможности дать новый смыслъ событіямъ и новое толкованіе характеровъ того времени. Но Пушкинъ искалъ совсѣмъ не разрѣшенія историческихъ загадокъ, которыя и теперь еще остаются загадками, а думалъ только о воспроизведеніи духа польской и русской національности, въ ихъ пониманіи жизни и въ ихъ историческихъ роляхъ, что́ и успѣлъ сдѣлать вполнѣ. Каждая изъ національностей выражается у него типами, обнаруживающими народный складъ мыслей, культуру, бытъ и характеръ своего отечества. О поэтической атмосферѣ, въ которой они двигаются, и говорить нечего.

не ея слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой онъ теперь очутился: тутъ были указатели другого рода и порядка.

Свидѣтелемъ добросовѣстныхъ усилій Пушкина попробовать себя на строго-исторической почвѣ и усвоить себѣ пріемы исторической критики служатъ его «Замѣтки на Анналы Тацита», опубликованныя нашими Матеріалами въ 1855 году. Замѣчанія Пушкина на лѣтопись Тацита не всѣ попали въ изданіе его «Сочиненій» 1855 г., а потому—и въ другія. Приводимъ здѣсь, кстати, отрывки, не удостоившіеся чести появиться на свѣтъ вмѣстѣ съ другими, хотя по формѣ и содержанію они были совершенно однородны съ ними. Вотъ по порядку три начальныхъ отрывка, выброшенные при печатаніи:

I.

«Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство... можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа—родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни — необычайною силою, дерзостью и даже *простотою ума*. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно,—говоритъ Тацитъ,—Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно, Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его».

II.

«Когда Сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ *насмѣшливой скромностью*. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ Сенату».

III.

«Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунство. Точно ли *въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ*

собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи, *изъ единой-ли зависти* совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ— до—?».

[Затѣмъ уже 3 печатныхъ отрывка за № I, II, III должны уже значиться подъ цифрами IV, V, VI; послѣ которыхъ слѣдуютъ VII и VIII отрывки, тоже пропущенные въ изданіи 1855 г.]

VII.

«Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

«Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. *Они* спасены просьбами Августа и Ливіи.

«Тиберій не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. *Не изъ зависти*, какъ думаетъ Тацитъ: онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ».

VIII.

«Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ)».

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что послѣдній отрывокъ, приведенный изданіемъ 1855 г. за № IV и заключающій анекдотъ о нѣкоемъ Вибіи Серенѣ, имѣетъ въ рукописи слѣдующее продолженіе: «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности». По поводу того же отрывка необходимо еще прибавить, что онъ не составляетъ прямо часть Пушкинскаго разбора Тацитовской лѣтописи, а взятъ изданіемъ 1855 г., по аналогіи содержанія, изъ письма Пушкина къ Б. Дельвигу отъ 23-го іюля 1825 г. Анекдотомъ о Вибіи Серенѣ Пушкинъ намекалъ другу на собственное свое положеніе въ деревнѣ и выражалъ желаніе, чтобы къ нему примѣнили приговоръ Тиберія, который воспротивился рѣшенію сослать Серена на необитаемый островъ, говоря, что кому дарована жизнь, того не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни.

Но вотъ какъ теперь читалъ Пушкинъ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не покидалъ ни одной изъ прежнихъ своихъ работъ. Какая-то горячечная дѣятельность овладѣла имъ въ Михайловскомъ, словно внутренній голосъ говорилъ ему, что какъ ни лживы покамѣстъ всѣ его жалобы на свои болѣзни, жизнь ему отмѣрена судьбой все-таки короткая и надо торопиться. Такъ, дописавъ «Цыганъ», создавъ своего «Бориса», онъ уже набросалъ къ 1-му января 1825 г., приблизительно, 4 главы Онѣгина, какъ видно изъ помѣтки его подъ XXIII строфой этой четвертой главы: «31-го декабря 1824 г.—1-го января 1825 г.» Да и одно ли это дѣлалъ онъ? Къ эпохѣ Михайловской жизни относятся и его превосходные переводы и выдержки изъ Алкорана. Онъ былъ до того увлеченъ гиперболической поэзіей произведенія, что почелъ за долгъ распространять имя Магомета, какъ геніальнаго художника въ литературныхъ кругахъ, и К. Ѳ. Рылѣевъ не даромъ, умоляя Пушкина покинуть рабское служеніе Байрону (подобныя мольбы раздавались еще въ 1825 г.), употребилъ въ письмѣ своемъ фразу: «хоть ради твоего любезнаго Магомета». Собственно въ этомъ выборѣ оригинала для самостоятельнаго воспроизведенія его у Пушкина была еще другая причина, кромѣ той, которую онъ выставлялъ на видъ. Алкоранъ служилъ Пушкину только знаменемъ, подъ которымъ онъ проводилъ свое собственное религіозное чувство. Оставляя въ сторонѣ законодательную часть мусульманскаго кодекса, Пушкинъ употребилъ въ дѣло только символику его и религіозный паѳосъ Востока, отвѣчавшій тѣмъ родникамъ чувства и мысли, которые существовали въ самой душѣ нашего поэта, тѣмъ еще не тронутымъ религіознымъ струнамъ его собственнаго сердца и его поэзіи, которыя могли теперь впервые свободно и безбоязненно зазвучать подъ прикрытіемъ смутнаго (для русской публики) имени Магомета. Это видно даже по своеобычнымъ прибавкамъ, которыя въ этихъ весьма свободныхъ стихотвореніяхъ нисколько не вызваны подлинникомъ. Осенью 1825 г. Пушкинъ написалъ пьесу, «19-е октября 1825 г.» (Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ),—стройное, въ высшей степени задушевное и трогательное воспоминаніе Лицея, за которое Дельвигъ благодарилъ его довольно оригинальнымъ образомъ изъ Петербурга: «За 19-е октября—писалъ онъ въ январѣ 1826 г.—благодарю тебя съ лицейскими скотами-братцами вмѣстѣ». Черезъ два мѣсяца послѣ стихотворенія разразилась катастрофа 14-го декабря 1825 г., но объ этомъ послѣ.

Въ томъ же году явились у Пушкина новыя хлопоты по первому изданію сборника своихъ стихотвореній. Онъ и прежде

думалъ объ этомъ, даже заранѣе продавалъ право на будущую книжку своихъ стихотвореній нѣсколькимъ лицамъ вдругъ, но только съ паденіемъ враждебнаго ему министерства князя А. Н. Голицына, въ 1824 году, открылась возможность приступить къ дѣлу серьёзно. Надо было воспользоваться теперь присутствіемъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Какъ еще ни относился враждебно суровый старецъ къ современной ему литературѣ, называя ее сплошь «легкомысленной», какъ много ни обманулъ онъ ожиданій относительно новыхъ цензурныхъ порядковъ, все же онъ былъ самъ литераторъ, не могъ ужасаться выраженій, въ родѣ «небесныхъ глазъ» и т. п., и понялъ бы жалобу на безграмотное и безцѣльное извращеніе смысла и стиха въ произведеніи, что́ такъ часто и развязно дѣлали люди прежней администраціи. Притомъ же извѣстно было, что онъ публично выражалъ негодованіе на тупоту и чудовищность цензурныхъ помарокъ [1]) и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже оффиціально [2]). Все это заставило Пушкина стремительно ухватиться за мысль издать теперь же первое собраніе своихъ стихотвореній, такъ какъ откладывать далѣе планъ печатанія значило бы упустить счастливую минуту, которая для него настала. Раздѣлавшись кое-какъ съ прежними покупщиками стихотвореній, Пушкинъ приступилъ теперь къ изданію и съ необычайной энергіей обратился за помощью къ брату и друзьямъ въ Петербургѣ, указывалъ имъ распредѣленіе пьесъ, порядокъ,

---

[1]) На основаніи именно этихъ соображеній, Пушкинъ почтилъ А. С. Шишкова въ посланіи „Къ цензору" великолѣпнымъ стихомъ „Сей старецъ дорогъ намъ" и проч. и упрекалъ еще А. Бестужева, зачѣмъ онъ не упомянулъ въ своемъ „Обозрѣніи" о счастливой перемѣнѣ въ министерствѣ, говоря: „Ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому-же, какъ не ему, обязаны нашимъ оживленіемъ?" Это было писано въ 1824 г.

[2]) См. „Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 1353. Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ с.-петербургскаго университета 1822 г., Шишковъ, требуя бдительной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говоритъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо *строгая не даетъ говорить ни уму, ни правдѣ*), и притомъ *разумѣющая силу языка.* Тутъ же приводитъ онъ и примѣры цензорскаго неразумія въ этомъ смыслѣ. Одинъ цензоръ въ стихѣ: „О, дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима" — вычеркнулъ слово „серафима". Это все равно, что не допускать къ печати выраженія: „какой ангелъ! Какой у него ангельскій нравъ!" Другой цензоръ представилъ примѣръ, еще несравненно сего чуднѣйшій, говоритъ Шишковъ. Въ стихахъ: „Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ, гдѣ смерть и рокъ цари?" цензоръ вычеркнулъ слово *рокъ*, а все остальное оставилъ по прежнему. Вышла нелѣпость и притомъ крайне неблаговидная.

которому они должны слѣдовать, присылалъ исправленія и дополненія и заботился издали даже о внѣшнемъ видѣ изданія, о типографскихъ его подробностяхъ. Первое собраніе его стихотвореній дѣйствительно и появилось въ 1826 г., но ему еще предшествовала начальная глава Онѣгина. И то и другое изданіе все еще не обошлись безъ цензурныхъ затрудненій и хлопотъ, но, по крайней мѣрѣ, они могли явиться на свѣтъ все-таки цѣльнѣе и свободнѣе, чѣмъ за годъ или полтора года тому назадъ.

Кстати, еще одно слово о перепискѣ Пушкина изъ деревни. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ уже было сказано, что она составляетъ просто литературную драгоцѣнность, объясняя отношенія писателей той эпохи между собою и вопросы ихъ занимавшіе. Но у ней есть и еще одно достоинство: она рисуетъ намъ самый образъ Пушкина въ изящномъ, нравственно-привлекательномъ видѣ. Тому, конечно, много способствуетъ ея языкъ: это постоянно одинъ и тотъ же блескъ молодого, свѣжаго, живого и замѣчательно основательнаго ума, проявляющійся въ безчисленныхъ оттѣнкахъ выраженія. О главныхъ мотивахъ, которые она разработываетъ, мы уже говорили прежде. Существенную ея часть, какъ извѣстно, составляютъ пренія съ А. Бестужевымъ по поводу его «взглядовъ» на литературу, изложенныхъ въ «Поляр. Звѣздахъ». Но и кромѣ своего содержанія переписка эта еще крайне поучительна въ другомъ смыслѣ: въ ней нѣтъ ни малѣйшаго признака какого-либо напряженія, не чувствуется ни малѣйшей капли того отшельническаго яда, который обыкновенно накопляется въ душѣ гонимыхъ или оскорбляемыхъ людей; напротивъ, всѣ письма свѣтлы, благородны, доброжелательны, даже когда Пушкинъ сердится или выговариваетъ друзьямъ и брату за ихъ вины передъ нимъ или передъ публикой. Богиня добродушнаго веселья была ему знакома, конечно, не менѣе другой воспѣтой имъ богини, своей музы. Онѣ обѣ посѣщали его даже въ минуты горя, тревогъ и сомнѣній. Дѣйствіе переписки на читателя неотразимо, какое бы мнѣніе ни составилъ онъ заранѣе о характерѣ ея автора: необычайная, безъискусственная простота всѣхъ чувствъ, замѣчательная деликатность, смѣемъ такъ выразиться, сердца, при оригинальности самихъ поворотовъ мысли и всѣхъ сужденій, приковываютъ читателя къ этой перепискѣ невольно и выносятъ передъ нимъ обликъ Пушкина въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ.

Занятія Пушкина въ деревнѣ еще не ограничивались созданіемъ образцовыхъ произведеній, обширнымъ чтеніемъ, сборомъ

этнографическихъ матеріаловъ и перепиской съ друзьями. Онъ тогда же началъ составлять записки своей жизни, употребляя для этого, какъ увѣдомлялъ брата въ октябрѣ 1824, свое до-обѣденное время и подтверждая ему еще разъ въ ноябрѣ, что продолжаетъ свои «Записки». Такъ шло дѣло до декабря 1825 г.; но отъ этого годичнаго безпрерывнаго труда осталось только нѣсколько отрывковъ, да довольно значительное количество сырыхъ, необработанныхъ матеріаловъ. Пушкинъ уничтожилъ всю свою работу въ 1825 г., какъ самъ говоритъ въ пропущенномъ мѣстѣ своихъ печатныхъ «Записокъ», составляющихъ бѣдный, уцѣлѣвшій ихъ обломокъ. «Въ концѣ 1825 года, говоритъ онъ тамъ, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь записки». Затѣмъ онъ уже нѣсколько разъ возвращался къ идеѣ начать вновь лѣтописи своего времени, а именно въ 1831 году, когда жилъ въ Царскомъ Селѣ — въ эту тяжелую для Россіи годину польскаго бунта и повсемѣстной холеры, и вторично, въ 1833 году, когда онъ уже находился въ центрѣ и круговоротѣ петербургскаго большого свѣта. Оба раза дѣло ограничилось немногими замѣтками: бóльшая часть тѣхъ, которыя принадлежатъ къ первой изъ этихъ попытокъ, сообщена была нами въ 1859 году извѣстному библіографу Е. Я., вмѣстѣ съ другими выдержками изъ бумагъ Пушкина, который и напечаталъ документы эти съ собственными своими объясненіями въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года, № 5 и 6. О второй попыткѣ возобновленія «Записокъ» мы можемъ только сказать, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, что Пушкинъ велъ журналъ или дневникъ семейныхъ и городскихъ происшествій съ ноября 1833 по февраль 1835 г. Мы позволяемъ себѣ думать также, что не даромъ Пушкинъ сберегалъ въ своихъ бумагахъ и записныхъ тетрадяхъ такой богатый автобіографическій матеріалъ, такую громаду писемъ, замѣтокъ, документовъ всякаго рода и проч.

Пушкинъ не отступалъ до самой смерти своей отъ намѣренія представить картину того міра, въ которомъ жилъ и вращался, и потому сохранялъ тщательно все, даже незначительные, источники для будущаго своего труда; но трудъ, разрушенный въ самомъ началѣ, такъ сказать, при положеніи первыхъ камней, уже не давался ему болѣе въ руки. Не трудно понять, какой памятникъ оставилъ бы послѣ себя поэтъ нашъ, если бы успѣлъ извлечь изъ своего архива матеріаловъ полныя, цѣльныя записки своей жизни; но и въ уничтоженіи той части ихъ, которая была уже составлена имъ въ 1825 г., русская литература понесла не-

вознаградимую утрату. При геніальномъ способѣ Пушкина передавать выраженіе лицъ и физіономію событій немпогими родовыми ихъ чертами, и проводить эти черты глубокимъ неизгладимымъ рѣзцомъ—публика имѣла бы такую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, которая, можетъ быть, помогла бы уразумѣнію нашей домашней исторіи начала столѣтія лучше многихъ трактатовъ о ней. Если Томасъ Муръ говорилъ объ уничтоженныхъ имъ «Запискахъ Байрона», что по жгучести и занимательности содержанія онѣ дали бы много безсонныхъ ночей образованнымъ людямъ всей Европы и склонили бы много головъ къ своимъ страницамъ — то подобную же роль, вѣроятно, играли бы у насъ и цѣльныя «Записки» Пушкина, если бы существовали. Выразивъ это сожалѣніе, мы уже спѣшимъ къ тому, что́ осталось отъ поэта, а осталось, къ счастію, довольно много для уразумѣнія этого многообразнаго и въ высшей степени замѣчательнаго типа.

Такъ работалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Между тѣмъ жизнь со всѣми своими заботами, планами и волненіями текла обычной чередой. Въ октябрѣ 1825 г. собралось снова общество въ Тригорскомъ и возобновились прежнія сношенія между его населеніемъ и отшельникомъ Михайловскаго. Казалось, все такъ будетъ идти, какъ шло доселѣ, и эта мысль, какъ знаемъ, не давала покоя Пушкину; но въ концѣ слѣдующаго ноября получено было внезапно извѣстіе о кончинѣ императора Александра I-го. Вслѣдъ за этой вѣстію получена была на берегахъ Сороти еще другая и столь же важная вѣсть, которая уже непосредственно связывалась со всѣми долгими думами Пушкина о своемъ освобожденіи. Ему показалось, на первыхъ порахъ, что освобожденіе это является къ нему негаданно-нежданно съ такой стороны, откуда онъ всего менѣе предвидѣлъ его появленіе.

Вотъ какъ передаетъ М. И. Семевскій, въ своихъ описаніяхъ Тригорскаго, со словъ М. И. Осиповой—еще ребенка въ 1825 г.—впечатлѣніе, произведенное на Пушкина извѣстіемъ о 14 декабрѣ 1825 г.

Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый человѣкъ владѣлицы, посланный съ коммиссіями въ Петербургъ, вернулся оттуда съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Можно себѣ представить мысли, которыя должны были волновать его въ эту ночь. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что главной

и господствующей изъ нихъ была мысль, что онъ долженъ самолично встрѣтить политическій переворотъ, дарящій ему такъ внезапно полную свободу, и принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ его дальнѣйшей судьбѣ, если уже онъ не могъ участвовать въ его подготовленіи. Ему казалось совершенно необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, конечно, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ... Какъ бы то ни было, но раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, а потомъ, не доѣхавъ до первой станціи, вернулся обратно въ деревню. Что́ же такое случилось? Преданіе говоритъ, согласно увѣреніямъ самого поэта, что рѣшимость его поколебалась, благодаря дурнымъ примѣтамъ, въ которыя онъ вѣровалъ. При выѣздѣ изъ Михайловскаго именно, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда онъ выбрался въ поле, какой-то зловѣщій заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу. Поэтическое изъясненіе! Но примѣты примѣтами, а извѣстная осмотрительность Пушкина, наступавшая у него по-часту тотчасъ же за первымъ увлеченіемъ, играла тутъ тоже немаловажную роль. Она-то, вѣроятно, и повернула его назадъ, внушивъ ему мысль подождать болѣе подробныхъ извѣстій объ исходѣ петербургскаго дѣла. Извѣстія не замедлили явиться и были такого свойства и содержанія, что Пушкинъ на время замолкъ и притихъ въ Михайловскомъ.

Серьёзная сторона петербургскаго дѣла многихъ поразила изумленіемъ. Не одинъ Пушкинъ думалъ тогда, что все броженіе умовъ и всѣ затѣи тайныхъ обществъ принадлежатъ къ числу обычныхъ элементовъ образованной жизни, которую они украшаютъ, сообщая ей движеніе, занимательность и разнообразіе. Самыя предполагаемыя цѣли этого броженія должны были осуществиться, по мнѣнію многихъ дилеттантовъ заговора, легко, сами собою, съ теченіемъ времени, не очень нарушая ходъ жизни и не разбивая въ прахъ тысячи отдѣльныхъ существованій. Но когда долгое волненіе разрѣшилось явнымъ возстаніемъ, и когда вслѣдъ за нимъ унесено было цѣликомъ отъ современниковъ почти все молодое ихъ поколѣніе, Пушкинъ естественно пришелъ въ ужасъ. Не говоря уже о томъ, что онъ бросилъ въ огонь свои «Записки», какъ знаемъ, но онъ понизилъ голосъ и, не измѣняясь внутренно, ибо далеко уже не былъ прежнимъ революціонеромъ, сталъ искать тоновъ и мотивовъ рѣчи, наиболѣе подходящихъ къ духу и настроенію времени: «Милый баронъ! писалъ онъ Дельвигу, услыхавъ о начавшихся арестахъ и о разборѣ преступниковъ, вы о мнѣ безпокоитесь и напрас-

но. Я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну! Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ [1]). Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ». Много лицъ и семействъ писали тогда на Руси подобныя письма и задавали такіе же безпокойные вопросы своимъ знакомымъ. Вопросъ Пушкина имѣетъ еще и то значеніе для насъ, что показываетъ, какъ первой мыслію поэта, послѣ извѣстія о петербургскомъ погромѣ, была старая знакомая ему *«Каменка»* и ея общество. Къ счастію, ни одинъ изъ Раевскихъ не былъ причастенъ заговору, но много другихъ членовъ ихъ семейства, какъ сказали уже, подпали слѣдствію и осужденію. Между тѣмъ, кругъ арестовъ все болѣе и болѣе расширялся, захватывая большинство его знакомыхъ. Каждый день приносилъ извѣстія, часто самыя неожиданныя, объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся кѣмъ-либо въ дерзкихъ замыслахъ противъ государства. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начинало образоваться нѣчто похожее на пустоту, которая является въ средѣ товарищей послѣ жаркаго дѣла. Нѣсколько разрозненныхъ и чудомъ уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслію о спасеніи самихъ себя въ общемъ крушеніи ихъ дружины. То же приходилось теперь дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу, которой Пушкинъ такъ страстно домогался, состоялъ въ томъ, чтобъ обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежнее. Пушкинъ не былъ виновенъ передъ нимъ ни въ какомъ посягательствѣ на его права, ни въ какомъ сопротивленіи его намѣреніямъ, и ждалъ только, чтобы благопріятное политическое состояніе страны, обрисовавшись вполнѣ, позволило новой власти снисходительнѣе смотрѣть на ошибки и проступки прошлаго времени. Въ началѣ 1826 года, Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любопытное письмо, видимо составленное и начисто перебѣленное такъ, чтобы можно было его показать и постороннему лицу, которое приняло бы къ сердцу его содержаніе. Вотъ оно: «Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду прекратилася, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и на-

---

[1]) Арестованъ былъ братъ его, Ник. Ник. Раевскій, но и онъ, послѣ откровеннаго объясненія своихъ отношеній къ заговору, вскорѣ былъ освобожденъ.

говорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6-ть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни было, я желалъ бы *вполнѣ* и *искренно* [1]) помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Вотъ при какихъ случаяхъ Шекспиръ являлся Пушкину, какъ мы сказали, прибѣжищемъ для мысли и опорой, на которой она могла остановиться и собраться съ силами.

Дельвигъ, Жуковскій, родные и многочисленные благожелатели поэта не оставили указаній Пушкина безъ вниманія. Мысль о возможности добыть поэту столь желанную свободу легальнымъ путемъ стала между ними общимъ вѣрованіемъ и непоколебимой надеждой. Прошло, однако же, добрыхъ семь или восемь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ освобожденіе явилось къ Пушкину и притомъ въ особенной, совсѣмъ неожиданной формѣ. Изъ Петербурга сообщены были Пушкину тѣ правильные, формальные пути, которые ведутъ къ нему и уклоненіе отъ которыхъ можетъ поставить на карту все предпріятіе. Пушкинъ исполнилъ программу друзей въ точности.

Когда наступила надлежащая минута, Александръ Сергѣевичъ представилъ псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу прошеніе на Высочайшее имя, все писанное имъ собственной рукой (на простой бумагѣ) и буквально гласившее такъ:

---

[1]) Слова подчеркнуты авторомъ.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно Афеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ) рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ или въ чужіе краи.

Всемилостивѣйшій Государь
Ваше Императорское Величество

вѣрноподданный
Александръ Пушкинъ».

Къ прошенію были приложены два документа, изъ коихъ одинъ, тоже писанный рукой Пушкина, содержалъ обязательство: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и *никогда не зналъ о нихъ*. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Второй документъ былъ формальное медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы, на 3-хъ-рублевомъ гербовомъ листѣ, отъ 19 іюля 1826 года и за № 426 [1]). Въ этомъ свидѣтельствѣ ученая коллегія гор. Пскова говорила, что, по предложенію гражданскаго губернатора за № 5497, ею освидѣтельство-

[1]) Всего вѣроятнѣе, что освидѣтельствованіе Пушкина врачами происходило тоже въ маѣ 1826 г. и только свидѣтельство управы о томъ запоздало однимъ мѣсяцемъ.

ванъ былъ коллежскій секретарь А. С. Пушкинъ и «оказалось, что онъ дѣйствительно имѣетъ на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности на правой голени повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ (Varicositas totius cruris dextri), отъ чего г. коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще» [1]).

Пустивъ, такимъ образомъ, въ ходъ правильно оформованную просьбу, Пушкинъ предоставилъ судьбѣ довершить остальное; но уже одна рѣшимость его на этотъ шагъ имѣла вѣроятно необычайное значеніе въ глазахъ его друзей и покровителей, ибо внушала имъ самыя розовыя надежды. Дельвигъ, напримѣръ, узнавъ, что Пушкинъ составилъ просьбу, пророчески писалъ уже, отъ 1 іюня 1826 г., въ Тригорское къ г-жѣ Осиповой: «Пушкина вѣрно пустятъ на всѣ четыре стороны, но надо сперва кончиться суду». Дѣйствительно, до окончанія суда надъ декабристами не возможно было ожидать никакого рода амнистій, которыя, по слухамъ, должны были состояться только въ день коронованія покойнаго Государя. Можно полагать, что къ этому свѣтлому и радостному дню торжества и помилованія Пушкинъ старался пригнать и свою просьбу.

Несмотря, однако-же, на философское созерцаніе дѣлъ, усвоенное Пушкинымъ, онъ болѣзненно вздрогнулъ, когда страшный мечъ правосудія упалъ на голову пяти заговорщиковъ въ Петербургѣ. Спустя 11 дней послѣ казни ихъ, Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку на одномъ стихотвореніи: «Услыхалъ о смерти Р. П. М. К. Б.—24» (іюля), а въ другомъ мѣстѣ эти же инпціалы сопровождаются припиской: «видѣлъ во снѣ». Но трагедія и должна была кончиться трагически.

Между тѣмъ, лѣто 1826 г. сдѣлалось для обитателей Тригорскаго и Зуева (Михайловское) непрерывнымъ рядомъ праздниковъ, гуляній, шумныхъ бесѣдъ, поэтическихъ и дружескихъ изліяній, благодаря тому, что въ средѣ ихъ находился Н. М. Языковъ, привезенный, наконецъ, изъ Дерпта А. Н. Вульфомъ. Болѣе двухъ лѣтъ его звали и ожидали въ Михайловскомъ, и только въ 1826 г. онъ сдался на просьбы Пушкина и приглашенія Прасковьи Осиповны. Языковъ исполненъ былъ почти религіознаго благоговѣйнаго чувства къ нашему поэту, для котораго не находилъ достаточно пѣсенъ и восторговъ на своей ли-

[1]) По числу, которымъ помѣченъ этотъ документъ, можно заключить, что и просьба на Высочайшее имя пошла тоже въ іюлѣ, хотя, какъ мы думаемъ, составлена опять Пушкинымъ въ маѣ мѣсяцѣ. Наша копія съ нея не имѣетъ числовой помѣтки.

рѣ—и оно понятно. Соединеніе въ одномъ лицѣ простоты обращенія съ даромъ угадывать людей и цѣнить ихъ вѣрно по душевнымъ признакамъ, полное отсутствіе чего-либо похожаго на мелочное тщеславіе при постоянныхъ проблескахъ геніальнаго таланта и ума—все это должно было поразить воображеніе пылкаго, еще не установившагося студента, котораго жизнь и поэзія слагались преимущественно изъ однихъ порывовъ. Пушкинъ чрезвычайно высоко цѣнилъ поэтическій даръ Языкова. Онъ былъ прельщенъ виртуозностью, такъ сказать, его стиха, ни у кого не достигавшаго, ни прежде, ни послѣ, такихъ мастерскихъ, поражающихъ и ослѣпляющихъ оборотовъ, хотя запасъ поэтическихъ мотивовъ былъ у него крайне однообразенъ и скуденъ. Двѣ эти противоположныя натуры сошлись на почвѣ Тригорскаго и Зуева весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и рощи обоихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 года, такъ граціозно и весело встрѣчало друзей молодое женское населеніе перваго, такъ вдохновенны и поэтичны были ночи и долгіе дни, проведенные ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновеніемъ.

Покуда друзья наслаждались въ Опочецкомъ уѣздѣ, дѣло Пушкина шло своимъ порядкомъ. Псковской гражданскій губернаторъ баронъ фонъ-Адеркасъ препроводилъ просьбу его къ эстляндскому генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, въ вѣдѣніи котораго состояла и Псковская губернія, присоединенная въ прошлое царствованіе къ его генералъ-губернаторству, изъ видовъ распространенія на нее благодѣяній крестьянскаго освобожденія, не совершившагося однако-же, даже и на извѣстный балтійскій манеръ. Въ бумагахъ Пушкина, очень хорошо узнавшаго впослѣдствіи, повидимому, всѣ мѣры и соображенія, къ которымъ онъ подавалъ поводъ, находится копія съ оффиціальнаго письма маркиза Паулуччи, къ графу К. В. Нессельроде отъ 30-го іюля 1826 г. и за № 922. Извѣщая гр. Нессельроде о полученіи просьбы А. С. Пушкина съ извѣстными приложеніями, маркизъ Паулуччи прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ главному управленію моему губерніяхъ, что помянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и *обязательства никогда не противорѣчить своимъ мнѣніемъ общепринятому порядку*, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложеніями къ вашему сіятельству, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прося по-

вергнуть оное на всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, полагая *мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за-границу*, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомлѣніемъ» [1]).

Благопріятный отзывъ маркиза Паулуччи доказываетъ, во-первыхъ, что псковское губернское начальство, надзору котораго былъ порученъ нашъ поэтъ, исполняло свои обязанности весьма гуманно, а во-вторыхъ, что къ его честному образу дѣйствій и свидѣтельству присоединилось, можетъ быть, еще и вліяніе такихъ людей, какъ докторъ Мойеръ, Жуковскій и другіе. Впрочемъ, благопріятный отзывъ о настроеніи и поведеніи сосланнаго могъ быть полученъ еще и съ другой стороны. По многимъ признакамъ можно заключить, что Пушкину не безъизвѣстно было о посылкѣ изъ Петербурга особеннаго агента, еще въ началѣ 1826 г., и задолго до вышеприведенной просьбы, съ порученіемъ объѣхать нѣсколько западныхъ губерній для узнанія мѣстныхъ злоупотребленій и при проѣздѣ черезъ Псковъ собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ, что̀, по связямъ послѣдняго со многими декабристами, было тогда мѣрой, входившей въ общій порядокъ начатаго слѣдствія надъ заговорщиками. Вѣроятно, указанія агента не противорѣчили тому, что̀ говорилъ самъ Пушкинъ о себѣ и, такимъ образомъ, двойное свидѣтельство правительственныхъ лицъ, удовлетворивъ всѣ требованія осторожности, порѣшило участь нашего плѣнника.

Прошеніе Пушкина лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ, до дня коронованія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія, именно 28-го августа, состоялась резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., барономъ Дибичемъ, такъ: «Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору. 28-е августа». Въ псковскомъ губернскомъ архивѣ и въ бумагахъ Пушкина сохранилось отношеніе генерала Дибича къ начальнику губерніи отъ 31-го августа, № 1432, въ которомъ генералъ, повторяя буквально слова резолюціи, прибавляетъ только: «по прибытіи-же въ Москву имѣетъ (Пушкинъ) явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Император-

[1]) Мы нашли подчеркнутыя нами слова такими-же подчеркнутыми и въ бумагѣ, но не знаемъ, кѣмъ сдѣланы были эти отмѣтки.

скаго Величества» [1]). Въ томъ же архивѣ существуетъ и отвѣтъ начальника губерніи барона фонъ-Адеркаса генералу барону Дибичу отъ 4-го сентября 1826 г., № 188, изъ котораго оказывается, что вечеромъ того же 4-го числа, сентября мѣсяца, Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Пскова, согласно предписанію. Быстрота исполненія, по истинѣ, изумляющая. Потребовалось только 4 дня на проѣздъ 700 верстъ фельдъегерю изъ Москвы до Пскова по нешоссейной дорогѣ, на посылку оттуда за Пушкинымъ въ Михайловское, на провозъ его въ губернскій городъ, по скверному проселку, безъ лошадей и, наконецъ, на отправленіе его по назначенію.

Естественно, что актъ помилованія, налетѣвшій на поэта съ такой неожиданностію и быстротою, долженъ былъ поразить ужасомъ и недоумѣніемъ всѣ сердца въ Михайловскомъ и Тригорскомъ, какъ нѣсколько позднѣе поразилъ онъ и родныхъ Александра Сергѣевича, въ Петербургѣ. Всѣмъ имъ показалось, что поэтъ исчезалъ изъ среды живыхъ людей въ то время, когда онъ возвращался въ ихъ среду. Г. Семевскій, въ своихъ разсказахъ о Тригорскомъ (Спб. Вѣдомости 1866 г., № 139—168), приводитъ довольно любопытную черту изъ этого эпизода, характеризующаго эпоху.

Одна изъ нынѣшнихъ обитательницъ Тригорскаго, о которой уже упоминали, разсказывала ему, что 1-го или 2-го сентября (должно быть 3-го сентября), Пушкинъ много и весело гулялъ у нихъ и часу въ 11-мъ вечера отправился домой, въ Михайловское, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день оно было разбужено еще до разсвѣта прибытіемъ въ Тригорское няни Пушкина, Арины Родіоновны, съ поразительнымъ извѣстіемъ. Какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ (это былъ посланный Адеркаса), наскакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собой Пушкина тотчасъ, какъ онъ явился домой и притомъ такъ заторопилъ его, что Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только

---

[1]) Вотъ копія съ этой бумаги начальника главнаго штаба: „*Секретно.* Господину псковскому гражданскому губернатору.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшей просьбѣ, прошу покорнѣйше ваше превосходительство, находящемуся во ввѣренной вамъ губерніи чиновнику 10-го класса, Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при посылаемомъ вмѣстѣ съ симъ нарочнымъ фельдъегеремъ. Г. Пушкинъ можетъ ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, не въ видѣ арестанта, но въ сопровожденіи только фельдъегеря; по прибытіи-же въ Москву имѣетъ явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества“.

накинуть на себя шинель и захватить деньги. Посланный ничего не осматривалъ въ деревнѣ, ничего не ворошилъ, нигдѣ не рылся. «По отъѣздѣ его съ бариномъ, говорила няня, *я уже сама кой-что уничтожила*».—«Что такое?»—«Да вотъ этотъ сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно пахнетъ...» [1]). Посланный губернатора Ф. Адеркаса привезъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Милостивый государь мой, Александръ Сергѣевичъ!

«Сейчасъ получилъ я прямо изъ Москвы съ нарочнымъ фельдъегеремъ высочайшее разрѣшеніе, по всеподданнѣйшему прошенію вашему, съ коего (sic!) копію при семъ прилагаю. Я не отправляю къ вамъ фельдъегеря, который остается здѣсь до прибытія вашего. Прошу васъ поспѣшить пріѣхать сюда и прибыть ко мнѣ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, м. г. моего, покорнѣйшій слуга Б. Ф. Адеркасъ, 3-го сентября 1826 г. Псковъ».

Въ Псковѣ ожидало еще Пушкина любезнѣйшее письмо отъ барона Дибича, которое не только успокоило его относительно своей участи, но, какъ говорилъ самъ поэтъ, могло бы поселить въ немъ очень высокое мнѣніе о себѣ, если бы онъ былъ самолюбивъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этого письма. Путь до Москвы совершенъ былъ имъ уже сравнительно не съ такой молніеобразной скоростію, съ какой дѣлалъ его фельдъегерь въ одиночку. Они употребили на него всего 4 дня, и если принять въ соображеніе, что оффиціальный спутникъ поэта уже второй разъ летѣлъ безъ сна нѣсколько ночей по кочкамъ и рытвинамъ, то физическій закалъ людей его рода долженъ показаться дѣйствительно богатырскимъ. Фельдъегеря звали Вальшемъ.

8-го сентября они прибыли въ Москву прямо въ канцелярію дежурнаго генерала, которымъ былъ тогда генералъ Потаповъ, и послѣдній, оставивъ Пушкина при дежурствѣ, тотчасъ же извѣстилъ о его прибытіи начальника главнаго штаба, барона Дибича. Распоряженіе послѣдняго, сдѣланное на самой запискѣ дежурнаго генерала и показанное Пушкину, гласило слѣдующее:

---

[1]) Что М. И. Семевскій разсказываетъ далѣе о причинахъ этого увоза, будто связаннаго отчасти съ открытіемъ рукописнаго стихотворенія Пушкина „Андрей Шенье“, не имѣетъ основанія, такъ какъ исторія о распространеніи въ рукописяхъ „Андрея Шенье“ до появленія его въ печати и съ примѣчаніями самихъ переписчиковъ началось въ сентябрѣ 1826 г., когда Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. Эта исторія составляетъ совсѣмъ особое дѣло отъ привоза поэта и разыгралась довольно сильно, въ 1828 году, кончившись въ этомъ же году довольно благопріятнымъ образомъ для Пушкина.

«Нужное, 8-го сентября. Высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни».

Чудовъ или николаевскій дворецъ занимало тогда августѣйшее семейство и самъ государь императоръ, которому Пушкинъ и былъ тотчасъ же представленъ, въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и кажется даже не совсѣмъ здоровый. Можно полагать, что покойный государь читалъ произведенія Пушкина еще будучи великимъ княземъ и находился, какъ вся грамотная тогдашняя Россія, подъ вліяніемъ его поэтическаго таланта. По крайней мѣрѣ этой чертой всего легче объясняется родъ ласки и нескрываемой нѣжности, какую онъ всегда выказывалъ по отношенію къ Пушкину, не измѣняя, конечно, своихъ строгихъ требованій порядка и подчиненности для него и часто сдерживая его порывы. Покойному государю угодно было однажды и разсказать нѣкоторыя подробности своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, переданныя намъ М. А. Корфомъ, имѣвшимъ счастіе ихъ слышать. Государь, между прочимъ, спросилъ Пушкина, гдѣ бы онъ былъ 14-го декабря, если бы находился въ Петербургѣ? Пушкинъ отвѣчалъ, не колеблясь: «въ рядахъ мятежниковъ, государь!» Можетъ быть, эта искренность и простота отвѣта, разоблачавшія прямой характеръ поэта, и были причиной высокой довѣренности къ честному слову Пушкина, какую возымѣлъ государь. Онъ потребовалъ у него взамѣнъ свободы и забвенія всего прошлаго—только честнаго слова, что сдержитъ обязательства, высказанныя въ подпискѣ. Затѣмъ государь выразилъ намѣреніе занять Пушкина серьёзными трудами, достойными его великаго таланта, и объявилъ, что для успѣшнаго продолженія его литературной дѣятельности, обѣщающей принести славу Россіи, онъ самъ беретъ на себя званіе цензора его произведеній. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ необычайно-милостиваго пріема и прямо изъ дворца явился, какъ мы слышали, въ домъ изумленнаго своего дяди, Василія Львовича Пушкина. Затѣмъ, онъ перебрался на житье къ пріятелю С. А. Соболевскому, на «Собачью площадку», и все дѣло о внезапномъ его переселеніи въ Москву кончилось извѣщеніемъ псковскаго губернатора (21-го ноября), что «по распоряженію г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества вытребованный изъ Пскова чиновникъ 10-го класса, Александръ Пушкинъ, оставленъ въ Москвѣ» [1]).

---

[1]) Прибѣгаемъ снова къ примѣчанію по поводу одной новѣйшей публикаціи, именно сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“ изд. Бартенева, 1872 г., который со-

Между тѣмъ, вѣсть объ освобожденіи Пушкина и о милостивой аудіенціи, полученной имъ у Государя, быстро разнеслась по Москвѣ и надо прибавить, что въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной.

Остановимся здѣсь и, въ заключеніе, подведемъ итоги всему, чтó было пріобрѣтено и пережито Пушкинымъ въ этотъ совершенно отдѣльный и законченный періодъ его жизни, который мы старались здѣсь представить. При концѣ его Пушкину было уже 27 лѣтъ, и весь пылъ молодости, политическихъ увлеченій, слѣпыхъ пристрастій къ словамъ и представленіямъ извѣстнаго рода,

---

держитъ въ себѣ, между прочимъ, любопытный документъ—записку Пушкина о народномъ образованіи, представленную императору Николаю Павловичу. Документъ этотъ напечатанъ совершенно согласно съ черновымъ его оригиналомъ, какой находился въ нашихъ рукахъ, но снабженъ примѣчаніемъ П. Бартенева, которое мало способствуетъ къ разъясненію его происхожденія и смысла. Мы не хотѣли говорить объ этой запискѣ Пушкина, потому что разборъ ея переступилъ бы за границы той задачи, которую себѣ положили—представить поэта въ первый, *Александровскій* періодъ его развитія; но такъ какъ она теперь опубликована г. Бартеневымъ, то уже не можемъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. Сообщеніемъ записки Пушкина, почтенный издатель „XIX-го вѣка“ увеличилъ права свои на благодарность нашей публики, которая ему обязана такой любопытной коллекціей матеріаловъ для новѣйшей исторіи Россіи; но примѣчаніе г. П. Б. показываетъ еще разъ образецъ изворотливаго отношенія къ предмету, о которомъ авторъ не имѣетъ сказать ничего серьёзнаго. Кому не придетъ въ голову, что вмѣсто ссылокъ на стихотворенія Пушкина для уясненія записки и *предположеній* о томъ или другомъ образѣ его мыслей, автору примѣчанія слѣдовало бы обратить вниманіе на самое выдающееся, рельефное мѣсто Пушкинскаго документа, то именно, гдѣ поэтъ призываетъ строжайшую кару правительства на переписчиковъ и распространителей возмутительныхъ рукописей (стр. 213, „XIX-го вѣка“). Въ устахъ человѣка, который самъ былъ еще недавно распространителемъ такихъ „рукописей“ и котораго обвиняли въ томъ же и теперь, рѣчь эта, конечно, заслуживала бы, если не оправдательныхъ словъ отъ біографа, то, по-крайней мѣрѣ, такихъ, которыя помогли бы читателю уразумѣть причины и поводы ихъ появленія. А между тѣмъ, г. П. Б. оставилъ личность поэта, со всѣми своими намеками на его стихотворенія, совершенно открытой и ничѣмъ не защищенной. Дѣло въ томъ, что упомянутое мѣсто связывается съ біографическимъ фактомъ. Въ сентябрѣ того же 1826 года, открыта была, какъ уже говорили, у одного кандидата харьковскаго университета, г. Леопольдова, и у двухъ офицеровъ гг. Молчанова и Алексѣева, полная рукопись „Андрей Шенье“ безъ цензурныхъ пропусковъ и съ примѣчаніемъ переписчиковъ, что эта пьеса Пушкина написана по поводу 14-го декабря и имѣетъ въ виду извѣстнаго декабриста В. Кюхельбекера. Естественно, что подозрѣніе въ первомъ распространеніи списка пало (и совершенно несправедливо) на автора пьесы. Пушкинъ, только-что успѣвшій освободиться отъ ссылки и уцѣлѣть отъ погрома, разсѣявшаго революціонную партію, къ которой стоялъ такъ близко, пришелъ въ ужасъ при мысли попасть снова въ ссылку, и на этотъ разъ уже безъ

остался у него позади. Умственное и нравственное его воспитаніе еще не кончилось, да оно въ сущности никогда и не кончается для развитыхъ людей, но найдены были основы для мысли, съ которыхъ Пушкинъ уже болѣе не сходилъ. Между бѣдностію его умственнаго міра въ Петербургскій періодъ существованія и тѣмъ нравственнымъ содержаніемъ, которымъ онъ владѣлъ при появленіи въ Москвѣ, въ 1826 г. лежала цѣлая пропасть. Въ короткій промежутокъ 5—6 лѣтъ, развиваясь необычайно быстро, онъ переходилъ постепенно отъ безсознательной роли великосвѣтскаго радикала, которую игралъ въ Петербургѣ, къ отчаянному протесту личности, ничего не признающей, кромѣ самой себя, къ неистовому байронизму, которымъ зараженъ былъ

всякаго блеска, какъ простой нарушитель цензурныхъ и полицейскихъ правилъ. Отсюда, для отвода всякихъ подозрѣній отъ себя, и требованія „Записки“ относительно строгихъ мѣръ противъ пропагандистовъ неблаговидныхъ сочиненій; но уловка все-таки не удалась, потому что Пушкинъ принужденъ былъ впослѣдствіи прямо отвѣчать на запросы гражданскаго суда, которому передано было дѣло,—какъ настоящій подсудимый. Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ кончить на этомъ съ любопытнымъ примѣчаніемъ г. П. Бартенева. Онъ находитъ далѣе, что отвѣтъ гр. Бенкендорфа на записку Пушкина, приведенный нами вкратцѣ въ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ 1855—мало отвѣчаетъ сущности Пушкинскаго трактата,—и полагаетъ, что мы перепутали дѣло въ „Матеріалахъ“ и отнесли ошибочно замѣчаніе шефа жандармовъ къ тому трактату о воспитаніи, о которомъ говорится здѣсь. Приводимъ фактическія доказательства вѣрности нашего указанія, для разубѣжденія почтеннаго критика, хотя и безъ нихъ небольшое критическое соображеніе могло бы ему показать, что на предложеніе Пушкина искать въ полномъ, свободномъ и откровенномъ преподаваніи исторіи и нравственныхъ наукъ напацеи противъ политическихъ увлеченій и заблужденій молодежи, гр. Бенкендорфъ и не могъ отвѣчать, по времени, иначе, какъ отвѣчалъ.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее сообщеніе гр. Бенкендорфа, важное по свѣту, который оно бросаетъ на величественный характеръ покойнаго государя и на предметъ, особенно занимающій насъ теперь: „М. Г. А. С. Я ожидалъ прихода вашего, чтобъ объявить высочайшую волю, по просьбѣ вашей, но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

„Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, Его Им. Ве-ву благоугодно, чтобы вы занялись предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія—и представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

„Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ.

въ Кишиневѣ и отъ него, черезъ умѣряющее дѣйствіе романтизма и черезъ изученіе Шекспира, къ объективности, *историческому* и критическому созерцанію, а, наконецъ, и къ задачамъ, которыя представляютъ для творчества и для анализирующей мысли русскій старый и новый бытъ. Когда Пушкинъ очутился снова въ столичномъ нашемъ обществѣ, онъ принесъ съ собой только зачатки послѣдняго изъ этихъ направленій, но потребовалось еще четыре безпокойныхъ года (съ 1826 по 1830) для того, чтобъ превратить эти зачатки въ обдуманную теорію, которая открыла

„Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете, для представленія Его Величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите и проч.

№ 205.
30-го сентября 1826.
Москва.
Его благородію А. С.
Пушкину„.

Получивъ, такимъ образомъ, дозволеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, Пушкинъ прежде всего посвятилъ себя на составленіе порученнаго ему трактата и уже черезъ два мѣсяца представилъ его по начальству, на что и получилъ слѣдующее второе сообщеніе отъ гр. Бенкендорфа:

„М. Г. А. С.

„Государь Императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи—и поручилъ мнѣ изъявить вамъ Высочайшую свою признательность.

„Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшш васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.

„Съ отличнымъ уваженіемъ, честь имѣю и проч.

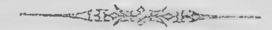
№ 163.
23-го декабря 1826.
Его благородію А. С.
Пушкину“.

Послѣ этихъ фактовъ, сомнѣнія и колебанія г. Бартенева, вѣроятно, будутъ успокоены и мы можемъ уже оставить въ сторонѣ, безъ отвѣта, и приговоръ его нашему труду, выраженный имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, надобно заключить, что записка (Пушкина) была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана, но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что-либо другое. *Бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія*“ (XIX Вѣкъ, стр. 218).

бы разумъ и цѣли современнаго русскаго существованія. Цѣлыхъ четыре года тревожной, непосѣдной, скажемъ просто—кочующей жизни, употребилъ Пушкинъ на то, чтобъ приглядѣться и приладиться къ новымъ порядкамъ и условіямъ времени, которые такъ мало были похожи на времена его молодости. Работа эта доставалась ему не даромъ: гнетущая тоска и скука, постоянно отравлявшія существованіе поэта въ это время, свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Они-то гнали его съ мѣста на мѣсто по Имперіи, сдѣлали изъ него азартнаго игрока, подсказали ему мысль просить о причисленіи его къ китайской миссіи и отразились въ уничтоженной главѣ любимой его поэмы, въ «Путешествіи Онѣгина». Съ обрѣтеніемъ упроченнаго положенія въ свѣтѣ (въ 1830 — 31 г.) весь тяжелый искусъ этотъ, казалось, долженъ былъ кончиться и уступить мѣсто мирному труду, ровной дѣятельности и свѣтлой жизни. Въ головѣ его дѣйствительно и стали накопляться всѣ тѣ замыслы по истинѣ громадныхъ созданій, о которыхъ мы можемъ судить теперь только по отрывкамъ, сравнительно бѣднымъ, оставшимся въ бумагахъ, послѣ его смерти (Мѣдный Всадникъ, Русалка, Средневѣковая драма, много не написанныхъ драмъ и поэмъ, намекающихъ на свое содержаніе одними программами или первоначальными строфами). Но въ душѣ Пушкина жила потребность, мѣшавшая ему замкнуться исключительно въ кругъ своихъ художническихъ идей. Онъ сгоралъ жаждой многосторонней общественной жизни, которая гнала его въ большой свѣтъ, гдѣ онъ думалъ найти ее, но еще сильнѣе томился онъ мучительною страстію осмыслить современный ему бытъ, открыть законныя причины его явленій, увѣровать въ его необходимость и разумность, и, наконецъ, угадать смыслъ самой русской исторіи, какъ лучшаго оправданія народа и страны. Только этой цѣной покупались для него и спокойствіе духа, и счастіе чувствовать себя членомъ дѣльнаго и достойнаго общества, безъ чего почти и немыслима возможность какой-либо широкой, творческой дѣятельности. Съ обычной своей энергіей онъ бросился на розыски и опредѣленія по вопросамъ и задачамъ, поставленнымъ имъ для себя и, разумѣется, встрѣтился съ возраженіями и противорѣчіями жизни, которая поминутно разбивала его работу. По странной участи, ни одна изъ партій, господствовавшихъ у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавала Пушкина, также точно въ пору его молодости, какъ и теперь, вполнѣ своимъ человѣкомъ; напротивъ, каждая изъ нихъ скрывала отъ него бо́льшую часть своихъ настоящихъ мыслей и требованій, вѣроятно, не надѣясь на безусловное его

повиновеніе, хотя каждая изъ нихъ, безъ исключенія, обращалась съ нимъ очень осторожно, словно опасаясь его обличеній. Да и было чего опасаться: независимый голосъ изъ собственнаго лагеря глубже потрясаетъ, чѣмъ крики, укоры и нападки непріятеля. Въ послѣднее время Пушкинъ поминутно расходился съ тѣмъ обществомъ, которому хотѣлъ сослужить свою великую службу. Чѣмъ болѣе силился онъ найти ему историческое философское оправданіе, чѣмъ усерднѣе воздвигалъ ему фундаментъ и основанія, которыхъ не стыдно было бы показать всему свѣту, тѣмъ чувствительнѣе становились для поэта всѣ безчисленныя опроверженія и посмѣянія, какія наносимы были каждодневно его идеализирующимъ теоріямъ на практикѣ и притомъ весьма развитыми и вліятельными людьми эпохи. Пушкинъ переходилъ поминутно отъ вѣрованій и надеждъ къ скептицизму и отчаянію. Безпрестанно падая и возставая, онъ упорствовалъ держаться противъ обличеній жизни, хотя и безъ особенныхъ надеждъ въ душѣ, но съ горделивымъ и quasi-независимымъ видомъ. Одинъ неожиданный ударъ повалилъ его на землю. Горькая обида, высланная той же средой, объ оправданіи и интересахъ которой такъ много хлопоталъ, мгновенно подняла его африканскую кровь и обнаружила опять коренныя, родовыя черты его природы, нисколько не сглаженныя временемъ и выступившія съ необычайной силой, какъ-бы послѣ долгаго отдыха. Онъ ринулся на призрачнаго врага своего, подосланнаго обществомъ и заслонявшаго его собой—и былъ вынесенъ за-мертво съ арены свѣта, которой такъ дорожилъ. Полная исторія развитія Пушкина есть также и психическая исторія общества, гдѣ личности поэта пришлось, по собственному его слову—жить, мыслить и страдать.

П. Анненковъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ
А. С. ПУШКИНА

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.

Чрезвычайно важно, для пониманія различныхъ эпохъ русской жизни, опредѣленіе нравственной сущности тѣхъ или другихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ и убѣжденій, которыми были проникнуты главные дѣятели эпохи, приковывавшіе къ себѣ вниманіе своихъ современниковъ. При этомъ вся трудность для изслѣдователя заключается преимущественно въ томъ, что русскіе образованные люди, судя по общему характеру ихъ жизни, какъ будто мало отличались другъ отъ друга, исповѣдывали какъ будто однѣ и тѣ же политическія идеи, говорили почти одно и то же, какъ въ области знанія, такъ и на публичной аренѣ литературы, занимались почти одними и тѣми же, не очень сложными и разнообразными предметами. Со всѣмъ тѣмъ, позднѣйшія монографіи и біографическія изысканія показали, что многіе изъ такихъ дѣятелей, кромѣ своего участія въ общемъ хорѣ, гдѣ дружно исполняли роль, случайно выпавшую на ихъ долю, еще имѣли свои затаенныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ, свои правила морали, отличныя отъ тѣхъ, которыя требовались общимъ голосомъ, свою критическую оцѣнку окружающаго міра... Никогда и ни въ какія, даже наиболѣе тихія, строго-организованныя эпохи, не прекращалась у насъ внутренняя дѣятельность общественнаго сознанія, разработка новыхъ жизненныхъ идеаловъ, параллельно съ существующими на-лицо, не исчезало личное,

самостоятельное творчество въ способѣ пониманія и представленія явленій русской исторіи, любимыхъ идей, обычаевъ и увлеченій современности. А. С. Пушкинъ точно также имѣлъ свою домашнюю, секретную теорію разумнаго гражданскаго существованія, какъ и учители его — Карамзинъ и Жуковскій, но съ тою разницей, что послѣдніе пользовались возможностью доводить свои теоріи до свѣдѣнія оффиціальнаго міра, между тѣмъ какъ Пушкинскія теоріи, которыя онъ обдумывалъ долгое время, должны были остаться при немъ одномъ, и притомъ въ необдѣланномъ, разбросанномъ, почти безсвязномъ видѣ. Много было уже у насъ попытокъ добраться до смысла истинныхъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій Пушкина съ помощію самыхъ его произведеній и тѣхъ выводовъ, какіе они представляютъ, — но все-таки приговоры, основанные на этомъ критическомъ разборѣ, не могутъ имѣть достовѣрности личныхъ показаній и признаній автора. Всего чаще, подобные приговоры не принимаютъ въ соображеніе случайности поэтическаго настроенія, которымъ иногда выражается не подлинная мысль автора, а только мысль, навѣянная ему сюжетомъ, содержаніемъ его образа или его фантазіи. Подлинная мысль человѣка обрѣтается преимущественно въ его бесѣдахъ съ самимъ собою, наединѣ со своей совѣстію, при кабинетной повѣркѣ съ глазу-на-глазъ всего своего умственнаго достоянія. Между всѣми остатками такой литературной дѣятельности А. С. Пушкина, особенною печатью подлинной его мысли помѣчены черновые планы полемическихъ статей, заготовляемыхъ поэтомъ для «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига 1830 года, а затѣмъ отзывы и сужденія Пушкина при перечнѣ указовъ и событій временъ Петра I-го, за исторію котораго онъ принялся въ 1832 году, по порученію правительства. Передачей этой *подлинной мысли* Пушкина въ области политическихъ и общественныхъ вопросовъ мы теперь и займемся, не отказываясь, впрочемъ, и отъ задачи уследить ея болѣе или менѣе далекое отраженіе и на нѣкоторыхъ литературныхъ и поэтическихъ его произведеніяхъ; вообще, основная мысль Пушкина сохранилась, въ его бумагахъ, въ формѣ набросковъ, недоговоренныхъ положеній и отрывковъ, соединить которые въ нѣчто цѣлое и однородное представляло не маловажное затрудненіе и потребовало особеннаго труда и усилій.

I.

Настоящая цѣль изданія «Литературной Газеты» 1830—31 г. заключалась, какъ извѣстно, преимущественно въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями «Сѣв. Пчелы» и «Сына Отечества», благодаря жалкой безпомощности самихъ писателей и апатическому характеру всего литературнаго міра. Монополія эта, какъ всегда бываетъ, тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы сохранить свое привилегированное положеніе всякими позволительными и непозволительными средствами. Оставляя въ сторонѣ всѣ ея *негласныя* старанія представить себя какъ единственную охранительницу интересовъ порядка и благочиній — достаточно упомянуть объ орудіяхъ, какія она употребляла, чтобы держать въ страхѣ передъ собой печать и пишущихъ. Орудіями этими служили, во-первыхъ, безустанное преслѣдованіе писателей *независимыхъ*, но еще не составившихъ себѣ имени; лесть и искательство передъ знаменитостями, если они обнаруживали расположеніе покрывать своимъ молчаніемъ заведенный порядокъ дѣлъ, —и наоборотъ — ругательства, клевета, позорные намеки всякаго рода, если они теряли терпѣніе и поднимали голосъ, а затѣмъ необычайное снисхожденіе, покровительство и жаркая рекомендація всякому ничтожеству и посредственности, которыя становились добровольно подъ иго монополіи и въ ней искали залоговъ успѣха и упроченнаго положенія въ печати. Монополія торжествовала. Благодаря заведенному ею террору въ литературномъ мірѣ, полному равнодушію образованнаго общества къ дѣламъ печати, и согласію, полученному ею, гдѣ слѣдуетъ, на предоставленіе простора въ приложеніи дисциплинарныхъ мѣръ къ непокорнымъ умамъ,—она превратила почти весь тогдашній, немногочисленный персоналъ русскихъ писателей въ льстецовъ, клевретовъ и агентовъ своихъ корыстныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, издатель «Московскаго Телеграфа», который могъ бы образовать относительно довольно сильную, самостоятельную и противодѣйствующую ей партію, тоже вошелъ въ ея интересы и пристроился къ ней, напуганный, вѣроятно, московской оппозиціей своему журналу, сильно обнаружившейся при появленіи соперничествующаго «Московскаго Вѣстника», 1827 г., а еще—вѣроятнѣе, по разсчету обезоружить одного изъ членовъ монополіи, Ѳ. В. Булгарина—это типическое лицо своего времени, пользовавшееся довѣріемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, несмотря на то, что постоянно вводило

ихъ въ ошибки своими сообщеніями. Горькій опытъ показалъ Н. А. Полевому, какъ невѣренъ былъ его разсчетъ.

Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить первое появленіе у насъ памфлетической литературы. Съ альманахами — «Сѣверный Меркурій» 1829 г. и «Сѣверная Звѣзда» 1830—32, изданія М. А. Бестужева-Рюмина — на свѣтъ впервые выступалъ *низшій* родъ журнальной quasi-демократіи, руководимый враждебнымъ чувствомъ ко всѣмъ пріобрѣтеннымъ литературнымъ положеніямъ. Бестужевъ-Рюминъ отличался своего рода цѣпкостію, не связанъ былъ понятіями о приличіи и достоинствѣ своихъ сужденій и представлялъ ранній, хотя еще и тусклый образецъ бойца, который старается смѣлостію и наглостію выдти изъ толпы, гдѣ его удерживаютъ отсутствіе таланта и образованія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ изданій Бестужевъ - Рюминъ развязно напечаталъ нѣсколько рукописныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, безъ вѣдома автора, всегда боявшагося подобныхъ нескромностей, и подъ одними литерами «*Ап.*» Пушкинъ даже и не протестовалъ, наученный еще прежде опытомъ, что литературная собственность не признается въ его отечествѣ. Въ 1827 г. чиновникъ при Третьемъ Отдѣленіи, статскій совѣтникъ Ольдекопъ, перевелъ на нѣмецкій языкъ его «Кавказскаго плѣнника» и выпустилъ въ свѣтъ съ полнымъ русскимъ текстомъ en regard, что равнялось новому, самовольному изданію поэмы. Всѣ усилія Пушкина—добиться защиты своихъ правъ, обращавшагося за этимъ къ ближайшему начальству смѣлаго переводчика—остались безуспѣшны. Оскорбленный авторъ, махнувъ рукой, тогда же и сказалъ: «Ну, и чортъ съ нимъ, если на него нѣтъ суда».

Въ такомъ видѣ и съ такими нравами и обычаями влачила свои дни журналистика и печать русская къ началу 1830 г.

Понятно, послѣ того, заявленіе, сдѣланное «Литературной Газетой», на первыхъ же порахъ, о своемъ намѣреніи поднять литературную критику изъ ея прискорбнаго состоянія и предоставить поле дѣятельности для *писателей, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ*. Заявленіе было написано Пушкинымъ и содержало правдивый фактъ. Послѣ прекращенія «Московскаго Вѣстника», цѣлая группа, и самая значительная,—литераторовъ, въ которой числились такія лица, какъ В. А. Жуковскій, Е. А. Баратынскій, князь П. А. Вяземскій, И. А. Крыловъ, П. А. Катенинъ, и наконецъ, самъ Пушкинъ—дѣйствительно не имѣла органа. Группѣ этой именно и принадлежитъ какъ первая мысль объ основаніи газеты, такъ и выборъ редактора для нея. По общему соглашенію, въ редак-

торы былъ призванъ А. А. Дельвигъ, пользовавшійся репутаціей очень тонкаго критика и имѣвшій за собой преимущество почти безотлучнаго пребыванія въ Петербургѣ. Правда, всѣ эти основатели газеты помогали ей впослѣдствіи болѣе совѣтами, чѣмъ произведеніями своими, за исключеніемъ одного И. А. Крылова, давшаго ей значительный вкладъ новыхъ басенъ своихъ; а между тѣмъ совокупныя ихъ усилія были бы совершенно необходимы для того, чтобы бороться съ такими опытными и изворотливыми врагами, какіе поджидали новый журналъ. Душой его сдѣлался Пушкинъ. Онъ принялъ на себя важнѣйшую, полемическую часть газеты, и повелъ ее, какъ увидимъ, съ такимъ пыломъ и въ такомъ рѣшительномъ, безпощадномъ тонѣ, какой до того еще и не былъ знакомъ въ нашей литературѣ. Монополія тотчасъ же распознала грозившую ей опасность, и для отвращенія ея собрала всѣ свои силы литературныя, а также и тѣ, которыми располагала *внѣ* литературы. Вспомоществуемая въ то же время памфлетическими выходками Бестужевской школы, она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія новаго журнала на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ «Литературной Газеты»—кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія, существующаго для литераторовъ, и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить «принципъ аристократизма» тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль, въ смыслѣ этого принципа. Этотъ опасный, при тогдашнемъ режимѣ, намекъ и дерзкій вызовъ, брошенные монополіей въ такомъ видѣ, были подняты «Литературной Газетой», или, лучше, ея вдохновителемъ, Пушкинымъ—съ необычайной энергіей. Теперь уже вполнѣ извѣстно, что именно Пушкинъ былъ отчасти составителемъ, а отчасти внушителемъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ полемическихъ замѣтокъ, въ которыхъ участіе избраннаго круга людей въ дѣлахъ общества и литературы объявлялось желательнымъ и въ то время необходимымъ для поднятія строя жизни и уровня мысли въ государствѣ. Въ противоположность съ задачами и цѣлями, какія можетъ имѣть подобный избранный кругъ, публицистъ «Литературный Газеты» поставлялъ на видъ задачи какого-нибудь проходимца-литератора, въ родѣ Видока,—и дѣйствительно, статья Пушкина о запискахъ этого сыщика, въ № 20 «Литературной Газеты», нанесла чувствительный ударъ Булгарину, какъ нравственной личности. Далѣе, тотъ же публицистъ клеймилъ ядовитыми эпиграммами враговъ всякой умственной и моральной возвышенности въ людяхъ, какъ признака аристократизма (ср. эпиграмму Пушкина на того же Булгарина),

и наконецъ въ пресловутой статейкѣ, надѣлавшей много шума и не мало бѣдъ самому издателю «Газеты» (и она тоже принадлежитъ Пушкину), дошелъ до замѣчанія, что неумолкаемыя нападки журналовъ Булгаринскаго пошиба на аристократію могутъ кончиться тѣмъ, чѣмъ они кончились въ другой странѣ—криками черни: «les aristocrates à la lanterne», и припѣвомъ «ça ira». Статейка еще добавляла свою выходку восклицаніемъ: «avis au lecteur!»

Враги Пушкина и вся Булгаринская партія поздно тогда спохватились, что сдѣлали ошибку, затронувъ его и приложивъ къ нему свой инсинуаціонный способъ борьбы: Пушкинъ встрѣтилъ ихъ на той самой почвѣ, гдѣ они считали себя непобѣдимыми, и далъ почувствовать, что оружіе инсинуаціи можетъ быть обращено и противъ нихъ самихъ. Испугъ, произведенный замѣткой Пушкина въ Булгаринскомъ лагерѣ монополистовъ, былъ понятенъ: она наносила ударъ ихъ оффиціальной репутаціи—благонадежности; но, бросая ее въ такомъ рѣзкомъ видѣ, Пушкинъ надѣялся, что она вызоветъ столь же рѣзкій отвѣтъ—и тѣмъ дастъ поводъ къ начатію серьёзной, *принципіальной* полемики.

Ничего подобнаго не случилось. Враждебная партія нисколько не была расположена затрогивать основы своихъ или чужихъ мнѣній и предпочла ограничиться горячими протестами противъ злонамѣреннаго вывода, сдѣланнаго изъ ея словъ, и скрыться подъ покровительство общихъ цензурныхъ законовъ. Но Пушкинъ уже не хотѣлъ оставить ее спокойно предаваться, по прежнему, безмятежному удовольствію вести простую диффаматорскую игру вокругъ именъ и личностей, послѣ того, какъ уже былъ поднятъ вопросъ о направленіяхъ и слѣдовало выразить свое отношеніе къ нимъ. Онъ принялся за объясненіе и распространеніе первоначальной замѣтки, въ формѣ разговора между двумя лицами: *А.* и *Б.*, въ которомъ уже излагалъ отчасти свое воззрѣніе на явленія, носившія названія русской аристократіи и демократіи. Разговоръ предназначался имъ тоже для «Литературной Газеты», въ чемъ можно убѣдиться и по нѣкоторымъ его пріемамъ и нѣсколько осторожному тону изложенія; но Пушкинъ въ этомъ случаѣ слишкомъ понадѣялся на выносливость печати и разсчитывалъ на публикацію, не договорившись, по французскому выраженію, предварительно съ хозяиномъ. Было найдено, что весь этотъ литературный споръ зашелъ уже слишкомъ далеко и затронулъ стороны жизни, не подлежащія его вѣдѣнію, и послѣ должныхъ внушеній обѣимъ сторонамъ, дальнѣйшее его развитіе дѣлалось болѣе невозмож-

нымъ. «Разговоръ» такъ и остался въ бумагахъ Пушкина въ томъ необдѣланномъ еще видѣ, въ какомъ мы здѣсь и приводимъ его [1]):

«*А.* Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?—*Б.* Читалъ.—*А.* Какъ же ты его находишь?—*Б.* Довольно неумѣстнымъ [2]).—*А.* Конечно—иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..—*Б.* Согласенъ.—*А.* Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія.—*Б.* А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.—*А.* Какъ такъ?—*Б.* Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя. Томàсъ, Дюклò, Шамфòръ—были столь же умные, какъ и честные люди—не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.—*А.* Въ «Литературной Газетѣ» сказано, что эпиграммы ихъ приготовили крики: à la lanterne! Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы произвели французскую революцію?—*Б.* О французской революціи «Литературная Газета» молчитъ—и хорошо дѣлаетъ.—А. Помилуй, да посмотри—les aristocrates à la lanterne, ça ira, и т. д.—*Б.* И ты тутъ видишь французскую революцію?—*А.* А ты чтò тутъ видишь, если смѣю спросить?—*Б.* Одинъ жалкій эпизодъ французской революціи—гадкую фарсу въ огромной драмѣ.—*А.* Такъ видно—ты стоишь за «Литературную Газету». Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?—*Б.* Какъ, аристократомъ? Чтó такое аристократъ!—*А.* Чтó такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы!—*Б.* Воля твоя, я смысла тутъ не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я

---

[1]) Для библіографовъ и для будущаго истинно-полнаго собранія сочиненій Пушкина, мы можемъ еще привести замѣтки его, появившіяся въ смѣси „Литературной Газеты“ и не попавшія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній. Таковы: № 10, стр. 98—о князѣ Вяземскомъ; № 12, стр. 98—о каррикатурѣ въ Англіи, которая содержитъ намекъ на Н. А. Полеваго; № 16, стр. 129—о гекзаметрахъ Мерзлякова, въ сравненіи съ гекзаметрами Дельвига; № 20, стр. 162—отвѣтъ критику, объявившему при разборѣ одного литературнаго сборника, что нѣтъ причинъ сожалѣть объ отсутствіи въ немъ знаменитыхъ писателей; № 36, стр. 293—вторая замѣтка о неблаговидносты нападокъ на дворянство.

[2]) Этотъ *Б.*, какъ выразитель Пушкинскихъ мнѣній, имѣетъ въ виду еще и литературную полицію, также встревоженную рѣзкой замѣткой.

читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество, въ лицѣ г. Полевого—они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство—они сдѣлали еще лучше.—*А.* А что̀ значитъ: avis au lecteur! Къ кому это относится? Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ ли?—*Б.* Да хоть бы и къ цензурѣ—что̀ за бѣда?.. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое сословіе, а не другое—не хорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по бо̀льшей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ оффиціальной газетѣ) не хорошо и даже неблагоразумно.—*А.* Почему же статья «Литературной Газеты» показалась неблагонамѣренной многимъ?—*Б.* Потому, что политическіе вопросы никогда не были у насъ разбираемы. Журналы наши, не нарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Демократическіе наши журналы (въ прямомъ или переносномъ смыслѣ), нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ «Газетѣ». Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость. Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты» — чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданье.—*А.* И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, ни происходили. Повредить замѣчаніемъ нельзя. Образъ мнѣнія почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы»—*слишкомъ хорошо* извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить имъ

не можетъ, а г. Полевой, въ ихъ компаніи и подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть тоже безопасенъ».

Въ этомъ отрывкѣ есть небольшая тирада, уже однажды нами приведенная («Пушкинъ въ Александровскую эпоху»), о нападкахъ журналистики преимущественно на остатки старыхъ дворянскихъ родовъ, лишенныхъ всякаго политическаго значенія, но мы предпочли, вмѣсто опущенія ея—повторить теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили въ первый разъ.

Когда, вслѣдствіе запрещенія, оказалось невозможнымъ продолжать споръ въ томъ полемическомъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала, Пушкинъ перешелъ къ мысли возобновить его въ болѣе спокойной, объективной формѣ руководящихъ статей и трактатовъ, которые бы могли найти уже безопасный пріютъ въ той же «Литературной Газетѣ» и сообщить ей общественно-политическій оттѣнокъ. На душѣ его лежало:—съ одной стороны, объяснить роль либеральной, прогрессивной, патріотической аристократіи въ государствахъ, которые ею обладаютъ, а съ другой—открыть въ современной литературѣ эру разработки политическихъ вопросовъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Карамзинъ для своей эпохи въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» (1802—1803 гг.). Пушкинъ принялся набрасывать программы и конспекты для статей *съ направленіемъ*,—но покуда намѣчалъ онъ существенныя черты и ходы будущей своей работы, сама «Литературная Газета» была пріостановлена. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужило нѣсколько переводныхъ стишковъ изъ воззванія Казиміра Делавиня къ бойцамъ іюльскаго переворота, тогда прогремѣвшаго во Франціи и попавшихъ въ газету совершенно случайно, какъ дополненіе печатной страницы, и притомъ всего болѣе за свою форму, такъ какъ сочувствіе къ историческому факту, который упоминался въ стихахъ—ни Дельвигъ и никто изъ литераторовъ не могли питать по простой причинѣ, которую раздѣляли со всѣмъ нашимъ обществомъ того времени: они не имѣли вовсе никакого мнѣнія о немъ. Распоряженіе это однакоже сопровождалось печальными послѣдствіями для Дельвига. Онъ призванъ былъ къ отвѣту генераломъ Бенкендорфомъ, и при этомъ вытерпѣлъ такую бурю подозрѣній, угрозъ и оскорбленій, что она потрясла физическій и нравственный его организмъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, дотолѣ не видѣнныя въ немъ, никуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствіемъ такого образа жизни и глубоко-почувствованнаго огорченія можно было опа-

саться, что первая серьёзная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось—болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу (14 января 1830 г.). «Литературная Газета», однакоже, послѣ довольно долгаго перерыва явилась опять на свѣтъ, подъ редакціей извѣстнаго тогда составителя безцвѣтныхъ «обозрѣній Русской Словесности» для альманаховъ—Ореста Сомова, и въ рукахъ его продолжала еще существовать нѣкоторое время, никѣмъ уже болѣе не тревожимая, но и никому ненужная. Пушкинъ отложилъ въ сторону всѣ планы статей для журнала, пересталъ думать о нихъ, и наконецъ, позабылъ вовсе объ ихъ существованіи...

Но они стоютъ того, чтобы вывести ихъ изъ забвенія, на которое были обречены. Какъ еще ни безсвязны, ни сжаты и лаконичны всѣ эти проекты неосуществленнаго труда, потребовавшія отъ насъ объясненій гораздо болѣе пространныхъ, чѣмъ они сами; какъ ни кажутся съ перваго вида многіе изъ тезисовъ, тутъ приведенныхъ, рѣзко парадоксальными и неумѣренно-горячими по выраженію (недостатки, которые вѣроятно были бы сглажены или обойдены при обработкѣ ихъ),—но въ своей совокупности эти программы автора представляютъ довольно ясно и отчетливо существенныя черты и коренныя основанія полной политической теоріи, законченнаго ученія, цѣльнаго историческаго созерцанія. Оно нажито было Пушкинымъ долгими размышленіями о способѣ выяснить себѣ современное ему положеніе общества, найти точку отправленія для своей мысли, и всего болѣе созрѣло въ бесѣдахъ съ людьми, занимавшимися тѣми же поисками за отчетливымъ опредѣленіемъ своей эпохи въ прошлое царствованіе. Вотъ, почему теорія Пушкина, какъ она созидается изъ сложенія и возстановленія всѣхъ отрывковъ, оставшихся послѣ нея, имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ вѣрное отраженіе весьма любопытной и важной стороны Александровской эпохи, которой Пушкинъ былъ вѣрнымъ представителемъ, и во-вторыхъ, какъ документъ, далеко не лишенный интереса для занимающихся исторіей идей, которыя въ разное время посѣщали умы нашего образованнаго общества. Между прочимъ, мы убѣждены, что извѣстный, глубоко-сочувственный, почти восторженный отзывъ Мицкевича о «политическомъ» смыслѣ Пушкина возникъ преимущественно изъ знакомства съ основными чертами этой самой теоріи, которая уже давно народилась и созрѣвала въ головѣ ея автора. Приводимъ, по порядку, первый образчикъ Пушкинскихъ программъ:

«Что́ такое потомственное дворянство?—Сословіе народа высшее, т.-е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ, или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain. Образъ жизни, т.-е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство? — Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ, также, какъ, напримѣръ, трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauve-garde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества».

Къ этимъ, едва намѣченнымъ мыслямъ и во многихъ мѣстахъ не вполнѣ дописаннымъ фразамъ есть еще у Пушкина дополненіе, которое можетъ служить имъ и комментаріемъ. Оно состоитъ также изъ вопросовъ и отвѣтовъ:

«Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево.—Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. A=B».

Какъ ни лаконичны по своей формѣ всѣ эти замѣтки, но, повторяемъ, смыслъ ихъ кажется намъ вполнѣ яснымъ. Не видя возможности для крѣпостного тогда народа, ни способности въ немъ—самому заботиться о своей участи, и возлагая на дворянство историческую миссію служить ему опорой и защитой—Пушкинъ ставитъ и необходимыя условія для подобной дѣятельности. Она «кончается»—говоритъ онъ — а съ ней и государственное значеніе сословія, если оптиматы въ республиканскихъ обществахъ

соберутся въ одну эгоистическую замкнутую касту («аристократія правъ»), или когда при другихъ формахъ правленія благосостояніе и вліяніе дворянства будетъ созидаться — независимо или даже въ противоположность процвѣтанію всего народа.

Естественно, что придавая такое народовоспитательное и политическое значеніе потомственному независимому дворянству въ государствѣ, Пушкинъ долженъ былъ считать всѣ факты и явленія русской исторіи, помѣшавшіе развитію у насъ боярскаго института и не позволившія ему исполнить свое историческое призваніе—фактами и явленіями въ высшей степени печальными. Такъ, онъ сожалѣлъ объ отмѣнѣ мѣстничества и уничтоженіи разрядовъ, что̀, по его мнѣнію, произошло совсѣмъ не изъ видовъ настоятельной, государственной потребности, а изъ домогательства и соперничества мелкихъ дворянскихъ родовъ, завистливо смотрѣвшихъ на привилегіи старшихъ своихъ собратій, да и тутъ еще Пушкинъ не признавалъ «соборный приговоръ» при царѣ Ѳеодорѣ окончательнымъ устраненіемъ мѣстничества. Оно еще довольно долго существовало, по его мнѣнію, и послѣ того, и всѣ разрядные списки, хотя и сожженные оффиціально, управляли еще дѣловымъ русскимъ міромъ и жили всецѣло въ памяти людей, вплоть до Петра I, окончательно похоронившаго ихъ *табелью о рангахъ*. Въ этомъ смыслѣ, личность Петра I, создавшая такую полную систему подчиненія всѣхъ свободныхъ людей, всякаго чина и званія, одной безотвѣтной службѣ государству, гдѣ они и *сравнялись*—являлась Пушкину, какъ личность, по преимуществу, революціонная, и порядокъ, ею водворенный на Руси, революціоннымъ. «Пора кончить революцію въ Россіи!»—восклицаетъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своей переписки съ друзьями, а кончить ее иначе нельзя, по его воззрѣнію, какъ созданіемъ въ лицѣ имущественно и политически самостоятельнаго дворянства—сильнаго оплота противъ озлобленнаго класса выходцевъ изъ народа съ одной стороны, и помѣщичьей наклонности—придерживаться азіатскихъ порядковъ существованія и въ нихъ искать своего спасенія—съ другой. Обѣ эти тенденціи представляли для него совершенно одинаковыя величины: $A=B$,—употребляемъ его формулу. «Наслѣдственныя преимущества — говорилъ онъ— высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ, классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности».

Какъ еще ни благоговѣлъ Пушкинъ передъ цивилизаторской дѣятельностію Петра I, но нѣкоторые изъ его внутреннихъ по государству распорядковъ имѣли силу возбуждать въ немъ горь

кое чувство сомнѣнія, что́ отразилось и въ предварительныхъ очеркахъ исторіи Петра I, за которую онъ принялся въ 1832 году, — но объ этомъ скажемъ подробнѣе ниже. Покамѣсть онъ смотрѣлъ на Петра единственно какъ на безжалостнаго истребителя единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія. Онъ называлъ его соединеніемъ Робеспьера и Наполеона,—въ одномъ лицѣ воплощеніемъ всей революціи.

«Вотъ уже 150 лѣтъ, — восклицалъ онъ,—что «Табель о рангахъ» сметаетъ дворянство въ одну кучу (que la «Табель о рангахъ» balaye la noblesse), а затѣмъ уничтоженіе майоратства хитростнымъ (плутовскимъ, употребляя его терминъ) образомъ при Аннѣ Ивановнѣ и довершило паденіе передоваго класса, начатое «Табелью».—Что́ изъ этого слѣдуетъ,—прибавлялъ Пушкинъ:—восшествіе Екатерины II, 14 декабря и т. д.». Пушкинъ до того сроднился со своимъ представленіемъ о революціонномъ характерѣ многихъ мѣропріятій Петра и другихъ, за нимъ послѣдовавшихъ, въ томъ же духѣ, что разсказываетъ самъ въ «Запискахъ» своихъ, какъ однажды и гораздо позднѣе описываемой эпохи, посѣтивъ однажды покойнаго великаго князя Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставаньи: — Je connais bien votre famille. Les R*—ont été de tout temps révolutionnaires». «Спасибо,—отвѣчалъ шутя великій князь,—что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его недоставало».

Въ томъ же порядкѣ идей и подъ вліяніемъ тѣхъ же представленій шли у Пушкина и историческія изслѣдованія до-петровской старины, ближайшимъ поводомъ къ которымъ было появленіе «Исторіи русскаго народа», Полевого. Въ другомъ мѣстѣ (см. «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1855 года) указаны были образцы этихъ набѣговъ на русскую исторію, подъ руководствомъ предвзятой мысли и *апріористическаго* метода заниматься ея вопросами, который, какъ видно и изъ предшествующихъ выписокъ, вошелъ у него въ обычай; этимъ Пушкинъ опять связывался съ Александровской эпохой, не знавшей другого метода изслѣдованія. «Исторія» Полевого, вдобавокъ, открывала еще къ нему и широкую дорогу, будучи сама собраніемъ догадокъ, болѣе или менѣе спорныхъ, и попыткой отыскать ключъ къ уразумѣнію лѣтописныхъ русскихъ данныхъ въ трудахъ западныхъ писателей, объяснявшихъ лѣтописи другихъ народовъ. Особенно первые томы этой «Исторіи» представляли массу фальшивыхъ аналогій между фактами западнаго происхожденія и явленіями русскаго міра, которыхъ сводить вмѣстѣ было любимымъ упражненіемъ автора. При кропотливости университетской

оффиціальной исторической науки, которая замѣнила торжественность и самоувѣренность прежней Карамзинской школы перечетомъ лѣтописныхъ сказаній и повтореніемъ буквальнаго ихъ смысла, не заботясь о своеобразной племенной народной жизни, за ними скрывавшейся,—«Исторія» Полевого должна была показаться дерзостью. Составитель ея, однако же, предчувствовалъ, какъ теперь уже почти всѣми признано, нѣкоторыя изъ задачъ будущаго русскаго историка, но для обработки ихъ ему недоставало научной подготовки и первыхъ необходимыхъ свѣдѣній объ особенностяхъ славянской культуры, объ идеяхъ и представленіяхъ, управлявшихъ славянскимъ міромъ и опредѣлившихъ его судьбу и развитіе. Иначе и быть не могло: важнѣйшія изслѣдованія, освѣтившія и выдвинувшія на первый планъ всѣ эти вопросы, явились гораздо позднѣе. Весьма понятно, что присяжные ученые отнеслись къ труду Полевого въ рѣзкихъ статьяхъ своихъ со злобой и презрѣніемъ напрасно потревоженныхъ людей, но гораздо труднѣе понять—почему вознегодовали на него дилеттанты исторической науки, которыхъ тогда было много въ обществѣ, и которые не менѣе критикуемаго автора обладали произвольными взглядами на прошлое Руси, почерпнутыми отовсюду, кромѣ изученія предмета. Тайна объясняется тѣмъ, что построеніе гипотезъ всегда у нихъ имѣло въ виду коронованіе русской исторіи самыми дорогими (и въ сущности вовсе ненужными) вѣнцами, а у Полевого сопровождалось скептическими замашками... Фантазія съ отрицающимъ характеромъ казалась уже нестерпимой. Пушкинъ тоже возсталъ противъ нея.

Извѣстно, что онъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» критическую статью объ «Исторіи» Полевого, тотчасъ по выходѣ ея 1-го тома. За ней должна была слѣдовать другая, приготовленія къ которой остались въ его бумагахъ. Все та же главная, господствующая тэма его созерцанія управляетъ и здѣсь его сужденіями, просвѣчивая сквозь всѣ полемическіе пріемы и возраженія, и обнаруживая себя даже и тамъ, гдѣ, казалось, сословному вопросу не могло быть и мѣста. Предлогомъ для ввода послѣдняго въ изслѣдованіе московскаго періода нашей исторіи послужилъ взглядъ Полевого на удѣльную систему, какъ на проявленіе въ русской формѣ западнаго феодализма. Пушкинъ приступилъ тотчасъ же къ опроверженію этого мнѣнія, и въ отрывкѣ, приведенномъ нами прежде (въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855), старался собрать данныя для показанія несостоятельности такого предположенія. Въ этомъ отрывкѣ, направленномъ противъ мысли Полевого, Пушкинъ противопо-

ставлялъ феодализму институтъ боярства, который ничего общаго съ первымъ не имѣлъ, и онъ восходилъ изъ этого противопоставленія до опредѣленія разницы въ духѣ и характерѣ западныхъ русскихъ «среднихъ вѣковъ». Содержаніе и мысль этого отрывка Пушкинъ именно и собирался превратить во вторую статью объ «Исторіи» Полевого. Здѣсь мы дополняемъ отрывокъ только одной небольшой, но очень характерной замѣткой автора, не попавшей въ свое время въ печать, отсылая читателя за полнымъ содержаніемъ програмы къ «Матеріаламъ» 1855 года. Опровергая Полевого, Пушкинъ, какъ оказывается и по другимъ источникамъ, еще сожалѣлъ объ отсутствіи въ нашей исторіи такого явленія, какъ феодализмъ. По его мнѣнію, феодальный институтъ въ своемъ естественномъ развитіи и перерожденіи могъ бы осѣсться у насъ въ видѣ перваго опыта къ учрежденіямъ независимости (верхняя палата), и вызвать второй, который ни чѣмъ другимъ не могъ быть, какъ собраніемъ общинныхъ представителей (Common-house). Вотъ, какъ резюмируетъ самъ авторъ свою фантастическую постройку въ дополнительной части програмы, о которой мы говоримъ:

«Феодализмъ могъ бы развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины—были бы второй), но онъ не успѣлъ... Мѣсто феодализма заступила аристократія.—Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?—При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты?—Мининъ!—Было ли *зло* мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—*Петръ*».

Другая проба высказать свои убѣжденія была сдѣлана Пушкинымъ уже на беллетристической аренѣ, но и тутъ ей не болѣе посчастливилось, чѣмъ въ первыхъ двухъ пробахъ. Махнувъ рукой, послѣ запрещенія «Литературной Газеты», на проекты статей, ей предназначавшихся, Пушкинъ не потерялъ нити своей политической доктрины, а только перенесъ ее, спустя 3—4 года (1833—34 г.), въ повѣсти и разсказы, гдѣ она, какъ красная нитка, и заплеталась въ ткань ихъ романической интриги. При печатаніи, однако-жъ, этихъ произведеній — уже послѣ смерти автора — мѣстá, содержавшія намеки на эту доктрину, подверглись исключенію, и красная нитка только кое-гдѣ и клочьями осталась на поверхности разсказовъ. Понятно, что въ беллетристическомъ изложеніи политическая доктрина могла обнаружить только часть своего содержанія, только ту сторону свою, которая

обращена была на освѣщеніе нравовъ общества, идей, въ немъ живущихъ и выведенныхъ типовъ. Все прочее оставалось въ полу-мракѣ. На творческомъ станкѣ доктрина потеряла много въ объемѣ, но неизмѣримо выиграла въ блескѣ и цѣнности. Набрасывая свои повѣствовательные отрывки, Пушкинъ уже становится замѣчательнымъ правоучителемъ, хотя и не покидаетъ своей горячей защиты правъ высшаго просвѣщеннаго сословія. Уваженіе къ предкамъ онъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей *характеры*, ставящей высокія жизненныя цѣли, и возвышается до степени ядовитаго сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго *образованнаго* общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневного существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ. Сочувственное отношеніе къ старинѣ, къ исторіи и культурѣ предковъ, лежавшее скрытно въ основѣ всѣхъ политическихъ теорій автора, здѣсь выдѣлилось уже въ пламенную рѣчь и горячую проповѣдь,—и приходится сказать, что проповѣдь эта чуть ли не составляла и самое существенное и единственно-плодотворное зерно всего его ученія.

Извѣстно, что въ послѣднее время своей жизни поэтъ нерѣдко переводилъ на вымышленныя имъ лица нѣкоторыя черты собственнаго своего созерцанія, подъ-часъ даже особенности своего характера, полученныя психическимъ анализомъ своей личности и духовной природы, какъ было уже замѣчено нами прежде, при разборѣ его произведеній и, между прочимъ, при изложеніи исторіи происхожденія пьесы «Импровизаторъ», гдѣ лицо героя представляетъ уменьшенное отраженіе нравственнаго облика самого автора. Другой примѣръ прививки своихъ воззрѣній и убѣжденій къ вымышленному лицу поэтъ представилъ въ извѣстномъ разсказѣ: «Разговоръ вечеромъ на раутѣ». Весь этотъ разговоръ намъ кажется передачей дѣйствительной бесѣды, слышанной авторомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ какомъ-либо изъ аристократическихъ и дипломатическихъ салоновъ Петербурга, куда онъ былъ вхожъ. Въ рукописи разговоръ кончается слѣдующимъ мѣстомъ, которое—можетъ быть—пріятно будетъ встрѣтить читателямъ, послѣ полувѣкового сна его подъ спудомъ, хотя въ сущности оно представляетъ не болѣе, какъ повтореніе и развитіе уже извѣстной, излюбленной Пушкинской тэмы. Мѣсто на-

чинается вопросомъ одного изъ собесѣдниковъ, именно иностраннаго *дипломата*, о русской аристократіи—и завершается отвѣтомъ его русскаго собесѣдника, устами котораго говоритъ уже самъ авторъ. Иностранный дипломатъ открываетъ бесѣду замѣчаніемъ:

— «Вы упомянули о вашей аристократіи: что̀ такое ваша аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ, кажется. Между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, и доступъ къ оному ни чѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша, такъ-называемая, аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ?»

— «Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ онъ, древнее русское дворянство вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родона̀чальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы—вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. Достоинство всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь какого-нибудь Монморанси, перваго христіанскаго барона. Я, напримѣръ,—продолжалъ русскій—не могъ бы отыскать въ хроникахъ моего родоначальника. Знаю только, что предки мои сражались близъ Александра Невскаго, были у трона Ивана IV и возвели на престолъ... но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ: Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествамъ, у насъ... —Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности».

Эта горячая діатриба, направленная столько же противъ суетной фамильной спѣси, сколько и противъ пренебреженія всѣхъ семейныхъ преданій, еще уступаетъ въ выразительности и яркости другой такой же діатрибѣ, встрѣчаемой въ очень за-

мѣчательномъ и, къ сожалѣнію, тоже неконченномъ разсказѣ: «Романъ въ письмахъ». Тамъ она служитъ послѣдней крупной и опредѣляющей чертой для физіономіи главнаго дѣйствующаго лица повѣсти, нѣкоего Владиміра Z. Это лицо, даже и въ теперешнемъ своемъ видѣ, представляетъ замѣчательно-полный типъ аристократическаго славянофила временъ Александра I. Нигдѣ еще Пушкинъ не рисовалъ такъ ярко собственнаго своего образа, состоянія собственной своей мысли и задушевныхъ убѣжденій своихъ, какъ въ этомъ вымышленномъ лицѣ, сохраняя ему всѣ живыя краски и особенности самостоятельнаго и оригинальнаго характера. Приводимый отрывокъ находился въ одномъ изъ писемъ романа (письмо VIII), слѣдовалъ за восклицаніемъ Владиміра Z., по поводу матеріальнаго настроенія нашего общества («Къ чему ведетъ такой матеріализмъ?—не знаю»), и начинался еще по французски:

«Но пора положить этому преграды. Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme. Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я, безъ прискорбія, никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникѣ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Чтò такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и былъ Козьма Миничъ Сухорукій, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

«Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, павшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины, но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т.-е. исторіей отечества. И это вы ставите ему въ достоинство. *Конечно, есть достоинства выше знатности—именно, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя.* Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться

сими именами. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ».

И, наконецъ, въ безпрестанныхъ пробахъ передать свое созерцаніе въ такой формѣ, которая покорила бы вниманіе публики — Пушкинъ дошелъ до самаго блестящаго выраженія его въ великолѣпной поэмѣ: «Мѣдный Всадникъ» (1833 г.), хотя тоже, за смертію поэта, не получившей окончательной отдѣлки. Обезумѣвшій отъ горя, ничтожный потомокъ знатнаго боярскаго рода—и современный коломенскій чиновникъ—осмѣливается укорять великаго императора во всѣхъ своихъ несчастіяхъ и даже посягаетъ на угрозу передъ бронзовымъ ликомъ его, въ которомъ онъ внезапно открываетъ того человѣка, который лишилъ его фамилію гражданскаго значенія, низвелъ его самого въ ряды бездольнаго служаки и косвенно настигъ, даже послѣ своей смерти, въ послѣднемъ его убѣжищѣ — сердечномъ счастіи, унесенномъ наводненіемъ въ основанномъ имъ Петербургѣ. Пушкинъ называетъ этого потомка знатнаго боярскаго рода только по имени:

Прозванья намъ его не нужно—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ, и не тужитъ
Ни о покойницѣ-роднѣ,
Ни о забытой старинѣ...

Нельзя не остановиться на безсмысленной, съ перваго вида, угрозѣ, слетѣвшей съ устъ этого несчастнаго, подъ конецъ его рѣчи: «Ужо тебя...»—восклицаетъ онъ! Невольно думается, что въ этомъ нелѣпомъ: «ужо тебя» — безумецъ выразилъ промелькнувшую въ его головѣ мысль о возможности еще найти судъ въ потомствѣ и передѣлать приговоръ, давшій такую славу и значеніе имени грознаго реформатора. Мѣдный-Всадникъ, погнавшійся за нимъ, словно угадалъ его тайную мысль...

Всѣ эти идеи Пушкина теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со дня его смерти, не покажутся никому ни очень новыми, ни очень вѣрными: онѣ получили такое обобщеніе въ послѣднее время, будучи подняты снова борьбой и преніями по поводу

нашего земскаго самоуправленія, и притомъ подвергнулись такому критическому обсужденію, что ни для кого не могутъ уже болѣе служить соблазномъ. Притомъ же, одна часть этого воззрѣнія, затрогивающая важность и достоинство историческихъ традицій, обработана была впослѣдствіи съ силой эрудиціи и діалектики, конечно превышающими все, что́ говорилъ поэтъ, и даже все, что́ онъ могъ сказать по этому поводу въ свое время. Но за Пушкинымъ и за Александровской эпохой, его воспитавшей, остается честь перваго поднятія многихъ подобныхъ же вопросовъ русской культуры и общественнаго быта.

Рано или поздно эти вопросы должны были снова явиться на свѣтъ и сдѣлаться уже предметами серьёзнаго разбора, ученой и многосторонней полемики, какъ и случилось. Разногласіе по ихъ поводу еще не кончилось, и оградить нѣкоторыя стороны Пушкинскаго ученія отъ превратнаго толкованія представляется еще и теперь необходимостію. Несомнѣнно, что ученіе поэта можетъ дать поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ, если переставить исходный пунктъ, отъ котораго отправлялся авторъ, на другую почву. Теорія, довольно похожая на ту, которую проповѣдывалъ поэтъ, но вдобавокъ требовавшая, чтобы всѣ заботы государства обращены были на интересы одного избраннаго сословія исключительно передъ другими, не разъ уже являлась въ средѣ нашего общества съ претензіями на высокую политическую мудрость. Какую бы строгую оцѣнку и критику ни заслуживали взгляды Пушкина,—но достовѣрно, что ничего общаго съ вышеупомянутой теоріей они не имѣютъ. Мы видѣли, что конечная цѣль всѣхъ его разсужденій была все-таки забота о народѣ и о доставленіи ему той доли защиты и свободы въ трудѣ, какихъ онъ самъ, по стеченію обстоятельствъ и при извѣстной тогдашней обстановкѣ своей, добыть не могъ. Направленіе Пушкина выходило не изъ кровной привязанности къ боярскимъ привилегіямъ, какъ таковымъ, а изъ сожалѣнія о потерѣ передовымъ сословіемъ тѣхъ орудій, которыя могли бы дать ему средства сослужить великую службу отечеству. Чувствуешь, что не въ видѣ лицемѣрной оговорки, а изъ глубины души воскликнулъ онъ: «Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя». И могъ ли сдѣлать своимъ политическимъ знаменемъ одну теорію о наслѣдственномъ правѣ на почетъ, безъ разбора нравственныхъ качествъ лица, тотъ человѣкъ, который въ самомъ разгарѣ аристократическаго одушевленія своего твердо поставилъ афоризмъ—«личныя достоинства выше знатности». Подъ теоріей Пушкина и многихъ его современниковъ текла невидимая, но хорошо чув-

ствуемая, горячая политическая струя, не позволявшая рости вокругъ себя ничему похожему на корыстный разсчетъ, родовую кичливость или узкій эгоизмъ, хотя сама теорія представляетъ много спорныхъ сторонъ и является роднымъ дѣтищемъ своего времени, не знавшаго еще другихъ дорогъ къ устраненію злоупотребленій и къ обновленію себя, кромѣ тѣхъ, которыя она прокладывала въ своемъ воображеніи, въ области благородныхъ мечтаній и великодушныхъ химеръ.

II.

Какъ извѣстно, А. С. Пушкинъ тотчасъ послѣ свадьбы своей въ Москвѣ (18 февраля 1831 года) уѣхалъ въ Петербургъ. Спустя двѣ недѣли послѣ того, именно въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ поселяется на дачѣ, въ Царскомъ-Селѣ, и безвыѣздно проводитъ семь мѣсяцевъ въ хорошо-знакомомъ ему городѣ. Эти семь мѣсяцевъ положили основаніе всей послѣдующей жизни Пушкина и должны считаться исходнымъ пунктомъ новой литературной его дѣятельности.

Дворцы, сады и парки царской резиденціи оживились къ лѣту 1831 года прибытіемъ двора. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ, конечно, и главный наставникъ Государя Цесаревича, В. А. Жуковскій. Давнія дружескія связи между нимъ и Пушкинымъ затянулись еще въ болѣе крѣпкій узелъ, благодаря частымъ, ежедневнымъ ихъ свиданіямъ, а также и весьма серьёзному настроенію, которое царствовало вокругъ нихъ. Политическій горизонтъ былъ мраченъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Друзья сходились для того, чтобы передавать другъ другу извѣстія о тяжеломъ положеніи государства, посѣщеннаго холерой, и мысли о неудачахъ, затрудненіяхъ и ошибкахъ нашей польской кампаніи.

Польское возстаніе находилось въ апогеѣ своего развитія и потребовало усилій и жертвъ для подавленія его, сначала и непредвидѣнныхъ. Втихомолку передавались печальныя новости съ театра войны: нерѣшительность дѣйствій русской арміи, возрастающія надежды инсуррекціи, сочувствіе къ ней со стороны народовъ Европы; за междоусобной войной проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ! Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ-Селѣ, такъ какъ въ ней-то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества не-

годовало просто на медленность вооруженной расправы съ непріятелемъ, обвиняя въ томъ людей, совѣтниковъ и прочихъ, Жуковскій и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало.

И было о чемъ подумать. Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франція, только-что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства,—бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ, конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ во всемъ, что́ они сказали въ пользу и въ интересѣ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были успѣхи нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ, — одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самого общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, по многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому, для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ: «бунтъ», «мятежъ»—достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употреблять силу оружія противъ идеи о политической самостоятельности у народа, котораго много лѣтъ пріучали къ ней оффиціально, — этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи. На этотъ вопросъ именно Пушкинъ и рѣшился отвѣчать, противопоставляя польской идеѣ и заграничной ея пропагандѣ другую идею, обнаруживавшую, по его мнѣнію, настоящій историческій и нравственный смыслъ начавшейся борьбы двухъ родственныхъ племенъ. Идея эта имѣла еще и то качество, что способна была оправдать мѣры, принимаемыя для доставленія ей торжества. 5-го августа 1831 года, за три недѣли до паде-

нія Варшавы, Пушкинъ написалъ по адресу европейскихъ и польскихъ враговъ нашихъ пьесу «Клеветникамъ Россіи», которую можно назвать первой политической журнальной статьей, тогда написанной у насъ по польскому вопросу,—и это несмотря на ея лирическую форму. Политическая мысль укрылась здѣсь подъ крыло Державинской оды и сложила тутъ свои зародыши, за неимѣніемъ никакого другого пріёмника. Замѣчательно, что ей всѣ обрадовались и, можетъ быть, всего сильнѣе тѣ, которые не считали возможнымъ и нужнымъ призывать на помощь своему дѣлу независимый голосъ публицистики. Всѣмъ она даровала ключъ къ благопріятному толкованію смутнаго и щекотливаго вопроса, но главная привлекательная ея сторона заключалась въ томъ, что она какъ-бы возлагала великую народную миссію на непосредственныхъ, активныхъ дѣятелей войны. Такимъ образомъ, настоятельная потребность минуты была удовлетворена, хотя, безъ сомнѣнія, и въ духѣ того времени. Много разъ потомъ ссылались на мысль Пушкина, что польскій вопросъ представляетъ, по преимуществу, домашнее дѣло славянскаго міра, отъ поворота котораго въ ту или другую сторону зависитъ направленіе и будущность славянства вообще; много разъ также и разработывали эту мысль въ различныхъ смыслахъ. За Пушкинымъ остается, въ концѣ-концовъ, непререкаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу подъ голый фактъ ненавистнаго столкновенія двухъ родственныхъ племенъ.

27-го августа, совершилось столь долго и нетерпѣливо ожидаемое паденіе Варшавы, далеко не прекратившее, впрочемъ, какъ извѣстно, развитіе племенной борьбы. Пушкинъ привѣтствовалъ событіе стихотвореніемъ «Бородинская годовщина», которое, вмѣстѣ съ пьесой «Клеветникамъ Россіи» и стихотвореніемъ Жуковскаго по тому же случаю, напечатано въ одной брошюрѣ: «На взятіе Варшавы, 1831 г.». Также точно напечатали они въ одной и той же брошюрѣ четыре народныя сказки, сочиненныя ими въ Царскомъ-Селѣ, по уговору между собою. Въ это время они все дѣлали сообща.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что и появленію той знаменитой пьесы предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей въ дружескомъ кругу, который образовался около Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и который состоялъ почти весь изъ лицъ, приближенныхъ болѣе или менѣе къ императорскому двору, а потому и знавшихъ многія подробности и секреты политики, скрытыя еще отъ глазъ толпы. Въ кругу этомъ, между прочимъ, особенное покровительство и поощреніе встрѣтила мысль Пуш-

кина основать печатный органъ для отраженія наговоровъ европейской прессы. Сохранился отрывокъ изъ пробы Пушкина составить формальное прошеніе въ этомъ смыслѣ.

«У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ».

Не дожидаясь однако же этого дозволенія и не испросивъ, такъ-сказать, благословенія на подвигъ, Пушкинъ возвысилъ голосъ—и успѣхъ, какъ упомянуто, оказался громадный.

Проектъ изданія политическаго журнала не былъ вовсе покинутъ и послѣ появленія знаменитаго стихотворенія, — только, благодаря толкамъ и совѣтамъ дружескаго круга, въ проектъ замѣшались теперь еще другіе и гораздо болѣе обширные планы, вмѣстѣ съ соображеніями объ окончательномъ устройствѣ общественнаго положенія Пушкина. Дѣйствительно, надо было, думали тогда, опредѣлить мѣсто, которое слѣдуетъ занять поэту въ свѣтѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлался семьяниномъ, какъ миновала эра молодыхъ увлеченій и фрондёрства, построенныхъ на самомъ снисхожденіи тѣхъ, кого они затрогивали. Дворъ смотрѣлъ на Пушкина съ участіемъ, и при всякомъ важномъ случаѣ его жизни доказывалъ это участіе несомнѣннымъ образомъ, какъ-бы приглашая поэта отыскать сферу публичной дѣятельности, которая позволила бы ему разсчитывать на признательность, во имя общественныхъ заслугъ и достоинства своихъ трудовъ. По мысли дружескаго круга, слѣдовало выбрать еще занятіе, рядомъ съ обычными занятіями поэзіей, которыя въ рѣдкихъ только случаяхъ давали тогда устроенное гражданское положеніе. Дѣло было нелегкое. Пушкинъ не хотѣлъ и слышать ни о какого рода занятіяхъ, которыя ограничивали бы его независимость, изуродовали бы его талантъ, или потребовали бы сдѣлокъ съ совѣстью; онъ предпочиталъ лучше оставаться по прежнему «заподозрѣннымъ» человѣкомъ, чѣмъ сдѣлаться «выбор-

нымъ» на подобныхъ условіяхъ. Друзья Пушкина раздѣляли его сомнѣнія, но въ поискахъ за лучшими поприщами для будущей его дѣятельности и общественной роли они пришли къ заключенію, что въ русскомъ мірѣ существуютъ два вакантныхъ мѣста, отвѣчающія всѣмъ наиболѣе взыскательнымъ требованіямъ совѣстливаго труженика. Первое изъ этихъ мѣстъ могло составить удѣлъ истиннаго журналиста, политическаго писателя, «уполномоченнаго» разъяснять публикѣ духъ, намѣренія и цѣли правительства и отклонять отъ него безумные толки, легкомысленную или превратную оцѣнку его постановленій, обнаруживая ихъ сущность и присущія имъ идеи. Второе мѣсто было еще обольстительнѣе: оно возводило Пушкина въ должность оффиціальнаго историка Петровской эпохи и открывало путь къ занятію государственнаго поста исторіографа, не имѣвшаго еще своего представителя съ самой смерти послѣдняго его обладателя — Н. М. Карамзина. Какъ ни сильно отзывались еще эти предположенія романическимъ и утопическимъ характеромъ, но Пушкинъ съ жаромъ ухватился за нихъ: они отвѣчали тайнымъ пожеланіямъ его собственной мысли. Онъ тотчасъ же и принялся за положеніе основъ къ ихъ осуществленію, и не далѣе какъ въ іюнѣ 1831 года подалъ уже просьбу генералу Бенкендорфу, въ которой заявлялъ свое желаніе служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, если оно того пожелаетъ, и прежде всего заняться исторіей Петра I, съ правомъ входа въ государственные архивы.

Мы можемъ привести только черновой набросокъ этой просьбы. Не имѣя подлинника и не зная, увидитъ ли онъ когда-нибудь свѣтъ, полагаемъ, что и первоначальный, блѣдный абрисъ просьбы Пушкина будетъ все-таки любопытенъ для читателя. То́ достовѣрно — что при окончательной редакціи авторъ документа сохранилъ большую часть его содержанія. Это доказывается ссылкой на письмо въ статьѣ, принадлежащей перу высшаго чиновника Третьяго Отдѣленія, М. М. Попову, который видѣлъ и самый документъ (см. статью: «Алек. Серг. Пушкинъ» въ «Русской Старинѣ», 1874, т. X, августъ). Авторъ этой статьи цитируетъ изъ просьбы поэта, совершенно сходно съ черновой ея подготовкой, только первое положеніе ея, гдѣ Пушкинъ жалуется на неполученіе своевременно двухъ слѣдовавшихъ ему чиновъ и сопровождаетъ цитату укоризненнымъ замѣчаніемъ отъ себя: «Знаменитый, уважаемый всею Русью, поэтъ печалился, что онъ въ служебной іерархіи не болѣе, какъ коллежскій секретарь». Тутъ есть, можетъ быть, и невольное недоразумѣніе. Пушкинъ, добиваясь права на

посѣщеніе государственныхъ архивовъ, не могъ забыть, что оно, во-первыхъ, обусловливалось тогда состояніемъ лица на службѣ по какому-либо вѣдомству, и часто находилось, по понятіямъ того времени, въ тѣсной зависимости отъ чина, имъ носимаго. Вотъ какія побужденія управляли имъ, когда онъ напоминалъ о служебной несправедливости, ему оказанной, а совсѣмъ не мелкое тщеславіе, какъ говорили еще при жизни поэта многочисленные его враги изъ Булгаринскаго лагеря, которые радовались всякому случаю навязать комическую погремушку на простую и очень мало-честолюбивую фигуру поэта. Но вотъ и самый документъ:

«Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его В—ва, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему, по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ былъ изъ лицея), къ несчастію, *будетъ мнѣ препятствіемъ* на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т.-е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а *я имъ о томъ не припоминалъ*. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что̀ мнѣ слѣдовало.

«Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостію взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», то-есть такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа, послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III».

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать и превзошелъ ожиданія Пушкина. 31 іюля 1831 г., ему обѣщано было разрѣшеніе на изданіе газеты, и тогда же—съ явной охотой и благорасположе-

ніемъ—дано право на посѣщеніе и изученіе государственныхъ архивовъ и библіотекъ, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Д. Н. Блудова. Нѣсколько позднѣе и уже послѣ того, какъ были написаны обѣ патріотическія пьесы (Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина), т.-е. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, самымъ неожиданнымъ образомъ устроилось и оффиціальное, служебное положеніе Пушкина. Его причислили къ министерству иностранныхъ дѣлъ *сверхъ штата*, согласно съ отзывомъ начальниковъ вѣдомства, заявившихъ о неимѣніи вакантныхъ мѣстъ въ своемъ распоряженіи; но при этомъ Пушкину положено было весьма значительное, по времени, содержаніе, по 5000 р. ас. въ годъ, что̀ отчасти сравнивало его со сверстниками, успѣвшими обогнать поэта на іерархическомъ поприщѣ. Казалось, всѣ спѣшили на встрѣчу желаніямъ и помысламъ Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и самыя распоряженія, которыхъ онъ былъ предметомъ, носили еще явную печать сочувствія къ намѣренію поэта связать новый, семейный періодъ своей жизни съ дѣльнымъ, обширнымъ патріотическимъ трудомъ. Оставалось пользоваться предоставленными ему выгодами и свободой — и довести постепенно оба предпріятія, взятыя имъ на себя, до блестящихъ результатовъ, какіе они обѣщали и какихъ онъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего труда. Извѣстно однакоже, что оба предпріятія, на пути своего развитія, встрѣтили неожиданныя помѣхи, преимущественно въ нравственномъ, душевномъ, субъективномъ настроеніи ихъ автора, —помѣхи эти въ короткое сравнительное время успѣли остановить ростъ Пушкинскихъ проектовъ, а, наконецъ, и вовсе упразднить ихъ.

Главной силой, разрушившей планы Пушкина, были именно политическіе и общественные идеалы его, которые не умѣстились въ рамкахъ, оффиціально заготовленныхъ для нихъ.

Исторію паденія замысловъ Пушкина начинаемъ съ проекта газеты. Не подлежитъ сомнѣнію, что новый политическій органъ, задуманный поэтомъ, связывался у него съ воспоминаніями о «Литературной Газетѣ» барона Дельвига. Еще въ предъидущемъ 1830 г. Пушкинъ мечталъ о превращеніи изданія друга въ газету политическую и заготовилъ даже формальную просьбу въ этомъ смыслѣ, часть которой уже извѣстна публикѣ, по выдержкамъ изъ нея, напечатаннымъ прежде, въ нашихъ матеріалахъ для біографіи Пушкина, 1855 года. Побужденія, которыя онъ тогда выставлялъ на видъ, требуя дополненія «Литературной Газеты» политическимъ отдѣломъ, значительно разнились съ тѣми, которыя теперь легли въ основу его новаго прошенія. Тогда онъ говорилъ о матеріальномъ

и нравственномъ ущербѣ, какой терпятъ русскіе писатели отъ монополіи «Сѣверной Пчелы», захватившей иностранныя извѣстія и пользующейся этой даровой силой для привлеченія, такъ сказать, *невольныхъ* подписчиковъ и читателей и для распространенія между ними своихъ корыстныхъ, часто клеветническихъ нападковъ на враговъ. На матеріальный ущербъ, наносимый цѣлому и наиболѣе достойному классу русскихъ писателей, Пушкинъ всего болѣе и налегалъ, предполагая, что администрація будетъ особенно чувствительна къ охраненію интересовъ законнаго труда, честнаго добыванія людьми насущныхъ средствъ къ жизни. Онъ ходатайствовалъ о добавленіи газеты своего друга подцензурнымъ политическимъ отдѣломъ единственно во имя справедливости, возстановленія нарушенныхъ правъ писателей и доставленія имъ возможности бороться равнымъ оружіемъ съ соперниками, которые теперь занимаютъ привилегированное положеніе въ обществѣ. Внезапное исчезновеніе «Литературной Газеты» со сцены журнальнаго міра сдѣлало ненужнымъ дальнѣйшее ходатайство о расширеніи ея программы.

Совсѣмъ другія требованія заявлялись теперь Пушкинымъ, и дѣйствительно, теперь у него не то стояло на первомъ планѣ. Онъ собирался привлечь лучшія, надежнѣйшія силы нашего литературнаго міра къ общей работѣ по выясненію существующихъ порядковъ русской жизни, по толкованію смысла правительственныхъ мѣръ и распоряженій, по развитію въ обществѣ твердыхъ политическихъ идей—и особенно понятій о своемъ достоинствѣ, обязанностяхъ и роли въ государствѣ.

Въ разныя эпохи нашей жизни и многими даровитыми нашими людьми давно уже сознавалась необходимость выдти изъ тяжелаго положенія, какое всегда выпадаетъ на долю общества и частныхъ лицъ, которымъ приходится стыдиться тѣхъ самыхъ основъ существованія, которымъ они покоряются. Весьма честные и благородные умы, съ самаго начала столѣтія, заняты были у насъ постоянно отысканіемъ нравственнаго смысла въ коренныхъ учрежденіяхъ государства—думали о реформѣ, преобразованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо утеряли прежній смыслъ. Либеральный консерватизмъ не былъ новостію на Руси—и причина понятна: съ осмысленнымъ и поясненнымъ фактомъ современнаго политическаго быта Россіи какъ будто становилось легче для совѣсти подчиняться всѣмъ его требованіямъ и естественнымъ послѣдствіямъ. Той же работѣ разъясненія, оправданія историческаго положенія государства и дополненія его, по возможности, новыми элементами нравственнаго содержанія, Пушкинъ намѣ-

ревался посвятить, вслѣдъ за нѣкоторыми своими предшественниками, и новую политическую газету. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что мысли, которыя онъ собирался проводить въ ней, были ему самому нужны, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его будущимъ слушателямъ и читателямъ: онѣ, эти мысли, возстановляли его морально въ собственныхъ его глазахъ, разрѣшали тѣ *болѣзни совѣсти*, которыя сопровождаютъ обыкновенно всякія перемѣны направленій и убѣжденій. Мало того — онъ питалъ еще и надежду, что идеальнымъ представленіемъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ, которые занимаютъ важнѣйшія функціи въ государствѣ, онъ привлечетъ ихъ къ высшему пониманію своего призванія и долга, чѣмъ и окажетъ немаловажную услугу современникамъ. Желая испробовать почву, на которой ему придется дѣйствовать, Пушкинъ представилъ даже разсмотрѣнію ген. Бенкендорфа и образчики тона и пріемовъ, въ какихъ онъ намѣренъ излагать выдающіяся событія внутри имперіи, выбравъ для этого нѣсколько фактовъ изъ ближайшей современной исторіи [1]). Образчики эти, отчасти взятые имъ прямо изъ записной своей книжки, не имѣютъ ничего общаго ни по языку, ни по намѣренію, съ рутиннымъ, приниженнымъ и подобострастнымъ способомъ сообщать полуоффиціальныя извѣстія, какой тогда господствовалъ въ нашей журналистикѣ. Пушкинъ или даетъ картинный разсказъ происшествія и оставляетъ его говорить такимъ образомъ самого за себя, или разъясняетъ его смѣлымъ словомъ убѣжденнаго человѣка. Онъ собирался стать русскимъ консервативнымъ публицистомъ на *свой* образецъ, и его надобно было еще умѣть понимать, прежде чѣмъ разлагать и цѣнить сущность его мнѣній.

Мысль—доставить русской формѣ политическаго быта такое же почетное мѣсто въ области теорій государственнаго права и политическихъ наукъ вообще, какое въ нихъ занимаютъ наиболѣе уважаемыя и цѣнимыя формы правленій, пришла Пушкину опять какъ отвѣтъ на позорящія обвиненія заграничной интеллигенціи. Онъ сдѣлался очень чувствителенъ къ выходкамъ и диффамаціямъ западнаго либерализма, направленнымъ на *всю* исторію Россіи и на общество. Ему казалось, что отыскать нравственныя начала, на которыхъ зиждется наше государство, значитъ—оградить честь русскаго ума и народнаго характера, участвовавшихъ въ его образованіи. И нѣтъ сомнѣнія,

---

[1]) Два-три такихъ образчика, отдѣленные отъ матеріаловъ и документовъ, которыми мы пользовались въ прежнихъ біографическихъ опытахъ о Пушкинѣ, напечатаны были въ „Библіографическихъ Запискахъ", 1859, № 5, стр. 134, 135 и слѣд.

что большинство тогдашнихъ писателей, на содѣйствіе которыхъ Пушкинъ и разсчитывалъ, пошли бы охотно за нимъ. Кому же не было бы дорого обрѣсть идею и моральную основу въ томъ порядкѣ дѣлъ, въ томъ родѣ жизни, съ которыми связано безповоротно все существованіе каждаго изъ нихъ; кому не была дорога возможность хотя бы діалектически развить и публично высказать затаенныя вѣрованія и надежды своей души? Да и кромѣ того, многіе распознавали въ намѣреніяхъ Пушкина еще болѣе возвышенную цѣль, — именно, цѣль создать черезъ посредство своего органа и для обращенія въ публикѣ популярное ученіе, содержащее философски высокое пониманіе и опредѣленіе вообще государственной власти, — они и не ошибались въ этомъ.

Подъ программой журнала, дѣйствительно таилась у Пушкина общественная теорія, имѣвшая въ виду доставить государственной власти санкцію мысли и свободнаго анализа, на-равнѣ со всѣми другими санкціями, ею прежде полученными со стороны церкви, права и народныхъ убѣжденій. Не трудно намѣтить основныя черты самой теоріи, какъ онѣ сказываются въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ, въ разборѣ книги послѣдняго, озаглавленной: «Мысли на дорогѣ», и какъ онѣ отложились во множествѣ отрывковъ, оставшихся послѣ поэта въ бумагахъ его, какъ просвѣчивали въ устныхъ его заявленіяхъ, долго сохранявшихся его семействомъ и друзьями.

Теорія Пушкина была опять, въ сущности, не что иное, какъ отраженіе патріотическихъ воззрѣній В. А. Жуковскаго, который подчинилъ имъ своего друга тѣмъ легче, что послѣдній носилъ въ себѣ зародышъ такого направленія уже издавна, по свидѣтельству ближайшихъ его друзей, какъ, напр., кн. П. А. Вяземскаго. Вѣроятно, въ Царскомъ-Селѣ оба поэта сошлись ближе въ пониманіи сущности доктрины, которую одинъ изъ нихъ уже и прежде намѣтилъ въ безсмертныхъ словахъ, сказанныхъ имъ въ своей запискѣ: «*Подробный планъ ученія В. К. Наслѣдника*», недавно опубликованной («Русск. Старина», 1880, февраль): «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его... общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе... свобода и порядокъ одно и то же: любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и проч.

Консерватизмъ Пушкина совершенно совпадалъ съ такой исходной точкой политическихъ убѣжденій Жуковскаго, и оба они думали совершенно одинаково о важнѣйшихъ явленіяхъ русской

жизни. Всѣ духовныя стремленія общества, думалъ Пушкинъ,— всѣ его надежды и чаянія, равно какъ и требованія матеріальнаго свойства, собираются въ правительствѣ, какъ въ естественномъ своемъ хранилищѣ, данномъ исторіей. Они тщательно берегутся тамъ до тѣхъ поръ, пока съ наступленіемъ срока, переработанныя долгой мыслью и въ совѣтѣ съ лучшими умами страны, выходятъ опять на свѣтъ въ образѣ учрежденій, въ формѣ созданія новыхъ и возстановленія старыхъ правъ,—возвращаясь, такимъ образомъ, снова въ народъ, но уже становясь ступенью въ его прогрессивномъ развитіи. Нѣтъ ни стыда, ни униженія безпрекословно подчиняться такой чуткой власти, какъ бы, впрочемъ, она ни называлась: абсолютной, патріархальной, деспотической и т. д. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность консервативной черты Пушкина, которая порождала извѣстныя его заявленія въ томъ же духѣ, часто останавливавшія на себѣ вниманіе его современниковъ и послѣдующихъ его цѣнителей, и которую онъ собирался развивать въ новомъ своемъ органѣ.

Здѣсь необходимо сказать, что примѣры иногда весьма оживленной критики заведенныхъ порядковъ и оффиціальныхъ мѣропріятій, которая по-часту встрѣчается въ запискахъ и въ корреспонденціи Пушкина отъ этого же времени, нисколько не свидѣтельствуютъ объ его измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Напротивъ, онъ чрезвычайно дорожилъ новыми нажитыми убѣжденіями даже и послѣ того, какъ принужденъ былъ отказаться отъ публичной ихъ защиты. Можно доказать фактами, что всякій разъ, какъ грубые толчки и удары со стороны реальнаго міра нарушали стройность его консервативной теоріи, колебали ея основанія и грозили потрясти вѣру въ ея положенія, онъ глубоко возмущался и спѣшилъ съ горячимъ обличеніемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣломъ и примѣромъ своимъ поднимали на нее руку. Онъ становился въ это время не только раздражителенъ и дерзокъ, но и глубоко несчастливъ,—словно цѣлость и неприкосновенность теоріи была ему необходима для возможности собственнаго существованія, спасала его самого отъ большой умственной и нравственной бѣды.

Сложнѣе представляется на видъ, съ перваго раза, другой вопросъ, неизбѣжно идущій вслѣдъ за первымъ. Что́ же сдѣлалось теперь у Пушкина съ его тэмами о важности передового сословія въ государствѣ, о призваніи аристократіи служить надежнымъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, и съ другими тэмами подобнаго рода? Какъ помирилъ онъ новую свою консервативную теорію съ прежней, которую никогда не

покидалъ совсѣмъ, и которой придерживался, какъ извѣстно, еще въ 1835 году, то-есть почти наканунѣ смерти? Отвѣтъ на вопросъ не такъ затруднителенъ, какъ онъ сначала кажется. Противорѣчіе между двумя ученіями при ближайшемъ разсмотрѣніи сводится на простое недоразумѣніе между двумя однородными силами, которыя всегда наклонны къ компромиссу и примиренію. На *теоретической* почвѣ особенно противорѣчіе легко сглаживается. Не трудно было возвести, напримѣръ, Пушкину, хотя онъ никогда не занимался философскими выкладками, оба принципа къ высшему единству, и съ помощью разныхъ аналогій и діалектики самымъ естественнымъ образомъ представить противоположныя свои начала составными частями одного и того же цѣлаго, одного и того же общественнаго идеала, весьма способными къ совмѣстной жизни. Такъ именно и случилось съ Пушкинымъ. Враждебные по натурѣ элементы свободно пріютились въ его мысли и мирно процвѣтали въ ней рядомъ другъ съ другомъ, взаимно ограничивая и умѣряя себя и представляя зрѣлище теоретической гармоніи, какое рѣдко даютъ тѣ же элементы, когда они произрастаютъ на реальной, исторической почвѣ.

Но каковы бы ни были отношенія Пушкина къ обоимъ своимъ ученіямъ,—несомнѣнно, что для публичной ихъ защиты въ журналѣ требовался нѣкоторый просторъ мысли, нѣкоторая свобода въ оцѣнкѣ явленій и право свободнаго критическаго разбора тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ затемнять свѣтлый ликъ поставляемаго на видъ идеала. Это было, можетъ статься, еще необходимѣе для позднѣйшей консервативной теоріи, чѣмъ для первой, либерально-олигархической, которая, нося на себѣ слишкомъ явно фантастическій характеръ, ни въ какихъ особенныхъ заботахъ и предосторожностяхъ не нуждалась. Другое дѣло — ученіе о государственной власти. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, призывать публику къ лучшему пониманію своего быта, хлопотать о поднятіи уровня политическихъ идей въ обществѣ, проповѣдывать спасительныя, ободряющія и укрѣпляющія истины, употребляя то же самое, полу-внятное, пошлое бормотанье, которое служило тогдашней печати при передачѣ ею внутреннихъ и внѣшнихъ событій. Для успѣха распространенія новыхъ философско-политическихъ началъ между образованными людьми эпохи все-таки требовалось хотя бы подобіе мужественной рѣчи, нѣчто похожее на одушевленіе человѣка, проникнутаго своимъ предметомъ, и желательно было дѣйствіе бодраго слова, сбросившаго съ себя старую, обветшалую и изношенную оболочку. Но тутъ-то и встрѣтились затрудненія. Генералъ Бенкен-

дорфъ, завѣдывавшій ходомъ и направленіемъ общественной мысли и никогда особенно не довѣрявшій благонадежности писателей и журналистовъ, не нашелъ и теперь достаточныхъ причинъ для какого-либо измѣненія цензурныхъ обычаевъ времени въ пользу новаго изданія. Онъ думалъ, что, испробованный и освященный употребленіемъ, способъ понимать и излагать предметы политическаго характера—совершенно достаточенъ для русскаго общества и отвѣчаетъ вполнѣ всѣмъ умственнымъ его запросамъ. Къ этому присоединилось у него закоренѣлое убѣжденіе, что всѣ, слишкомъ возвышенныя цѣли, поставляемыя себѣ русскими людьми и всѣ крупные ихъ замыслы, выходящіе за черту общаго уровня дѣлъ и понятій, служатъ имъ только удобнымъ способомъ скрывать тенденціозныя намѣренія весьма сомнительнаго свойства. Онъ и не замедлилъ обнаружить вскорѣ эту часть своихъ убѣжденій самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Въ 1832 г., явился альманахъ «Сѣверные Цвѣты», изданный Пушкинымъ и его друзьями въ пользу семейства покойнаго барона Дельвига. Въ этомъ сборникѣ статей, Пушкинъ помѣстилъ превосходное свое стихотвореніе: «Анчаръ — древо яда», которое и сдѣлалось поводомъ довольно непріятной для автора исторіи. Подъ предлогомъ, что пьеса его, безпрекословно дозволенная къ печати обыкновенной цензурой, не была предварительно послана на обсужденіе верховной цензуры, какъ требовалъ того порядокъ, генералъ Бенкендорфъ упрекалъ Пушкина въ измѣнѣ принятымъ на себя обязательствамъ, въ нарушеніи честнаго слова и въ обманѣ. Замѣчательно, что надзоръ, молчаливо терпѣвшій доселѣ подобныя же, довольно многочисленныя уклоненія Пушкина отъ правила—возсталъ теперь съ горячимъ обличеніемъ и притомъ въ такой формѣ, которая показалась слишкомъ рѣзкой Пушкину, такъ что онъ долго не могъ забыть ея и вспоминалъ еще о ней съ горечью, спустя четыре года, въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы, въ 1836 г., когда состоялъ уже четыре мѣсяца редакторомъ журнала «Современникъ»: «Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П.-Б., скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а, между тѣмъ, у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. *Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ* [1]), я получалъ ужъ полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé,

---

[1]) То-есть, еще не облеченный формально въ званіе издателя политической газеты, какъ предполагалось сдѣлать, въ 1832 г. послѣ опубликованія програмы и условій подписки.

и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело—нечего сказать [1])!»

Пушкинъ, разумѣется, принялся тогда отписываться, ссылаясь на прежніе примѣры и представляя новые доводы въ свое оправданіе. Онъ-молъ не хотѣлъ мелкими произведеніями своей музы похищать время сильно занятыхъ государственныхъ людей, а всѣ крупныя произведенія свои неотложно представлялъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденье и проч. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо понялъ, что сущность дѣла заключается совсѣмъ не въ нарушеніи установленныхъ правилъ относительно появленія въ свѣтъ его стихотвореній, а въ характерѣ и содержаніи самой пьесы. Сопоставленіе различной участи раба и князя, дѣйствующихъ каждый по законамъ своего положенія и призванія, показалось надзору отдаленнымъ политическимъ намекомъ. Единственное объясненіе несоразмѣрной съ проступкомъ живости и безцеремонности упрековъ приходилось искать въ досадѣ надзора на то, что подобные сомнительные и опасные мотивы поэзіи могутъ еще встрѣчаться подъ перомъ автора, послѣ всѣхъ благодѣяній, на него излитыхъ. А, между тѣмъ, пьеса Пушкина не имѣла ничего преднамѣреннаго и цѣликомъ вылилась, безъ всякой примѣси, изъ одного его поэтическаго созерцанія людей и природы. Все это заставило крѣпко призадуматься Пушкина. Если по поводу небольшого стихотворенія, чуждаго всякихъ намековъ и постороннихъ цѣлей, могли отродиться такія вспышки гнѣва и негодованія, чего же можно было ожидать впредь для будущей газеты отъ подозрительности надзора? Бодрость Пушкина не устояла при мысли, что ему предстоитъ каждодневно садиться на скамью подсудимыхъ и разъяснять непонятыя надзоромъ слова и фразы. Онъ упалъ духомъ. Когда московскіе его друзья, обрадованные извѣстіемъ о пріобрѣтеніи имъ печатнаго органа въ свое распоряженіе, просили его о программѣ и выражали самыя сангвиническія надежды на успѣхъ журнала, Пушкинъ поспѣшилъ охладить ихъ настроеніе. Насмѣшливо и съ досадой писалъ онъ имъ: «Какую программу хотите вы видѣть? часть политическая — *оффиціально* ничтожная, часть литературная—*существенно* ничтожная: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ — вотъ вамъ и вся программа... Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣхъ. Остальное мало меня интересуетъ.

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1878, мартъ, стр. 38.

Газета моя будетъ немного похуже «Съверной Пчелы». Угождать публикѣ я не намѣренъ, браниться съ журналами хорошо разъ въ пять лѣтъ, и то—Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній помѣщать не намѣренъ, ибо и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой: на то проза-мякина»...

Черновой отрывокъ любопытнаго письма, здѣсь приведенный, показываетъ, что поэтъ не сразу отказался отъ намѣренія редактировать газету, хотя ясно прозрѣвалъ, какая будущность ей предстоитъ. Но прошло немного времени, и невозможность дать свое имя изданію, которое должно было оказаться, по условіямъ существованія, его ожидавшимъ, *немного похуже «Съверной Пчелы»*, какъ онъ выразился, уяснилась ему вполнѣ. Когда пропали изъ вида высокія цѣли и намѣренія, лежавшія въ основаніи первоначальнаго проекта, какая была надобность еще цѣпляться за него и посвящать ему свой трудъ. Пушкинъ принялъ намѣреніе сдать обузу дальнѣйшаго веденія постылаго предпріятія первому человѣку, который согласился бы принять на себя роль подставного издателя. Онъ вскорѣ и нашелъ такого человѣка, да притомъ такъ обрадовался своей находкѣ, что порядочно не разузналъ и фамиліи замѣстителя. Въ перепискѣ съ женой онъ постоянно называлъ его «Отрыжковымъ», а, между тѣмъ, это было довольно извѣстное и типическое лицо петербургскаго міра: статскій совѣтникъ, Наркизъ Ивановичъ *Тарасенко-Отрѣшковъ*.

Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьёзнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученомъ, ни въ литературномъ мірѣ. Онъ прослылъ агрономомъ, политико-экономомъ, финансовой способностью, не соприкасаясь съ людьми науки и не выходя на арену публичности. Вѣроятно, въ одномъ изъ петербургскихъ салоновъ Пушкину и указали на Н. И. Отрѣшкова, какъ на образцоваго и дѣльнаго сотрудника по журналу. Отрѣшковъ не усумнился взять въ свои руки газету, сдѣлавшуюся предметомъ мукъ и отвращенія для ея основателя, и вести ее безъ признака редакторской способности, безъ литературныхъ связей въ обществѣ и безъ капитала, нужнаго, чтобы поставить на ноги сложное предпріятіе. Пушкинъ не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Вышло то, что́ должно было выдти—переговоры длились и ничѣмъ не кончились. Когда позднѣе, и уже послѣ смерти Пушкина — одинъ изъ многочисленныхъ покровителей Отрѣшкова — графъ Г. Г. Строгоновъ, назначенный предсѣдателемъ въ опекѣ по дѣламъ Пушкинской фамиліи, ввелъ Отрѣшкова, вслѣдъ за собой, и въ

опекунскую коммиссію, онъ игралъ въ ней весьма значительную роль. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова печаталось посмертное изданіе «Сочиненій Пушкина», удивившее даже и тогдашнюю, не очень взыскательную публику, своей безпорядочностію, и онъ же предлагалъ, для устройства матеріальнаго положенія семьи Пушкина, мѣры, которыя, безъ щедротъ государя, выпавшихъ на ея долю, конечно, не обезпечили бы прочно ея будущности и существованія, какъ это случилось. По окончаніи ликвидаціи долговъ и имущества умершаго поэта, Отрѣшковъ собралъ бумаги, прошедшія черезъ его руки, въ теченіи довольно долгаго процесса этого разбирательства, и принесъ ихъ въ даръ императорской Публичной библіотекѣ. Тамъ, въ числѣ другихъ документовъ, можно видѣть и схематическое изображеніе наружнаго вида газеты, которую онъ брался издавать. Это—пустой листъ бумаги, расчерченный перомъ на нѣсколько отдѣловъ съ оглавленіями: — Внутреннія извѣстія, внѣшнія извѣстія и т. д. Вотъ все, что́ осталось на свѣтѣ отъ газеты и отъ политической *идеи* Пушкина.

Нѣсколько болѣе сохранилось документовъ и свидѣтельствъ отъ другого замысла Пушкина—написать исторію Петра I, который тоже не осуществился, какъ и первый, но съ тою разницей, что погасалъ уже медленно и постепенно, съ ходомъ самыхъ работъ историка.

Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся Пушкинъ, особенно лѣтомъ 1832 г., за разборъ и чтеніе документовъ, касающихся царствованія Петра I въ государственномъ архивѣ, являясь туда каждодневно пѣшкомъ съ Черной рѣчки, гдѣ жилъ. По первымъ же собраннымъ матеріаламъ, онъ приступилъ къ составленію текста, къ спокойному, стройному повѣствованію о жизни и эпохѣ государя, точно предварительная критическая разработка свидѣтельствъ была уже кончена авторомъ; за то, позабытая вначалѣ, она явилась послѣ въ серединѣ труда и разстроила его. Пушкинъ самъ почувствовалъ, что прямое изготовленіе историческаго текста послѣ бѣглаго взгляда, брошеннаго на данныя, изъ которыхъ трудъ долженъ выростать—есть дѣло весьма преждевременное. Почти на каждой строчкѣ своего повѣствованія, онъ встрѣчался съ сомнѣніемъ или относительно достовѣрности источника, откуда взятъ былъ описываемый фактъ, или относительно правильной постановки и освѣщенія его. Всѣ такія сомнѣнія онъ обозначалъ вопросительными знаками въ рукописи и—текстъ повѣствованія покрытъ такими знаками. Они указывали, гдѣ должна была произойти новая провѣрка данныхъ и новое изслѣдованіе

ихъ, въ дополненіе упущеній первоначальнаго поверхностнаго обзора. Нѣсколько примѣровъ Пушкинскаго историческаго разсказа, пересѣченнаго во всѣхъ направленіяхъ такими предостерегающими знаками, и нарушающими какъ теченіе его, такъ и вниманіе и довѣріе читателя — собраны были нами въ матеріалахъ для біографіи Пушкина въ 1856 г.

Историкъ однако-жъ продолжалъ упорствовать въ намѣреніи изготовить сперва текстъ сочиненія для того, чтобы впослѣдствіи разрушить его критической провѣркой, и довелъ свою работу до 1689 года — провозглашенія Петра единодержавнымъ правителемъ государства. Тутъ онъ остановился, вѣроятно, потому, что дальше и нельзя было идти въ этомъ направленіи: масса преобразовательныхъ мѣръ монарха, требовавшая настоятельно классификаціи и тщательнаго разбора, загромождала дорогу. Пушкинъ перемѣнилъ манеру труда; онъ отказался отъ эпическаго разсказа и замѣнилъ его самымъ кропотливымъ подборомъ, въ хронологическомъ порядкѣ фактовъ и указовъ царствованія за каждый годъ, сопровождая выписки свои примѣчаніями для памяти, съ цѣлью, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользоваться тѣми и другими, когда достаточное количество собраннаго матеріала позволитъ приступить къ составленію уже настоящей исторіи.

Вотъ, эти именно примѣчанія Пушкина къ указамъ и событіямъ эпохи преобразователя — и тонъ, въ которомъ по-часту излагаются они, и составляютъ единственную существенную часть всего его труда. Въ нихъ обнаруживается тайная мысль историка, — та самая, которая неотступно преслѣдовала его и прежде, и которая теперь помѣшала ему довести до конца свое предпріятіе и написать задуманную книгу — несмотря на весь его талантъ и на все его трудолюбіе.

Чѣмъ яснѣе возставала передъ нимъ картина дѣятельности Петра, благодаря самому предпринятому сборнику, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось у Пушкина старое представленіе о геніальномъ императорѣ, какъ объ олицетвореніи страшной бури, одинаково сметающей передъ собой, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ей встрѣчается на пути до тѣхъ поръ, пока не истощится сама собой ея природная, феноменальная сила. Завзятому типу людей Александровской эпохи, какимъ былъ Пушкинъ, казалась тяжелою ношею даже и благодарность за великіе отечественные подвиги, если они совершены съ помощію крутыхъ и нравственно-оскорбительныхъ мѣръ. Еще менѣе расположенъ былъ Пушкинъ, по личному характеру своему, оправдывать реформы, которыя шли на-перекоръ нѣкоторымъ существеннымъ народнымъ

особенностямъ, и возмущался ими, когда они не оставляли въ покоѣ частнаго, безвреднаго убѣжденія, или грубо затрогивали наивныя, простосердечныя вѣрованія. Большое разстройство въ сознаніе Пушкина внесено было соображеніемъ, что *не вся правда* цѣликомъ, и при всякомъ случаѣ, стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, ничуть не уступали въ энергіи и безпощадности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ и свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности, чему свидѣтельствомъ остался законъ о престолонаслѣдіи и друг. Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра I, Пушкинъ видѣлъ или думалъ, что видитъ двойное лицо—геніальнаго созидателя государства и старый восточный типъ *«бича божія»*. Рука Пушкина дрогнула. Уже много накопилось матеріаловъ для исторіи въ его сборникѣ и ждало только обработки, а онъ все не приступалъ къ ней. Онъ искалъ способа изобразить ликъ великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его, и не оскорбляя оффиціальнаго міра, ожидавшаго безусловной апоѳеозы преобразователя, для чего собственно и были открыты ему государственные архивы. Пушкинъ такъ и умеръ, не отыскавъ способа примирить эти два совершенно противоположныя требованія, и все продолжалъ еще собирать матеріалы, какъ будто отъ количества ихъ ожидалъ совѣта, помощи и вдохновенія въ этомъ дѣлѣ.

Большая часть замѣтокъ и примѣчаній Пушкина, на которыхъ мы основываемъ выводы, здѣсь изложенные, отличаются чрезвычайно живымъ, критическимъ характеромъ. Извѣстно, что посмертное «Собраніе сочиненій Пушкина» издавалось, по волѣ государя, почти безъ участія цензуры; но, прилагая къ изданію свою обычную помѣтку о дозволеніи печатать (май и іюнь 1840 г.), цензура все-таки заявила мнѣніе о совершенной невозможности открыть право свободнаго обращенія въ публикѣ многимъ циническимъ приговорамъ и заключеніямъ автора. Мѣста эти и были выпущены по ея настоянію, лишивъ остальную часть труда почти всякаго интереса. Для оправданія цензуры того времени въ этомъ случаѣ достаточно сказать, что, по запальчивому тону и крайне рѣзкому выраженію мысли, замѣтки Пушкина и теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со времени ихъ составленія, походятъ скорѣе на ожесточенныя тирады озлобленнаго человѣка, чѣмъ на вопросы и сомнѣнія ученаго. Выбираемъ изъ ряда

Пушкинскихъ замѣтокъ наиболѣе удобныя для сообщенія публикѣ понятія объ ихъ общемъ характерѣ:

«*1711—1714 г.* У князя Меньшикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: «*Гдѣ же правда, тамъ и помощь божія*»; *однако Богъ помогъ не намъ.* Въ сіе же время изданъ тиранскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія.—*1715.* Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ приготовлять юфть по новымъ способамъ, по обыкновенію своему, угрожая за ослушаніе кнутомъ и каторгою.—*1718.* Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворванымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.—*1721.* Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ изъ коего онъ проистекаетъ — самъ по себѣ, несправедливость и жестокость. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой.—*1721.* Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссійскаго императора и Петра Великаго. Петръ не долго церемонился и принялъ его. Сенатъ (т.-е., восемь стариковъ) прокричали: vivat! Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.—*1722.* Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.—*1722.* Манифестъ о правѣ наслѣдства, т.-е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, и отдалъ престолъ на произволеніе...»

И такъ далѣе. Наиболѣе рѣзкимъ словомъ отличаются замѣтки, касающіяся женитьбы Петра на Екатеринѣ магдебургской; процесса царевича Алексѣя, гдѣ встрѣчается такое утвержденіе: «Петръ хвастался своей жестокостію»; процесса несчастныхъ Монсовъ и обстановки, сопровождавшей смерть реформатора.

Значило-ли все это, что Пушкинъ не обладалъ надлежащимъ органомъ для пониманія великой государственной стороны въ дѣятельности Петра I, что онъ лишенъ былъ способности чутья и распознаванія великихъ идей, управляющихъ поступками геніальныхъ людей? Далеко отъ того! Пониманіе величія задачи, поставленной себѣ преобразователемъ, и благоговѣніе передъ силой и ясностію, съ которыми онъ проводилъ ее въ народъ, Пушкинъ обнаруживалъ не разъ въ теченіи своей поэтической дѣятельности. Онъ не выдержалъ только восторженнаго настроенія своихъ стихотвореній, посвященныхъ имени Петра, когда ближе подошелъ къ жизненнымъ подробностямъ его царствованія и услы-

шалъ, такъ сказать, вопли жертвъ и шумъ развалинъ, падавшихъ подъ ударами преобразователя, расчищавшаго дорогу новому порядку дѣлъ и новымъ идеямъ. Художническая натура Пушкина мѣшала ему сдѣлаться трезвымъ историкомъ. Ему недоставало сухости воображенія, необходимой для того, чтобы хладнокровно взвѣшивать и опредѣлять цѣну роковыхъ событій, не чувствуя страшной, раздирающей драмы подъ ними, и не смущаясь ею, когда она выступаетъ наружу. Поэтическая способность переноситься всецѣло въ дальнія эпохи и жить съ ними, какъ-бы въ качествѣ ихъ современника, мѣшала ему исполнять обязанности историка. Онъ слишкомъ любилъ побѣжденныхъ и проигравшихъ свое дѣло, слишкомъ возмущался, когда побѣдители кичливо предавались торжеству, хотя бы послѣднее было вынесено самымъ историческимъ ходомъ дѣлъ и необходимостію. Въ числѣ его замѣтокъ находится одна, весьма важная, которая показываетъ, что онъ радъ былъ встрѣтиться на пути своихъ изслѣдованій съ соображеніями, которыя открывали ему возможность войти въ роль безстрастнаго судьи и резонёра гораздо полнѣе, чѣмъ онъ дѣлалъ это доселѣ:

«Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды *ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости;* вторые — нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые—вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

«*NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ*».

Итакъ, вотъ та твердо поставленная программа, изъ которой долженъ былъ у Пушкина возникнуть образъ великаго монарха. Самъ собой рождается при этомъ вопросъ — была ли возможность этой программѣ, по времени, осуществиться на-дѣлѣ? Прежде всего тутъ бросается въ глаза нѣсколько искусственное дѣленіе цѣльной фигуры преобразователя на двѣ части, имѣющія каждая свое особенное выраженіе. Очень много возраженій способно вызвать такое предполагаемое раздвоеніе политической дѣятельности у Петра I, такъ какъ источникъ ея, при всемъ ея разнообразіи, былъ одинъ и тотъ же — сознаніе могущества самодержавной власти, вѣра въ дѣло, заботливость о будущемъ государства, непреклонная воля. Все это уравнивало передъ лицомъ реформатора всѣ сферы общества и администраціи и клало одинаковую печать

на всѣ его распоряженія, великія и малыя, безъ различія. Государственныя учрежденія, несмотря на свое коллегіальное устройство, слѣдили за всякимъ настроеніемъ учредителя и предупреждали его, не вѣря въ свою самостоятельность; въ частныхъ, хозяйственныхъ предписаніяхъ могущественнаго «помѣщика» легко усмотрѣть не малую долю благожелательства и мудрости, несмотря на ихъ жестокую форму, которая такъ возмущала Пушкина. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, слѣдуетъ остановиться еще на другомъ. Если бы Пушкину и удалось, силой большого таланта, провести искусно и счастливо параллель своей программы въ историческомъ изложеніи—кого бы она удовлетворила?—Большинство публики и весь оффиціальный міръ ждали отъ поэта просто лучезарнаго лика Петра I и, конечно, возмутились бы всякимъ яркимъ пятномъ, которое бы на немъ примѣтили; съ другой стороны, даже и позволеніе на самый осторожный и необходимый, по существу дѣла, вводъ тѣней въ образъ монарха Пушкинъ принужденъ былъ бы покупать цѣною едва-внятныхъ намековъ, полу-откровеній, недоговоренныхъ мыслей, что̀ лишило бы его трудъ всякаго наукообразнаго значенія въ глазахъ свѣдущихъ и компетентныхъ судей. Въ виду разнообразныхъ и одинаково настоятельныхъ требованій, успѣхъ исторіи становился сомнительнымъ, какую бы дорогу, впрочемъ, самъ авторъ ни выбралъ. При такихъ условіяхъ труда, естественно, что онъ долженъ былъ остановиться у Пушкина—и остановился дѣйствительно.

Какъ-бы предчувствуя свою неудачу, Пушкинъ успѣлъ открыть для себя въ архивахъ побочное дѣло, которое утѣшило его отчасти за медленный ходъ главной работы. Часто случается, что изслѣдователь, свободно и довѣрчиво допущенный ко всѣмъ сокровищамъ богатаго книгохранилища, знакомится тамъ съ документами, не касающимися прямо его предмета, но въ высшей степени интересными. Такимъ документомъ, завладѣвшимъ всѣмъ вниманіемъ Пушкина, оказалось дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ: оно сразу пробудило въ немъ производительную энергію, которая дремала за составленіемъ все разроставша́гося сборника петровскихъ указовъ и крупныхъ чертъ его жизни и примѣчаній къ нимъ. Правда, что это второстепенное, побочное дѣло прямо перенесло Пушкина въ сферу творчества, въ ту сферу, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и господиномъ своего таланта. Выписывая оффиціальныя данныя о Пугачевскомъ бунтѣ и передѣлывая ихъ въ простой, чрезвычайно сдержанный и строгій разсказъ—Пушкинъ въ то же время воплощалъ духъ эпохи, и представлялъ картину событія и жизненныя его подробности въ мастерскомъ ро-

манѣ,—извѣстной «Капитанской дочкѣ». Эта образцовая историческая повѣсть зачалась въ архивной пыли, выросла на донесеніяхъ, промеморіяхъ, слѣдственныхъ процессахъ, снятыхъ ея авторомъ съ молчаливыхъ полокъ, гдѣ они такъ долго покоились, а закончилась въ одной изъ уральскихъ станицъ, куда въ слѣдующемъ 1833 году Пушкинъ отправился черезъ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для провѣрки и осмотра мѣста дѣйствій, какъ своего романа, такъ и своей исторіи. Эти близнецы назначены были пополнять одинъ другого.

Исторію Пугачевскаго бунта, которую озаглавить Пушкинъ хотѣлъ первоначально народнымъ, генерическимъ прозвищемъ всей эпохи: «*Пугачевщина*», нельзя назвать въ настоящемъ смыслѣ слова исторіей. Это скорѣе дѣльная, хорошо составленная *докладная записка*, назначенная для быстраго ознакомленія съ предметомъ читателя, который бы поинтересовался имъ,—чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ, который такъ восхищалъ друзей поэта, и, между прочимъ, Н. В. Гоголя, когда она явилась въ печати. Всѣ краски, бытовыя подробности, вся живость изображенія этой русской «жакеріи» выпали на долю «Капитанской дочки». Извѣстно—какимъ изяществомъ постройки она отличается, какимъ добродушнымъ юморомъ вѣетъ отъ описанія патріархальныхъ порядковъ того времени и созданія типическихъ характеровъ въ духѣ эпохи...

Романъ и историческая записка составили какъ-бы отдыхъ для Пушкина, явились чѣмъ-то въ родѣ его *междудѣлія*, которое однакоже еще сильнѣе напоминало ему самому и всѣмъ другимъ о главной задачѣ, за нимъ еще числящейся. Первенствующій его трудъ не подвигался впередъ, даже собственно говоря не начинался вовсе, а нетерпѣніе публики видѣть первые его всходы росло съ года на годъ. По разсказамъ приближенныхъ Пушкина, его особенно тревожила мысль, что долгіе сборы его на заложеніе фундамента исторіи—будутъ приписаны, пожалуй, отвращенію къ герою ея, могутъ показаться бѣгствомъ съ поля сраженія, или, что̀ еще хуже, дадутъ поводъ подозрѣвать его въ преднамѣренномъ обманѣ... Пушкинъ никогда не терялъ надежды найти выходъ изъ раздвоеннаго психическаго состоянія, въ какомъ находился по отношенію къ личности Петра I. Онъ продолжалъ свои работы, и еще въ предпослѣдній годъ своей жизни (1836) уѣхалъ въ Москву и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тамошнемъ архивѣ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Но это было уже только поискомъ дополнительныхъ свѣдѣній, потому что главныя подго-

товительныя работы были кончены еще въ прошломъ 1835 г., какъ оказывается изъ подписи на послѣдней страницѣ его сборника матеріаловъ: «15 декабря 1835».

Заканчивая нашъ опытъ передачи, по неизданнымъ документамъ, политическихъ и общественныхъ идеаловъ Пушкина, не можемъ обойтись безъ послѣдней замѣтки. Идеалы поэта могутъ показаться теперь несостоятельными въ своей сущности, построенными на данныхъ, чуждыхъ русской жизни; утопическій, мечтательный ихъ характеръ можетъ быть обсуждаемъ и осуждаемъ болѣе или менѣе строго, а научная сторона ихъ — не выдерживать повѣрки и проч.; но человѣкъ, лелеявшій подобные идеалы *пятьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, останется внѣ приговоровъ и заключеній, какіе-бы ни дѣлали о его ученіяхъ и теоретическихъ взглядахъ. Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ при жизни — представителемъ типа гуманнаго развитія въ свою эпоху, примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всю жизнь обнаруживалъ неустанную энергію въ проповѣди справедливыхъ, честныхъ отношеній между людьми, за что и подвергался часто обвиненію въ безпокойномъ либерализмѣ, — который, наконецъ, всею душою постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи...

П. Анненковъ.

Май, 1880 г.

*   *
*

Все глубже, все мрачнѣй души моей покой,
Все рѣже краткія минуты пробужденья;
И сонъ—постыдный сонъ, тяжелой пеленой
Окуталъ всѣ мечты, всѣ чувства, всѣ стремленья!

Ни воли нѣтъ, ни силъ стряхнуть его—кругомъ
Окинуть божій міръ пытливымъ, яснымъ окомъ;
Не умилится взоръ красою и добромъ,
Не возмутится онъ ни грязью, ни порокомъ!

Дыханье новыхъ думъ, потоки свѣжихъ силъ
Не пробудятъ надеждъ, любви и жажды дѣла;
Обманы умерли—и жизнь средь ихъ могилъ,
Какъ нищему сума пустая, надоѣла!

Но тайную одну мечту лелеетъ грудь,
Одно не умерло завѣтное стремленье—
И прежде чѣмъ на вѣкъ умолкнуть и заснуть,
Хотѣлось бы его увидѣть исполненье:

Да, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ родился поэтъ
Могучій, полный грёзъ, огня и вдохновенья,
Чтобъ пѣсню онъ запѣлъ—и громомъ пробужденья
Откликнулись сердца на пѣсни той привѣтъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

26-го мая, 1880 г.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
А. С. ПУШКИНА

НАПЕЧАТАННОЕ ВЪ ІЮЛЬСКОЙ КНИГѢ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ 1814 ГОДА [1]).

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ—и цѣлой свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды (*)
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива;
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія!—Что, естьли Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,

---

1) Пушкину только-что исполнилось тогда 15 лѣтъ.—Мы печатаемъ это стихотвореніе, согласно съ старымъ текстомъ „Вѣстника Европы“, редакціи В. Измайлова, безъ тѣхъ измѣненій, какія пришлось, вѣроятно, сдѣлать по смерти поэта въ „Полномъ собраніи“, — такъ что, можно сказать, для современныхъ читателей это первое движеніе пера Пушкина является въ первый разъ въ настоящемъ своемъ видѣ—не многіе имѣютъ экземпляръ „Вѣстника Европы“ 1814 года. Даже въ позднѣйшихъ изданіяхъ Я. А. Исакова это стихотвореніе оставлено не возстановленнымъ, между тѣмъ теперь слѣдовало бы ожидать возобновленія текста не одного этого стихотворенія.—Ред.

(*) Т. е. въ школѣ (*Примѣчаніе редакціи Измайлова*).

Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ—спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвѣчать готовъ;
«Пожалуй» скажешь мнѣ «не трать излишнихъ словъ;
«Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
«И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
«Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлой свѣтъ,
«Сердись, кричи, бранись,—а я таки поэтъ».

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ,
И перьями скрыпя, бумаги не жалѣетъ.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Вишгенштеину Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные и честь и слава Россовъ,
Питаютъ здравой умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися щастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ.
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ Государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ—хвалятъ всѣ, читаютъ—лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ, и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ:

Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.
Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да чтоже» говоришь «судя о всѣхъ такъ строго,
«Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
«Ты о Поэзіи со мною толковалъ;
«А самъ, поссорившись съ Парнасскими сестрами,
«Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
«Что сдѣлалось съ тобой? въ умѣ ли ты, иль нѣтъ?»
Аристъ, безъ дальныхъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики.
«Послушай Батюшка», сказали простяки,
«Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
«И вѣримъ мы тебѣ; да чтожъ сего-дня самъ»...
«Послушайте» сказалъ священникъ мужикамъ,
«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
«Живите хорошо, а мнѣ—не подражайте».
И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихой вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналы не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ!
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ—не піитъ.
Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезной другъ, я далъ тебѣ совѣтъ,
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь, или нѣтъ?...
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

Александръ Н. к. ш. п.

РѢЧЬ И. С. ТУРГЕНЕВА

ЧИТАННАЯ

въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности по поводу открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ.

Мм. гг. Сооруженіе памятника Пушкину, въ которомъ участвовала, которому сочувствуетъ вся образованная Россія, и на празднованіе котораго собралось такъ много нашихъ лучшихъ людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства — это сооруженіе представляется намъ данью признательной любви общества къ одному изъ самыхъ достойныхъ его членовъ. Постараемся въ немногихъ чертахъ опредѣлить смыслъ и значеніе этой любви.

Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ-поэтомъ. Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію,—художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію —составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка. Уже предчувствуемое и указанное въ самой природѣ, художество—искусство — является, правда, тоже какъ подражаніе, но уже одухотворенное въ самой ранней порѣ народнаго существованія, какъ нѣчто отличительно - человѣческое. Дикарь каменнаго періода, начертавшій концемъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже пересталъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческой силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно - полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи — онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на соб-

ственное мѣсто въ исторіи; онъ получаетъ свой духовный обликъ и свой голосъ—онъ вступаетъ въ братство съ другими, признавшими его народами. Не даромъ же Греція называется родиной Гомера, Германія—Гёте, Англія—Шекспира. Мы не думаемъ отрицать важность других проявленій народной жизни—въ сферѣ религіозной, государственной и др.; но ту особенность, на которую мы сейчасъ указывали—даетъ народу его искусство, его поэзія. И этому нечего удивляться: искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше чѣмъ наука, именно потому, что оно—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа неумирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа. Что́ намъ осталось отъ Греціи? Ея душа осталась намъ! Религіозныя формы, а за ними научныя, такъ-же переживаютъ народы, въ которыхъ онѣ проявились, но въ силу того, что̀ въ нихъ есть общаго, вѣчнаго; поэзія, искусство—въ силу того, что́ есть въ нихъ личнаго, живого.

Пушкинъ, повторяемъ, былъ нашимъ первымъ поэтомъ-художникомъ. Въ поэтѣ, какъ въ полномъ выразителѣ народной сути, сливаются два основныхъ ея начала: начало *воспріимчивости* и начало *самодѣятельности*, женское и мужское начало,—осмѣлились мы бы прибавить. У насъ же, русскихъ, позднѣе другихъ вступившихъ въ кругъ европейской семьи, оба эти начала получаютъ особую окраску; воспріимчивость у насъ является двойственною: и на собственную жизнь, и на жизнь другихъ западныхъ народовъ со всѣми ея богатствами—и подъ-часъ горькими для насъ плодами; а самодѣятельность наша получаетъ тоже какую-то особенную, неравномѣрную, порывистую, иногда за то геніальную силу: ей приходится бороться и съ чуждымъ усложненіемъ, и съ собственными противорѣчіями. Вспомните, мм. гг., Петра Великаго, натура котораго какъ-то родственна натурѣ самого Пушкина. Не даромъ же онъ питалъ къ нему особенное чувство любовнаго благоговѣнія! Эта двойственная воспріимчивость, о которой мы сейчасъ говорили, знаменательно отразилась въ жизни нашего поэта: сперва рожденіе въ старо-дворянскомъ барскомъ домѣ, потомъ иноземческое воспитаніе въ лицеѣ, вліяніе тогдашняго общества, проникнутаго извнѣ занесенными принципами; Вольтеръ, Байронъ и великая народная война 12-го года; а тамъ удаленіе въ глубь Россіи, погруженіе въ народную жизнь, въ народную рѣчь, и знаменитая старушка-няня съ ея эпическими разсказами... Что́ же касается до самодѣятельности, то она въ Пушкинѣ возбудилась

рано, и, быстро утративъ свой ищущій, неопредѣленный характеръ, превратилась въ свободное творчество. Ему и 18-ти лѣтъ не было, когда Батюшковъ, прочитавъ его элегію: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», воскликнулъ: «Злодѣй! какъ онъ началъ писать!». Батюшковъ былъ правъ: *такъ* еще никто не писалъ на Руси. Быть можетъ, воскликнувъ:—Злодѣй! Батюшковъ смутно предчувствовалъ, что иные его стихи и обороты будутъ называться Пушкинскими, хотя и явились раньше Пушкинскихъ. «Le génie prend son bien partout où il le trouve», гласитъ французская поговорка. Независимый геній Пушкина скоро—если не считать немногихъ и незначительныхъ уклоненій—освободился и отъ подражанія европейскимъ образцамъ, и отъ соблазна поддѣлки подъ народный тонъ. Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность—такъ-же неумѣстно и безплодно—какъ и подчиняться чуждымъ авторитетамъ: лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны—сказки Пушкина, съ другой—Русланъ и Людмила, [самыя слабыя, какъ извѣстно, изо всѣхъ его произведеній. Съ неумѣстностію подражанія чужимъ авторитетамъ согласятся, конечно, всѣ; но, быть можетъ, возразятъ иные: если поэтъ въ своихъ трудахъ не будетъ постоянно имѣть въ виду, имѣть цѣлью родной народъ, онъ никогда не станетъ его поэтомъ: народъ, простой народъ его читать не будетъ. Но, мм. гг., какой же великій поэтъ читается тѣми, кого мы называемъ простымъ народомъ? Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гёте, французскій Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ—ихъ нація. Всякое искусство есть возведеніе жизни въ идеалъ: стоящіе на почвѣ обычной, ежедневной жизни, остаются ниже того уровня. Это вершина, къ которой надо приблизиться. И все-таки Гёте, Мольеръ и Шекспиръ—народные поэты въ истинномъ значеніи слова, т.-е. національные. Позволимъ себѣ сравненіе: Бетговенъ, напр., или Моцартъ, несомнѣнно національные, нѣмецкіе композиторы, и музыка ихъ по преимуществу нѣмецкая музыка; между тѣмъ ни въ одномъ изъ ихъ произведеній вы не найдете слѣда не только заимствованій у простонародной музыки, но даже сходства съ нею, именно потому, что эта народная, еще стихійная музыка перешла къ нимъ въ плоть и кровь, оживотворила ихъ и потонула въ нихъ такъ же, какъ и самая теорія ихъ искусства,—такъ же, какъ исчезаютъ, напр., правила грамматики въ живомъ творчествѣ писателя. Въ иныхъ, еще болѣе отдаленныхъ отъ той ежедневной почвы, болѣе въ себѣ замкнутыхъ отрасляхъ искусства, самое названіе: «народный»—немыслимо. Есть національные живописцы: Рафаэль, Рембрандтъ; народныхъ живописцевъ нѣтъ. Замѣтимъ кстати, что

выставлять лозунгъ народности въ художествѣ, поэзіи, литературѣ свойственно только племенамъ слабымъ, еще несозрѣвшимъ или же находящимся въ порабощенномъ, угнетенномъ состояніи. Поэзія ихъ должна служить другимъ, конечно, важнѣйшимъ цѣлямъ—сбереженію самаго ихъ существованія. Слава Богу, Россія не находится въ подобныхъ условіяхъ; она не слаба и не порабощена другому племени. Ей нечего дрожать за себя и ревниво сберегать свою самостоятельность; въ сознаніи своей силы, она даже любитъ тѣхъ, кто указываетъ ей на ея недостатки.

Возвратимся къ Пушкину. Вопросъ: можетъ ли онъ назваться поэтомъ національнымъ, въ смыслѣ Шекспира, Гёте и др., мы оставимъ пока открытымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ создалъ нашъ поэтическій, нашъ литературный языкъ, и что намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его геніемъ. Изъ выше сказанныхъ нами словъ вы уже могли убѣдиться, что мы не въ состояніи раздѣлять мнѣнія тѣхъ конечно добросовѣстныхъ людей, которые утверждаютъ, что настоящаго русскаго литературнаго языка вовсе не существуетъ; что намъ его дастъ одинъ простой народъ, вмѣстѣ съ другими спасительными учрежденіями. Мы, напротивъ, находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ, и Пушкинъ самъ былъ великолѣпный русскій художникъ.

Именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка—эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній—всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ. Сужденія такихъ иноземцевъ бываютъ драгоцѣнны: ихъ не подкупаетъ патріотическое увлеченіе. «Ваша поэзія», сказалъ намъ однажды Меримэ, извѣстный французскій писатель и поклонникъ Пушкина, котораго онъ, не обинуясь, называлъ величайшимъ поэтомъ своей эпохи, чуть ли не въ присутствіи самого Виктора Гюго: «ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою; наши поэты, напротивъ, идутъ совсѣмъ противоположной дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу»... «У Пушкина при-

бавлялъ онъ, поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ-бы сама собою изъ самой трезвой прозы». Тотъ же Меримэ постоянно примѣнялъ къ Пушкину извѣстное изреченіе: «Proprie communia dicere», признавая это умѣнье самобытно говорить общеизвѣстное—за самую сущность поэзіи, той поэзіи, въ которой примиряются идеальное и реальность. Онъ также сравнивалъ Пушкина съ древними греками, по равномѣрности формы и содержанія образа и предмета, по отсутствію всякихъ толкованій и моральныхъ выводовъ. Помнится, прочтя однажды «Анчаръ», онъ послѣ конечнаго четверостишія замѣтилъ: «всякій новѣйшій поэтъ не удержался бы тутъ отъ комментаріевъ». Меримэ также восхищался способностію Пушкина вступать немедленно in medias res, брать «быка за рога», какъ говорятъ французы, и указывалъ на его «Д.-Жуана», какъ на примѣръ такого мастерства.

Да, Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ близко стоящій къ самому средоточію русской жизни. Этому его свойству должно приписать и ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признаютъ за нами, правда, подъ нѣсколько пренебрежительнымъ именемъ способности къ «ассимиляціи». Это свойство дало ему возможность создать, напр., монологъ «Скупого рыцаря», подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Поразительна такъ же въ поэтическомъ темпераментѣ Пушкина эта особенная смѣсь страстности и спокойствія, или, говоря точнѣе, эта объективность его дарованія, въ которомъ субъективность его личности сказывается лишь однимъ внутреннимъ жаромъ и огнемъ.

Все такъ... Но можемъ ли мы по праву назвать Пушкина національнымъ поэтомъ, въ смыслѣ всемірнаго (эти два выраженія часто совпадаютъ), какъ мы называемъ Шекспира, Гёте, Гомера?

Пушкинъ не могъ всего сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что ему одному пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу. Къ тому же, надъ нимъ тоже отяготѣла та жестокая судьба, которая съ такой, почти злорадной, настойчивостью преслѣдуетъ нашихъ избранниковъ. Ему и 37-ми лѣтъ не минуло, когда она его вырвала отъ насъ. Безъ глубокой грусти, безъ какого-то тайнаго, хоть и безпредметнаго негодованія, нельзя читать слова, начертанныя имъ въ одномъ его письмѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: «Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить». Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конецъ его расцвѣтающему твор-

честву! Быть можетъ, уже отливалась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убійство другого поэта, Пушкинскаго наслѣдника, начавшаго свое поприще съ извѣстнаго, негодующаго стихотворенія, внушеннаго ему гибелью его учителя... Но не будемъ останавливаться на этихъ трагическихъ случайностяхъ, тѣмъ болѣе трагическихъ, что онѣ случайны. Изъ этой тьмы возвратимся къ свѣту; возвратимся къ поэзіи Пушкина.

Здѣсь не мѣсто и не время указывать на отдѣльныя его произведенія: другіе это сдѣлаютъ лучше насъ. Ограничимся замѣчаніемъ, что Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ оставилъ намъ множество образцовъ, типовъ (еще одинъ несомнѣнный признакъ геніальнаго дарованія!),—типовъ того, что̀ совершилось потомъ въ нашей словесности. Вспомните хоть сцену корчмы изъ «Бориса Годунова», «Лѣтопись села Горохина» и т. д. А такіе образы, какъ Пименъ, какъ главныя фигуры «Капитанской дочки», не служатъ ли онѣ доказательствомъ, что и прошедшее жило въ немъ такою же жизнью, какъ и настоящее, какъ и предсознанное имъ будущее?

А между тѣмъ и Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ-поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ охлажденіе къ себѣ современниковъ; послѣдующія поколѣнья еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время снова становится замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи. Пушкинъ самъ предчувствовалъ это охлажденіе публики. Какъ извѣстно, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ лучшую пору своего творчества, уже почти ничѣмъ не дѣлился съ читателями, оставляя въ портфелѣ такія произведенія, какъ «Мѣдный Всадникъ». Онъ до нѣкоторой степени не могъ не чувствовать пренебреженія къ публикѣ, которая пріучилась видѣть въ немъ какого-то сладкопѣвца, соловья.... Да и какъ намъ винить его, когда вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человѣкъ, какъ Баратынскій, призванный вмѣстѣ съ другими разбирать бумаги, оставшіяся послѣ смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть въ одномъ письмѣ, адрессованномъ тоже къ умному пріятелю: «Можешь ты себѣ представить, что̀ меня больше всего изумляетъ во всѣхъ этихъ поэмахъ? Обиліе мыслей! Пушкинъ—мыслитель! Можно ли было это ожидать?» Все это Пушкинъ предчувствовалъ. Доказательствомъ тому извѣстный сонетъ («Поэту», 1 іюля 1830 г.), который мы просимъ позволенія прочесть передъ вами, хотя, конечно, каждый изъ васъ его знаетъ.... Но мы не можемъ противиться искушенію украсить этимъ поэтическимъ золотомъ нашу скудную прозаическую рѣчь.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пушкинъ тутъ однако не совсѣмъ правъ—особенно въ отношеніи къ послѣдовавшимъ поколѣніямъ. Не въ «судѣ глупца» и не въ «смѣхѣ толпы холодной» было дѣло; причины того охлажденія лежали глубже. Онѣ достаточно извѣстны. Намъ приходится только воззвать ихъ въ вашей памяти. Онѣ лежали въ самой судьбѣ, въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ, при которыхъ зарождалась новая жизнь, вступившая изъ литературной эпохи въ политическую. Возникли нежданныя и, при всей неожиданности, законныя стремленія, небывалыя и неотразимыя потребности; явились вопросы, на которые нельзя было не дать отвѣта... Не до поэзіи, не до художества стало тогда. *Одинаково* восхищаться «Мертвыми Душами» и «Мѣднымъ Всадникомъ», или «Египетскими Ночами», могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣжали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда оффиціальной, славѣ—устарѣлымъ,—его классическое чувство мѣры и гармоніи—холоднымъ анахронизмомъ. Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ ѳиміамъ,—люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась. Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготѣющій, положительный какъ жизнь на покоѣ — смѣнился поэтомъ-глашатаемъ, центробѣжнымъ, тяготѣющимъ къ другимъ, отрицательнымъ какъ жизнь въ движеніи. Самъ главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Бѣлинскій, смѣнился другими судьями, мало цѣнившими поэзію. Мы произнесли имя Бѣлинскаго—и хотя ничья похвала

не должна раздаваться сегодня рядомъ съ похвалою Пушкину — но вы, вѣроятно, позволите намъ почтить сочувственнымъ словомъ память этого замѣчательнаго человѣка, когда узнаете, что ему выпала судьба скончаться именно въ день 26-го мая, въ день рожденія поэта, который былъ для него высшимъ проявленіемъ русскаго генія!—Возвращаемся къ развитію нашей мысли. Вслѣдъ за скоро прерваннымъ голосомъ Лермонтова, когда Гоголь сталъ уже властителемъ людскихъ думъ, зазвучалъ голосъ поэта «мести и печали», а за нимъ пошли другіе—и повели за собою наростающія поколѣнія. Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ имъ созданный—стало служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устроеніи. Многіе видѣли и видятъ до сихъ поръ въ этомъ измѣненіи простой упадокъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое. Живое измѣняется органически—ростомъ. А Россія растетъ, не падаетъ. Что подобное развитіе—какъ всякій ростъ—неизбѣжно сопряжено съ болѣзнями, мучительными кризисами, съ самыми злыми, на первый взглядъ безвыходными противорѣчіями—доказывать, кажется, нечего; насъ этому учитъ не только всеобщая исторія, но даже исторія каждой отдѣльной личности. Сама наука намъ говоритъ о необходимыхъ болѣзняхъ. Но смущаться этимъ, оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствіе, стараться возвратиться къ нему—и возвращать къ нему другихъ, хотя бы насильно—могутъ только отжившіе или близорукіе люди. Въ эпохи народной жизни, носящія названіе переходныхъ—дѣло мыслящаго человѣка, истиннаго гражданина своей родины—идти впередъ, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на мигъ изъ виду тѣхъ основныхъ идеаловъ, на которыхъ построенъ весь бытъ общества, котораго онъ состоитъ живымъ членомъ. И десять, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ — празднество, которое привлекло насъ всѣхъ сюда, было бы привѣтствовано какъ актъ справедливости, какъ дань общественной благодарности; но, быть можетъ, не было бы того чувства единодушія, которое проникаетъ теперь насъ всѣхъ, безъ различія званія, занятій и лѣтъ. Мы уже указали на тотъ радостный фактъ, что молодежь возвращается къ чтенію, къ изученію Пушкина; но мы не должны забывать, что нѣсколько поколѣній сподрядъ прошли передъ нашими глазами,—поколѣній, для которыхъ самое имя Пушкина было не что иное какъ только имя, въ числѣ другихъ обреченныхъ забвенію именъ. Не станемъ однако слишкомъ винить эти поколѣнія: мы старались вкратцѣ изобразить, почему это заб-

веніе было неизбѣжно. Но мы не можемъ такъ же не радоваться этому возврату къ поэзіи. Мы радуемся ему особенно потому, что наши юноши возвращаются къ ней не какъ раскаявшіеся люди, которые, разочарованные въ своихъ надеждахъ, утомленные собственными ошибками, ищутъ пристанища и успокоенія въ томъ, отъ чего они отвернулись. Мы скорѣе видимъ въ томъ возвратѣ симптомъ хотя нѣкотораго удовлетворенія; видимъ доказательство, что хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ считалось не только дозволительнымъ, но и обязательнымъ приносить все неидущее къ дѣлу въ жертву, сжимать всю жизнь въ одно русло— что эти нѣкоторыя цѣли признаются достигнутыми, что будущее сулитъ достиженіе другихъ—и ничто уже не помѣшаетъ поэзіи, главнымъ представителемъ которой является Пушкинъ, занять свое законное мѣсто среди прочихъ законныхъ проявленій общественной жизни. Была пора, когда изящная литература служила почти единственнымъ выраженіемъ этой жизни; потомъ наступило время, когда она совсѣмъ сошла съ арены... Прежняя область была слишкомъ широка; вторая съузилась до ничтожества; найдя свои естественныя границы, поэзія упрочится навсегда. Подъ вліяніемъ стараго, но не устарѣвшаго учителя—мы твердо этому вѣримъ,— законы искусства, художническіе пріемы вступятъ опять въ свою силу—и—кто знаетъ? быть можетъ, явится новый, еще невѣдомый избранникъ, который превзойдетъ своего учителя—и заслужитъ вполнѣ названіе національно-всемірнаго поэта, которое мы не рѣшаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаемъ его отнять у него.

Какъ бы то ни было, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго; онъ отозвался типическими образами, безсмертными звуками, на всѣ вѣянія русской жизни. Онъ первый, наконецъ, водрузилъ могучей рукою знамя поэзіи глубоко въ русскую землю; и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя— то теперь, когда эта пыль начинаетъ опадать, снова засіялъ въ вышинѣ, водруженный имъ, побѣдоносный стягъ. Сіяй же, какъ онъ, благородный мѣдный ликъ, воздвигнутый въ самомъ сердцѣ древней столицы и гласи грядущимъ поколѣніямъ о нашемъ правѣ называться великимъ народомъ потому, что среди этого народа родился, въ ряду другихъ великихъ, и *такой* человѣкъ! И какъ о Шекспирѣ было сказано, что всякій, вновь выучившійся грамотѣ, неизбѣжно становится его новымъ чтецомъ — такъ и мы будемъ

надѣяться, что всякій нашъ потомокъ, съ любовью остановившійся передъ изваяніемъ Пушкина и понимающій значеніе этой любви, тѣмъ самымъ докажетъ, что онъ, подобно Пушкину, сталъ болѣе русскимъ и болѣе образованнымъ, болѣе свободнымъ человѣкомъ! Пусть это послѣднее слово не удивитъ васъ, мм. гг.! Въ поэзіи — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будемъ также надѣяться, что въ недальнемъ времени даже сыновьямъ нашего простого народа, который теперь не читаетъ нашего поэта, станетъ понятно, что̀ значитъ это имя: Пушкинъ! —и что они повторятъ уже сознательно то, что̀ намъ довелось недавно слышать изъ безсознательно лепечущихъ устъ: «Это памятникъ—учителю!»

А. С. ПУШКИНЪ

26-ое мая 1880.

I.

Пушкинъ!... Это—возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;
Это—не запечатлѣнный
Ключъ поэзіи—священный
Для поклонника искусствъ.

Это—эллиновъ служенье
Красотѣ—проникновенье
Въ область Олимпійскихъ музъ,—
Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ.... месть Руслана
За поруганный союзъ...

Это—арфа серафима
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса....
Это—шорохъ Нереиды
На зарѣ, въ волнахъ Тавриды...
И—русалокъ голоса...

Это—въ сумеркахъ Украйны
Прелесть чародѣйной тайны,—
Ночь и—Лысая гора...
Это—старой няни сказка—
Это—молодости ласка...
Жажда правды и добра....

II.

Свой—въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ лагерѣ, въ избушкѣ,
Пушкинъ, чуткою душой,
Слышитъ друга отзывъ дальній,
— Пѣсню Грузіи печальной,
— Бредъ цыганки кочевой.

Слышитъ крикъ орла призывный....
Понимаетъ заунывный
Ропотъ моря въ бурной мглѣ,—
Видитъ небо безъ лазури
И,—что̀ краше волнъ и бури,
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное,
И разгулье удалое,
И сердечную тоску;
Но не падаетъ, усталый,
И какъ путникъ запоздалый,—
Самъ стучится къ мужику...

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первый лепетъ,—
Первый проблескъ старины.

III.

Пушкинъ!... Это—эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей....
Это—сѣятель пустынный....
Другъ свободы,—неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней...

Это—геній, всё любившій,
Всё въ самомъ себѣ вмѣстившій,
Сѣверъ, Западъ и Востокъ....
Это—тотъ «ничтожный міра»,
Что́, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни грязной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой
Словно терніемъ повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой....

Поэтическій мессія,
На Руси—онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ!..
Нынѣ мы поэта славимъ,
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ....

Яковъ Полонскій.

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО

А. Н. ОСТРОВСКАГО

О ПУШКИНѢ*).

Мм. гг. Памятникъ Пушкину поставленъ: память великаго народнаго поэта увѣковѣчена, заслуги его засвидѣтельствованы. Всѣ обрадованы. Мы видѣли вчера восторгъ публики; такъ радуются только тогда, когда заслугамъ отдается должное, когда справедливость торжествуетъ. О радости литераторовъ говорить едва ли нужно. Отъ полноты обрадованной души, мм. гг., и я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ великомъ поэтѣ, его значеніи и заслугахъ, какъ я ихъ понимаю. Строгой послѣдовательности и сильныхъ доводовъ я обѣщать не могу; я буду говорить не какъ человѣкъ ученый, а какъ человѣкъ убѣжденный. Мои убѣжденія слагались не для обнародованія, а только про себя, такъ сказать для собственнаго употребленія; при мнѣ бы онѣ и остались, если-бъ не подошелъ этотъ радостный праздникъ. На этомъ праздникѣ каждый литераторъ обязанъ быть ораторомъ, обязанъ громко благодарить поэта за тѣ сокровища, которыя онъ завѣщалъ намъ.

Сокровища, дарованныя намъ Пушкинымъ, дѣйствительно велики и неоцѣненны. Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что черезъ него умнѣетъ все, что̀ можетъ поумнѣть. Кромѣ наслажденія, кромѣ формъ для выраженія мыслей и чувствъ, поэтъ

*) Произнесено за обѣдомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности, въ Благородномъ собраніи, 7-го іюня.

даетъ и самыя формулы мыслей и чувствъ. Богатые результаты совершеннѣйшей умственной лабораторіи дѣлаются общимъ достояніемъ. Высшая творческая натура влечетъ и подравниваетъ къ себѣ всѣхъ. Поэтъ ведетъ за собой публику въ незнакомую ей страну изящнаго, въ какой-то рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Отчего съ такимъ нетерпѣніемъ ждется каждое новое произведеніе отъ великаго поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ; всякій ждетъ, что вотъ онъ скажетъ мнѣ что-то прекрасное, новое, чего нѣтъ у меня, чего недостаетъ мнѣ; но онъ скажетъ, и это сейчасъ же сдѣлается моимъ. Вотъ отчего и любовь, и поклоненіе великимъ поэтамъ; вотъ отчего и великая скорбь при ихъ утратѣ; образуется пустота, умственное сиротство: не кѣмъ думать, не кѣмъ чувствовать.

Но легко сознать чувство удовольствія и восторга отъ изящнаго произведенія; а подмѣтить и прослѣдить свое умственное обогащеніе отъ того же произведенія—довольно трудно. Всякій говоритъ, что ему то или другое произведеніе нравится; но рѣдкій сознаетъ и признается, что онъ поумнѣлъ отъ него. Многіе полагаютъ, что поэты и художники не даютъ ничего новаго, что все, ими созданное, было и прежде гдѣ-то, у кого-то,—но оставалось подъ спудомъ, потому что не находило выраженія. Это—неправда. Ошибка происходитъ оттого, что всѣ вообще великія научныя, художественныя и нравственныя истины очень просты и легко усвояются. Но, какъ онѣ ни просты, все-таки предлагаются только творческими умами; а обыкновенными умами только усвоиваются, и то не вдругъ и не во всей полнотѣ, а по мѣрѣ силъ каждаго.

Пушкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и умнѣютъ. Наша литература обязана ему своимъ умственнымъ ростомъ. И этотъ ростъ былъ такъ великъ, такъ быстръ, что историческая послѣдовательность въ развитіи литературы и общественнаго вкуса была, какъ будто, разрушена и связь съ прошедшимъ разорвана. Этотъ прыжокъ былъ не такъ замѣтенъ при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великимъ поэтомъ, считали своимъ учителемъ; но настоящими учителями ихъ были люди предшествовавшаго поколѣнія, съ которыми они были очень крѣпко связаны чувствомъ безграничнаго уваженія и благодарности. Какъ ни любили они Пушкина, но, все-таки, въ сравненіи съ старшими писателями, онъ казался имъ еще молодъ и не довольно солиденъ; признать его одного виновникомъ быстраго поступательнаго движенія русской литературы значило для нихъ: обидѣть солидныхъ

и во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно весьма почтенныхъ людей. Все это понятно, и иначе не могло быть. За то слѣдующее поколѣніе, воспитанное исключительно Пушкинымъ, когда сознательно оглянулось назадъ, увидало, что предшественники его и многіе его современники для нихъ ужъ даже не прошедшее, а далекое давнопрошедшее. Вотъ, когда замѣтно стало, что русская литература въ одномъ человѣкѣ выросла на цѣлое столѣтіе. Пушкинъ засталъ русскую литературу въ періодъ ея молодости, когда она еще жила чужими образцами и по нимъ выработывала формы, лишенныя живого, реальнаго содержанія,—и что же? Его произведенія—ужъ не историческія оды, не плоды досуга, уединенія, или меланхоліи; онъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ самъ образцы, равные образцамъ литературъ зрѣлыхъ, образцы, совершенные по формѣ и по самобытному, чисто-народному содержанію. Онъ далъ серьёзность, поднялъ тонъ и значеніе литературы, воспиталъ вкусъ въ публикѣ, завоевалъ ее и подготовилъ для будущихъ литераторовъ, читателей и цѣнителей.

Другое благодѣяніе, оказанное намъ Пушкинымъ, по моему мнѣнію, еще важнѣе и еще значительнѣе. До Пушкина у насъ литература была подражательная,—вмѣстѣ съ формами, она принимала отъ Европы и разныя, исторически сложившіяся тамъ направленія, которыя въ нашей жизни корней не имѣли, но могли приняться, какъ принялось и укоренилось многое пересаженное. Отношенія писателей къ дѣйствительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный уголъ зрѣнія. Каждый изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ быть самимъ собой, долженъ былъ настроиться на какой-нибудь ладъ. Тогда еще проповѣдывалась самая беззастѣнчивая реторика; твердо стоялъ и грозно озирался ложный классицизмъ; на смѣну ему шелъ романтизмъ, но не свой, не самобытный, а наскоро пересаженный съ оттѣнкомъ чуждой намъ сантиментальности; не сошла еще со сцены никому ненужная пастораль. Внѣ этихъ условныхъ направленій, поэзія не признавалась, самобытность сочлась бы или невѣжествомъ, или вольнодумствомъ. Высвобожденіе мысли изъ-подъ гнета условныхъ пріемовъ—дѣло не легкое, оно требуетъ громадныхъ силъ. Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что въ самыхъ богатыхъ и самыхъ сильныхъ литературахъ и по сей часъ высокопарное направленіе имѣетъ представителей и горячо отстаивается, а реальность пропагандируется какъ что-то новое, небывалое.

Прочное начало освобожденію нашей мысли положено Пушкинымъ,—онъ первый сталъ относиться къ тэмамъ своихъ произве-

деній прямо, непосредственно, онъ захотѣлъ быть оригинальнымъ и былъ,—былъ самимъ собой. Всякій великій писатель оставляетъ за собой школу, оставляетъ послѣдователей,—и Пушкинъ оставилъ школу, и послѣдователей. Что̀ это за школа, что̀ онъ далъ своимъ послѣдователямъ? Онъ завѣщалъ имъ искренность, самобытность, онъ завѣщалъ каждому быть самимъ собой, онъ далъ всякой оригинальности смѣлость, далъ смѣлость русскому писателю быть русскимъ. Вѣдь это только легко сказать! Вѣдь это значитъ, что онъ, Пушкинъ, раскрылъ русскую душу. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ: не всякая оригинальность настолько интересна, чтобъ ей показываться и ею занимать. Но за то если литература наша проигрываетъ въ количествѣ, такъ выигрываетъ въ качественномъ отношеніи. Не много нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы, но и въ этомъ немногомъ оригинальность русской наблюдательности, самобытный складъ мысли уже замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь намъ остается только желать, чтобы Россія производила побольѣе талантовъ, пожелать русскому уму побольѣе развитія и простора; а путь, по которому идти талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Мм. гг., я предлагаю тостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указанному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искусство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Мы выпьемъ очень весело этотъ тостъ: нынче на нашей улицѣ праздникъ.

СЪ ПУШКИНСКАГО ПРАЗДНИКА

5 — 8 іюня.

Съ половины прошлаго мая вниманіе русскаго общества, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, было очень сильно занято предстоявшимъ открытіемъ памятника Пушкину. Наконецъ, оно ждалось съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ: видно было, что съ ожидаемымъ событіемъ связывался для общества, или для его образованной и литературной части, очень живой интересъ, что этотъ интересъ распространялся на людей самыхъ разнородныхъ взглядовъ, положеній и стремленій, что онъ принималъ размѣры, принадлежащіе національнымъ событіямъ.

Открытіе, наконецъ, совершилось; мы были его свидѣтелями, 5 — 8 іюня. И въ самомъ дѣлѣ, празднованіе имѣло характеръ у насъ доселѣ положительно небывалый: не бывало такого единодушнаго увлеченія, соединявшаго стихіи, кажется, не соединимыя; не бывало такого возбужденія лучшихъ сторонъ личнаго и общественнаго чувства.

Мы не будемъ разсказывать подробностей этого праздника. Всѣми давно прочитаны свѣдѣнія о сооруженіи памятника, разсказы о торжествѣ открытія; газеты резюмировали или привели цѣликомъ всѣ главныя изъ тѣхъ многочисленныхъ словъ и рѣчей, какія сказаны были при самомъ открытіи, потомъ въ университетѣ, въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности, за обѣдами—городскимъ и литературнымъ; разсказано объ одушевленіи, какое овладѣвало зрителями и слушателями. Прибавимъ только, что высокое настроеніе минуты не внушило нѣкоторымъ изъ нашихъ органовъ—не скажемъ, духа примиренія, о которомъ не мало въ эти дни говорилось, но и простой правди-

вости въ обращеніи съ фактами. Предоставимъ разъяснять это будущему разсказчику этого событія. Было ясно, что какъ ни великъ былъ поводъ, собравшій въ одномъ торжествѣ столько разнородныхъ элементовъ нашей общественной жизни и литературы, —оно не загладило вражды, не исправило литературной испорченности.

Несомнѣнно однако, что все торжество произвело на его свидѣтелей и участниковъ сильное впечатлѣніе. Открытіе памятника встрѣчено было взрывомъ энтузіазма, и это праздничное, восторженное, поэтическое настроеніе осталось на цѣлые дни; съ этимъ настроеніемъ масса собравшихся на торжество слушала одушевленныя рѣчи объ историческомъ значеніи геніальнаго поэта, когда ученые профессора, лучшіе изъ нашихъ писателей объясняли великій переворотъ, какой былъ имъ совершенъ въ цѣломъ нашемъ литературномъ развитіи, изображали различныя стороны его глубокаго историческаго вліянія, напоминали художественныя красоты его поэзіи, рисовали его геніально одаренную, благородную личность. Между этими рѣчами было много проникнутыхъ восторженнымъ, почти религіознымъ поклоненіемъ передъ великимъ поэтомъ: онъ былъ не только создателемъ новѣйшей русской литературы, онъ былъ пророкомъ великой «все-человѣческой» будущности русскаго народа! Самыя рѣчи о великомъ поэтѣ становились поэзіей: его трудъ былъ не только монументальной заслугой въ прошедшемъ, но знаменіемъ и прообразованіемъ. Самихъ слушателей эта поэзія увлекала—и очень справедливо: въ ту минуту забывалось, что дѣйствительность иной разъ очень далека отъ этихъ рѣчей, а въ нихъ высказывался все-таки искомый, желанный идеалъ; въ рѣдкія минуты подобнаго воспоминанія, общественная любовь собираетъ на поэтѣ, дорогомъ ея памяти, всѣ совершеннѣйшія черты его дѣла, сознаетъ ретроспективно во всемъ объемѣ его вліяніе и возводитъ его въ апотеозу.

Такой характеръ имѣло празднованіе памяти Пушкина въ Москвѣ.

Этотъ характеръ Пушкинскаго праздника, отмѣченный восторгами и одушевленіемъ, примирительными попытками и примѣрами дѣйствительнаго единодушія, есть прежде всего знаменательное свидѣтельство объ историческомъ значеніи Пушкина. Нѣтъ имени во всемъ прошедшемъ русской литературы, которое могло бы собрать вокругъ себя столько восторженныхъ сочувствій. Не будемъ повторять того, что было уже прекрасно высказано о томъ великомъ національномъ поворотѣ, который поэзія Пушкина дала всему дальнѣйшему теченію русской литературы. Довольно нѣсколькихъ

замѣчаній. Поэтическая юность Пушкина испытала вліяніе европейскихъ школъ: литература XVIII вѣка, романтика, Байронъ, оставили на его мысли и поэзіи свою печать, — но онъ вскорѣ преодолѣлъ эти вліянія и выказалъ энергическую самобытность. Съ появленіемъ Пушкина весь предшествующій періодъ нашей литературы отошелъ въ область археологіи; литература впервые обратилась прямо къ русской жизни, и особенно прямо къ жизни народной, которая цѣлые вѣка отдѣлена была отъ жизни государства, отъ жизни высшихъ сословій, отъ образованія. До Пушкина народная струя пробивалась въ литературу случайными порывами: — то писатель думалъ украсить народной чертой пастораль, комедію, повѣсть; то первые полу-сознательные любители искали народности въ пѣсняхъ и сказкахъ; то немногіе инстинктивно указывали на необходимость изученія народной жизни для уразумѣнія всей національной исторіи. У Пушкина эта народность стала самой стихіей его поэзіи и съ тѣхъ поръ утвердилась въ русской литературѣ, какъ прочный источникъ ея обогащенія поэтическаго, научно-историческаго и общественнаго. Съ другой стороны, его поэзія была первымъ фактомъ реализма, который потомъ оказалъ нашей литературѣ такія великія услуги—изученіемъ дѣйствительности, простотой стиля, вѣрнымъ изображеніемъ жизни, вліяніемъ на общество. Пушкинъ далъ полвѣка тому назадъ первые образцы подлиннаго русскаго историческаго романа, и оставшіеся отъ него планы показываютъ—какого богатства правдивой реальной поэзіи русская литература лишилась съ его потерей. Далѣе, никто до него не былъ такимъ мастеромъ русскаго языка: «Пушкинскій стихъ» сталъ высшимъ образцомъ; народная рѣчь у него впервые занимаетъ свое прочное мѣсто въ языкѣ литературномъ. Всѣ эти новыя пріобрѣтенія въ содержаніи и формѣ литературы сдѣланы были силою высокой поэзіи, съ богатой оригинальностью, свѣжей и разнообразной, гдѣ нашли свое выраженіе и самыя глубокія и тонкія движенія лирическаго чувства, и тэмы эпоса и драмы.

Поэзія Пушкина увлекла современниковъ съ самыхъ первыхъ шаговъ поэта. Она была чѣмъ-то неслыханнымъ; ветераны классицизма, погибавшаго окончательно при блескѣ этой поэзіи, пытались возставать на него, но для борьбы съ ними Пушкину было довольно эпиграммъ. Всѣ болѣе свѣжія силы литературы, и въ томъ числѣ старшее поколѣніе романтиковъ въ лицѣ Жуковскаго, примкнули къ нему и признали въ немъ своего главу; для молодыхъ поколѣній общества Пушкинъ сталъ предметомъ восторженнаго поклоненія. Есть много преданій объ этой страстной привя-

занности общества къ поэту, къ своей «первой любви». Это поклоненіе шло за нимъ всюду, дѣлало его чуть не сверхъестественнымъ существомъ даже между людьми, очень далекими отъ литературы, но до которыхъ достигала громкая слава поэта... Въ послѣдніе дни жизни Пушкина эта привязанность сказалась тревожной заботой общества и народной массы, и по смерти его—глубокой скорбью, которая нашла свое сильное и трогательное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи юнаго Лермонтова.

Пушкинъ вошелъ въ исторію—великимъ именемъ. Посмертное изданіе показало однако, что его поэтическое величіе далеко не было исчерпано тѣми произведеніями, какія явились при его жизни. Оказалось богатое наслѣдство неизвѣстныхъ дотолѣ созданій. Пушкинъ впервые открылся во всей (или почти во всей) полнотѣ своихъ произведеній. Вслѣдъ затѣмъ явились знаменитыя «статьи о Пушкинѣ» Бѣлинскаго, донынѣ единственная подробная эстетическая оцѣнка поэта, написанная большимъ мастеромъ эстетической критики и восторженнымъ поклонникомъ поэта. Въ 1855—56 году вышло въ свѣтъ первое критическое изданіе Пушкина, сдѣланное П. В. Анненковымъ. Оно обновило во всей силѣ историческій авторитетъ Пушкинской поэзіи, стало опять литературнымъ событіемъ и вызвало рядъ новыхъ изученій, между которыми напомнимъ особенно замѣчательныя статьи въ «Современникѣ» 1856 года. Одни изъ этихъ новыхъ изученій направлены были на эстетическое истолкованіе Пушкинской поэзіи; другія искали освѣтить эту поэзію въ ея современной общественно-литературной обстановкѣ и въ біографіи; первое прочное начало біографіи сдѣлано было въ извѣстныхъ «Матеріалахъ» г. Анненкова, которые выростаютъ потомъ въ настоящее, критически разработанное жизнеописаніе. Масса историческаго матеріала о новѣйшихъ временахъ, изданная въ послѣднія двадцать лѣтъ, разъясняетъ какъ никогда прежде самый общественный и литературный бытъ, въ средѣ котораго совершалась дѣятельность Пушкина.

Наступали другія времена. Реализмъ, освященный Пушкинымъ, встрѣтился съ животрепещущими задачами, которыя съ постановкой крестьянскаго вопроса и съ началомъ реформъ выросли въ цѣлый, и національный, и народный вопросъ. Интересы общества перешли на почву, которую предчувствовалъ и страстно ждалъ Пушкинъ, но которой онъ не видѣлъ въ свое время. Но Пушкинская традиція хранилась. Реализмъ доходилъ до своего крайняго предѣла, до горькой и желчной сатиры; но даже для самого поэта, призывавшаго музу «мести и печали», поэзія Пушкина оставалась свѣтлымъ идеаломъ; она осталась теплой привязанностью для пи-

сателя, который является сильнѣйшимъ представителемъ нашей сатиры; она оставалась тѣмъ же для лучшаго художественнаго критика послѣ Бѣлинскаго, критика, который однако всѣми своими стремленіями отданъ былъ тѣмъ новымъ задачамъ, о какихъ сейчасъ упомянуто. Мы говоримъ о Добролюбовѣ.

Такимъ образомъ, отъ появленія первыхъ произведеній Пушкина и до послѣдняго времени онъ былъ и для читающей массы великимъ поэтическимъ авторитетомъ, и въ сознаніи лучшихъ писателей—родоначальникомъ новѣйшаго періода нашей литературы, и высшей поэтической силой, какая была ею создана когда-либо. Этого было довольно, чтобы открытіе памятника Пушкину стало торжествомъ общественнымъ: оно вызывало вдругъ и сосредоточивало всѣ личныя чувства нѣсколькихъ поколѣній, которыя поэзія Пушкина питала и возвышала, всѣ представленія объ его великой исторической заслугѣ, всѣ ощущенія поэтическаго наслажденія, всѣ сочувствія къ самой личности, столь возвышенной и столь трагически и безвременно погибшей. Общество призывалось отдать свою дань великому историческому дѣятелю, черезъ полвѣка еще властвующему надъ сердцемъ и умомъ, и общественное признаніе выразилось восторженнымъ, трогательнымъ чествованіемъ.

Но въ этомъ настроеніи проходила несомнѣнно и черта, принадлежащая условіямъ нашей настоящей минуты, и на которую, правда, наводила и исторія дѣятельности Пушкина. Московскій праздникъ былъ со временъ Рюрика первымъ чисто общественно-литературнымъ праздникомъ, и по своему поводу, и по исполненію. Этотъ поводъ для массы общества былъ впервые широкимъ общественнымъ интересомъ; онъ вызвалъ самое горячее участіе и множество участниковъ; тотъ энтузіастическій пріемъ, какой встрѣтили многія рѣчи и разныя частности торжества, были свидѣтельствомъ, что литературное торжество понято и признано какъ національное. Сама собой являлась мысль о положеніи самой литературы. Въ рѣчахъ припоминалось объ ея положеніи въ Пушкинскія времена; невольно думалось объ ея нынѣшнихъ условіяхъ. Дѣятели литературные были конечно главными представителями и истолкователями торжества,—былъ наконецъ «на нашей улицѣ праздникъ», по выраженію Островскаго, и въ мысляхъ были самыя горячія желанія, чтобы праздникъ былъ не только на-сегодня, не только для одного круга общества, но чтобы онъ отразился на внѣшнихъ условіяхъ литературы,—въ которыхъ иные ораторы не находили большой разницы съ тѣмъ, что̀ было за полвѣка... Но видно было, что по тѣмъ же условіямъ ораторы затруднялись высказать опредѣленно свои пожеланія; были только припомянуты

Пушкинскіе призывы свѣта и разума, было сдѣлано нѣсколько аллюзій на бѣдственное положеніе литературы, не имѣющей своего права гражданства, но ясно было видно и заявлялось громкими рукоплесканіями, что эти напоминанія и намеки были хорошо поняты и раздѣлены слушавшимъ обществомъ.

Былъ несомнѣнно еще одинъ мотивъ, который подобнымъ образомъ присоединился къ торжеству, напоминавшему о высокихъ національныхъ задачахъ, о необходимости согласнаго труда для ихъ достиженія. Этотъ мотивъ очень близокъ литературѣ, но далеко выходитъ за ея предѣлы. Послѣднія два десятилѣтія прошли для русскаго общества въ тяжкихъ испытаніяхъ, началахъ великихъ предпріятій и отступленіи назадъ, въ идеальныхъ порывахъ и разочарованіяхъ—общество приходило къ сумрачному раздумью, у многихъ—скажемъ прямо—къ безнадежности. Но, наконецъ, какъ будто повѣяло другимъ воздухомъ... Въ томъ, болѣе образованномъ кружкѣ общества, который былъ наиболѣе чутокъ къ совершавшемуся въ общественной и государственной жизни, отъ всего прежняго осталось крайнее нравственное утомленіе. Пушкинскій праздникъ пришелся на тотъ освѣжающій моментъ, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Сюда и направились давно сдержанныя, невысказанныя влеченія общества, всѣ его лучшія чувства и пожеланія. Праздникъ далъ исходъ идеальнымъ надеждамъ и ожиданіямъ, которымъ еще недавно не было никакого мѣста въ дѣйствительности; вражда и ненависть истощались, и къ удивленію, отъ людей, произносившихъ только проклятія и брань, послышались слова забвенія прошедшаго и примиренія. Фактъ замѣчательный, и мы отъ души порадовались бы ему, если бы, къ сожалѣнію, еще слишкомъ близкое прошлое, и даже настоящее, не были обильны фактами и указаніями, всего менѣе примирительными.

Но въ ту минуту, когда восторженныя рѣчи говорили о великомъ нравственномъ пріобрѣтеніи, какое мы сдѣлали съ торжественнымъ признаніемъ великаго подвига Пушкина, говорили о могуществѣ правды и высокаго идеала,—этимъ рѣчамъ вѣрилось или хотѣлось, по крайней мѣрѣ, вѣрить. Минуты такихъ настроеній бываютъ драгоцѣнны во внутренней жизни человѣка: пробыть нѣсколько времени въ этой атмосферѣ возвышенныхъ цѣлей, призывовъ и готовности на благое общественное дѣло, встрѣтиться въ сочувствіяхъ съ множествомъ людей самыхъ разныхъ формацій, увидѣть то же сочувствіе на лицѣ противника, даже злѣйшаго врага, это—впечатлѣніе рѣдкое и дорогое тѣмъ, что указываетъ хоть какой-нибудь одинъ общественный, національный интересъ, о ко-

торомъ (хоть въ общемъ только смыслѣ) нѣтъ спора, и есть единодушная мысль и желаніе...

Понятно, что въ этомъ настроеніи нельзя остаться надолго. Является потребность выдти изъ опьяняющаго диөирамба, отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, видѣнномъ и слышанномъ, но затѣмъ уже прочно владѣть дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ. И послѣ такой провѣрки, московскій праздникъ (и другіе, съ нимъ связанные) останется знаменательнымъ фактомъ общественной исторіи нашего времени. Памятникъ Пушкину былъ первый, открытіе котораго было вполнѣ дѣломъ общественнымъ. Несмотря на всѣ замедленія, вслѣдствіе которыхъ многіе не могли уже принять участія въ праздникѣ, несмотря на нѣкоторую неурядицу въ приготовленіяхъ, онъ былъ выполненъ съ такимъ успѣхомъ, возбудилъ такое движеніе и произвелъ такое сильное впечатлѣніе, какъ едва ли кто предполагалъ,—по крайней мѣрѣ не предполагалъ никто, съ кѣмъ намъ случалось говорить.

Многочисленныя рѣчи, сказанныя на университетскомъ актѣ, въ собраніи Общества любителей русской словесности, на городскомъ и литературномъ обѣдахъ, говорили объ историческомъ значеніи Пушкина, о характерѣ его натуры и его поэзіи, объ ея національномъ смыслѣ, наконецъ, о свойствѣ самаго праздника. Многія изъ рѣчей отличались достоинствомъ серьёзнаго изученія; другія прекрасно очертили широкій складъ, всеобъемлющую силу Пушкинской поэзіи; въ третьихъ—съ большимъ краснорѣчіемъ говорилось о нравственно-общественномъ значеніи Пушкинскаго торжества. Изъ рѣчей историческаго характера особенно обратили на себя вниманіе рѣчи гг. Тихонравова и Ключевскаго, въ особенности первая; далѣе, рѣчи гг. Тургенева и Островскаго; прекрасно говорилъ о значеніи праздника г. Аксаковъ; въ своемъ родѣ замѣчательны были рѣчи гг. Каткова и Достоевскаго.

Рѣчи вообще носили на себѣ печать того одушевленія, въ которомъ проходило все празднество. Дѣло Пушкина цѣнилось не столько съ спокойной исторической критикой, сколько съ восторженнымъ чувствомъ поклоненія, — которое отвѣчало настроенію минуты. Всего больше исторической критики было въ первыхъ, университетскихъ, рѣчахъ; всего меньше—въ послѣдней, которою закончился праздникъ, въ рѣчи г. Достоевскаго. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ и исторіи общественной мысли было выяснено въ словахъ, продиктованныхъ энтузіазмомъ; сказано было, кажется все,—довершить можно было только апотеозой, которая и сдѣлана была г. Достоевскимъ: Пушкинъ — пророкъ, его

поэзія — прообразованіе будущаго величія Россіи, когда русскій народъ возвѣститъ истину всему человѣчеству...

Мы не будемъ входить въ подробности высказанныхъ понятій (тѣмъ болѣе, что рѣчи еще должнымъ образомъ изданы не всѣ); это должно бы быть сдѣлано въ свое время;—и ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями.

У насъ, какъ извѣстно, всѣ общественныя увлеченія совершаются порывами, которые бо́льшею частью трудно предугадать и которые большею частью быстро проходятъ, оставляя въ умахъ иногда замѣчательно слабое впечатлѣніе. Въ послѣдній разъ мы видѣли такое же увлеченіе славянскимъ вопросомъ: почти за нѣсколько дней общество было совсѣмъ равнодушно, потомъ о немъ заговорили, для него жертвовали, для него шли на военныя приключенія, потомъ—какъ будто его совсѣмъ не было... Боимся, чтобы не случилось того же теперь. Открытіе памятника готовилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; было время приготовиться къ нему изданіемъ его сочиненій, цѣльнымъ критическимъ изученіемъ его дѣятельности, книгами популярными. Къ сожалѣнію, такъ не случилось. Правда, изданіе (очень хорошо редактированное) начато, но вышло лишь два тома «съ билетомъ» на остальные [1]; вмѣсто біографіи — тощія брошюрки, и нѣсколько журнальныхъ статей. Съ другой стороны, идутъ слухи о вновь открывающихся матеріалахъ для біографіи поэта: интересъ ихъ не подлежалъ сомнѣнію еще съ 1837 года, но владѣльцы оставляли ихъ подъ спудомъ—нужно было, чтобъ громкое торжество вывело эти матеріалы на свѣтъ божій, въ печать или въ руки изслѣдователей. Біографія великаго поэта, котораго такъ славятъ въ моментъ торжества, еще столь мало обработана, что наканунѣ только были изданы (или могли быть изданы) свѣдѣнія, чрезвычайно характеристическія и донынѣ неизвѣстныя.—Скажемъ, впрочемъ, въ нѣкоторое объясненіе, что послѣднія времена нашей литературы далеко не способствовали спокойному и правдивому историческому изученію, и даже мирныя заявленія общественныхъ сочувствій обставлены были странными трудностями: мы слышали, напримѣръ, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что два мѣсяца назадъ избраніе московскимъ университетомъ одного изъ его новыхъ почетныхъ членовъ было дѣломъ весьма проблематическимъ

[1]) Когда мы печатали въ маѣ (выше, стр. I) первое стихотвореніе Пушкина, явившагося въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 года, мы еще не имѣли предъ глазами новаго изданія, а потому сдѣланное нами тогда примѣчаніе относилось къ предъидущимъ изданіямъ; въ новомъ изданіи прежніе недостатки оказались исправленными.—*Ред.*

—казалось возможнымъ не получить утвержденія выбора; но обстоятельства быстро перемѣнились—и новый министръ народнаго просвѣщенія самымъ торжественнымъ образомъ привѣтствовалъ избраніе Тургенева.

Думаемъ, что послѣдующая историческая критика, которая воспользуется гораздо болѣе полнымъ матеріаломъ, чѣмъ какой былъ извѣстенъ до сихъ поръ, иначе опредѣлитъ нѣкоторыя историческія отношенія Пушкина и поставитъ его на менѣе абсолютную, и болѣе реальную почву, чѣмъ ставили его, напр., въ нѣкоторыхъ рѣчахъ. Мы теперь только узнаёмъ съ достаточной ясностью общественные идеалы Пушкина, его политическія идеи, его планы развивать эти идеи въ политической газетѣ, планы, которые не могли осуществиться по винѣ тогдашнихъ условій литературы. Не разъ было говорено о томъ, какъ эти условія стѣсняли поэтическую и публицистическую дѣятельность Пушкина; но мало обращалось вниманія на то, какъ они опредѣляли самое отношеніе общества къ Пушкину. Говорятъ о томъ, что Пушкинъ испыталъ холодность и равнодушіе общества: но онѣ были не безпричинны. Въ числѣ строгихъ критиковъ Пушкина былъ писатель нѣсколько тяжелый по формѣ, но сильнаго ума—Надеждинъ, въ особенности боровшійся противъ условностей и иной разъ безсодержательности романтизма Пушкинской школы, которыя относили и къ самому Пушкину,—и ждавшій отъ поэта тѣхъ реальныхъ произведеній,—которыя уже были въ портфелѣ Пушкина, но въ печати не появлялись. Раздражительныя отношенія сторонъ, которыя обѣ были связаны, не давали имъ понять другъ друга, и между прочимъ тѣ общественныя понятія Пушкина, которыя мы узнаёмъ теперь въ ихъ послѣдовательной связи и въ ихъ истинномъ смыслѣ, въ то время могли быть только угадываемы, въ отрывочной формѣ, и истолкованы односторонне и угловато. Бѣлинскій былъ величайшимъ поклонникомъ, какого только имѣлъ Пушкинъ; но въ тридцатыхъ годахъ и у него были минуты недоумѣнія и недовольства; его поклоненіе достигло высшей степени уже тогда, когда явились посмертныя произведенія Пушкина.

Говорятъ, далѣе, объ охлажденіи къ Пушкину въ послѣднія десятилѣтія, ставя въ укоръ новому времени забвеніе о величайшемъ русскомъ поэтѣ, непониманіе художества. Дѣйствительно, въ послѣднія десятилѣтія не было того энтузіазма къ Пушкинской поэзіи, какой бывалъ въ сороковыхъ годахъ,—но съ *тѣмъ* исключительнымъ характеромъ онъ едва ли и можетъ возвратиться, потому что онъ создавался тогда не только красотою самой поэзіи, но и духомъ времени; и видѣть въ эпохѣ послѣдующей только

какой-то грубый упадокъ есть большая историческая ошибка. Эти десятилѣтія были для русскаго общества чрезвычайной перемѣной, скажемъ больше—почти переворотомъ. Невозможно требовать спокойнаго, эстетически настроеннаго тона общества, когда въ цѣлой народной жизни происходилъ цѣлый переворотъ, измѣнялись вѣковыя отношенія, бросались въ общество сѣмена совсѣмъ иного быта, экономическаго и гражданскаго. Развилась литература того склада, который, по признанію недавнихъ ораторовъ, былъ начатъ самимъ Пушкинымъ,—но, конечно, не могъ быть имъ предвидѣнъ со всѣмъ тѣмъ развитіемъ, какое принесли событія. Цѣлый общественный бытъ былъ потрясенъ въ основаніяхъ,—не мудрено, что послышались, между прочимъ, и рѣзкіе голоса реальной дѣйствительности, для которыхъ некогда было искать выдѣланной формы. Ставить это явленіе въ какую-то противоположность Пушкину кажется намъ извращеніемъ исторической перспективы,—потому что это два разные историческіе періода, послѣдовательное развитіе, осложненное новыми, прежде не существовавшими условіями. Говорятъ о равнодушіи къ Пушкину, указываютъ на незнаніе Пушкина новыми поколѣніями, припоминаютъ статьи Писарева,—но неужели статьями Писарева, которыя и въ свое время были экстравагантностью, объясняется, напр., незнаніе Пушкина въ растущемъ поколѣніи? Опять странное заблужденіе. Напомнимъ лишь одно: сколько разъ слышались въ послѣдніе годы жалобы просто на упадокъ преподаванія русскаго языка въ нашей школѣ; сколько разъ указывались жалобы самихъ университетовъ на являвшихся къ нимъ молодыхъ людей съ аттестатами «зрѣлости» и съ ужасающимъ невѣжествомъ въ русскомъ языкѣ! Думаемъ, что если уже опредѣлять характеръ новѣйшихъ явленій нашей общественной образованности,—не слѣдовало забыть ея самый коренной источникъ.... Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ все высшее умственное и нравственное воспитаніе общества совершалось на художественной литературѣ; съ половины пятидесятыхъ годовъ передъ обществомъ стали прямо существенные вопросы національной жизни, а въ господствовавшей до недавнихъ дней системѣ просвѣщенія, именно русскій языкъ и литература играли самую жалкую роль.

По старому преданью и вліянію европейской науки, научная исторія литературы сдѣлала у насъ большіе успѣхи въ послѣднее время; но лучшія ея пріобрѣтенія были сдѣланы почти исключительно въ области литературы древней. Что касается до новой, то здѣсь было собрано множество любопытнаго сырого матеріала, и всего меньше сдѣлано критическихъ изслѣдованій: генезисъ новой литературы

въ связи ея съ развитіемъ общественно-политическихъ идей далеко не выясненъ. До послѣднихъ трудовъ г. Анненкова сдѣланы были лишь немногія критическія попытки такого рода, касавшіяся и Пушкина. Эти работы еще впереди, а непривычка къ критикѣ въ большинствѣ такова, что надо еще объяснять ея необходимость и различіе критики отъ «неуваженія», «отрицанія» и т. п. терминовъ, какими любитъ играть именно наиболѣе испорченная часть нашей литературы. Въ торжественныя минуты праздника естественно выливались восторженныя признанія заслуги великаго писателя; но пожелаемъ, чтобы за этими признаніями явились и историко-критическіе труды о Пушкинѣ. Онъ дорогъ намъ, особенно въ настоящую минуту, но надо признать всеобщую историческую истину, что великій писатель, какъ всякій великій человѣкъ, какъ бы ни были чрезвычайны его дарованія и его дѣятельность, всегда остается однако и сыномъ своего вѣка, носитъ на себѣ историческія черты времени и общества. Пусть не пугаются и не негодуютъ тѣ, кто считаетъ теперь имя Пушкина неприкосновеннымъ; только съ исторической критикой, наше удивленіе предъ нимъ, наше признаніе его заслуги будетъ дѣломъ не одного чувства, но и яснаго, твердаго сознанія.

Что вмѣшательство исторической критики необходимо, въ этомъ убѣждаетъ въ особенности рѣчь г. Достоевскаго. Она имѣла свой успѣхъ; сказанная въ извѣстномъ стилѣ талантливаго писателя, она подѣйствовала — безъ сомнѣнія, въ значительной степени—потому, что сказана была передъ аудиторіей уже приготовленной къ крайнему увлеченію: нѣсколько дней, проведенныхъ въ непрекращавшемся рядѣ сильныхъ впечатлѣній, сообщили этой аудиторіи почти нервическое возбужденіе,—по степени этого возбужденія ей требовалось все больше увлекающихъ и обольстительныхъ словъ. Ихъ предложилъ г. Достоевскій. Не будемъ передавать подробностей его рѣчи, сообщенныхъ газетами. Въ ея содержаніи не было особенно новаго; такія мысли высказывались издавна въ славянофильской школѣ, и г. Достоевскій только примѣнилъ ихъ къ Пушкину, сдѣлавъ его поэзію предвѣщаніемъ. Это— тэмы Хомякова, Языкова, Тютчева. Мы не поклонники ни такой поэзіи, ни такихъ теорій... Публицисты извѣстнаго стиля сейчасъ попрекнутъ насъ «отрицаніемъ», «западничествомъ», «доктринерствомъ», непониманіемъ русскаго народнаго духа и т. п., и въ поученіе укажутъ, что англичане, французы и т. д. также увлекаются въ своемъ патріотизмѣ. Мы и полагаемъ, что тэма г. Достоевскаго о будущемъ, или даже настоящемъ первенствѣ русскаго народа надъ всѣми остальными имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что

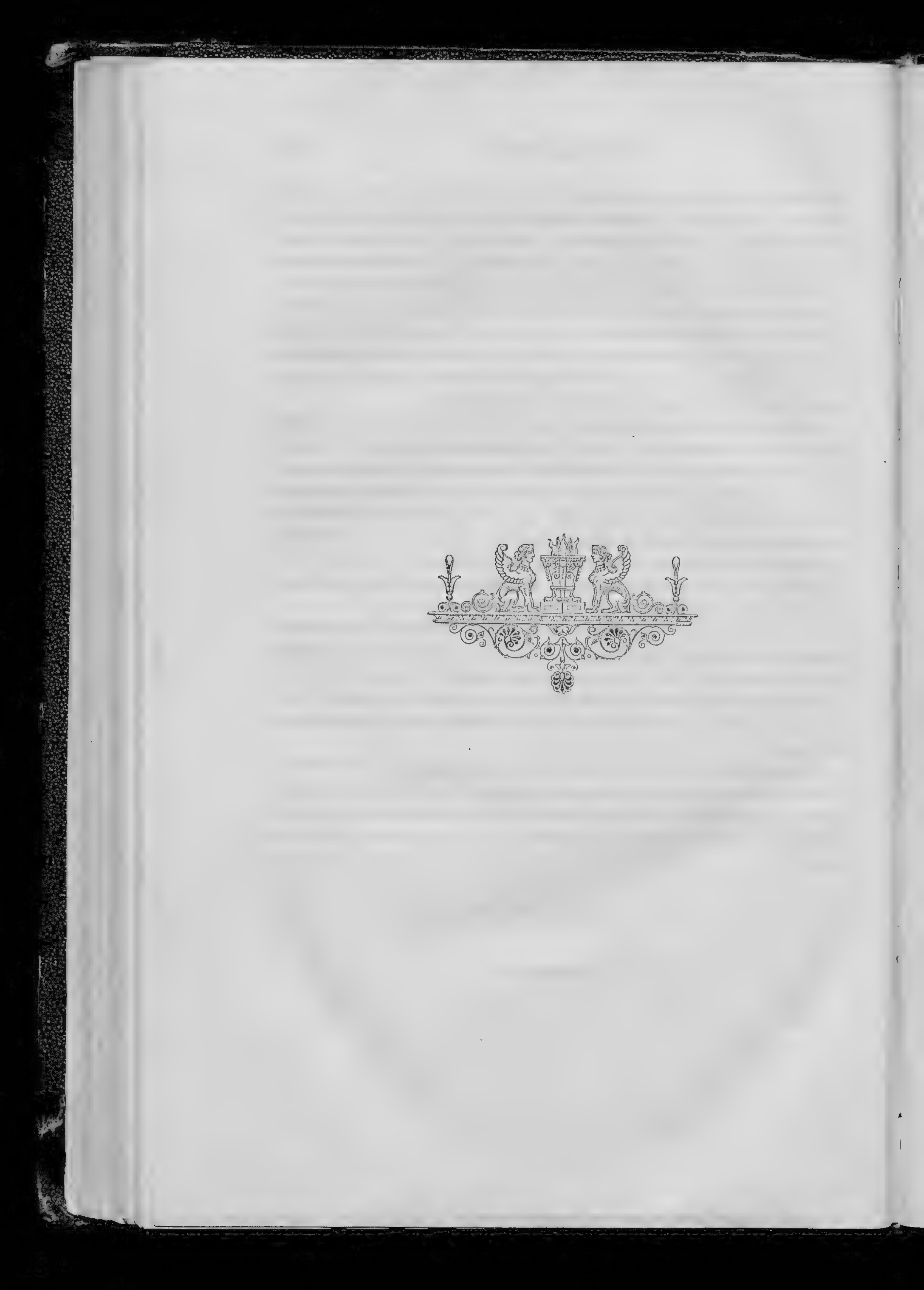
представляетъ не новый примѣръ національнаго самопрославленія. Нѣмцы, французы, англичане, считаютъ себя каждый высшимъ представителемъ человѣчества, образцомъ для другихъ народовъ, ихъ просвѣтителемъ и законнымъ старшиной; даже китайцы, и тѣ увѣрены, что въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннѣе срединнаго царства; въ старину такъ думали евреи, и странно: хотя именно въ ихъ средѣ возникло христіанство, принятое просвѣщеннымъ человѣчествомъ какъ истина, именно они его отвергли и осудили. По совѣсти думаемъ, что такая постановка національнаго патріотизма по крайней мѣрѣ излишня. Уже одно количество примѣровъ присвоенія себѣ первенства показываетъ, что эта постановка сомнительна: ясно, что всѣ народы, кромѣ одного, должны заблуждаться, и кто же измѣрилъ всѣ данныя, которыя доказали бы, что народъ незаблуждающійся—именно мы? Намъ говорятъ о всечеловѣчности или всечеловѣчествѣ русскаго народа, но—выдѣляя примѣръ «всесвѣтной (поэтической) отзывчивости» Пушкина, какъ примѣръ исключительнаго, единственнаго въ своемъ родѣ писателя—не была ли наша «всечеловѣчность» просто признакомъ извѣстной исторической ступени развитія, стремленіемъ усвоить сдѣланные ранѣе другими пріобрѣтенія; наклонность вживаться въ умственную жизнь Европы не бывала ли слѣдствіемъ умственной бѣдности нашего собственнаго быта, бѣдности, которую столько могущественныхъ причинъ производили и поддерживали? Очень было бы желательно, чтобы «всечеловѣчность» развилась въ русскомъ міровоззрѣніи, какъ широта взгляда и нравственно-національное безпристрастіе, но «по бывшимъ примѣрамъ» очень мало на это надѣемся; даже въ послѣднее время, когда, бывало, русская печать (и именно большинство) принималась заявлять наши національныя идеи, характеръ, права̀, требованія, въ этихъ заявленіяхъ было гораздо больше обыкновеннѣйшаго національнаго самохвальства, нежели «всечеловѣчности». Эта послѣдняя можетъ быть только результатомъ всей полноты національнаго развитія, — а объ ней мы считаемъ непозволительнымъ и говорить въ настоящую минуту, когда народъ остается безъ школъ, общество — безъ возможности самодѣятельности, литература — безъ элементарныхъ условій, которыя бы дали ей право считаться истиннымъ выраженіемъ своего общества и народа.

«Врачу, исцѣлися самъ»—могутъ сказать намъ, и съ полнымъ правомъ, въ отвѣтъ на наши самонадѣянные порывы исцѣлять Европу и человѣчество. «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ», воскликнулъ въ минуту встрѣчи съ нашей владычествующей дѣйствительностью самъ Пушкинъ, кото-

рый не былъ вообще фантазёромъ. Трудно было бы г-ну Достоевскому комментировать это восклицаніе поэта, повидимому, не раздѣлявшаго его мнѣнія объ удобствѣ быть «всечеловѣкомъ». Но дѣло въ томъ, что рѣчь г. Достоевскаго была построена на фальши—на фальши, крайне пріятной только для раздражаемаго самолюбія. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, явился этотъ «всечеловѣкъ»? Да быть имъ даже не особенно лестно: лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ, чѣмъ этимъ безличнымъ «всечеловѣкомъ». Опять все та же гордыня подъ личиною смиренія!

Считая выводы о нашей «всечеловѣчности» теоретически фальшивыми, скажемъ прямо: мы считаемъ даже вредными эти толки о нашихъ фантастическихъ совершенствахъ, когда дѣйствительность ежечасно напоминаетъ о гораздо болѣе скромныхъ, весьма существенныхъ, но далеко неудовлетворенныхъ потребностяхъ русской жизни, и національной, и внутренне-общественной. Къ сожалѣнію, мы гораздо больше податливы на улещиванья подобнаго рода, чѣмъ на согласный трудъ для важнѣйшихъ потребностей общества и литературы, на правдивое, нелицемѣрное сужденіе о нашемъ настоящемъ, чѣмъ даже просто на спокойный, добросовѣстный разборъ нашихъ теоретическихъ разногласій. Мы считаемъ вредными эти тенденціозныя ссылки на «народъ», котораго мы не знаемъ, который намъ становится почти невозможно изучать, — народъ, безъ сомнѣнія богато одаренный, сохраняющій много прекрасныхъ нравственныхъ свойствъ патріархальнаго быта, но народъ—лишенный образованія, экономически—нуждающійся, религіозно—раздѣленный расколомъ, общественно — слабо представленный. Намъ передавали сказанныя однажды слова одного изъ пламеннѣйшихъ ревнителей народнаго дѣла, что «народъ—сфинксъ», и это глубоко справедливо. Дѣйствительно, нашъ народъ—сфинксъ, до тѣхъ поръ, пока лучъ просвѣщенія не освѣтитъ дремлющее сознаніе, и успѣхи общественности не дадутъ ему полнаго права гражданства.

Пушкинскій праздникъ былъ едва ли когда виданнымъ соединеніемъ русскихъ литературныхъ силъ въ одно цѣлое. Оно произошло силой уваженія къ памяти величайшаго поэта русской литературы. Поводъ не представлялъ возможности разнорѣчія, и дѣйствительно, на одномъ торжествѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, за однимъ столомъ оказались люди, которыхъ видѣть рядомъ было бы иначе немыслимо. При всѣхъ оговоркахъ, фактъ былъ все-таки достопримѣчателенъ, и онъ внушалъ слова примиренія, довольно неожиданныя... Собравшіеся въ Москву дѣятели литературы думали, безъ сомнѣнія, только о Пушкинѣ, объ открытіи памятника, не болѣе; но многолюдное собраніе наводило на мысль,

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 6 іюня 1880 г. *).

Первая половина XIX столѣтія ознаменована въ европейской литературѣ сильною реакціею французской революціи, а съ нею духу и направленію такъ-называемой просвѣтительной литературы XVIII вѣка. Мечты о той универсальной монархіи, которою грозилъ Европѣ Наполеонъ, были разсѣяны войнами за свободу, и въ отпоръ замысламъ наслѣдника революціи съ неудержимою силою поднимается національное чувство. Эта реакція, однимъ изъ литературныхъ выраженій которой былъ романтизмъ, охватываетъ съ бо́льшею или меньшею силою почти всѣ континентальныя страны Европы. Слабѣе была она на Руси, ибо и самый предметъ реакціи былъ здѣсь слабѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Идеи такъ-называемой просвѣтительной литературы въ XVIII вѣкѣ крайне слабо принялись на русской почвѣ. Здѣсь господствовалъ, напротивъ, почти нетронутымъ тотъ строй общественной и политической жизни, полнымъ литературнымъ выраженіемъ которой былъ псевдоклассицизмъ. По замѣчанію Пушкина, «подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было у насъ въ модѣ» еще въ началѣ 1812 года, когда Русь «готовилась обнять кичливаго врага». Идеалы свободы и національной самостоятельности одушевляли на Руси ту новую литературную эпоху, которой начало ознаменовано появленіемъ первыхъ опытовъ

*) Рѣчь печатается здѣсь безъ пропусковъ, вызванныхъ при ея произнесеніи краткостію отмѣреннаго на то времени, а такъ, какъ была написана. — *Ред.*

музы Пушкина. Не переживши великаго движенія германской философіи и критики, задавивши масонскимъ піэтизмомъ и мистицизмомъ развитіе французскихъ «просвѣтительныхъ» идей, русская литература въ началѣ XIX вѣка представляла въ полномъ цвѣтѣ господство ложнаго классицизма съ его типическими формами—торжественною одою, эпическою поэмою и героическою трагедіею. Первому поколѣнію писателей Александровскаго царствованія предстояло—окончательно разрушить тотъ строй литературныхъ преданій, который давно уже сломленъ былъ въ Англіи, Франціи и Германіи могучимъ движеніемъ философскихъ и литературныхъ идей XVIII вѣка. Русская молодежь, пережившая великую эпоху войнъ съ Наполеономъ, не могла не быть поражена тою скудостію мысли, тѣмъ нищенствомъ содержанія, которыя господствовали въ тогдашней русской печати. Оцѣпленная со всѣхъ сторонъ предостерегательными значками оффиціальныхъ «аристарховъ», съ узкимъ кругомъ условнаго содержанія, разобщенная съ вопросами философской мысли и съ разработкою общественныхъ вопросовъ, русская печать не могла удовлетворять тѣмъ новымъ потребностямъ, которыя возникали послѣ европейскихъ войнъ съ Наполеономъ. Появленіе въ печати первыхъ произведеній Пушкина почти совпало со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Парижъ. Изъ своего первоначальнаго воспитанія Пушкинъ вынесъ близкое знакомство какъ съ французскими классиками «великаго вѣка», такъ и съ французскою революціонною литературою XVIII столѣтія. Вольтеръ былъ для Пушкина, въ лицейскій періодъ, «поэтъ въ поэтахъ первый»:

Онъ—все; вездѣ великъ
Единственный старикъ!.....
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ [1]).

Руссо также успѣлъ побывать въ его рукахъ. Менѣе нравился Пушкину Дидро,

То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ [2]).

За то первыя попытки Дельвига обратить Пушкина къ знакомству съ нѣмецкою литературою не имѣли успѣха:

Разбиралъ онъ нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго [3]).

---

[1]) Сочиненія, II, 36.
[2]) Тамъ-же, II, 505.
[3]) Тамъ-же, II, 198.

Знакомясь съ Державинымъ и Дмитріевымъ, Пушкинъ въ то же время съ жадностію читалъ тѣ немногія смѣлыя произведенія русской литературы XVIII вѣка, которыя шли рѣшительнымъ протестомъ ложноклассическому направленію и безжалостно, цинически его персифлировали—произведенія Майкова, Баркова, Чулкова, пролагавшихъ путь развитію «мѣщанской» литературы. Въ лицеѣ Пушкинъ «читалъ охотно Елисея». Въ книжномъ шкафу его въ пыли лежали:

Визгова сочиненья,
Глупона пѣснопѣнья,

а за этою пыльною оградою «пряталась потаенная сафьянная тетрадь».....

Такъ: это сочиненья,
Презрѣвшія печать,—....

драгоцѣнный свитокъ, полученный

Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата....

Желая «вѣчнаго мира и забвенья» классическимъ твореньямъ Визгова и Глупона, Пушкинъ обращается къ Баркову и автору Елисея съ словами:

Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ.

Очень рано обнаружилась въ поэтѣ основная черта его духовной природы—реальное направленіе: оно сказалось и въ первыхъ литературныхъ симпатіяхъ и въ первыхъ поэтическихъ опытахъ Пушкина. Почти съ дѣтства чувствовалъ онъ тяжесть всякихъ «узъ», въ томъ числѣ и парнасскихъ.... Своими ранними симпатіями Пушкинъ принадлежитъ эротическимъ писателямъ—

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей.

Въ лицеѣ Пушкинъ звалъ своимъ учителемъ въ поэзіи Анакреона. Подъ зимній вечерокъ его развлекали Вержье, Парни съ Грекуромъ. Батюшковъ и французскіе эротическіе поэты настроили на свой ладъ лицейскія стихотворенія Пушкина. Извѣстно, какъ строго осуждены были впослѣдствіи самимъ поэтомъ эти произведенія, въ которыхъ воспѣвались вино и любовь. Но и въ этихъ первыхъ шалостяхъ молодого пера уже можно замѣтить черты, указывающія на непосредственное отношеніе поэзіи Пушкина къ жизни, на ея реальное направленіе.

Зародыши энергической реакціи ложному классицизму живо чувствуются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. И дѣйствительно, сады «родимой» царскосельской «обители» являли великому поэту «вѣчные слѣды славныхъ лѣтъ»;

Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ...

Живой комментарій къ произведеніямъ лиры Державина былъ, можно сказать, передъ глазами «пылкаго отрока, таившаго въ своей груди смутныя мечтанья». И что же? Окруженный въ садахъ царскосельской школы на каждомъ шагу монументальными воспоминаніями «счастливаго вѣка» Екатерины, «громкаго свидѣтеля военной славы россіянъ, которому бряцали пѣснь Державинъ и Петровъ», Пушкинъ уже не находитъ въ себѣ сочувствія ихъ литературному направленію. На лицейской скамьѣ отталкиваетъ его отъ себя

Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
На скучный ладъ сплетая вздоръ.

Во французскихъ стихахъ, написанныхъ въ лицеѣ, Пушкинъ высказываетъ желаніе поскорѣе ускользнуть изъ того кружка́, въ которомъ читается торжественная ода. Онъ страшится и самъ участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,

Насъ убивающихъ громадою стиховъ.

«Взрощенный въ дикой простотѣ», Пушкинъ отказывается отъ этого, тогда еще моднаго, рода стихотворства:

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности заглохшею тропой,
Пускай пѣвцы *гремящими* хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.

У него въ рукахъ не лира, а дудка, какъ у творца Елисея:

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.

Онъ страшится летать и при звукахъ *лиръ* пѣть

Войны кровавый пиръ.

Были и помимо воспоминаній, окружавшихъ Пушкина въ царскосельскихъ садахъ и запечатлѣнныхъ въ литературѣ стихами Державина и Петрова, еще болѣе могучіе глашатаи, которые должны бы были, повидимому, призвать Пушкина къ торжественной одѣ—это самыя событія отечественной войны. И Пушкинъ дѣйствительно пишетъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», заслужившія горячее одобреніе одряхлѣвшаго Державина, который мнилъ видѣть въ молодомъ студентѣ наслѣдника своей лиры. Но именно въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ и выражаетъ, можетъ быть, въ первый и въ послѣдній разъ, сожалѣніе, что «духъ его не горитъ восторгомъ небесныхъ Аонидъ»,

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской бардъ дружины!

Для Пушкина торжественная ода утонула, можно сказать, именно тамъ, гдѣ искало для нея содержанія современное ему риѳмоплетство стараго поколѣнія піитовъ,—она утонула въ могучихъ волнахъ «вѣчной памяти 1812 года», въ тѣхъ волнахъ, которыя выносили на поверхность общественнаго сознанія новаго историческаго героя—народъ.

Поразительно въ стихотвореніи Пушкина «*На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*» встрѣтить въ заключительной строфѣ выраженіе увѣренности, что «придутъ времена спокойствія златыя» и соберутся нѣкогда «молодыя поколѣнія вокругъ старца солдата»,

Преклонятъ хладный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ и ратный строй и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними:
Словами *истины свободными, простыми*
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ,
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Въ 1819 году Пушкинъ имѣлъ право сказать:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И идоламъ молвы народной
Кадиломъ лести не кадилъ:
Свободу лишь учася славить
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Въ 1824 году, вспоминая «умнаго льстеца» Горація, Пушкинъ снова имѣлъ случай сказать:

Но льстивыхъ одъ я не пишу.

Нерасположеніе къ ложно-классическому направленію у Пушкина обнимало, конечно, не только торжественную, похвальную оду, но и эпическія поэмы и героическія трагедіи, словомъ: всѣ творенія, требовавшія, по ученію старой піитики, возвышеннаго стиля, т.-е. преобладанія въ русской литературной рѣчи славянскихъ выраженій. Въ толпѣ «друзей непросвѣщенья», «враговъ наукѣ» Пушкину представляются (1817 г.) піиты, «воспитанные *слѣпымъ невѣжествомъ*»:

Тѣ *слогомъ Никона* печатаютъ поэмы,
Одни *славянскихъ одъ* громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ намѣчена, очень вѣрно, связь тогдашняго русскаго псевдоклассицизма съ славянофилами Александровскаго царствованія, создавшими *Бесѣду любителей россійскаго слова* и заправлявшими Россійскою Академіею. Можно сказать, что съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Пушкинъ былъ врагомъ *Бесѣды* и академическаго вкуса и самымъ ярымъ арзамасцемъ. Онъ, еще въ лицеѣ, способенъ былъ оцѣнить новое литературное направленіе, центромъ котораго былъ *Арзамасъ*, и, *«ученью руку давъ»*, тогда же примкнулъ къ небольшому кружку русскихъ писателей, которые имѣли въ первую четверть настоящаго столѣтія столь плодотворное вліяніе на русскую литературу и просвѣщеніе, — писателей, которымъ несносны были «узы», наложенныя старою школою на словесность и самую науку, которые, напротивъ, умѣли:

Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной *осмѣять*
И мучить бѣднаго Шишкова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шаховскова
Клеймить единственнымъ стихомъ! (1816 г.)

Въ 1830 году, въ пору высокаго развитія своихъ силъ, Пушкинъ, касаясь первыхъ по времени представителей ложнаго классицизма во Франціи, замѣчаетъ: «Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ *Сла-*

вянорусcовъ». Рѣшительное осужденіе направленія *Бесѣды*, гдѣ послѣ Шишкова главнымъ лицомъ былъ Державинъ, высказано было очень рѣзко въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, особенно въ посланіи къ Шаховскому, «бодрому усыпителю» слушателей, «грозѣ балладъ», «записному врагу талантовъ», и въ посланіи (1817) Жуковскому:

...... Что крикъ безумныхъ ихъ дружинъ?
Пускай *бесѣдуютъ* отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ Неба;
Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

Въ пору зрѣлости литературныхъ убѣжденій, Пушкинъ, въ откровенномъ письмѣ къ брату, такъ высказался объ «избранномъ пѣвцѣ царей»: «Перечелъ я Державина всего и вотъ мое *окончательное* мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ». Трудно допустить, чтобы въ рѣзкости этого отзыва сказались только

Сила, гордость, упованье
И отвага юныхъ дней.

Зародыши этого «окончательнаго» мнѣнія о Державинѣ таятся, правда, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, но сложилось оно въ столь рѣзко опредѣленную форму потому, что симпатіи Пушкина, предметы и условія его поэтическаго творчества лежали внѣ сферы прежней литературной школы, къ которой принадлежалъ Державинъ. Пушкинъ-лицеистъ въ «мнѣніяхъ, цѣли и усиліяхъ» *Бесѣды* видѣлъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, «глухого варварства начала», въ послѣдователяхъ автора «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» — «враговъ наукъ, боевую дружину безсмыслицы». Въ періодъ зрѣлости литературныхъ убѣжденій, поэтъ, приравнивая труды и усилія Ронсара, Жоделя, Дюбелле и Малерба къ стремленіямъ «нашихъ Славянорусcовъ», замѣчаетъ: «Сіи два таланта (Малербъ и Ронсаръ) истощили силы свои въ бо-

реніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о *наружныхъ формахъ слова*, нежели *о мысли—истинной жизни его*, независящей отъ употребленія!» Юноша, съ природными задатками реализма, Пушкинъ въ періодъ лицейскаго ученья, «слагалъ стихи, не натуживаясь, въ простотѣ, безъ украшенья», чуждаясь «блестящихъ даровъ трудолюбивой учености». «Уроки сухой учености» старовѣровъ классиковъ были ему «скучны». Онъ дорожилъ не формою, а *мыслію* поэтическаго произведенія. Идеалъ этого «поклонника правды и свободы» былъ не тамъ, гдѣ полагали поэты старой школы. Очень опредѣленно сказывается этотъ идеалъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина «Уединеніе». Молодые писатели, отдавшіеся новому движенію мысли, конечно обвиняемы были литературными и политическими старовѣрами въ колебаніи общественныхъ основъ. Уже въ 1817 году Пушкинъ жаловался:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой...
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата!
  И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

Съ освобожденіемъ поэтическаго творчества отъ «узъ» піитическихъ правилъ, съ расширеніемъ сферы его предметовъ, измѣнялся коренным образомъ и взглядъ на самое существо и условія поэтическаго творчества. Ложный классицизмъ признавалъ зиждительнымъ началомъ поэзіи—восторгъ, исповѣдуя, что восторгъ «внезапно плѣняетъ умъ». На мѣсто восторга Пушкинъ ставитъ вдохновеніе и такъ его опредѣляетъ: «Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію *понятій*, слѣдственно и *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы *ума*, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. *Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества*. Она исключаетъ постоянный *трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго*». Итакъ, *трудъ* служитъ исходнымъ пунктомъ поэтическаго творчества и составляетъ необходимое условіе истинно великаго. Дополняя недосказанное Пушкинымъ въ этомъ глубокомысленномъ опредѣленіи поэтическаго вдохновенія,—опредѣленіи, которое могло бы найти себѣ

превосходную иллюстрацію въ знаменитыхъ «Эстетическихъ опытахъ» Вильгельма Гумбольдта,—можно съ увѣренностію сказать, что Пушкинъ считалъ трудъ, т.-е. ученье, столь же необходимымъ для поэта, какъ и для геометра. Вотъ почему онъ искренно сожалѣлъ, что «мало у насъ писателей, которые бы *учились;* большая часть только разучиваются». Послѣдовательность процесса поэтическаго творчества Пушкинъ съ поразительною ясностію опредѣлилъ въ немногихъ вопросительныхъ фразахъ, которыя Чарскій обращаетъ къ импровизатору (въ «Египетскихъ ночахъ»). «Какъ! чужая *мысль* чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею *носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно?* Итакъ, для васъ не существуетъ *ни труда,* ни *охлажденія,* ни этого *безпокойства,* которое предшествуетъ *вдохновенію?»* Черновыя тетради Пушкина, въ которыхъ (какъ въ альбомѣ Онѣгина) —

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали *мысли,* примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И *думы тайной письмена,*—

эти черновыя тетради, вмѣстѣ съ собственными откровеніями великаго поэта, убѣждаютъ, что *такіе* именно фазисы проходило его поэтическое творчество при созданіи «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», «Полтавы»... Когда поэтъ не «чувствовалъ приближенія Бога», когда онъ не находилъ въ душѣ своей «расположенія къ дальнѣйшему принятію впечатлѣній, къ соображенію и изъясненію понятій», онъ оставлялъ перо. «Я пишу (Бориса Годунова),— высказывается Пушкинъ, — и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала *только* обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее». «Борисъ Годуновъ» былъ первымъ большимъ произведеніемъ, надъ которымъ Пушкинъ испробовалъ этотъ «новый для него способъ работы». Процессъ созданія этой трагедіи не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій... «Писанная мною въ *строгомъ уединеніи* (признается Пушкинъ), *вдали охлаждающаго свѣта,* плодъ добросовѣстныхъ *изученій,* постояннаго *труда,* трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: *живое занятіе вдохновенію,* внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія»... Такъ, поэтъ, отъ ранней юности «любившій свѣтъ и шумъ его, нена-

видѣвшій одиночество» [1]), оцѣнилъ освѣжающее вліяніе „строгаго уединенія».

Я зналъ и *трудъ* и *вдохновенье*
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье [2]).

Въ уединеніи Пушкинъ какъ-бы перерождался:

Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ.
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ *трудамъ* рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ [3]).

Въ невольномъ уединеніи изгнанія Пушкинъ проявлялъ несокрушимую силу нравственнаго чувства, а «нравственное чувство, по словамъ поэта [4]), какъ и талантъ, дается не всякому». Въ изгнаніи оставлялъ онъ свои «заблужденья» —

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для *сердца* новую вкушаю *тишину*,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій *трудъ*, и жажду *размышленій*.
. . . .
Учусь удерживать *вниманье долгихъ думъ*;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ [5]).

Таковы были основы и условія поэтическаго творчества Пушкина. Писателей старой школы не могли не поразить оригинальностію воззрѣнія слѣдующіе стихи въ извѣстномъ посланіи Жуковскому:

---

[1]) Сочиненія, II, 225.

[2]) Съ особеннымъ сочувствіемъ рисуя личность Ленскаго, Пушкинъ заставляетъ этого героя переживать его собственную исторію:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожили *юный* умъ.
Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье...

Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, изд. 2, стр. 317.

[3]) Сочиненія, II, 259.

[4]) Сочиненія, VII, 103.

[5]) Сочиненія, II, 299.

И быстрый *холодъ вдохновенья*
Власы подъемлетъ на челѣ.

«Холодъ вдохновенія» былъ выдающеюся чертою творческой дѣятельности Пушкина въ ту эпоху, когда и силы его развились совершенно и когда онъ чувствовалъ, что могъ творить. «Поэтъ, знавшій сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ», даетъ намъ видѣть въ своихъ твореніяхъ результаты продолжительнаго труда, просвѣщенной мысли и постоянно озарявшаго его вдохновенія, когда во всей полнотѣ обнаруживалась «сила его ума, располагавшаго частями въ отношеніи къ цѣлому». И могущественно было нравственное воздѣйствіе процесса поэтическаго творчества на самого Пушкина. Въ минуты поэтическаго творчества, въ минуты наитія «вдохновенія» силою ума очищалась нравственная атмосфера поэта, «гордый разумъ усыплялъ его желанья и страданья» [1]), умирялъ борьбу «демоническихъ» силъ въ его груди и заставлялъ «исчезать заблужденья съ его измученной души». Чтобы перелить въ художественныя произведенія «стихи своего сердца [2]), Пушкину нужно было провести все то, чѣмъ волновалось и болѣзненно билось это сердце, черезъ чистилище поэтическаго творчества и поставить волненія жизни, свои надежды и отчаянія, свои грѣхи и заблужденія передъ спокойнымъ судомъ своего нравственнаго чувства, своего высокаго разума. «Холодъ вдохновенія» отрезвлялъ поэта. Къ Пушкину въ полномъ объемѣ прилагается то, что́ самъ онъ сказалъ о временномъ «властителѣ своихъ думъ» — Байронѣ: «Онъ *исповѣдался* въ своихъ *стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи»* [3]). Поэтъ, высоко цѣнившій въ писателѣ *искренность*, сознавалъ

---

[1]) Сочиненія, II, 133.

[2]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 92.

[3]) Не излишне припомнить здѣсь слова Льюиса въ біографіи Гёте: „Поэтъ можетъ „освободить свою грудь отъ опаснаго матеріала", изливъ этотъ матеріалъ въ художественное произведеніе; но во всякомъ случаѣ онъ необходимо долженъ предварительно пережить то, что́ изображаетъ,—долженъ предварительно побѣдить свои страсти, совладать съ тревожащими его мыслями, и только тогда уже можетъ онъ облечь свои страсти и мысли въ классическое выраженіе... Художникъ не рабъ, а господинъ; онъ властвуетъ надъ страстями, а не страсти надъ нимъ. Художественное творчество принимаетъ въ свое святилище великія скорби міра, но само оно не есть скорбь. Моментъ творчества наступаетъ для художника только тогда уже, когда буря миновала, когда громовыя тучи смѣнились спокойными массами облаковъ, когда уже сквозь облачныя массы протянуло солнце и озарило ихъ своими лучами. Если Вертеръ, какъ говоритъ Гёте, есть его „исповѣдь" и, какъ исповѣдь, облегчилъ его душу, то не могъ онъ исповѣдаться прежде, чѣмъ раскаялся, и не могъ раскаяться, прежде чѣмъ пережилъ заблужденіе".

значеніе *такой* уединенной исповѣди: «презирать судъ людей не трудно (писалъ онъ); презирать судъ собственный невозможно». По глубоко-вѣрному замѣчанію П. В. Анненкова, «вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время» [1]). И потому особый глубокій смыслъ имѣло въ устахъ Пушкина прочувствованное восклицаніе:

Да здравствуютъ *Музы*, да здравствуетъ *Разумъ!*

Результатъ такого процесса, реальная и свѣтлая поэзія Пушкина приносила съ собою въ общество «бодрость для духа и свѣжесть для мысли» [2]); она воспитывала въ читателяхъ не только эстетическій вкусъ, но и нравственное чувство. Но это еще не все. Показанія друзей Пушкина «единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ... Неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; *оно нисколько не охладѣвало*, не разсѣявалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія» [3]). Критика замѣчаетъ, что съ 1833 г. *начало* въ Пушкинѣ крѣпнуть «эпическое настроеніе духа» [4]), т.-е. тотъ процессъ поэтическаго творчества, который у Вильгельма Гумбольдта характеризуется преобладающимъ дѣйствіемъ» спокойнаго разума»,—процессъ, который впервые усвоенъ былъ Пушкинымъ не въ 1833 году, а гораздо ранѣе. *Такими* произведеніями воспитывалъ поэтъ молодое поколѣніе писателей и русское «общественное мнѣніе». Уже въ 1833 году Пушкинъ *безъ всякаго хвастовства* [5]), въ ясномъ сознаніи своего литературнаго значенія, писалъ въ проектѣ оффиціальной записки: «Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I) я имѣлъ *на все сословіе литераторовъ* гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство (т.-е. министерство на-

---

1) Матеріалы, стр. 88.
2) Тамъ же, стр. 89.
3) Тамъ же, стр. 43.
4) Тамъ же, стр. 217.
5) Вопреки Анненкову, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 108.

роднаго просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ» [1]). Пушкинъ уже тогда убѣдился, что «малое число любителей вѣрило, *наконецъ*... постоянно, хотя и медленно пробивающимся *мнѣніямъ* и безпристрастію *критики* [2]).

«Поэзія,—замѣчаетъ Пушкинъ,—бываетъ исключительною страстію немногихъ; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни. Старая «пудренная піитика» ограничивала область поэтическихъ сюжетовъ привилегированнымъ кругомъ — «героемъ», двора, знати, высшаго общества, подчиняя и поэтическую обработку избраннаго сюжета формализму строго опредѣленныхъ правилъ. Сросшійся съ произведеніями французскаго псевдоклассицизма александрійскій стихъ—

выняпченъ былъ мамкою не дурой;
За нимъ *смотрѣлъ* степенный Буало;
Шагалъ онъ *чинно, стянутъ былъ* цезурой.
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цезурой,
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Гюго съ товарищи, *друзья натуры*,
Его гулять пустили безъ цезуры [3]).

Къ числу этихъ «друзей натуры», къ числу приверженцевъ *вполнѣ свободнаго поэтическаго творчества* (которое нашъ поэтъ называлъ истиннымъ романтизмомъ) принадлежалъ и Пушкинъ. Онъ открывалъ русской поэзіи самый широкій кругозоръ. Преданный «искреннему и свободному ходу романтической поэзіи», Пушкинъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ русскихъ стихотвореніяхъ, величавшихся *романтическими*, «жеманство лжеклассицизма французскаго» [4]). Ему казалось «довольно страннымъ, что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики»... Пушкинъ думалъ, что «французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно, причиною сего явленія». «Я,—продолжаетъ Пушкинъ,—въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю

[1]) Тамъ же.
[2]) Сочиненія Пушкина, V, 38. Замѣтка писана *послѣ* 1830 года.
[3]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 460.
[4]) Тамъ же, стр. 138.

не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности *своего народа*, какъ онъ повинуется законамъ своего языка... Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли *къ правиламъ*, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ *ея законы*» [1]). «У насъ литература не есть потребность народная», замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ [2]), XIX-го вѣкъ «обидѣлъ законодателя французскаго Парнасса» [3]) и всѣхъ представителей ложнаго классицизма: онъ искалъ для литературы иныхъ «законовъ», онъ требовалъ *свободы, народности*. «Нашему театру, пишетъ Пушкинъ, приличны *народные законы* драмы Шекспировой, а не *свѣтскій обычай* трагедіи Расина» [4]). Тѣсною представляется Пушкину область поэтическаго творчества Расина, этого «пѣвца влюбленныхъ женщинъ и царей». Съ романтической трагедіею Корнеля Пушкинъ мирился болѣе, чѣмъ съ Расиномъ. «Ты перевелъ Сида (пишетъ онъ Катенину)... «Скажи: имѣлъ ли ты *похвальную смѣлость* оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на *жеманной сценѣ XIX столѣтія?* Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева» [5]). Поэтъ, любившій свѣтъ и его шумъ, переливая въ изящныя поэтическія созданія «всѣ наблюденія, всѣ впечатлѣнія своей жизни», гонитъ съ «жеманной сцены» «свѣтскій обычай» ложнаго классицизма и не признаетъ въ дѣйствительности предметовъ «низкихъ», недостойныхъ для поэтическаго представленія: онъ смѣло пролагаетъ литературѣ путь сдѣлаться «потребностью народною». Пушкинъ сдѣлалъ достояніемъ русской поэзіи личность человѣка безъ различія общественныхъ его положеній.

Поросъ крапивою Парнассъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ,
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на *толкучій рынокъ*.

Чѣмъ болѣе мужалъ геній великаго поэта, тѣмъ свободнѣе становилось его поэтическое творчество, тѣмъ самостоятельнѣе относился онъ къ своимъ прежнимъ образцамъ и тѣмъ болѣе

---

[1]) Анненковъ, Матеріалы стр. 138—139.
[2]) Сочиненія Пушкина VI, 102.
[3]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 460.
[4]) Тамъ же, стр. 131.
[5]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 53.

сказывалась въ душѣ поэта любовь къ прямой дѣйствительности, къ русскому быту и русской жизни. Въ юности, «съ толпою чувства раздѣляя», Пушкинъ привелъ свою музу—

на шумъ пировъ и буйныхъ споровъ;

потомъ та же ласковая муза,

. . . . позабывъ *столицы* дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ *степи, ей любезной.*

Наконецъ смирились въ поэтѣ его «весны *высокопарныя мечтанья*»; мѣсто послѣднихъ заняла любовь къ дѣйствительности, къ низменной прозѣ—

И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.
Иныя нужны мнѣ картины;
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака..
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ?..

За три года до своей безвременной кончины Пушкинъ выражаетъ свое воззрѣніе на поэта такимъ образомъ:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На *пышныхъ* играхъ Мельпомены—
И улыбается забавѣ *площадной*
И *вольности* лубочной сцены.

То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана [1]).

Съ высоты этого воззрѣнія на поэта, разбирая сдѣланный ему критикою упрекъ за выборъ героя для «Мѣднаго Всадника», Пушкинъ подсмѣивается:

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда *ничтоженъ*,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда *возвышенный* предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса...

Люди старой литературной школы, отождествлявшие торжественность съ вдохновеніемъ, неблагосклонно отнеслись и къ сюжету *Евгенія Онѣгина* и къ веселости, разлитой въ немъ. Пушкинъ защищается ссылкою на классическія произведенія какъ русской, такъ и западно-европейской литературы: «Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и «Orlando furioso», и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке и лучшую часть «Душеньки», и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи» [2]). Даже между друзьями Пушкина находились такіе, которые не понимали,

Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Изъ школы автора «Повѣстей Бѣлкина» и «Лѣтописи села Горохина» вышелъ Гоголь. Пушкинъ раньше всѣхъ оцѣнилъ первыя произведенія писателя, долженствовавшаго быть продолжателемъ его дѣла, и оправдывалъ «Вечера на хуторѣ» отъ ожидаемыхъ нападеній критики почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда своего «Онѣгина»: «Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая *веселость*—искренняя, непринужденная, *безъ жеманства и чопорности*. Все это

---

[1]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 119—120.

такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите его сторону [1]), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, *на дурной тонъ* и проч. *Пора, пора намъ осмѣять* les précieuses ridicules нашей словесности». «Какъ изумились мы (замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ) *русской* книгѣ, которая заставила насъ смѣяться,—мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина». Восторженное отношеніе Пушкина къ первымъ произведеніямъ Гоголя истекало изъ твердо сложившагося воззрѣнія поэта на задачи литературы, на свободу поэтическаго творчества. Импровизированная апологія Гоголя очень мѣтко указывала на слабую сторону современной Пушкину литературы—на отсутствіе литературной и научной критики, которая могла бы содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ обществѣ здравыхъ философскихъ и эстетическихъ началъ. Въ 1830 году Пушкинъ писалъ: «Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. *Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность.* Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Не забавно ли видѣть нашихъ *опекуновъ высшаго* общества» [2])? Роль этихъ консервативныхъ опекуновъ, ревниво оберегавшихъ отсталыя преданія общественной среды, желавшихъ видѣть въ писателѣ не руководителя общественнаго мнѣнія, а рабскаго исполнителя предразсужденій высшаго общества, принадлежала тогдашнимъ русскимъ критикамъ.

Въ бѣгломъ очеркѣ исторіи европейской драмы, Пушкинъ такъ характеризуетъ общественное значеніе писателя ложноклассической эпохи. «Творецъ трагедіи *народной* былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его—по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ и они; онъ не предавался *вольно* и *смѣло* своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе,

---

[1]) Писано къ издателямъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“.
[2]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 287.

оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и *робкая чопорность* и отселѣ *смѣшная надутость*, вошедшая въ пословицу, и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, *странный нечеловѣческій образъ изъясненія... Мы къ этому привыкли; намъ кажется, что такъ и быть* должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные *должны* выражать *простыя* понятія, *какъ простые люди*» [1]. Не такъ думали критики Пушкина, ему современные; они оставались вѣрны именно этимъ представленіямъ ложно-классической эпохи. На двѣ главныя черты современной ему критики обратилъ вниманіе Пушкинъ: на требованіе «чопорности», «смѣшной надутости» и на «филологическія прицѣпки къ словамъ» [2], часто обусловленныя привычкою къ «странному, нечеловѣческому образу изъясненія». Журнальная критика Пушкинскаго періода, за немногими исключеніями (Полевой, Кирѣевскій, Шевыревъ), поражаетъ отсутствіемъ твердыхъ философскихъ и эстетическихъ принциповъ, неспособностію понять и освѣтить общественные вопросы, узкимъ пуризмомъ, смѣшивавшимъ нравственность съ нравоученіемъ. Благовоспитанные критики «Сына Отечества» и «Вѣстника Европы» приходили *въ ужасъ* отъ «Руслана и Людмилы», гдѣ «пародировался Кирша Даниловъ и *просвѣщеннымъ* людямъ предлагалась поэма, писанная въ подражаніе «Еруслану Лазаревичу», гдѣ воспроизводились «плоскія шутки старины»... «Невскій зритель» сѣтовалъ по поводу той же поэмы на «*низкія* сравненія, *безобразное* волшебство, *сладострастныя* картины и такія выраженія, которыя оскорбляютъ *хорошій вкусъ*». Въ «Борисѣ Годуновѣ» критика находила «неприличною» сцену свиданія самозванца съ Мариною, порицала «возрастающее безуміе самозванца и возрастающую наглость Марины» и находила это произведеніе неудобнымъ для дамъ высшаго круга. Какой-то критикъ «предложилъ промѣнять сцену «Бориса Годунова» [3] — на картинку Дамскаго Журнала» [4]. Писатель умный и дорожившій своими убѣжденіями сожалѣлъ, что Пушкинъ заставилъ своего Алеко водить медвѣдя. «Вся поэзія Пушкина (отзывался одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ) была рѣзвая шалунья, для которой весь

[1] Сочиненія, VI, 106.

[2] Ср. Анненкова, Матеріалы, стр. 286, 95 и др.

[3] И какую же? Сцену Пимена съ Отрепьевымъ.

[4] Анненковъ, Матеріалы, стр. 139.

міръ ни въ копѣйку, ея стихія пересмѣхать все—худое и хорошее—просто изъ охоты позубоскалить... Поэзія Пушкина есть просто пародія». Критику оскорблялъ и выборъ Пушкинымъ для своихъ произведеній сюжета и способъ художественной его обработки. «Главнѣйшими изъ пружинъ (увѣряла она), приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бываютъ: пуншъ, аи, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань»... Критика ядовито сравнивала Пушкина то съ Барковымъ, то съ авторомъ Энеиды на изнанку, обнаруживая тѣмъ одновременно и полное непониманіе великаго значенія произведеннаго Пушкинымъ переворота въ русской поэзіи и близорукое отношеніе къ первымъ на Руси представителямъ мѣщанскаго вкуса, горячимъ противникамъ ложнаго классицизма. Критика представляла себѣ литературу этого направленія «кровожадною, развратною вѣдьмою съ прыщиками на лицѣ». Симпатіи критики принадлежали еще «чопорной» школѣ XVIII вѣка, и Пушкинъ очень хорошо понималъ, какъ она должна была относиться къ его широкому и свободному поэтическому творчеству,—къ тому, что́ онъ называлъ романтизмомъ». «*Робкій вкусъ нашъ* не стерпитъ *истиннаго романтизма*», писалъ онъ въ 1825 году. Критика отъучила Пушкина уважать ея отзывы и къ 1831 году онъ съ полнымъ правомъ могъ писать: «Все, что называется у насъ критикой, одинаково... смѣшно. Съ моей стороны я отступился: возражать серьёзно не могу, а плясать передъ публикою не намѣренъ».

И между тѣмъ едва ли какой-нибудь русскій поэтъ, до Пушкина, такъ глубоко убѣжденъ былъ въ просвѣтительномъ, въ общественномъ значеніи литературной критики. «Состояніе критики (пишетъ Пушкинъ) показываетъ степень образованности всей литературы вообще». Великій поэтъ думаетъ такъ, потому что убѣжденъ въ неразрывной связи «истинной критики» съ общественнымъ, или (какъ онъ выражался) «общимъ» мнѣніемъ. Одну изъ причинъ неуспѣха въ публикѣ стихотвореній Баратынскаго Пушкинъ видитъ въ «отсутствіи критики и общаго мнѣнія», и тутъ же прибавляетъ: «у насъ литература не есть потребность народная: писатели получаютъ извѣстность *посторонними обстоятельствами;* публика мало ими занимается; классъ писателей *ограниченъ*, и *имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи*, — о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т.-е. на-обумъ, по наслышкѣ, безъ

всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ».

Ахъ! еслибы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за *меня* своей указкой
Другого строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?..

«Гдѣ же критика? (спрашиваетъ поэтъ). Литература кой-какая есть, а критики нѣтъ»... Вѣрный своему идеалу объ общественномъ значеніи литературы, Пушкинъ настойчиво и постоянно высказываетъ убѣжденіе въ необходимости «истинной», не личной, а принципіальной критики, которая имѣла бы силу стать покровительницею общественнаго мнѣнія и могущественно поддерживать новое, мы готовы сказать — реальное направленіе русской поэзіи. «Голосъ *истинной* критики необходимъ у насъ: *нужно забрать въ руки общее мнѣніе* и дать *нашей словесности новое, истинное направленіе*». Итакъ, цѣль критики двоякая, по Пушкину: направленіе общественнаго мнѣнія и созданіе въ нашей литературѣ новаго направленія. Между тѣмъ, по признанію поэта, современная ему критика была «ниже даже и публики, не только самой литературы». Содѣйствіе утвержденію въ нашей литературѣ критики, въ которой Пушкинъ видѣлъ не просто «уложеніе вкуса», рано дѣлается пламенною мечтою поэта. Такая потребность истекала изъ сознанія, что литература должна быть общественною силою и что «общее мнѣніе» ею создается и питается; а общее мнѣніе Пушкинъ ставилъ необыкновенно высоко. «Уважай общее мнѣніе (пишетъ онъ въ планѣ ученія Великаго Князя Наслѣдника): оно часто бывало просвѣтителемъ монарха; оно — вѣрнѣйшій его помощникъ». Пролагая русской поэзіи новые пути, Пушкинъ не могъ не видѣть, что реформаціонныя усилія геніальнаго поэта находятъ въ «истинной критикѣ» живой, необходимый комментарій, завоевывающій въ «общемъ мнѣніи» сознательное сочувствіе новому литературному направленію и, слѣдовательно, развивающій то направленіе, упрочивающій оное разрушеніемъ старыхъ предразсудковъ. Въ сознаніи этой мысли, отыскивая себѣ въ сферѣ критики такой же опоры, какую нашелъ, какъ поэтъ, въ Гоголѣ, Пушкинъ сѣтуетъ: «Критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова и Хераскова. Кумиръ Державина — $^1/_4$ золотой,

$^3/_4$ свинцовый—донынѣ еще не оцѣненъ. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ». Пушкинъ завидуетъ нѣмцамъ, у которыхъ критика предшествовала литературѣ. Онъ радуется тому, что нѣмецкая философія, «особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей» и что ихъ благотворное вліяніе часъ отъ часу «становится болѣе ощутительно». Пушкинъ съ жаромъ поддерживаетъ «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ ожидаетъ создать столь желанный ему критическій органъ. Мысль о необходимости *критическаго* журнала и *политической* газеты неотвязчиво преслѣдуетъ Пушкина, почти съ самаго начала царствованія императора Николая. «Пора задушить альманахи, осужденные на эфемерное существованіе. Журналы вездѣ управляютъ общимъ мнѣніемъ»... Потребность постояннаго періодическаго изданія, которое забрало бы въ руки общее мнѣніе, особенно усиливается въ Пушкинѣ послѣ изданія «Бориса Годунова»,—въ то время, когда онъ созналъ, что «силы его развились совершенно». Пріемъ, оказанный критикою «Борису Годунову», только укрѣпилъ поэта въ сознаніи необходимости создать органъ здравой литературной критики, «забрать въ руки общее мнѣніе». Оскорбленный презрительнымъ отношеніемъ критики къ одному изъ самыхъ дорогихъ для него созданій, въ минуту порывистаго отчаянія, Пушкинъ высказалъ даже мысль: «нововведенія опасны и, кажется, не нужны». Но порывъ былъ непродолжителенъ. Великій воспитатель эстетическаго вкуса въ русскомъ обществѣ, уже успѣвшій совершить «преобразованіе нашей драматической системы», сознавалъ свое значеніе какъ поэта и направителя «общаго мнѣнія», и спокойно замѣтилъ: «строгость и равнодушіе публики теперь мало имѣютъ вліянія на мои труды».

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ.
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ...
Ты самъ свой высшій судъ.

«Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ».

Надежды вѣщаго поэта исполнились еще при жизни его.

Почти въ одно время съ Гоголемъ, явился такой критикъ, какого пламенно звалъ Пушкинъ. То былъ человѣкъ, воспитанный сколько московскимъ кружкомъ, занимавшимся нѣмецкою философіею, столько — если не болѣе — произведеніями Пушкина и тѣмъ литературнымъ движеніемъ, которому поэтъ придалъ «мощный бѣгъ». И тотъ критикъ, забравшій въ свои твердыя руки общее мнѣніе и воспитавшій своимъ вліяніемъ послѣдующія поколѣнія, въ лучшемъ изъ своихъ сочиненій оставилъ превосходный комментарій къ твореніямъ Пушкина, который образовалъ въ немъ чистый эстетическій вкусъ и поселилъ непреклонное убѣжденіе, что литература есть великая общественная сила. Бѣлинскій положилъ начало исторической критикѣ русскихъ писателей, о которой мечталъ Пушкинъ, и, подъ вопли старой школы, исполнилъ программу великаго поэта — развѣнчалъ литературные авторитеты той школы. По глубоко-вѣрному замѣчанію одного изъ современныхъ даровитыхъ критиковъ, Пушкинъ «былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей».

На высоту служенія общественному развитію, общественной мысли поднималъ Пушкинъ русскую поэзію. Движеніе, литературнымъ выраженіемъ коего былъ романтизмъ, вызывало къ жизни новую идею—національность, новаго героя—народъ. При той непосредственности отношенія къ дѣйствительности, которою отличался Пушкинъ, рано понятъ былъ поэтомъ русскій общественный недугъ его времени—крѣпостное право. Въ 1819 году поэтъ уже высказалъ свой идеалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Позднѣе онъ развилъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ. Желаніе лучшаго соединитъ всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, *мирное* единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы». Вотъ гдѣ находилъ Пушкинъ условіе нашей политической свободы и нашего просвѣщенія. Обращеніе къ быту, исторіи, безъискусственной поэзіи нашего народа сопровождало творческую дѣятельность Пушкина въ пору его зрѣлости. Критика того времени понимала народность въ самомъ узкомъ смыслѣ, поверх-

ностно, и въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» не находила другихъ слѣдовъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. Пушкинъ пишетъ: «Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, изъясняясь порусски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи». Вотъ почему «съ любопытствомъ и благоговѣніемъ» обращался Пушкинъ къ «стариннымъ памятникамъ нашей словесности, чтобы, въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа наблюдать исторію нашего народа». Вотъ почему, соединяя идею національности съ сознаніемъ необходимости европейскаго просвѣщенія, Пушкинъ благоговѣетъ передъ Петромъ Великимъ, признавая его войны «благодѣтельными и плодотворными», чтя «успѣхъ народнаго преобразованія», когда «европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы». Вотъ почему въ эпоху высшаго прояснeнія своихъ художественныхъ идей, одновременно съ углубленіемъ въ «народное» творчество Шекспира, Пушкинъ изучаетъ старыя русскія лѣтописи, памятники бытовой исторіи русскаго народа, въ родѣ *Урядника сокольничья пути*, собираетъ народныя пѣсни и записываетъ народныя пословицы, въ родѣ: *иже не ври же, его же не пригоже*, думая и въ этомъ изреченіи найти поддержку своимъ нападкамъ на *Бесѣду славяно-руссовъ* и замѣчая: «и въ старину острились надъ непонятнымъ народу книжнымъ языкомъ».

Нужно ли говорить, что поэзіи Пушкина, съ широтою и глубиною ея содержанія, не былъ пригоденъ старый литературный языкъ какой-нибудь славяно-русской «Бесѣды». Рано высказалъ Пушкинъ желаніе, чтобъ «его поняли всѣ отъ мала до велика». «Надобно дать языку нашему болѣе воли», постоянно твердитъ онъ. И дѣйствительно, Анненковъ справедливо замѣчаетъ: «Никогда великій иностранный образецъ, если бы даже и былъ понятенъ всему кругу читателей, не дастъ и въ половину того, что̀ даетъ читателямъ художникъ родного слова».

Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ,
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?

Современную критику, указавшую ему въ періодъ его поэтической дѣятельности «только пять грамматическихъ ошибокъ», Пушкинъ обращаетъ къ роднику литературной рѣчи— народному языку: «разговорный языкъ простого народа (говоритъ онъ) достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Въ литературномъ языкѣ Пушкина нашли себѣ примиреніе всѣ стихіи русской рѣчи: все подготовленное исторіею богатство оной слито было Пушкинымъ въ гармоническое цѣлое, которое служитъ основою современнаго литературнаго языка.

Милостивые государи!

Въ могущественномъ одушевленіи, охватывающемъ, въ настоящее время, всю образованную Россію безъ различія мнѣній, партій, направленій, въ этомъ одушевленіи, вызванномъ возвращеніемъ къ нашему литературному прошедшему, не выражается ли общественная потребность освѣженія чистыми и высокими идеалами искусства? И теперь, когда сдернута пелена съ дорогого изображенія вѣщаго поэта, не прозрѣваемъ ли и мы съ большею ясностію справедливость мысли Пушкина: «Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны; и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и уступаютъ мѣсто другому, — одна поэзія остается на своемъ неподвижно и не теряетъ своей младости». Пусть же «вѣчно-юная поэзія» Пушкина, эта національная наша гордость,—укрѣпляетъ общественную мысль; пусть своими благодатными струями, съ новою силою, оживляетъ она наше молодое поколѣніе, нашу школу.

Ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ Солнце! да скроется тьма!

Н. Тихонравовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1880.

— *Критика отвлеченныхъ началъ*, Владиміра Соловьева. Москва, 1880.
— *Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ“ В. Соловьева*, В. Д. Вольфсона. Петербургъ, 1880.
— *Пути къ раціональному міровоззрѣнію.* Часть I. О назначеніи человѣка, I. Г. Фихте, переводъ Ипполита Панаева. Часть II. Отголосокъ чрезъ восемьдесять лѣтъ, Ипполита Панаева. Петербургъ, 1880.
— *Философія Шопенгауера.* Часть I. Князя Д. Цертелева. Петербургъ, 1880.

Никогда еще, кажется, въ нашей философской литературѣ не было замѣтно такого наружнаго оживленія, какъ въ нынѣшнемъ году. Къ сочиненіямъ гг. Соловьева, Панаева, кн. Цертелева и вызванной первымъ изъ нихъ брошюрѣ г. Вольфсона слѣдуетъ прибавить еще обширный трудъ г. Н. Грота: „Психологія чувствованій“, и изслѣдованіе г. Каринскаго: „Классификація выводовъ“, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Одновременно съ этими оригинальными сочиненіями появляется переводъ послѣднихъ произведеній Спенсера („Основанія нравственности“) и Льюиса („Изученіе психологіи“). Останавливаясь пока на книгахъ гг. Соловьева, Панаева и кн. Цертелева, мы замѣтимъ прежде всего, что ни на одной изъ нихъ не отразилось господствующее теченіе современной западно-европейской философіи. При всемъ несходствѣ ихъ между собою, онѣ имѣютъ одну общую черту (общую имъ и съ книгой г. Чичерина: „Наука и религія“): болѣе или менѣе отрицательное отношеніе къ позитивизму и его новѣйшему видоизмѣненію—критической философіи. Чѣмъ полнѣе выражается извѣстное воззрѣніе, тѣмъ лучше не только для приверженцевъ, но и для противниковъ его. Мы жалѣемъ, поэтому, не объ одновременномъ появленіи нѣсколькихъ сочиненій метафизической окраски, а только о томъ, что давно—со времени выхода въ свѣтъ послѣдней книги г. Лесевича—не появлялось сочиненій противоположнаго оттѣнка. Объясненіемъ этому

ИЗЪ
ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ТРИ ПИСЬМА [1]).

I *).

А. С. Пушкинъ—С. И. Тургеневу.

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичь, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ каран-

---

[1]) Эти документы находились въ архивѣ покойнаго Николая Ивановича Тургенева, и съ обязательной готовностью сообщены мнѣ его семействомъ. Считаю излишнимъ распространяться объ ихъ важности особенно въ нынѣшнее время, когда общественное вниманіе съ новой силой обращено на все касающееся до Пушкина. Письмо Сергѣя Львовича (отца Александра Сергѣевича)—знаменательно тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ участіи Александра Ивановича Тургенева въ судьбахъ нашего великаго поэта, о томъ участіи, которымъ по праву гордится все семейство Тургеневыхъ. Одно изъ писемъ поэта, написанное въ Кишиневѣ, вскорѣ послѣ его ссылки, адрессовано Александру Ивановичу; другое, изъ Одессы — младшему изъ братьевъ Тургеневыхъ, Сергѣю Ивановичу, только что возвратившемуся изъ Константинополя, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ при посольствѣ; оба письма бросаютъ яркій свѣтъ и на тогдашнее положеніе поэта, и на строй его мыслей и убѣжденій.

Ив. Тургеневъ.

Парижъ. 28-го окт. / 9-го ноября — 1880.

*) Текстъ писемъ печатается съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи оригинала.
Ред.

тинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня какъ зараженаго какой то либеральною чумою.—Скоро-ли увидити вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашаго Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана [1]) брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю—но до сихъ поръ неотвѣчалъ—надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ—а Долгорукой меня забылъ.

Пушк.

21 авг. (1821 г.?)

II.

А. С. Пушкинъ — А. И. Тургеневу.

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ неприятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—Вандалъ, придворный .... и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда—но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя пере-

[1]) Николая Ивановича Тургенева.

мѣна министерства обрадовала бы меня въполнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цалую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицыной constitutionelle ou Anti-constitutionelle mais toujours adorable comme la liberté!

А. П.

14 juillet (1823 г.?)

III.

С. Л. Пушкинъ — А. И. Тургеневу.

Я бы желалъ чтобъ въ заключеніи біографическихъ записокъ о покойномъ Александрѣ сказано было, то что сохраниться въ сердцѣ и памяти моей до послѣдней минуты моей жизни.— Александръ Ивановичь Тургеневъ былъ главнымъ, *единственнымъ* орудіемъ помѣщенія его въ Сарско-Сельской *Импер.* Лицѣй и ровно чрезъ 25-ть лѣтъ, онъ же проводилъ тѣло его на вѣчное, послѣднѣе жилище!

Вотъ почтеннѣйшій и любезный Александръ Ивановичь записка которою я просилъ бы васъ передать К. П. А. Вяземскому, какъ одному изъ Издателей Собранія Сочиненіевъ А.—Да узнаетъ Россія, что вамъ она обязана любимымъ ею Поэтомъ, а я какъ отецъ, поставляю за утѣшительною обязанность изъявить вамъ все чѣмъ исполнено мое сердце.—Неблагодарность никогда не была моимъ порокомъ. Простите будьте вездѣ счастливы какъ будете вездѣ любимы.—Не знаю увижу ли васъ, но покуда живъ, буду любить, и вспоминать о васъ съ благодарностію.

Искренно-почитающій васъ
Сергѣй Пушкинъ.

Іюня 4-го 1837.
Москва.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1880.

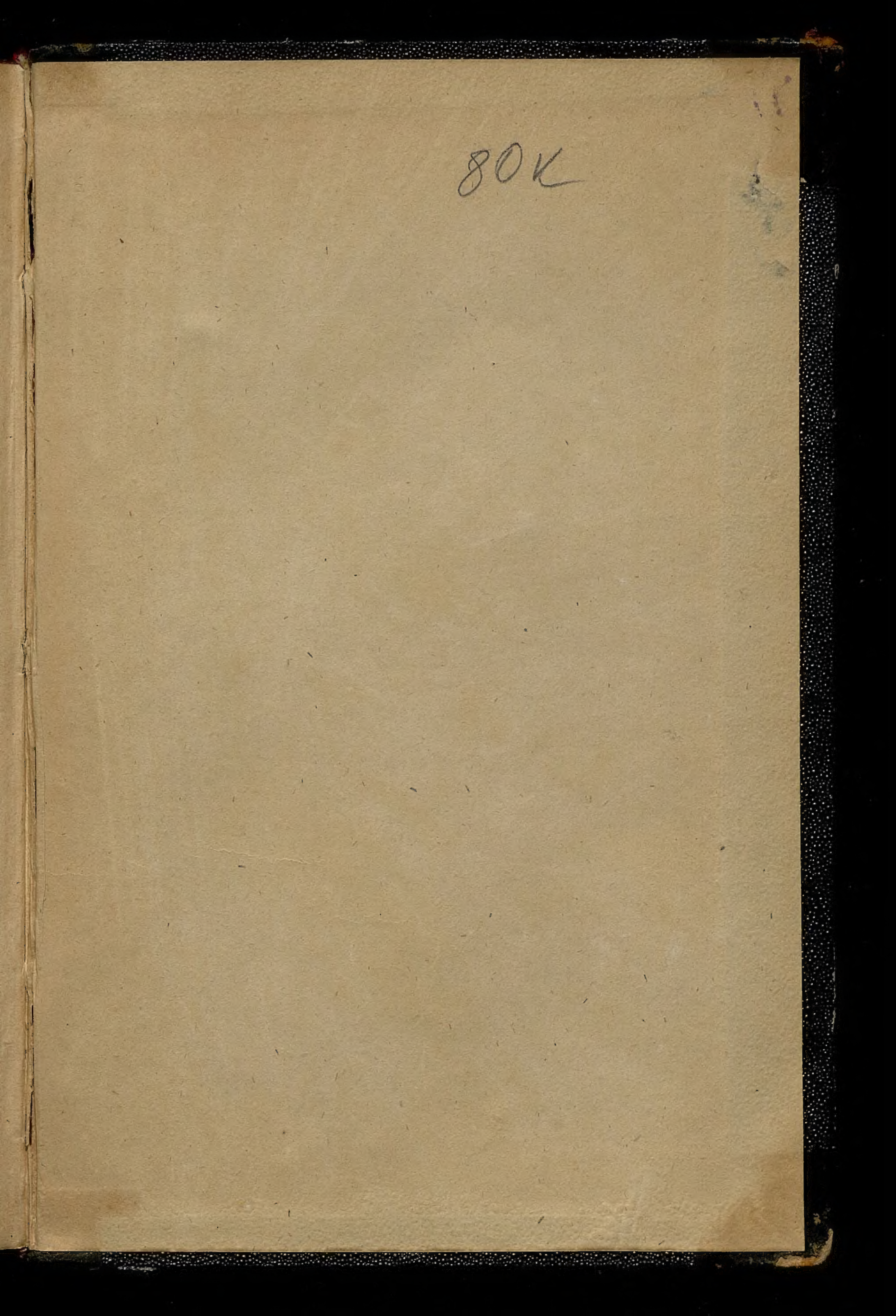
I.

— *Н. С. Лѣсковъ.* Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натуры. Второе изданіе, вновь авторомъ пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, съ тремя приложеніями. Спб. 1880.

Трудъ г. Лѣскова, печатавшійся впервые, если не ошибаемся, въ газетѣ, въ настоящемъ изданіи является передъ читателями въ третій разъ—успѣхъ, который объясняется, быть можетъ, не столько талантомъ извѣстнаго романиста, сколько новостью и особеннымъ интересомъ сюжета. „Архіерейская жизнь" была предметомъ несомнѣнно новымъ; до самаго послѣдняго времени архіерейская жизнь и архіереи были закрыты отъ всякаго литературнаго прикосновенія: какъ во времена Гоголя о чиновникѣ можно было говорить только до извѣстнаго чина, а выше этого чина литература не могла осмѣлиться ихъ затрогивать, такъ или даже еще больше она не могла говорить объ архіереяхъ, — конечно, за исключеніемъ тона благоговѣйной покорности и „притрепетности". Возможность ввести наконецъ этотъ предметъ въ литературное сужденіе можетъ стать очень важнымъ фактомъ въ развитіи нашей печати; наша печать есть доселѣ единственный органъ общественнаго мнѣнія,—стало быть, еще новая сторона нашей жизни начала бы входить въ наше сознаніе. И эта сторона безспорно—до чрезвычайности важная. Архіереи—главные представители нашей церковности, и, какъ ни твердятъ славянофилы объ абсолютномъ превосходствѣ нашей церковной идеи и обычая надъ западными, на дѣлѣ наша „община" не имѣла въ церковномъ дѣлѣ никакого голоса; о представителяхъ церковности она буквально не могла пикнуть, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о существѣ церковнаго обычая... Какую существенную роль не только въ

8p

1441

80K

